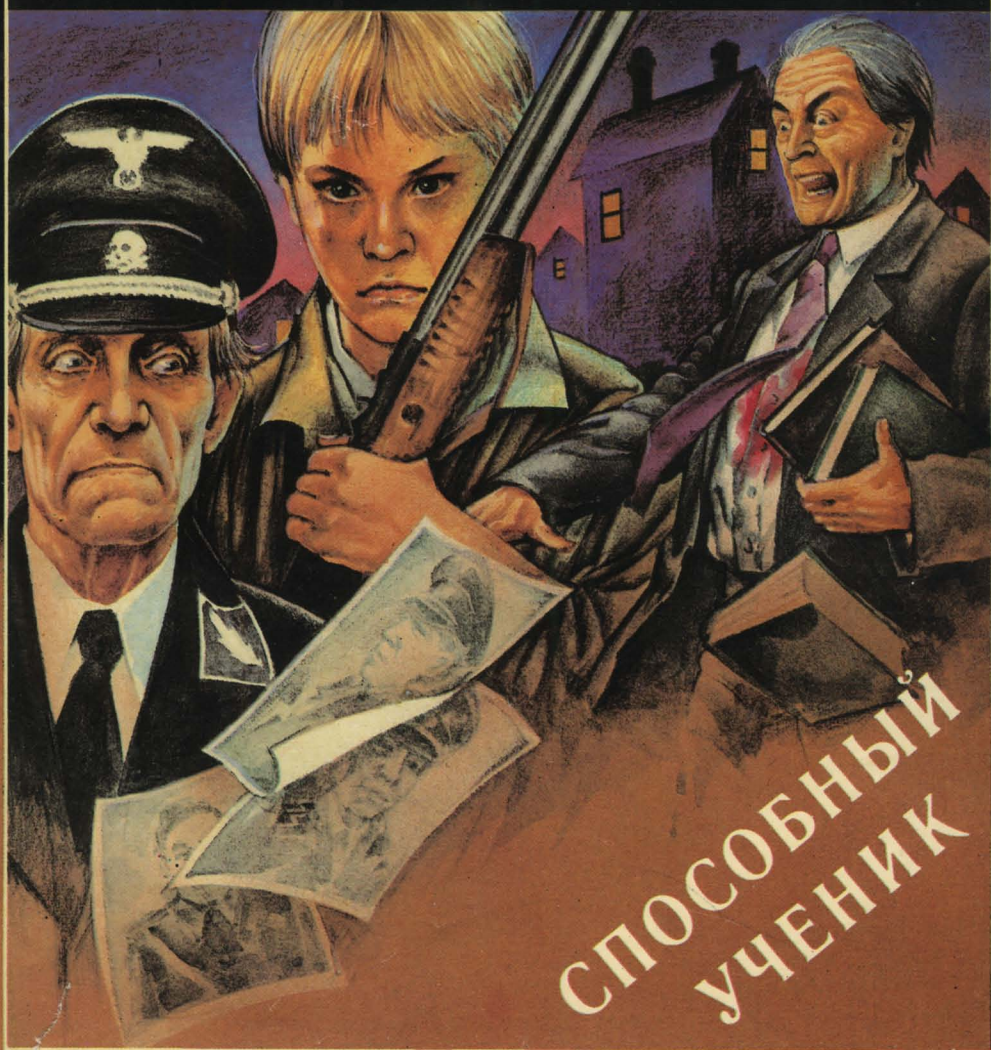

СТИВЕН КИНГ

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

**МАСТЕРА
ОСТРОСЮЖЕТНОЙ
МИСТИКИ**

МАСТЕРА ОСТРОСЮЖЕТНОЙ МИСТИКИ

Стивен Кинг
**СПОСОБНЫЙ
УЧЕНИК**

Львов
СИГМА
1995

Мастера остросюжетной мистики

Выпуск 28

Stephen King

STORIES

Стивен Кинг

СПОСОБНЫЙ УЧЕНИК: повесть, рассказы

Copyright © 1975 - 1982 by Stephen King

ISBN 0-451-14724-9

СПОСОБНЫЙ УЧЕНИК

Он крутил педали своего велосипеда с изогнутым рулем, держась середины пригородной улочки, — американский подросток с рекламной картинки, а почему бы и нет? Тодд Боуден: тринадцать лет, нормальный рост, здоровый вес, волосы цвета спелой пшеницы, голубые глаза, ровные белые зубы, загорелое лицо, не испорченное даже намеком на возрастные прыщики.

При желании можно было завернуть домой, но он крутил педали, не сворачивая, он пролетал через частокोल света и тени и улыбался, как можно улыбаться только летом, когда у тебя каникулы. Такой подросток мог бы развозить газеты, что, кстати, он и делал: доставлял подписчикам «Клэрион», выходящую в Санто-Донато. А еще такой подросток мог бы продавать за небольшое вознаграждение поздравительные открытки, что, кстати, он тоже недавно делал. На открытках впечатывали фамилию заказчика — ДЖЕК И МЭРИ БЕРК, или ДОН И САЛЛИ, или МЕРЧИСОНЫ. Такой паренек мог бы насвистывать во время работы, и, надо сказать, Тодд часенько насвистывал. Причем довольно приятно. Его отец, инженер-строитель, зарабатывал сорок тысяч в год. Его мать окончила колледж по специальности французский язык и познакомилась с будущим мужем при обстоятельствах, когда тому позарез нужен был репетитор. В свободное время она печатала на машинке. Все годовые аттестаты Тодда хранила в специальной папке. С особым трепетом относилась к аттестату за четвертый класс, на котором миссис Апшоу написала: «Тодд — на редкость способный ученик». А разве нет? Одни «пятерки» и «четверки». Он

мог еще прибавить — учиться, скажем, только на «пятерки», — но тогда кое-кто из его друзей мог бы подумать, что он «немножечко того».

Он затормозил у дома номер 963 по Клермонт-стрит. Неприметный домик прятался в глубине участка. Белые стены, зелененькие ставни и такого же цвета отделка. Перед фасадом живая изгородь, хорошо политая и подстриженная.

Тодд откинул со лба прядь волос, спешил и покатил велосипед по цементной дорожке, что вела к крыльцу. Улыбка не сходила с его лица — открытая и обворожительная, она как бы предвосхищала приятную встречу. Носком кеда он опустил велосипедный упор и вытащил из-под багажника сложенную газету. Это была не «Клэрион», это была «Лос-Анджелес таймс». Он сунул газету под мышку и взошел по ступенькам. Справа звонок, под ним две аккуратно привинченные дощечки, закрытые от дождя пластмассовыми накладками. «Немецкая предусмотрительность», — подумал Тодд, и еще шире улыбнулся. Такое могло прийти в голову только взрослому, и Тодд мысленно похвалил себя. Не в первый раз.

На верхней дощечке: АРТУР ДЕНКЕР.

На нижней: ПОЖЕРТВОВАНИЙ НЕ ПРОСИТЬ. ТОВАРЫ НЕ ПРЕДЛАГАТЬ.

Тодд, улыбаясь, нажал на кнопку.

Звонок, едва слышный, отозвался в недрах дома. Тодд приложил ухо к двери — тишина. Он взглянул на свой «Таймекс» (часы в числе прочего ему вручили за распространение поздравительных открыток) — двенадцать минут одиннадцатого. Пора бы и встать. Сам Тодд вставал не позднее половины восьмого, даже в каникулы. Кто рано встает, того удача ждет.

Он подождал полминуты и, не дождавшись шагов, нажал на звонок. Через семьдесят одну секунду, по часам, послышались шаркающие шаги. Домашние тапочки — определил он по звуку. Тодд постоянно прибежал к дедуктивному методу. Он мечтал, когда вырастет, стать частным детективом.

— Да слышу, слышу! — донесся сварливый голос человека, выдававшего себя за Артура Денкера. — Сейчас! Хватит трезвонить! Сейчас, говорю!

Тодд отпустил кнопку звонка.

Звякнула цепочка, лязгнул запор. Наконец дверь открылась. На пороге стоял старик в заношенном халате с загнутым воротом и лацканом, выпачканным соусом: не то «чили», не то «кетчупом». Между пальцев тлела сигарета. Тодд подумал, что старик похож на Альберта Эйнштейна и одновременно на киноактера Бориса Карлоффа. Длинные седые волосы, отдававшие желтизной, которая вызывала ассоциацию, увы, не со слоновой костью, а с никотином. Лицо морщинистое, помятое после сна. Не без неприязни Тодд про себя отметил, что у старика двухдневная щетина. «Выбритое лицо — это солнышко в пасмурный день», — любил говорить отец, брившийся и в будни и по выходным.

На Тодда настороженно смотрели глубоко запавшие, с красными прожилками глаза. И опять секундное разочарование: этот тип в самом деле похож на Альберта Эйнштейна и на Бориса Карлоффа, но еще больше — на старого замызганного пьяницу, вроде тех, что околачиваются на станции.

— Мальчик, — произнес он, — мне ничего не нужно. Прочитай, что там написано. Ты умеешь читать? Хотя что я спрашиваю, все американские мальчики умеют читать. Так что постарайся впредь меня не беспокоить. Будь здоров.

Он начал закрывать дверь.

— Вы забыли свою газету, мистер Дюссандер, — сказал Тодд, предупредительно протягивая «Таймс».

Дверь остановилась. В глазах Курта Дюссандера промелькнула настороженность. Всего лишь настороженность — не страх. Молодчина, здорово он овладел собой! И все же Тодд в третий раз испытал разочарование. Он не ждал от Дюссандера хорошей реакции... он ждал от Дюссандера блестящей реакции.

«Слабак, — презрительно подумал Тодд. — Ну и слабак».

Паукообразная рука просунулась в щель и ухватилась за конец газеты.

— Давай ее сюда.

— Да, мистер Дюссандер. — Тодд выпустил свой конец. Паук втянул лапку внутрь.

— Моя фамилия Денкер, — сказал старик, — а не Дюзандер. Оказывается, ты не умеешь читать. Очень жаль. Будь здоров.

И снова дверь начала закрываться. Тодд одним духом выпалил в сужающуюся щель:

— Берген-Бельзен, с января по июнь сорок третьего. Аушвиц, с июня сорок третьего по июль сорок четвертого, Unterkommandant¹. Патэн...

Дверь приостановилась. Мешки под глазами на землисто-сером лице казались складками на съезжившемся воздушном шаре, висящем в просвете. Тодд улыбался.

— Из Патэна вы бежали перед приходом русских. Добрались до Буэнос-Айреса. Говорят, там вы разбогатели, вкладывая вывезенное из Германии золото в торговлю наркотиками. Неважно. С пятидесятого по пятьдесят второй вы жили в Мехико. А потом...

— Мальчик, у тебя не все дома. — Скрюченный артритом палец описал несколько кругов у виска. Но при этом слишком уж явно задрожали губы.

— Что было с пятьдесят второго по пятьдесят восьмой — не знаю, — продолжал Тодд с еще более лучезарной улыбкой. — Никто, я думаю, не знает, во всяком случае, сведения не просочились. Но перед тем как власть на Кубе захватил Кастро, вас обнаружили в Гаване, вы работали консьержем в большом отеле. Вас потеряли из виду, когда повстанцы вошли в город. В шестьдесят пятом вы вынырнули в Западном Берлине. И там вас чуть не взяли за жабры. — Последнее слово у него прозвучало особенно сочно. При этом пальцы сжались в кулаки. Взгляд Дюссандера невольно упал на его руки, подвижные, сноровистые, руки американского мальчишки, со-

¹ Помощник коменданта (нем.).

зданные, чтобы мастерить гоночные лодки из мельниц и модели кораблей. Тодд отдал дань тому и другому. Всего год назад они с отцом построили модель «Титаника». На это у них ушло четыре месяца, модель и по сей день стоит в отцовском кабинете.

— Я не знаю, о чем ты, — сказал Дюссандер. Без вставной челюсти вместо слов во рту у него получалась каша, и это не нравилось Тодду. Выходило как-то... неудобительно, что ли. Полковник Клинк в фильме «Молодчики Хогана» и тот больше походил на нациста, чем Дюссандер. Но в свое время этот тип выглядел, конечно, будь спок. В статье, напечатанной в журнале «Менз экшн», автор назвал его «Упырь из Патэна». — Убирайся-ка ты лучше подобра-поздорову. Пока я не позвонил в полицию.

— А что, и позвоните, мистер Дюссандер. *Герр* Дюссандер, если вам так больше нравится. — Улыбка не сходила с его губ, обнажая великолепные зубы, по которым три раза в день проходила зубная щетка и паста с богатым содержанием фтора. — После шестьдесят пятого вас уже никто не видел... только я, когда два месяца назад узнал вас в городском автобусе.

— Да ты помешанный.

— Так что, если хотите позвонить в полицию, — продолжал с улыбкой Тодд, — валяйте. Я подожду на крыльце. Но если вам не к спеху, то почему бы мне не войти? Посидим, поговорим.

Несмотря ни на что, в голове Тодда шевелился червячок сомнения. А вдруг ошибка? Это тебе не упражнение в учебнике. Это настоящее. Вот почему он почувствовал огромную радость (*легкую* радость, как он уточнит для себя позднее), когда Дюссандер сказал:

— Ты, конечно, можешь зайти на минутку. Просто я не хочу, чтобы у тебя были неприятности, понятно?

— Еще бы, мистер Дюссандер, — сказал Тодд, переступая порог. Хозяин закрыл за ним дверь, словно отрезав утро.

В доме пахло затхлостью и спиртным. Такие запахи иногда держались по утрам и у них дома, после вечеринки

накануне, пока мама не открывала настежь окна. Правда, тут было похуже. Тут запахи въелись и все собой пропитали. Запахи алкоголя, подгоревшего масла, пота, старой одежды и еще лекарства — ментола и, кажется, валерьянки. В прихожей темнотища, и рядом этот Дюссандер — втянул голову в ворот, этакий гриф, стервятник, ждущий, когда раненое животное испустит дух. Сейчас, невзирая на двухдневную щетину и обвислую, дряблую кожу старика, Тодд явственно увидел перед собой офицера в черной эсэсовской форме; на улице, при дневном свете, воображение не бывало столь услужливым. Страх, точно ланцет, полоснул Тодда по животу. *Легкий* страх, поправится он позднее.

— Имейте в виду, если со мной что-нибудь случится...

Дюссандер презрительно отмахнулся и прошаркал мимо него в своих шлепанцах, как бы приглашая за собой в гостиную. Тодд почувствовал, как кровь прихлынула к щекам. Улыбка увяла. Он последовал за стариком.

И вот еще одно разочарование, которое, впрочем, можно было ожидать. Ни тебе писанного маслом портрета Гитлера с упавшей челкой и неотступным взглядом. Ни тебе боевых медалей под стеклом, ни почетного меча на стене, ни «люгера» или «вальтера» на камине (и самого-то камина, сказать по правде, не было). Все правильно: что он, псих, что ли, выставлять такие вещи на обозрение. Тодд не мог внутренне не согласиться с этим доводом, и все же трудно было вот так сразу выкинуть из головы то, чем тебя пичкали в кино и по телевизору. Он стоял в гостиной одинокого старика, живущего на худосочную пенсию. Допотопный «ящик» с комнатной антенной — концы металлических рожек обмотаны фольгой для лучшего приема. На полу облысевший серый коврик. На стене вместо портрета Гитлера свидетельство о гражданстве в рамке и фотография женщины в чудной шляпке.

— Моя жена, — с чувством произнес Дюссандер. — Она умерла в пятьдесят пятом... легкие. Не знаю, как я пережил это.

К Тодду вернулась его улыбка. Он пересек комнату якобы затем, чтобы получше рассмотреть женщину на фотографии, а сам пощупал пальцами абажур настольной лампы.

— Перестань! — рявкнул на него Дюссандер. Тодд даже слегка отпрянул.

— Отлично, — сказал он с искренним восхищением. — Сразу чувствуется начальник. А кстати, это Ильза Кох придумала делать абажуры из человеческой кожи?

— Я не знаю, о чем ты, — сказал Дюссандер. На «ящике» лежала пачка «Кулэ» без фильтра. Он протянул пачку.

— Хочешь? — Его лицо исказила жутковатая ухмылка.

— Нет. Это может кончиться раком легких. Мой папа раньше курил, а потом бросил. Даже вступил в общество некурящих.

— Ну-ну, — Дюссандер как ни в чем не бывало извлек спичку из кармана халата и чиркнул ею о пластиковую поверхность «ящика». Затянувшись, он сказал: — Лично я не вижу причин, почему бы мне сейчас же не позвонить в полицию и не рассказать, какую чудовищную напраслину тут на меня возводят. А ты видишь? Только отвечай быстро, мальчик. Телефон в прихожей. Представляю, как тебя выпорот отец. Неделю будешь подкладывать под себя подушечку.

— Мои родители всегда были против порки. Телесные наказания не решают проблемы, а только усугубляют ее. — Внезапно глаза Тодда заблестели. — А вы их поролли? Женщин? Раздевали их догола и...

Дюссандер издал какой-то сдавленный звук и направился в прихожую.

— Я бы не советовал, — произнес Тодд ледяным голосом.

Дюссандер повернулся. Он заговорил четко и размеренно. Если что и смазывало эффект, так это отсутствие вставной челюсти.

— Еще раз, последний, повторяю: меня зовут Артур Денкер. Артуром, кстати, отец меня назвал в честь Конан

Дойла, чьи рассказы приводили его в восхищение. Я никогда не был Дюзандером, или Гиммлером, или Дедом Морозом. В войну я был лейтенантом запаса. Я никогда не принадлежал к нацистской партии. Мое участие в боевых действиях ограничилось тремя неделями боев в Берлине. Не скрою, в конце тридцатых, еще в первом браке, я симпатизировал Гитлеру. Он покончил с депрессией и в каком-то смысле восстановил нашу национальную гордость, которую мы потеряли в результате унижительного и бесчестного Версальского мира. Тогда, в тридцатых, он казался мне великим человеком. Он и был по-своему великим. Но под конец он безусловно свихнулся — посылать в бой несуществующие армии по указке звездочета! Отравить Блонди, свою любимую собаку! Поступки безумца. Они все обезумели — заставляли собственных детей глотать капсулы с ядом и при этом распевали «Хорст Вессель». Второго мая сорок пятого года мой полк сдался американцам. Помню, как солдат по фамилии Хакермейер угостил меня шоколадом. Я даже заплакал. Меня поместили в лагерь для интернированных в Эссене. К нам хорошо относились. Мы следили за Нюрнбергским процессом по радио, и когда Геринг покончил с собой, я обменял американские сигареты на бутылку шнапса и напился на радостях. После освобождения я устроился на завод «Эссентор» — ставил колеса на автомобили. В шестьдесят третьем вышел на пенсию и вскоре переехал в Соединенные Штаты. Это была мечта моей жизни. В шестьдесят седьмом я получил гражданство. С тех пор я американец. Голосую на выборах. Никакого Буэнос-Айреса. Никакой торговли наркотиками. И Западного Берлина не было. И Кубы... А теперь иди, иначе я звоню в полицию.

Тодд не двигался с места. Старик вышел в прихожую, снял трубку. Тодд словно застыл возле настольной лампы.

Дюссандер начал набирать номер. Тодд не отрываясь смотрел на него, и сердце готово было выпрыгнуть из груди. После четвертой цифры Дюссандер обернулся и встретился с ним взглядом. Вдруг плечи старика поникли. Он положил трубку на рычаг.

— Как ты узнал?

— Много труда и чуть-чуть удачи, — скромно ответил Тодд, озаряя собеседника дружелюбной улыбкой. — У меня есть друг, Хэролд Пеглер, но вообще-то все его зовут Лис. У него нюх. Мы, когда играем в бейсбол, ставим его на вторую базу. А у отца Лиса не гараж, а клад. Горы журналов, и все про войну. Фотографии фрицев, в смысле немецких солдат, и япошек, пытающих разных женщин. Статьи про концлагеря. Я от всего этого прямо балдею...

— Что ты от них... балдеешь? — Дюссандер оторопело смотрел на него, потирая ладонью щеку. Звук был такой, будто он проходил по ней наждачной бумагой.

— Ну да. В смысле ловлю кайф. Получаю удовольствие.

«Это может произойти совершенно для вас неожиданно, — разглагольствовала миссис Андерсон, учившая их в пятом классе. — Вы столкнетесь с чем-то новым и вдруг поймете: вот он, мой ГЛАВНЫЙ ИНТЕРЕС. Это все равно, что повернуть ключ в замке. Или в первый раз влюбиться. Вот почему, дети, так важен День выбора профессии — в этот день вы, может быть, найдете главный интерес в своей жизни». Тогда Тодд отнесся к словам миссис Андерсон как к полной галиматье, но много позже, в гараже у Лиса, ему вспомнились эти слова, и он подумал, что она была, возможно, не так уж далека от истины. Он переворачивал страницы слежавшихся журналов, и от смешанного чувства отвращения и непреодолимого любопытства у него разболелась голова, глаза же от напряжения начали слезиться, но он продолжал читать, и вдруг из текста под фотографией усеянного трупами места под названием Дахау на него выскочила цифра:

6 000 000.

Он подумал: тут что-то напутали, кто-то по ошибке прибавил один-два нуля, во всем Лос-Анджелесе живет вдвое меньше людей! Но вот другой журнал, и вновь эта цифра: 6 000 000. Голова разболелась пуще прежнего. Во

рту пересохло. Как в тумане он услышал, что Лису пора идти ужинать. Тодд спросил, можно ли ему пока почитать в гараже. Лис удивленно взглянул на него и сказал: «Валяй». И Тодд снова с головой ушел в старые журналы, пока в конце концов до него не докричалась мать.

Это все равно, что повернуть ключ в замке...

В журналах говорилось, как это ужасно — все, что творили немцы. Но слова о том, как это было ужасно, терялись среди рекламы, предлагавшей немецкие финки, ремни и каски вместе с заговорной травой и чудо-средством для восстановления волос. Рекламировались флаги со свастикой, и пистолет «люгер», и игра под названием «Танковая атака», в которой участвовали немецкие «пантеры», а рядом печатались уроки правильного ведения корреспонденции и дурацкие советы: «Хотите разбогатеть — продавайте специальные тапочки для лифта». Да, везде говорилось, как это было ужасно, однако создавалось впечатление, что все же не стоит по такому поводу бить во все колокола.

Или в первый раз влюбиться...

И снова вспомнились слова мисс Андерсон. Она оказалась права. Он нашел в жизни свой ГЛАВНЫЙ ИНТЕРЕС.

...Дюссандер долго смотрел на Тодда. Затем пересек гостиную и тяжело опустился в кресло-качалку. И снова вглядывался в Тодда, пытаясь что-то разгадать в отрешенном, словно ностальгическом выражении его лица.

— Ну вот, — как бы очнулся Тодд. — Началось с журналов, только я тогда подумал, что там половина фактов — липа. И я пошел в библиотеку. Сначала эта поганка не хотела ничего мне давать: у них такую литературу выдают только взрослым. Но я сказал, что мне надо для школы. Если для школы, они обязаны выдавать. А эта — сразу звонить отцу. — В глазах Тодда вспыхнуло презрение. — Испугалась, поганка, что он не в курсе, видали!

— А он был в курсе?

— Ясное дело. Чем раньше, говорит отец, дети познают жизнь, тем лучше... и хорошее, и плохое. Тогда они будут

во всеоружии. Жизнь, говорит он, — это тигр, и его нужно ухватить за хвост, а не знаешь его повадки, так он слопаёт тебя в два счета.

— М-м-м, — неопределенно промычал Дюссандер.

— И мама считает так же.

— М-м-м, — опять промычал Дюссандер, точно его ударили по голове и он пока не может сообразить, где находится.

— Короче, у них там этой литературы навалом. И знаете, она пользуется большим спросом. Картинок, правда, поменьше, чем в журналах у отца Лиса, зато чернухи хватает. Стулья с таким сиденьем, утыканным шипами. Золотые коронки, вырванные плоскогубцами. Отравляющий газ, который вдруг пускали из душа вместо воды. — Тодд тряхнул головой. — Вы, конечно, все были шизанутые, тут и думать нечего.

— Как ты сказал?.. Чернуха? — с трудом выдавил из себя Дюссандер.

— Я даже написал реферат, — увлеченно продолжал Тодд, — и знаете, что я за него получил? Пять с плюсом. Пришлось, конечно, попотеть... Все эти авторы, они так пишут... ну, вроде как эта писанина у них весь сон отбила, и, чтобы, значит, и мы не спали, а то еще те ужасы опять повторятся. Я тоже написал в таком духе, и вот результат! — Лицо Тодда озарила торжествующая улыбка.

Дюссандер делал затяжку за затяжкой. Кончик сигареты подрагивал. Он выпустил из носа дым и вдруг закашлялся по-стариковски.

— Вы знали Ильзу Кох? — спросил Тодд.

— Ильзу Кох? — едва слышно переспросил Дюссандер. И после паузы сказал: — Да, я знал ее.

— Она была красивая? — оживился Тодд. — Я имею в виду... — Он изобразил в воздухе подобие песочных часов.

— Разве ты не видел ее фотографий? — спросил Дюссандер. — Ты же у нас в этом деле гурман.

— Кто я?

— Гурман. Тот, кто любит получать удовольствие... ловить кайф.

— А-а. Клевое словечко. — Угасшая было улыбка Тодда вновь расцвела. — Еще бы не видел. Но все эти перепечатки, не мне вам говорить... — Интонация была такая, словно их у Дюссандера была целая коллекция. — Черно-белые, нечеткие... что вы хотите, любительские снимки. Кто тогда знал, что это, можно сказать, история... Что, она, правда, была пышка?

— Толстая, со скверной кожей. — Дюссандер раздавил недокуренную сигарету в вазочке, наполненной бычками.

— Да-а? Надо же. — Лицо у Тодда вытянулось.

— Не все такие везучие, — раздумчиво произнес Дюссандер, глядя на Тодда. — Увидел мою фотографию в старом журнале — и на тебе!

— Ошибаетесь, мистер Дюссандер. Не все так просто. Я долго не верил, что вы — это он, не верил, пока не увидел однажды, как вы садитесь в автобус в своем блестящем черном дождевике...

— Вот оно что, — выдохнул Дюссандер.

— Ага. У Лиса в гараже, в одном из журналов, вы были сфотографированы в таком же точно дождевике. И в библиотеке я раскопал книжку — вы там в эсэсовском плаще, вроде этого. Я сразу сказал себе: «Курт Дюссандер, один к одному». Вот тут уже я сел вам на хвост...

— Что ты сделал?

— Сел на хвост. Начал следить за вами. Я, знаете, мечтаю стать детективом, таким как Сэм Снэйд в книжках... или как Мэнникс в телесериале. Я принял все меры предосторожности... Показать фотографии?

— Ты меня фотографировал?!

— А то как же. У меня «Кодак», помещается в кулак. Если насобачиться, раздвинул пальцы — и вы в объективе. Остается нажать большим пальцем. — На этот раз улыбка Тодда как бы говорила, что сам он оценивает свои успехи достаточно скромно. — Поначалу, конечно, в кадр попадали одни пальцы. Но я настырный. Если стараться вовсю — чего хочешь добьешься. Звучит занудно, но верно.

Курт Дюссандер заметно побледнел и весь как-то усох.

— Ты что же, отдал проявлять пленку в фотоателье?

— Чего? — Тодд не сразу сообразил, а сообразив, презрительно скривился: — Вот еще! Что я, придурок? У отца есть темная комната. Я с десяти лет сам проявляю пленку.

Дюссандер ничего не сказал, однако спина его несколько расслабилась и кровь снова прилила к щекам.

Тодд достал сложенный вдвое конверт из заднего кармана и вынул из него несколько глянцевых фотографий с неровно обрезанными краями, что доказывало их домашнее происхождение. Дюссандер разглядывал снимки с мрачной сосредоточенностью. Вот он сидит, совершенно прямой, в автобусе у окна, в руках у него последний роман Джеймса Миченера. Вот он ждет автобус на Девон-авеню, под мышкой зонтик, подбородок вздернут — ни дать ни взять премьер-министр в зените славы. Вот он стоит в очереди под козырьком театра «Мажестик», выделяясь среди привалившихся к стене подростков и безликих кудлатеньких домохозяек высоким ростом и осанкой. А вот он заглядывает в свой почтовый ящик...

— Я решил вас щелкнуть, — пояснил Тодд, — хотя боялся, что вы меня засечете. Я постарался свести риск до минимума. Снимал с противоположной стороны улицы. Эх, мне бы телескопические линзы... — Тодд мечтательно вздохнул.

— На всякий случай ты, конечно, заготовил дежурную фразу.

— Я бы спросил, не видели ли вы мою собаку. Короче, я отпечатал фотографии и сравнил их вот с этими.

Он протянул Дюссандеру три ксерокопированных снимка. Старику доводилось их видеть, и не раз. На первом он сидел в своем кабинете — начальник концлагеря Патэн; снимок был кадрирован таким образом, чтобы остался только он и флажок со свастикой у него на столе. Второй снимок был сделан в день призыва. На третьем он пожимал руку Генриху Глюксу, помощнику Гимmlера.

— Я уже не сомневался, что вы — это он, вот только... из-за ваших дурацких усов не видна была заячья губа. И тогда, чтобы окончательно убедиться, я раздобыл вот это...

Он извлек из конверта последний листок, многократно сложенный. Сгибы почернели от грязи, уголки пообтрепались. Это была копия распространенной израильтянами листовки: «Разыскивается военный преступник Курт Дюссандер». Глядя на этот листок, Дюссандер думал о неугомонных мертвецах, не желающих спокойно лежать в земле.

— Я снял ваши отпечатки пальцев, — улыбнулся Тодд, — и сравнил их с приведенными на этом листке.

— Врешь! — не выдержал Дюссандер. И выругался по-немецки.

— Снял, а как же. В прошлом году, на Рождество, родители подарили мне дактилоскоп. Не игрушечный, настоящий. С порошком, с набором щеточек для разных поверхностей и особой бумагой, чтобы снимать отпечатки. Мои предки знают, что я хочу стать частным детективом. Про себя они, конечно, думают, что это у меня пройдет. — Он отмахнулся от такого предположения как от несерьезного. — В специальном пособии я прочел про линии руки, типы ладоней и участки для сличения. Называются «позиции». Для суда требуется не меньше восьми позиций. Короче, однажды вы пошли в кино, а я посыпал порошком ваш почтовый ящик и дверную ручку. А потом снял отпечатки. Ничего, да?

Дюссандер молчал. Он сжимал подлокотники кресла, подбородок у него так и прыгал. Тодда покорило. Это уже ни в какие ворота. Упырь Патэна того гляди заплачет! Да это все равно как если бы обанкротилось «Шевроле», или «Макдональд» стал бы продавать икру и трюфели вместо сэндвичей.

— Отпечатки оказались двух видов, — продолжал Тодд. — Первые не имели ничего общего с образцами на листке. Эти, я догадался, оставил почтальон. Остальные были ваши. Все совпало... и не по восьми, по четырнадцати позициям. — На губах Тодда заиграла ухмылочка. — Вот так я это провернул.

— Ну и стервец! — сказал Дюссандер, и глаза его угрожающе заблестели. Тодд почувствовал легкий озноб,

как тогда в прихожей. Но Дюссандер уже откинулся в кресле.

— Кому ты об этом говорил?

— Никому.

— А друзьям? Своему Беглеру?

— Пеглеру? Нет, Лис — трепло. Никому я не говорил.

Тут дело такое.

— Чего ты хочешь? Денег? Боюсь, что не по адресу. В Южной Америке кое-что было, правда, наркотики тут ни при чем... ничего такого романтического. Просто существует — существовал — тесный кружок... свои ребята... Бразилия — Парагвай — Санто-Доминго. Бывшие вояки. Я вошел в их кружок и сумел извлечь некоторую пользу из полезных ископаемых — медь, олово, бокситы... Но вскоре ветер переменился. Национализация, антиамериканские настроения. Может, я бы и дождался попутного ветра, но тут люди Визенталья напали на мой след. Одна неудача, мой мальчик, следует за другой по пятам, как кобели за сучкой. Дважды я был на волосок от гибели... я уже слышал этих юде за спиной... Они повесили Эйхмана, — он перешел на шепот, прикрывая ладонью рот, глаза округлились — такой вид бывает у ребенка, когда рассказчик доходит до развязки «страшной-престрашной истории», — старого безобидного человека. Далекого от политики. Все равно повесили.

Тодд покивал.

— В конце концов, когда я уже был не в силах спастись бегством, пришлось прибегнуть к последнему средству. Другим, я знал, они помогли.

— Одесский квартал? — встрепнулся Тодд.

— Сицилийцы, — сухо уточнил Дюссандер, и оживление Тодда сразу улетучилось. — Все было сделано. Фальшивые документы, фальшивое прошлое. Ты пить не хочешь?

— Угу. У вас есть тонизирующий?

— Тонизирующего нет.

— А молоко?

— Сейчас. — Дюссандер прошаркал на кухню. Из ожившего бара полилось искусственное сияние. — По-

следние годы я живу на проценты с акций, — донесся голос из кухни. — Я купил их после войны... под чужой фамилией. Через банк штата Мэн, если тебе это интересно. Год спустя служащий банка, который приобрел для меня эти акции, сел в тюрьму за убийство жены... чего только в жизни не бывает, pein?

Открылась и закрылась дверца холодильника.

— Шакалы сицилийцы ничего не знали про акции, — продолжал он. — Сегодня этих сицилийцев где только нет, а в те времена выше Бостона они не забирались. Узнай они про акции — пиши пропало. Обобрали бы меня как липку и отправили в Штаты подышать на пенсионное пособие и продуктовые карточки.

Он зашаркал обратно в комнату. В руках у него были зеленые пластмассовые стаканчики — вроде тех, какие дают в день пуска новой бензоколонки. Заправил бак — получай бесплатную газировку. Дюссандер передал Тодду один стакан.

— Пять лет я жил припеваючи на проценты с этих акций, но потом пришлось кое с чем расстаться, чтобы купить вот этот дом и скромный коттедж на побережье. Потом инфляция. Экономический спад. Я продал коттедж, затем пришел черед акций...

Тоска зеленая, подумал про себя Тодд. Не затем он здесь, чтобы выслушивать причитания из-за каких-то там потерянных акций. Тодд поднес стаканчик к губам, вдруг рука его замерла. На лице опять засияла улыбка — в ней сквозило восхищение собственной проницательностью. Он протянул стаканчик Дюссандеру.

Дюссандер вытаращился на него, потом закатил глаза к потолку.

— Gruss Gott!¹ — Он взял стаканчик, сделал два глотка и вернул его Тодду. — Не задохнулся, как видишь. Не хватаюсь за горло. Никакой горечи во рту. Это молоко, мой мальчик. Мо-ло-ко. На коробке нарисована улыбающаяся корова.

¹ Салют! (нем.).

Тодд пристально понаблюдал за ним, затем пригубил содержимое. В самом деле, на вкус — молоко, но что-то у него пропала жажда. Он поставил стаканчик. Дюссандер пожал плечами и, отпив из своего стакана, с наслаждением зачмокал губами.

— Шнапс? — спросил Тодд.

— Виски. Выдержанное. Отличная штука. А главное — дешевая.

Тодд в тоске затеребил шов на джинсах.

— Нда, — отреагировал Дюссандер, — словом, если ты рассчитывал сорвать хороший куш, объект ты выбрал самый неподходящий.

— Чего?

— Для шантажа, — пояснил Дюссандер. — Разве это слово не знакомо тебе по телесериалу «Мэнникс»? Вымогательство. Если я тебя правильно...

Тодд захохотал — громко, по-мальчишески. Он мотал головой, пытаясь что-то сказать, но лишь давился от хохота.

— Значит, неправильно, — выдохнул Дюссандер. Лицо его сделалось еще более землистым, а взгляд еще более затравленным, чем в начале их разговора.

Тодд, просмеявшись, произнес с неподдельной искренностью:

— Да я просто хочу услышать про это. Вот и все, ничего больше. Честное слово!

— Услышать про это? — эхом отозвался Дюссандер. Он был совершенно сбит с толку.

Тодд подался вперед, уперев локти в колени.

— Ну ясное дело. Про зондеркоманды. И газовые камеры. И смертников, которые сами вырывали себе могилы. Про... — Он облизнул губы. — Про допросы. И эксперименты над заключенными. Про всю эту чернуху.

Дюссандер разглядывал его с тупым любопытством, как мог бы ветеринар разглядывать кошку, только что родившую котят с двумя головами. И наконец тихо вымолвил:

— Ты чудовище.

Тодд хмыкнул.

— В книжках, которые я прочел, именно это говорилось про вас, мистер Дюссандер. Не я — вы посылали их в печь. Пропускная способность — две тысячи заключенных в день. После вашего приезда в Патэн — три тысячи. Три с половиной — перед тем, как пришли русские и положили конец. Гиммлер назвал вас мастером своего дела и наградил медалью. Так кто из нас чудовище?

— Это все грязная ложь, придуманная Америкой! — Дюссандер резко поставил стаканчик, расплескав виски на стол и себе на руку. — По сравнению с вашими политиками доктор Геббельс — дитя, гукающее над книжкой с картинками. Рассуждают о морали, а тем временем по их указке обливают детей и женщин напалмом. Демонстрантов избивают дубинками среди бела дня. Солдатню, которая расстреливала ни в чем не повинных людей, награждает сам президент... А тех, кто потерпел поражение, судят как военных преступников за то, что они выполняли приказы. — Дюссандер изрядно отхлебнул, и тут же у него начался приступ кашля.

Тодду было столько же дела до политических взглядов Дюссандера, сколько до его финансовых затруднений. Сам Тодд считал, что люди придумали политику, желая развязать себе руки. Это напоминало ему случай с Шарон Акерман. Он хотел, чтобы Шарон показала ему кое-что, та, естественно, возмутилась, хотя голосок у нее зазвенел от возбуждения. Пришлось сказать, что он собирается стать врачом, и тогда она позволила. Вот и вся тебе политика.

— Если бы я отказался выполнять приказы, я бы здесь не сидел. — Дыхание Дюссандера сделалось прерывистым, он качался взад-вперед, пружины под ним так и скрипели. — Кто-то должен был воевать на русском фронте, nicht wahr? Страной правили сумасшедшие, пусть так, но ведь с сумасшедшими не поспоришь... особенно когда главному из них везет, как самому Дьяволу. Только чудо спасло его от блестяще организованного покушения... Все, что мы делали тогда, было правильным. Правильным для того времени и тех обстоятельств. Если бы все повторилось сначала, я сделал бы то же самое. Но...

Он заглянул в свой стакан. Стакан был пуст.

— ...но я не хочу об этом говорить, даже думать не хочу. Я жил, как в джунглях, — в ожидании кровавой расправы, наверно, поэтому и во сне меня обступают джунгли, и я всей кожей ощущаю угрозу. Я просыпаюсь в поту, с колотящимся сердцем, я зажимаю себе рот, чтобы не закричать. А сам думаю: сон — вот реальность. А Бразилия, Парагвай, Куба... это все сон. В действительности я там, в Патэне.

Сейчас Тодд ловил каждое его слово. Это уже было что-то. Но он верил — впереди ждут вещи поинтереснее. Надо только изредка давать Дюссандеру шпоры. Да, черт возьми, повезло. У других в его возрасте маразм крепчает, а этот хоть бы хны.

Дюссандер глубоко затягивался, не выпуская сигареты изо рта.

— Иногда мне мерещатся люди, которые были со мной в Патэне. Не охранники, не офицеры — заключенные. Помню случай в Западной Германии лет десять назад. На дороге произошла авария. Образовалась пробка. Я глянул направо — в соседнем ряду стояла «симка», за рулем совершенно седой человек. Он не сводил с меня глаз. На щеке у него был шрам. Лицо — как простыня. Патэн, решил я. Он там был, он узнал меня. Стояла зима, но я не сомневался: снять с него пальто и закатать рукав сорочки — обнаружится лагерный номер. Наконец движение возобновилось. Я оторвался от «симки». Еще десять минут, и я бы не выдержал, я бы вытащил его из машины и начал бить... есть номер, нет номера — все равно. Я бы начал бить его за то, что он так смотрел на меня... Вскоре я уехал из Германии. Навсегда.

— Вовремя смылись, — заметил Тодд.

— В других местах было не лучше. Рим... Гавана... Мехико... Только здесь я выкинул все это из головы. Хожу в кино. Решаю шарады. По вечерам читаю романы, все больше дрянные, или смотрю телевизор. И тяну виски, пока не начинает клонить в сон. Ничего такого мне больше не снится. Если ловлю на себе чей-то взгляд — на рынке,

в библиотеке, у табачного киоска, — то только потому, что я кому-то напомнил его дедушку... или старого учителя... или бывшего соседа. А то, что было в Патэне — это было не со мной. С другим человеком.

— Вот и отлично! — подытожил Тодд. — Про все про это вы мне и расскажете.

— Ты, мальчик, не понял. Я не хочу об этом говорить.

— Никуда не денетесь. Иначе все узнают, кто вы такой.

Дюссандер, без кровинки в лице, внимательно посмотрел на Тодда.

— Я чувствовал, — произнес он после паузы, — я чувствовал, что кончится вымогательством.

* * *

Август 1974.

Они сидели на заднем крыльце под безоблачным дружелюбным небом: Тодд — в футболке, джинсах и кедах, Дюссандер — в заношенной рубаше и мешковатых брюках на подтяжках. Ну и видочек, мысленно скривился Тодд, можно подумать, что все это ему пришло в посылочке от Армии спасения. Надо будет что-нибудь придумать. Таким тряпьем можно испортить все удовольствие.

Они закусывали сэндвичами «Биг Мак», доставая их из корзинки: не зря Тодд накручивал педали — сэндвичи были теплые. Тодд потягивал через соломинку тонирующий напиток. Дюссандер пил свое виски.

Его голос шелестел, как газета, прерывался, набирал силу и тут же слабел, делался почти неслышным. Его выцветшим глазам с красными прожилками никак не удавалось остановиться на одной точке. Со стороны могло показаться, что на крыльце сидят дед и внук.

— Вот все, что я помню, — закончил Дюссандер и откусил от сэндвича добрую треть. По подбородку потек соус.

— А если подумать? — мягко спросил Тодд.

Дюссандер изрядно отхлебнул.

— Пижамы были бумажные, — процедил он. — Когда заключенный умирал, его одежда переходила к другому. Иногда одну пижаму снашивали до сорока заключенных. Я удостоился лестной оценки за бережливое отношение к имуществу.

— От Глюкса?

— От Гиммлера.

— Постой-ка, в Патэне была швейная фабрика, вы говорили неделю назад. Почему же там не шили пижамы? Заключенные могли шить их.

— Фабрика в Патэне выпускала обмундирование для немецких солдат. И вообще мы... — Дюссандер осекся, но усилием воли заставил себя закончить. — В нашу задачу не входило укреплять здоровье заключенных. Может быть, на сегодня хватит? Пожалуйста. У меня болит горло.

— Вы слишком много курите, — заметил ему Тодд. — Расскажите еще немного про одежду.

— Какую? — угрюмо спросил Дюссандер. — Лагерную или эсэсовскую?

Тодд улыбнулся.

— И ту и другую.

* * *

Сентябрь 1974.

Тодд делал себе на кухне сэндвич с арахисовым маслом и джемом. Кухня находилась на некотором возвышении и вся сияла хромом и нержавеющей сталью. Тодд недавно пришел из школы, а мать все никак не могла оторваться от своей электрической машинки. Она печатала диплом какому-то студенту. Студент — в очках с немыслимыми линзами, с торчащими во все стороны короткими волосами — казался Тодду пришельцем из космоса. А написал он что-то такое про распространение плодовой мушки в долине Салинас в послевоенный период... или еще какую-то муру в этом духе. Тут стрекот машинки оборвался, и мать вышла из кабинета.

— Вот и Тодд с мыса Код, — сказала она вместо приветствия.

— Вот и Моника из Салоников, — ей в тон сказал Тодд.

«Для своих тридцати шести мать у меня будь здоров», — подумал он. Высокая, стройненькая, светлые волосы чуть тронуты пепельным оттенком, темно-красные шорты, прозрачная блузка с янтарным отливом, небрежно завязанная узлом под самой грудью, достаточно открыта, чтобы каждый мог оценить эти маленькие, ничем не стесненные взгорки. Из волос у нее торчал ластик, а сами волосы были наспех схвачены бирюзовой заколкой.

— Что в школе? — Она поднялась по ступенькам на кухню и, мимоходом чмокнув сына, присела возле рабочего столика.

— Полный ажур.

— Снова будешь в списках лучших?

— Ясное дело. — Вообще-то Тодд чувствовал, что может в первой четверти несколько сдать позиции. Уж очень много времени он торчал у Дюссандера, и даже когда не торчал, в голову лезла вся эта дрянь, поведенная ему отставным воякой. Пару раз эта дрянь даже ему приснилась. Да ладно, было бы о чем говорить.

— Отпейте сначала вы, — сказал он с ехидцей.

— Тодд Боуден, способный ученик, — с этими словами мать взъерошила его лохматую голову. — Как сэндвич?

— Ничего.

— Сделай-ка мне тоже и принеси, пожалуйста, в кабинет.

— Не могу, — сказал он, вставая. — Я обещал мистеру Денкеру, что почитаю ему часок-другой.

— Опять «Робинзон Крузо»?

— Нет. — Он показал ей корешок толстой книги, купленной в буке по дешевке. — «Тома Джонса».

— Мать честная! Тодд, лапка, тебе ж на это года не хватит. Взял бы опять адаптированное издание.

— Ему хочется услышать всю книгу целиком. Так он сказал.

— А-а. — Секунду она точно бы оценивала сына взглядом, потом привлекла к себе. Тодд смутился — мать редко

выказывала свои чувства. — Ты ангел! Почти все свободное время читаешь ему вслух. Нам с папой кажется... да такого просто не бывает!

Тодд скромно потупился.

— И ведь никому ни слова. Прячешь, можно сказать, свои таланты.

— Да ну, этим только проговоришься... совсем, скажут, завернутый. А то и с дерьмом смешают.

— Фу, какие слова, — машинально выговорила она сыну. И вдруг спросила: — Как ты думаешь, не пригласить ли нам мистера Денкера поужинать с нами?

— Может быть, — туманно ответил Тодд. — Слушай, мне пора рвать когти.

— Поняла. Ужин в половине седьмого. Не забудь.

— Ладно.

— Папа у нас сегодня опять допоздна на работе, так что мы ужинаем вдвоем; возражений нет?

— Я в восторге, лапка.

Она, провожала его влюбленной улыбкой. Надеюсь, думала она, в «Томе Джонсе» нет ничего такого, о чем не следовало бы знать тринадцатилетнему подростку. Вряд ли, если учесть, в каком обществе мы живем. За доллар и двадцать пять центов ты можешь купить «Пентхаус» в любой книжной лавке, а какому-нибудь расторопному мальцу и денег не надо — схватил журнал с полки, только его и видели. Так что вряд ли книга, написанная двести лет назад, может дурно повлиять на Тодда... а старому человеку какое-никакое удовольствие. И потом, как любит говорить Ричард, для подростка весь мир — огромная лаборатория. Пусть понемногу разбирается что к чему. При здоровой семье и любящих родителях, если он и узнает о теневых сторонах жизни — это только закалит его. А уж такому, как наш Тодд, ничего не страшно. Так думала Моника, прослеживая взглядом удаляющийся велосипед. Хорошо мы воспитали мальчика, мысленно отметила она и стала делать себе сэндвич. Хорошо, ничего не скажешь.

* * *

Октябрь 1974.

Дюссандер похудел. Они сидели на кухне, между ними, на клеенке, — потрепанный том Филдинга. Тодд, не упускавший из виду ни одной мелочи, не пожалел денег, которые ему выдавали на карманные расходы, и купил «Комментарий Клиффа» с кратким изложением содержания романа — если родители вдруг проявят интерес к «Тому Джонсу», Тодд сумеет удовлетворить их любопытство. Сейчас он приканчивал буше. Он купил два пирожных, себе и Дюссандеру, но тот к своему пока не притронулся. Изредка тупо поглядывал на него и знай отхлебывал виски.

— И как все это переправлялось в Патэн? — спросил Тодд.

— По железной дороге. На вагонах писали МЕДИКАМЕНТЫ. Содержимое укладывалось в длинные ящики наподобие гробов. В этом что-то было. Заключение выгружали ящики и составляли их в лазарете. Потом наши люди переносили ящики в складское помещение. Они делали это ночью. Склад находился непосредственно за душевыми.

— И это всегда был «Циклон-Б»?

— Нет. Иногда присылали... экспериментальный газ. Высшее командование постоянно требовало повышать эффективность. Однажды нам прислали новинку под кодовым названием «Пегас». Нервно-паралитического действия. От него, слава Богу, вскоре отказались. Уж очень... — Заметив, как мальчишка подался вперед, как загорелись у него глаза, Дюссандер осекся, а затем с деланным равнодушием махнул рукой с зажатым в ней пустым стаканчиком. — Он себя, в общем, не оправдал.

Но Тодда не так-то просто было обвести вокруг пальца.

— Пожалуйста, поподробнее.

— Не могу. — Дюссандера даже передернуло. Сколько же лет он не вспоминал о «Пегасе»? Десять? Двадцать? — Про это не буду! Я отказываюсь!

— Я сказал: поподробнее. — Тодд облизал с пальцев шоколад. — Иначе сами знаете, что будет.

Да, подумал Дюссандер, знаю, еще бы мне не знать, маленький гаденыш.

— Серьезное мероприятие превратилось в канкан, — с трудом выдавил он из себя.

— Канкан?

— Это были какие-то немыслимые па... Многие при этом хохотали...

— Мрак, — сказал Тодд и показал на буше Дюссандера. — Вы что, не будете?

Дюссандер не ответил. Взгляд его застилала дымка воспоминаний. Сейчас он был далек и недоступен, как обратная сторона Луны. Все чувства смешались — отвращение и... и... неужели ностальгия?!

— Казалось, этому не будет конца. И тогда я приказал открыть огонь. Узнай об этом начальство, мне бы не поздоровилось. Фюрер тогда объявил, что каждый патрон — наше национальное достояние. Но этот хохот... я не мог, не мог я больше...

— Еще бы, — согласился Тодд, приканчивая второе пирожное. «Остатки сладки», — как любила повторять мама. — История что надо. Вообще вы рассказываете что надо, мистер Дюссандер. Вас только расшевели.

Тодд поощрительно улыбнулся. И Дюссандер — да-да! — Дюссандер, сам того не желая, улыбнулся в ответ.

* * *

Ноябрь 1974.

Дик Боуден, отец Тодда, человек прямой и недалекий, отдавал предпочтение консервативному стилю одежды. Дома он надевал очки без оправы, имевшие обыкновение съезжать ему на нос, что делало его похожим на директора школы. В настоящий момент сходство довершал табель с оценками за первую четверть, этим листком он грозно постукивал по столу.

— Одна «четверка», четыре «тройки» и одна «двойка». «Двойка»! Это же черт знает что! Тодд, мама старается не подавать виду, но она совершенно подавлена.

Тодд стоял потупившись. Когда отец чертыхается, тут уже не до улыбок.

— У тебя никогда не было таких отметок. «Двойка» по алгебре! Как это прикажешь понимать?

— Сам не знаю, папа. — Тодд упорно разглядывал свои кеды.

— Мы с мамой считаем, что ты проводишь слишком много времени у мистера Денкера. А учеба побоку. Придется сократить ваши свидания... во всяком случае, пока не подтянешься.

Тодд резко поднял голову, и на мгновение Боуден-старший увидел в глазах сына холодную ярость. В следующую секунду взгляд уже был нормальный, открытый, ну разве что чуть-чуть несчастный. Не иначе — показалось. Чтобы Тодд разозлился на отца — такого не бывало. Они ведь друзья. Никаких секретов друг от друга. Что Дик Боуден изредка изменяет жене со своей секретаршей — это не в счет; не рассказывать же о таких вещах, в самом деле, подростку сыну... тем более что это ни в коей мере не отражается на семье. Да, его отношения с сыном были, можно сказать, образцовыми; еще бы не образцовыми, когда окружающий мир словно с катушек сорвался — старшекласники балуются героином, а ровесники Тодда попадают в вендиспансер.

— Не надо, пап. Зачем наказывать мистера Денкера, когда во всем виноват я. Он же без меня совсем пропадет. А я подтянусь, правда. Эта алгебра... я просто сразу не врубился. А потом мы с Беном Тримейном позанимались, и я начал соображать. Честное слово.

Дик Боуден понемногу смягчался. На Тодда нельзя было долго сердиться. И его слова, что нельзя наказывать старика... с этим трудно не согласиться. Бедняга так ждет его всегда.

— Ты, кстати, не представляешь себе, как наш математик разбушевался. Он многим поставил «пару». И даже три или четыре «кола».

Боуден в задумчивости кивал головой.

— А к мистеру Денкеру я по средам, перед алгеброй, ходить не буду. — Отцовский взгляд словно бы подска-

зывал Тодду правильный ход мыслей. — Буду заниматься как бобик, вот увидишь.

— Тебе он так нравится, этот мистер Денкер?

— А что, он молодчина, — ответил Тодд вполне искренне.

— Ну хорошо. Будь по-твоему. Но чтобы к январю все вошло в колею, ясно? Я думаю о твоём будущем, а о нём, между прочим, надо думать уже сейчас. Уж я-то знаю.

Так же часто, как мать повторяла: «Остатки сладки», отец говорил: «Уж я-то знаю».

— Я понял, — серьёзно, по-мужски произнес Тодд.

— Тогда за дело. — Дик Боуден хлопнул сына по плечу. — Полный вперед!

— Есть! — отозвался Тодд и изобразил на лице ослепительную улыбку.

Дик Боуден провожал глазами сына не без чувства гордости. Что там ни говори, а таких, как Тодд, ещё поискать. «И с чего это я взял, что он на меня разозлился, — подумал Боуден-старший. — Мне ли не знать своего сына. Да я читаю его мысли как свои собственные. У нас с ним полный контакт».

Исполнив отцовский долг, Дик Боуден развернул чертежи и, посвистывая, погрузился в работу.

* * *

Декабрь 1974.

Тодд держал левую руку за спиной. Когда дверь открылась, он протянул Дюссандеру большой сверток.

— Веселого Рождества!

Дюссандер поморщился от его крика, и сверток он принял без видимого удовольствия. Он осторожно держал его на весу, точно боясь, что вот сейчас пакет взорвется. На улице шел дождь, и Тодду пришлось спрятать подарок под плащ. Зря, что ли, он заворачивал его в яркую оберточную бумагу и перевязывал цветной лентой.

— Что это? — без особого интереса спросил Дюссандер по дороге на кухню.

— Откройте и увидите.

Тодд достал из кармана банку тониизирующего и поставил на стол.

— Но сначала опустите жалюзи, — добавил он заговорщицким тоном.

Дюссандер сразу заподозрил неладное.

— Жалюзи? Это еще зачем?

— Мало ли... вдруг кто следит за вами, — улыбнулся Тодд. — Разве за столько лет это не вошло у вас в привычку?

Дюссандер опустил жалюзи. Налил себе виски. Затем развязал ленту. Подарок был завернут так, как может завернуть только мальчишка, у которого в уме вещи поважнее — посмотреть футбол или погонять во дворе шайбу. Бумага тут и там порвана, все сикось-накось, скотч наклеен где попало. Вот что выходит, когда за женское дело берутся нетерпеливые руки подростка. Но Дюссандер, к собственному своему удивлению, был все же тронут. Позже, когда прошел первый шок от увиденного, он подумал: «А ведь я мог бы и догадаться».

Это была форма. Черная эсэсовская форма. Вместе с сапогами.

Дюссандер растерянно переводил взгляд с содержимого на броскую наклейку: «ПИТЕР», МАГАЗИН МОДНОЙ ОДЕЖДЫ, С 1951 ГОДА К ВАШИМ УСЛУГАМ!

— Нет, — глухо произнес он. — Не надену. Это, знаешь, уже чересчур. Умру, а не надену.

— Вам напомнить, что они сделали с Эйхманом? — с металлом в голосе спросил Тодд. — Старым человеком, далеким от политики. Так, кажется, вы говорили? Кстати, я всю осень откладывал деньги на это дело. Восемьдесят долларов, между прочим, вместе с сапогами. Если не ошибаюсь, в сорок четвертом вы все это носили. И с удовольствием.

— Ну, гаденыш! — Дюссандер замахнулся кулаком. Тодд стоял не шелохнувшись, глаза блестели.

— А ну, — сказал он, — попробуйте ударьте. Только пальцем троньте.

Дюссандер опустил кулак. Губы у него подергивались.

— Исчадие ада, — пробормотал он.

— Надевайте, — сказал Тодд.

Дюссандер взялся за пояс халата... и остановился. Он смотрел на Тодда рабски, с мольбой.

— Ну пожалуйста. В мои годы. Мне трудно.

Тодд покачал головой — медленно, но твердо. В глазах все тот же блеск. Ему нравилось, когда Дюссандер молил о пощаде. Вот так же, наверно, когда-то молили о пощаде его самого. В Патэне.

Халат Дюссандера упал на пол, он стоял перед ним в одних трусах и тапочках. Впалая грудь, небольшой животик. Костлявые стариковские руки. Ничего, подумал Тодд, в форме все будет иначе.

Дюссандер начал облачаться.

Через десять минут он был одет. Хотя плечи висели, и фуражка сидела кривовато, но зато эмблема — «мертвая голова» — безусловно смотрелась. Во всем облике Дюссандера появилось этакое мрачное достоинство... по крайней мере, в глазах мальчика. Впервые он выглядел так, как, по мнению Тодда, он должен был выглядеть. Да, постаревший. Да, потрепанный жизнью. Но снова в форме. Не старпер, коротающий свой век перед «ящиком», обросшим пылью, с допотопными рожками, обмотанными фольгой, — нет, настоящий Курт Дюссандер. Упырь из Патэна.

Сам Дюссандер испытывал отвращение и чувство неловкости... и еще, пожалуй, не сразу осознанное облегчение. Он презирал себя за эту слабость, которая только подтверждала, что мальчик сумел прибрать его к рукам. Он был пленником Тодда, и с каждым разом, когда он смирялся с очередным унижением, с каждым разом, когда он испытывал это чувство облегчения, мальчишка брал над ним все большую власть. Но факт оставался фактом: его чуть-чуть отпустило. Подумаешь... сукно, пуговицы, кнопки... и жалкая к тому же имитация. Брюки почему-то на «молнии», а не на пуговицах. Не те знаки различия, покрой скверный, сапоги из дешевого кожзаменителя.

Словом, театр. Как говорится, с него не убудет. Тем более что...

— Поправьте фуражку! — громко сказал Тодд.

Дюссандер вздрогнул и вытаращился на него.

— Поправьте фуражку, солдат!

Дюссандер поправил, бессознательным движением повернув козырек под таким ухарским углом, как делали его обер-лейтенанты, — кстати, при всех своих погрешностях, форма была обер-лейтенантская.

— Ноги вместе!

Он лихо щелкнул каблуками — это вышло у него автоматически, так, словно десятилетия, прошедшие со времен войны, были им отброшены вместе с домашним халатом.

— Achtung!

Он встал по стойке «смирно», и на мгновение Тодду стало страшно, действительно страшно. Он почувствовал себя... нет, не искусным чернокнижником, а скорее неопытным учеником, сумевшим вдохнуть жизнь в обыкновенную метлу, но не знающим, как теперь ее укоротить. Исчез старик, влачивший жалкое существование. Воскрес Курт Дюссандер.

Но тут же секундный страх сменило ощущение собственного могущества.

— Кругом!

И словно не было принято изрядной дозы виски, и словно не было четырех месяцев унижений — Дюссандер четко выполнил команду. Он услышал, как снова щелкнули каблуки. Прямо перед ним оказалась грязная засаленная плита, но он не видел плиты, он видел пыльный плац военной академии, где он осваивал солдатское ремесло.

— Кругом!

На этот раз он сплеховал, потеряв равновесие. В иные времена он бы с ходу получил под дых костяшкой стека... плюс десяток нарядов вне очереди. Он мысленно улыбнулся. Мальчишка, видать, не знает всех тонкостей. Слава Богу.

— А теперь... шагом марш! — Глаза у Тодда горели. Неожиданно Дюссандер весь как-то обмяк.
— Не надо, — попросил он. — Ну пожа...
— Марш. Я сказал — марш!

Слово так и застряло у Дюссандера в горле. Он начал печатать гусиный шаг по вытертому линолеуму. Ему пришлось сделать поворот, чтобы не налететь на стол, и еще один, чтобы не врезаться в стену. Его лицо, слегка приподнятое, было бесстрастным. Руки сами делали от-машку. От его тяжелого шага в шкафчике над мойкой позванивал дешевый фарфор.

Тодд вновь подумал об ожившей метле, и в нем шевельнулся прежний страх. Вдруг он понял: ему бы не хотелось, чтобы Дюссандер получал удовольствие от этого спектакля, а хотелось совсем другого... может быть, кто знает, ему хотелось выставить Дюссандера в смешном виде больше, чем вернуть старику его истинный облик. Но, удивительное дело: ни преклонный возраст, ни эта нищенская обстановка ничуть не делали его смешным. Он сделался страшным. И то, что Тодд до сих пор видел на картинках, впервые приобрело вполне зримые очертания, это уже была не какая-нибудь там сценка в фильме ужасов, но самая что ни на есть будничная реальность — ошеломительная, непостижимая, зловещая. Ему даже почувдился одуряющий запах гниения.

Его охватил ужас.

— Стой! — выкрикнул он.

Дюссандер с бессмысленным, отсутствующим взглядом продолжал печатать шаг. Подбородок еще больше, почти с вызовом вздернулся, дряблая кожа на шее натянулась. Хрящеватый тонкий нос, казалось, сам по себе устремлялся вперед.

Тодда прошиб пот.

— Halt! — закричал он вне себя.

Дюссандер остановился и с резким щелчком приставил левую ногу. Какие-то мгновения лицо его оставалось бесстрастным — лицо робота, но вот на нем появилось смущение, затем обреченность. Он сразу сник.

Тодд с облегчением перевел дыхание. Он был зол на самого себя. Кто, спрашивается, здесь главный?! К нему уже возвращалась прежняя уверенность. Я здесь главный! Он у меня по струнке будет ходить.

Тодд улыбнулся.

— Неплохо для начала. Но если потренироваться, у вас еще лучше получится.

Дюссандер молчал, опустив голову и тяжело дыша.

— Можете снять форму, — великодушно разрешил Тодд. В эту минуту он совсем не был уверен в том, что еще когда-нибудь попросит Дюссандера снова надеть ее.

* * *

Январь 1975.

Сразу после уроков Тодд выскользнул из школы, сел на велосипед и покатил в городской парк. Найдя пустую скамейку, он вытащил из кармана табель с оценками за четверть. Он огляделся, нет ли поблизости знакомых, но увидел лишь двух школьников возле пруда да еще каких-то отвратных типов, которые поочередно прикладывались к чему-то спрятанному в бумажный пакет. «Алкаши чертовы», — подумал он. Но не алкаши были главной причиной его раздражения. Он развернул листок.

Английский — «3». История — «3». Природоведение — «2». Обществоведение — «4». Французский — «1». Алгебра — «1».

Он не верил своим глазам. Он был готов к неутешительным итогам, но чтобы такое.

А может, оно и к лучшему. Может, ты нарочно все запустил, чтобы поскорей покончить с этим. Пока не случилось непоправимое.

Он прогнал эти мысли. Ничего не может случиться. Дюссандер у него вот где. Не пикнет. Старик думает, что Тодд кому-то из своих друзей отдал на сохранение письмо, только не знает, кому именно. Если с Тоддом, не дай Бог, что произойдет, письмо окажется в полиции. В былые времена это бы Дюссандера, вполне возможно, не оста-

новило, но сейчас он не то что быстро бегать, а и соображать быстро не способен.

— Он у меня вот где! — прошипел Тодд и вдруг со всей силы саданул себя по ляжке. — Ну, псих... опять разговариваешь сам с собой.

Все началось месяца полтора назад, и он никак не мог избавиться от этой дурацкой манеры. Уже несколько раз на него поглядывали как-то странно. В том числе учителя. А это сморчок Берни Эверсон так прямо и ляпнул: «Ну ты совсем ку-ку». Ох как руки чесались врезать ему промеж глаз. Ссора, драка — нет, это никуда не годится. Нельзя такими вещами обращать на себя внимание. А уж разговаривать вслух — это вообще хуже некуда. Хуже...

— Хуже бывают только сны, — пробормотал Тодд и на этот раз себя даже не одернул.

В последнее время ему снились жуткие сны. Обычно он стоял в шеренге изможденных людей, одетых, как и он, в полосатые пижамы. В воздухе пахло паленым, где-то поодаль урчали бульдозеры. Мимо шеренги прохаживался Дюссандер и выборочно показывал на кого-то чем-то длинным. Этих не трогали. Остальных уводили. Кое-кто пытался сопротивляться, но большинство едва могли передвигать ноги. Наконец Дюссандер остановился перед Тоддом. Мучительно долго они смотрели друг другу в глаза, после чего Дюссандер тыкал ему в грудь своим старым зонтиком.

— А этого в лабораторию, — произносил он, обнажая фальшивые зубы. — Уведите этого американского мальчика.

Иногда Тодду снилось, что он одет в эсэсовскую форму. Сапоги начищены до зеркального блеска. Тускло мерцает «мертвая голова» на фуражке. И стоит он не где-нибудь, а в самом центре родного города, у всех на виду. Кто-то уже показывает на него пальцем. Кто-то начинает смеяться. У других его вид вызывает шок, гнев, омерзение. Вдруг, скрипнув шинами, останавливается допотопный автомобиль, и из него выглядывает двухсотлетний старик, почти мумия, с пергаментным лицом — Дюссандер.

— Я узнал тебя! — пронзительно кричит он. Потом обводит взглядом зевак и вновь обрушивается на Тодда: — Ты был начальником лагеря в Патэне! Посмотрите на него! Упырь из Патэна! Это его называл Гиммлер мастером своего дела! Смерть убийце! Смерть!

— Ерунда, — пробормотал Тодд, отгоняя нахлынувшие видения, — ерунда все это, он у меня вот где.

Он поймал на себе взгляды случайной парочки и с вызовом уставился на молодых людей, провоцируя их на какой-нибудь выпад. Те отвернулись. Им показалось, что губы мальчика были растянуты в ухмылке.

Тодд быстро сунул листок в карман и помчал на велосипеде в аптеку неподалеку. В аптеке он купил жидкость для выведения чернил и синюю авторучку. Вернувшись в парк (той парочки уже не было, но алкаши торчали на прежнем месте), Тодд исправил отметки: английский — на «4», историю США — на «5», природоведение — на «4», французский — на «3» и алгебру — на «4». Оценку по обществоведению он тоже стер и проставил заново, чтобы уж, как говорится, по всей форме.

Да уж, насчет формы он специалист.

— Ничего, — успокаивал он себя. — Главное, предки не узнают. Они еще долго не узнают.

В третьем часу ночи, парализованный страхом, Курт Дюссандер проснулся от собственного стога, ловя ртом воздух. Грудь точно придавило тяжелым камнем — а что если это инфаркт? Нашаривая в темноте кнопку, он чуть не сковырнул ночник.

Успокойся, сказал он себе, видишь, это твоя спальня, твой дом, Санто-Донато, Калифорния, Америка. Видишь, те же коричневые шторы на окне, те же книги из лавки на Сорен-стрит, на полу серый коврик, на стенах голубые обои. Никакого инфаркта. Никаких джунглей. Никто тебя не высматривает.

Но ужас словно прилип к телу омерзительной влажной простыней, и сердце колотилось как бешеное. Опять этот сон. Он знал: рано или поздно сон повторится. Проклятый мальчишка. Письмо, которым он прикрывается, это, ко-

нечно, блеф, и весьма неудачный... позаимствовал из какого-нибудь телевизионного детектива. Найдется ли на свете мальчишка, который не распечатает конверт с доверенной ему тайной? Нет таких. *Почти* нет. Эх, знать бы наверняка.

Он осторожно сжал и разжал скрюченные артритом пальцы.

Вытащив из пачки сигарету, он чиркнул спичкой о ножку кровати. Настенные часы показывали два часа сорок одну минуту. Про сон можно забыть. Он глубоко затынулся и тут же закашлялся от дыма. Да уж, какой там сон... Сойти, что ли, вниз и пропустить один-два стаканчика? Или три. Последние полтора месяца он явно перебирал. Разве так он обставлял выпивку в тридцать девятом, в Берлине, когда оказывался в увольнении, а в воздухе пахло победой, и со всех сторон звучал голос фюрера и, казалось, отовсюду на тебя был устремлен этот дьявольский, повелевающий взгляд...

Мальчишка... проклятый мальчишка!

— Это все... — начал он и вздрогнул от звуков собственного голоса в пустой комнате. Вот так же вслух он разговаривал в последние недели в Патэне, когда мир рушился на глазах, и на Востоке с каждым днем, а потом и с каждым часом все нарастал русский гром. В те дни разговаривать вслух было делом естественным. В результате стресса люди и не такое вытворяют... — Это все результат стресса, — произнес он вслух. Он произнес это по-немецки. Он не говорил по-немецки много-много лет, и сейчас родной язык согрел его и размягчил. Так успокаивает колыбельная в нежных сумерках. — Да, стресса, — повторил он. — Из-за мальчишки. Но давай начистоту. Не врать же самому себе в три часа ночи. Разве тебе так уж неприятно вспоминать прошлое? Вначале ты боялся, что мальчишка просто не может или не сможет сохранить это в тайне. Проговорится своему другу, тот — своему, и так далее. Но если он столько молчал, будет молчать и дальше. А то заберут меня, и останется он без своей... живой истории. А кто я для него? Живая история.

Он умолк, но мысли продолжали вертеться. Одиночество... кто бы знал, как он погибал от одиночества. Даже подумывал о самоубийстве. Сколько можно быть затворником. Единственные голоса — по радио. Единственные лица — в забегаловке напротив. Он старый человек, и хотя он боялся умереть, еще больше он боялся жить, жить в полном одиночестве. У него было плохо с глазами — то чашку перевернет, то обо что-нибудь ударится. Он жил в страхе, что, если случится что-то серьезное, — он не доползет до телефона. А если доползет и за ним приедут, какой-нибудь дотошный врач найдет изъяны в фальшивой истории болезни мистера Денкера и таким образом докопаются до его настоящего прошлого.

С появлением мальчишки все эти страхи как бы отступили. При нем он безбоязненно вспоминал былое, вспоминал до немыслимых подробностей. Имена, эпизоды, даже какая была погода. Он вспомнил рядового Хенрайда, который залег со своим ручным пулеметом в северо-восточном бастióне. У Хенрайда был на лбу жировик, и многие звали его Циклопом. Он вспомнил Кесселя, носившего при себе карточку своей девушки. Она сфотографировалась на тахте, голая, с закинутыми за голову руками, и Кессель, не бесплатно, разрешал сослуживцам ее рассматривать. Он вспомнил имена врачей, проводивших эксперименты... Имена, имена...

Обо всем этом он рассказал, вероятно, так, как рассказывают старые люди, с той только разницей, что стариков обычно слушают вполуха, неохотно, а то и с откровенным раздражением, его же готовы были слушать часами.

Так неужели это не стоит нескольких ночных кошмаров?

Он раздавил сигарету, с минуту полежал, глядя в потолок, а затем свесил ноги с кровати. Хороша парочка, подумал он, ничего не скажешь... то ли подкармливаем друг друга, то ли пьем друг у друга кровь. Если ему, Дюссандеру, по ночам бывает несладко, каково, интересно, мальчику? Ему-то как спится? Вряд ли спокойно. За последнее время он явно похудел и осунулся.

Дюссандер подошел к стенному шкафу, сдвинул все вешалки вправо и вытащил откуда-то из глубины свой «театральный костюм». Форма повисла как подбитая черная птица. Он коснулся ее. Коснулся... погладил.

Прошло немало времени, прежде чем он снял ее с вешалки. Он одевался медленно, не глядя на себя в зеркало, пока не застегнулся на все пуговицы (опять эта дурацкая «молния» на брюках) и не зашелкнул ремennую пряжку.

Только после этого он оглядел всего себя в зеркале и одобрительно кивнул.

Он снова лег и выкурил сигарету. Вдруг его потянуло в сон. Он выключил ночник. Неужели все так просто? Он не мог поверить, однако не прошло и пяти минут, как он спал, и в этот раз ему ничего не снилось.

* * *

Февраль 1975.

После обеда Дик Боуден угощал коньяком — отвратительным на вкус — Дюссандера. Разумеется, он не только не подал виду, но и всячески его расхваливал. Мальчику поставили шоколадный напиток. За обедом Тодд двух слов не сказал. Может быть, волновался? Похоже, что так.

Дюссандер сразу очаровал Боуденов. Тодд, чтобы раз и навсегда узаконить ежедневные «читки», внушил родителям, что у мистера Денкера очень слабое зрение, значительно слабее, чем это было на самом деле. Тоже мне, добровольная собака-поводырь, усмехнулся про себя старик. Он старался все время об этом помнить и, кажется, ни разу не сплеховал.

Он надел свой лучший костюм. Было сыро, но артрит вел себя на редкость миролюбиво — так, легкая боль. По непонятной причине мальчик просил его не брать зонтик, но он настоял на своем. В общем вечер удался. Даже плохой коньяк не мог его испортить. Что там ни говори, а Дюссандер лет десять не выбирался в гости.

За обедом он говорил о немецких писателях, о послевоенном восстановлении Германии, о своей работе на заводе «Эссен Мотор». Дик Боуден задал ему несколько толковых вопросов и как будто остался доволен услышанным. Моника Боуден выразила удивление тем, что он так поздно решил переехать в Америку, и Дюссандер, близоруко шурясь, поведал о смерти своей «жены». Моника была само сочувствие.

И вот они потягивали отвратительный коньяк, когда Дик Боуден вдруг сказал:

— Может быть, я вторгаюсь в личное, тогда, мистер Денкер, пожалуйста, не отвечайте... Но что, хотелось бы знать, что вы делали во время войны?

Мальчик напрягся — впрочем, едва заметно.

Дюссандер улыбнулся и начал нашаривать на столе сигареты. Он их отлично видел, но важно было сыграть без единой ошибки. Моника подала ему пачку.

— Спасибо, дорогая. Вы замечательная хозяйка. Моя покойная жена и та могла бы вам позавидовать.

Польщенная Моника рассыпалась в благодарностях. Тодд глядел на нее волчком.

— Нет, не вторгаюсь, — обратился Дюссандер к Боудену-старшему, закуривая. — С сорок третьего я, по возрасту, находился в резерве. В конце войны стали появляться надписи на стенах... кто-то высказывался по поводу Третьего рейха и его сумасшедших создателей. В частности, одного — главного сумасшедшего. — Спичка догорела. Лицо Дюссандера было почти торжественным. — Многие испытали облегчение, видя, как все оборачивается против Гитлера. Огромное облегчение. — Тут он обезоруживающе улыбнулся. Следующую фразу он адресовал непосредственно Дику Боудену как мужчина мужчине. — Хотя никто, сами понимаете, не афишировал своих чувств.

— Ну еще бы, — со знанием дела сказал Боуден-старший.

— Да, не афишировал, — печально повторил Дюссандер. — Помню, как-то мы своей компанией, четверо или

пятеро близких друзей, сидели в кабачке после работы. Тогда уже случались перебои со шнапсом и даже пивом, но в тот вечер было и то и другое. Наша дружба прошла испытание временем. И все же, когда Ганс Хаслер заметил вскользь, что фюрера, вероятно, ввели в заблуждение, посоветовав ему открыть русский фронт, я сказал: «Побойся Бога, что ты говоришь!». Бедный Ганс побледнел и быстро сменил тему. Через три дня он исчез. Больше я его не видел, и остальные, по-моему, тоже.

— Какой ужас! — прошептала Моника. — Еще коньячку, мистер Денкер?

— Нет, нет, спасибо, — улыбнулся тот. — Хорошего понемножку, как говаривала моя теща.

Тодд нахмурился.

— Вы думаете, его отправили в лагерь? — подал голос Боуден-старший. — Вашего... Хесслера?

— Хасслера, — деликатно поправил Дюссандер. И по-мрачнел. — Многих постигла эта участь. Лагеря... позорная страница Германии, за которую наш народ будет казниться тысячу лет. Вот оно, духовное наследие, оставленное Гитлером.

— Ну, это уж вы чересчур, — заметил Дик Боуден, закуривая трубку и выпуская ароматное облачко. — Насколько мне известно, большинство немцев даже не подозревало о том, что происходит. В Аушвице, считали местные жители, работает колбасный завод.

— Фу, какая мерзость. — Взгляд Моника, обращенный к мужу, призывал его закрыть тему. — Вы любите запах табака? — улыбнулась она гостю. — Я обожаю этот запах!

— Я тоже... — поспешил согласиться тот, подавляя непреодолимое желание чихнуть.

Тут Боуден-старший перегнулся через стол и хлопнул сына по плечу. Тодд подскочил.

— Ты у нас сегодня тихий какой-то. Не заболел, а?

Тодд странно улыбнулся, одновременно и отцу и гостю.

— Да нет, пап. Просто я слышал про все это.

— Слышал?! — изумилась Моника. — Тодд, что ты...

— Мальчик сказал правду, — вступился за него Дюссандер. — В этом возрасте они могут себе позволить говорить правду. Нам, взрослым, это уже бывает не под силу, не правда ли, мистер Боуден?

Дик засмеялся, кивая в знак согласия.

— А что если я предложу Тодду прогуляться со мной до дома? — спросил Дюссандер. — Хотя ему, конечно, пора садиться за уроки.

— Тодд очень способный ученик, — словно по инерции похвалилась Моника, озадаченно глядя на сына. — Одни «пятерки» и «четверки». В последней четверти он, правда, схватил «тройку» по французскому, но к марту, сказал, все будет тип-топ. Да, Тодд с мыса Код?

Ответом ей была все та же странная улыбка и легкий кивок.

— Зачем идти пешком, — возразил Дик Боуден. — Буду рад вас подбросить.

— Спасибо, но я предпочитаю пешие прогулки. Так как же?.. Нет, если не хочется...

— Ну что вы, — Тодд поднялся, — я с удовольствием.

Отец и мать дружно наградили его поощрительной улыбкой.

Почти всю дорогу старик и мальчик хранили молчание. Накрапывал дождик, и Дюссандер держал зонт над ними обоими. Поразительное дело: артрит по-прежнему не подавал голоса.

— Ты вроде моего артрита, — нарушил молчание Дюссандер.

— Чего? — задрал голову Тодд.

— Оба помалкиваете. Что это сегодня с тобой, мой мальчик? Переел?

— Ничего, — буркнул Тодд.

Они свернули на улочку, где жил старик.

— А что, если я угадаю? — Дюссандер произнес это не без скрытого злорадства. — Когда ты зашел за мной, ты со страхом думал о том, как бы я не допустил за обедом какой-нибудь оплошности... не «раскололся» — так, кажется, вы выражаетесь? Но отступать было поздно, все

предлоги, почему я не могу к вам прийти, ты давно использовал. Теперь ты злишься, потому что вечер прошел гладко. Я угадал?

— Не все ли равно, — огрызнулся Тодд.

— А почему, собственно, он не должен был пройти гладко? — не отступал Дюссандер. — Тебя на свете не было, когда я играл и не в такие игры. Вообще ты тоже молодец, умеешь хранить тайну. Что да, то да. Но и ты должен признать: сегодня я был хорош! Я просто очаровал твоих родителей. Очаровал!

И вдруг Тодда словно прорвало:

— Никто вас не просил!

Дюссандер остановился.

— Не просил? Вот как? А я думал, ты в этом заинтересован, мой мальчик. Вряд ли они теперь будут возражать против того, чтобы ты приходил ко мне «почитать».

— Разбежались! — в запальчивости выкрикнул Тодд. — Может, мне от вас ничего больше не нужно! Никто меня, между прочим, не заставляет торчать в вашей конуре и смотреть, как вы поддаете не хуже, чем алкаши на вокзале. Никто, понятно! — В его голосе, пронзительном, дрожащем, звучали истерические нотки. — Хочу — прихожу, не захочу — не приду.

— Не кричи. Мы не одни.

— А мне плевать! — с вызовом бросил Тодд и зашагал дальше, демонстративно избегая зонта.

— Ты прав, никто тебя не заставляет. — Дюссандер помедлил, а затем рискнул пустить пробный шар: — Не хочешь — не приходи. Я ведь могу пить и в одиночестве, мой мальчик. Могу, представь себе.

Тодд злобно посмотрел на него.

— Знаю, к чему вы клоните.

Дюссандер изобразил на лице улыбку.

— Все, разумеется, будет зависеть от тебя.

Они остановились перед цементной дорожкой, что вела к дому старика. Дюссандер нашаривал в кармане ключ. Артрит напомнил о себе мгновенной вспышкой в суставах и тут же затаился в ожидании. Дюссандер начинал дога-

дываться, чего он ждет: он ждет, когда я останусь один, вот тут-то он и развернется.

— Между прочим... — начал Тодд, словно задыхаясь, — если б мои про вас узнали... если бы я им только рассказал, они бы плюнули вам в лицо... они бы вам так наkostenяляли.

Дюссандер в упор разглядывал мальчишку. Тодд — бледный, осунувшийся, с воспаленными от бессонницы глазами — выдержал его взгляд.

— Ну что ж, я бы скорее всего вызвал у них отвращение, — промолвил Дюссандер, хотя у него было такое чувство, что Боуден-старший сумел бы, вероятно, на какое-то время подавить в себе отвращение, хотя бы затем, чтобы задать ему несколько вопросов... вроде тех, которые ему задал Боуден-младший. — Да, отвращение. Но, любопытно, какие чувства вызовет у них сообщение, что их сын, все эти восемь месяцев зная, кто я есть, не сказал никому ни слова?

Тодд молчал.

— Короче, захочешь — приходи, — равнодушно сказал Дюссандер, — а нет — сиди себе дома. Спокойной ночи, мой мальчик.

Он повернулся и пошел к дому. Тодд, потерявший дар речи, стоял под морозящим дождем и тупо смотрел ему вслед.

* * *

Март 1975.

В тот день мальчик пришел раньше обычного, гораздо раньше, чем заканчивались занятия в школе. Дюссандер на кухне пил свое виски из щербатой пивной кружки, на ободке которой было написано: КОФЕЙКУ НЕ ЖЕЛАЕТЕ? Он перенес кресло-качалку на кухню и теперь пил и качался, качался и пил, отбивая такт шлепанцами по линолеуму. Он уже, что называется, плавал. Ночные кошмары давно его не мучили. Но сегодня приснилось

что-то чудовищное. Такого еще не было. Он успел вскарабкаться до середины холма, когда они настигли его и поволокли вниз. Чего только с ним не проделывали! Он проснулся — точно по нему прошлась молотилка. Но на этот раз самообладание быстро к нему вернулось: он знал противоядие от ночных кошмаров.

Тодд ворвался на кухню — бледный, возбужденный, с перекошенным лицом. Дюссандер про себя отметил, как заметно мальчик похудел. Но, главное, глаза у него словно побелели от ненависти, и это не понравилось Дюссандеру.

— Сами заварили, теперь расхлебывайте! — с порога выкрикнул Тодд.

— Что я заварил? — осторожно спросил старик, догадываясь, в чем дело. Однако он не подал виду, даже когда Тодд с размаху обрушил на стол учебники. Какая-то книжка скользнула по клеенке, шлепнулась на пол.

— Да, вы! — пронзительно крикнул Тодд. — А то кто же? Вы заварили эту кашу! Вы! — Щеки у него пошли пятнами. — И расхлебывать это придется вам, или я вам устрою! Вы у меня тогда попляшете!

— Я готов тебе помочь, — спокойно промолвил Дюссандер. Он вдруг заметил, что скрестил руки на груди, его лицо выражало озабоченность и дружеское участие. Ничего больше. — А что, собственно, случилось?

— Вот что! — Тодд швырнул в него распечатанный конверт — прямоугольник плотной бумаги кольнул его в грудь и упал на колени. Первым побуждением Дюссандера было встать и залепить мальчишке пощечину, он даже сам поразился силе вспыхнувшего в нем гнева. В лице он, однако, не изменился... То был, наверно, школьный аттестат, не делавший, надо думать, его обладателю большой чести. Нет, это был не аттестат, а не вполне обычный табель с оценками, озаглавленный «Прогресс в учебной четверти». Дюссандер хмыкнул. Из развернутого листка выпала бумажка с печатным текстом. Дюссандер временно отложил ее и пробежал глазами оценки.

— По-моему, ты увяз по самую макушку, — произнес он не без скрытого злорадства. Лишь две оценки в табе-

ле — по английскому и по истории США — были удовлетворительные. Все остальные «двойки».

— Это не я, — сквозь зубы процедил Тодд. — Это вы! Вы и ваши рассказы! Они мне уже снятся. И учебник открываю, а в голове — они, только оглянулся — пора спать. Так кто виноват? Я, что ли? Я, да? Вы, может, оглохли?

— Я тебя хорошо слышу, — ответил Дюссандер и начал читать бумажку, выпавшую из табеля.

«Уважаемые мистер и миссис Боуден, настоящим уведомляю вас, что вы приглашаетесь для обсуждения успеваемости вашего сына во второй и третьей четверти. Поскольку еще недавно Тодд учился хорошо, его нынешние отметки наводят на мысль, что существует причина, отрицательно влияющая на его успеваемость. Откровенный разговор мог бы устранить эту причину.

Следует сказать, что, хотя Тодд закончил полугодие удовлетворительно, его отметки за год по ряду предметов могут оказаться ниже существующих требований. В этом случае придется подумать о летней школе, чтобы не потерять год и тем самым не осложнить еще больше создавшуюся ситуацию.

Следует также заметить, что Тодд находится в числе учеников, рекомендованных для получения среднего образования, однако его нынешняя успеваемость никак не отвечает требованиям колледжа. Она также не отвечает показателям, определяемым ежегодным тестированием.

Готов предварительно согласовать удобный день и час для нашей встречи. Ситуация такова, что чем раньше это произойдет, тем лучше.

С уважением

Эдвард Фрэнч».

До чего профессионально эти американцы умеют пудрить мозги, подумал Дюссандер. Такое трогательное послание вместо одной фразы: ваш сын может вылететь из школы. Он вложил бумажку вместе с табелем в конверт

и снова скрестил руки на груди. Никогда еще предчувствие катастрофы не ощущал он так остро и, несмотря на это, отказывался признать, что это конец. Год назад, когда Тодд ворвался в его жизнь, он мог бы, наверное, признать это, год назад он был готов к катастрофе. Сейчас он не был к ней готов, и тем не менее проклятый мальчишка, судя по всему, устроил ему катастрофу.

— Кто этот Эдвард Фрэнч? Ваш директор?

— Кто, Калоша Эд? Какой он директор — школьный наставник.

Своим прозвищем Эдвард Фрэнч был обязан привычке надевать в слякоть калоши. Еще он взял себе за правило появляться в школе исключительно в кедах, а их в его распоряжении было пять пар, от небесно-голубых до ядовито-желтых. Подобный демократизм, по его разумению, должен был расположить в его пользу добрую сотню учеников двенадцати — четырнадцати лет, которых он в поте лица своего наставлял на путь истинный.

— Школьный наставник? Это чем же он занимается?

— А то вы не поняли. — Тодд готов был сорваться в любую секунду. — Писульку-то его прочли! — Кружа по кухне, он метал в Дюссандера уничтожающие взгляды. — Так вот, я не допущу этой лажи. Не допущу, слышите! Ни в какую летнюю школу я не пойду. Летом родители улетают на Гавайи, и они берут меня с собой. — Он вдруг показал пальцем на конверт, лежавший на столе. — Знаете, что будет, если отец увидит его?

Дюссандер покачал головой.

— Он из меня все вытрясет. Все! Он поймет, что это все вы! Больше не на кого подумать. Он меня так обрабатывает, что я все выложу за милую душу. И тогда... тогда... я в дерьме. — Он уставился на Дюссандера ненавидящим взглядом. — Они начнут следить за мной. Или, еще хуже, потащат к врачу. А что, запросто! Но я не собираюсь сидеть в дерьме! И фиг я им пойду в эту долбаную летнюю школу!

— Если не в колонию, — сказал Дюссандер. Он сказал это вполголоса.

Тодд остановился как вкопанный. Лицо окаменело. И без того бледный, он стал просто белым. Казалось, он потерял дар речи.

— Что?.. Что вы сказали?

— Мой мальчик, — Дюссандер, похоже, сумел вооружиться терпением, — вот уже пять минут ты здесь рвешь и мечешь, а из-за чего? Из-за того, что *ты* попал в беду. Тебя могут вывести на чистую воду. Тебе грозят неприятности. — Видя, с каким вниманием — наконец-то! — его слушают, Дюссандер собираясь с мыслями, сделал несколько глотков. — Это крайне опасный подход, мой мальчик. И для тебя, и для меня. Ты бы подумал, чем это грозит *мне*. Сколько переживаний из-за какого-то табеля. Целая трагедия. Вот что такое твой табель. — Одним движением желтоватого пальца он сбросил конверт на пол. — А для меня это вопрос жизни.

Тодд молчал. Уставился на Дюссандера своими побелевшими полубезумными зрачками и молчал.

— Израильтян не смутит тот факт, что мне семьдесят шесть лет. У них, как ты знаешь, смертная казнь пока не вышла из моды, особенно охотно о ней вспоминают, когда речь заходит о бывшем нацисте.

— Вы американский подданный, — возразил Тодд. — Америка вас не выдаст. Я сам читал, что если...

— Читал! Ты бы лучше внимательно слушал. Я не являюсь американским подданным. Мои документы оформляла «Коза ностра». Я буду депортирован, и где бы ни приземлился самолет, у трапа меня будут поджидать агенты «Моссада».

— Вот и пусть они вас повесят, — пробормотал Тодд, сжимая кулаки. — Кретин, зачем я только с вами связался!

— Справедливо, — усмехнулся Дюссандер. — Но ты связался, и от этого никуда не уйти. Надо исходить из настоящего, мой мальчик, а не из всяких там «если бы да кабы». Пойми, мы повязаны одной веревочкой. Если ты вздумаешь, как говорится, заложить меня, можешь не сомневаться, я заложу тебя. Патэн — это семьсот тысяч

погибших. В глазах мирового сообщества я преступник, чудовище... мясник, по выражению ваших борзописцев. А ты, дружок, мой пособник. Ты знал кто я и по каким документам здесь живу, и не донес на меня властям. Так что, если меня схватят, весь мир узнает о тебе. Когда репортеры начнут тыкать мне в лицо микрофоны, я буду снова и снова повторять твое имя: «Тодд Боуден... да, вы правильно записали... Давно ли? Почти год. Он выпытывал у меня все подробности... лишь бы была чернуха... Да, это его выражение: «Была бы чернуха».

Тодд, казалось, перестал дышать. Кожа сделалась прозрачной. Дюссандер улыбнулся. Отхлебнул виски.

— Скорее всего, тебя ждет тюрьма. Возможно, это будет называться иначе — исправительное учреждение или центр по коррекции самосознания... в общем что-нибудь обтекаемое, вроде твоего «Прогресса в учебной четверти...», — при этих словах рот у него скривился в усмешке, — но как бы это место ни называлось, окна там будут в клеточку.

Тодд облизнул губы.

— Я скажу, что вы все врете. Что я только что узнал. Они поверят мне, а не вам. Можете не сомневаться.

Его возражения встретила все та же ироническая усмешка.

— Кто-то, кажется, сказал, что отец из него все вытрясет.

Тодд заговорил, медленно подбирая слова, как бывает, когда мысли формулируются на ходу:

— Может, не вытрясет. Может, я сразу и не расколуюсь. Это же не окно разбить.

Дюссандер внутренне содрогнулся. То-то и оно: с учетом того, что поставлено на карту, мальчишка-то, пожалуй, сумеет переубедить отца. Да и какой отец перед надвигающимся кошмаром не даст себя переубедить?

— Ну допустим. А книги, которые ты читал несчастному слепому мистеру Денкеру? Глаза у меня, конечно, уже не те, но в очках я пока разбираю печатный текст. И легко докажу это.

— Я скажу, что вы меня обманули!

— Да? Зачем, если не секрет?

— Чтобы... чтобы подружиться. У вас никого нет...

«Да, — подумал Дюссандер, — это весьма похоже на правду. Скажи он об этом в самом начале, глядишь, тем бы дело и кончилось. Но сейчас он рассыпается на глазах. Сейчас он расползается по швам, как ношеное-переношеное пальто. Если кто-то выстрелит на улице из игрушечного пистолета, этот смельчак заверещит, как девчонка».

— Ты забыл про табель, — сказал Дюссандер. — Кто поверит, что «Робинзон Крузо» так сильно повлиял на твою успеваемость?

— Заткнитесь, слышите! Заткнитесь!

— Нет, мой мальчик, — сказал Дюссандер, — не заткнусь. — Он чиркнул спичкой о дверцу газовой духовки. — Не заткнусь, пока ты не поймешь простой вещи. Мы с тобой в одной связке — что вверх идти, что вниз. — Сквозь рассеивающийся сигаретный дым перед Тоддом раскачивалось нечто высохшее, морщинистое, жуткое, похожее на капюшон змеи. — Я потяну тебя за собой. Я тебе это обещаю. Если хоть что-то выплывет наружу — выплывет все. Все. Надеюсь, ты меня понял, мой мальчик?

Тодд молчал, поглядывая на него исподлобья.

— А теперь, — продолжал Дюссандер с видом человека, покончившего с неприятными формальностями, — теперь вопрос: как нам поступить в этой ситуации? Есть предложения?

— С табелем проблем не будет. — Тодд вынул из кармана куртки новый флакон с жидкостью для выведения чернил. — А как быть с чертовой писулькой, не знаю.

Дюссандер с одобрением посмотрел на флакон. Самому ему в свое время пришлось подделывать не один счет, когда в разнарядках по ликвидации неполноценных рас замелькали цифры из области фантастики... чтобы не сказать суперфантастики. Ну а если ближе к нынешней ситуации, то была история с описями почтовых вложений... длинные перечни военных трофеев. Раз в неделю он проверял тогда ценные посылки для отправки в Берлин — их увозили в

специальных вагонах, напоминавших огромные сейфы на колесах. Сбоку на посылке приклеивался конверт, в конверт вкладывалась опись. Столько-то колец, ожерелий, коллье, столько-то граммов золота. Дюссандер тоже собирал посылочку — ничего по-настоящему драгоценного, но и не совсем уж пустячки. Яшма. Турмалины. Опалы. Почти безукоризненный жемчуг. Алмазы. Ну а если в чьей-то описи его внимание привлекала особенно любопытная вещица, он подменял ее в посылке на свою и, сведя соответствующую надпись, вписывал новую. В этом искусстве он достиг известного мастерства... после войны, кстати, оно ему не раз пригодилось.

— Толково, — похвалил он Тодда. — Ну а записка эта?

Дюссандер привел в движение кресло-качалку, не забывая прикладываться к виски. Тодд, не говоря ни слова, поднял с пола конверт, сел к столу и, разложив табель, принялся за работу. Внешнее спокойствие Дюссандера передалось ему, и он трудился молча, сосредоточенно — образцовый американский подросток, всерьез делающий свое дело, будь то сеянье пшеницы, введение мяча в игру во время бейсбольного матча или подделка отметок в табеле.

Дюссандеру сзади хорошо видна была его шея, тронутая легким загаром. Старик перевел взгляд с нее на верхний ящикек кухонного стола, где лежали большие ножи. Один резкий удар — уж он-то бы не промахнулся — и перебит позвоночник. Попробуй после этого поговори. Дюссандер горько улыбнулся. Исчезновение мальчишки повлечет за собой вопросы. Слишком много вопросов. И на некоторые придется отвечать ему, Дюссандеру. Даже если компрометирующее письмо — миф, он не может позволить себе роскошь свидания с государством. Жаль, конечно.

— Скажи, этот Фрэнч, — Дюссандер постучал ногтем по конверту, — он сталкивался где-нибудь с твоими родителями?

— Кто? Калоша Эд? — презрительно переспросил Тодд. — Да кто его позовет туда, где бывают мои родители!

— А в школе? Он их раньше не вызывал?

— Вот еще. Раньше я был среди первых. Это сейчас...

— Тогда что он о них может знать? — Дюссандер в задумчивости рассматривал почти пустую кружку. — О тебе-то он знает предостаточно. Весь твой послужной список к его услугам. А вот какой, интересно, он располагает информацией о твоих предках?

Тодд отложил ручку.

— Ну, он знает их имена — раз. Сколько им лет. Знает, что мы методисты. Вообще про это в анкете писать необязательно, но мои всегда пишут. Мы и в церковь-то почти не ходим, но он в курсе. И где отец работает — тоже... в анкете есть графа. Каждый год анкету надо заново заполнять. А больше там ничего и нет.

— Если бы твои родители плохо ладили, как думаешь, он бы знал об этом?

— То есть как это плохо ладили?

Дюссандер выплеснул в кружку остаток виски.

— Ругань. Ссоры. Отец спит на диване. Мать попивает. — Он оживился. — Назревает развод.

Тодд вскинулся:

— У нас ничего такого нет! Даже близко!

— Разумеется. Ну а если бы было? Если бы у вас в доме стояла пыль столбом?

Тодд, насупясь, ждал продолжения.

— Ты бы наверняка переживал за родителей, — развивал свою мысль Дюссандер. — Еще как переживал. Потерял бы аппетит, сон. Об учебе и говорить не приходится. Так ведь? Нелады в семье отражаются, увы, на детях.

В глазах Тодда забрезжило понимание... и что-то вроде молчаливой благодарности. Дюссандер это оценил.

— Что может быть печальнее, когда рушится семья, — патетически произнес он, снова наполняя кружку. Он был уже хорош. — Сколько таких драм, сам знаешь, нам показали по телевизору. Язвят, огрызаются, лгут. А сами страдают. Да, мой мальчик. Ты даже не представляешь, в каком аду живут твои папа и мама. Им даже некогда поинтересоваться, что там за неприятности у их единст-

венного сына. Да и что они значат в сравнении с их неприятностями? Вот улягутся страсти, заживут рубцы — тогда и займутся сыном. Ну а пока с этим Фрэнчем пускай объяснится дедушка.

В продолжение монолога огонек в глазах Тодда разгорался все ярче.

— А что, — бормотал он, — может сработать, да, может, может срабо... — и вдруг оборвал себя на полуслове, и глаза вновь потухли. — Не сработает. Мы же ни капельки не похожи. Калошу не проведешь.

— Himmel! Gott im Himmel!¹ — Дюссандер рывком поднялся из кресла и прошествовал (не совсем твердо) к кладовке, откуда достал непочатую бутылку старого виски. Открутив колпачок, он плеснул в кружку. — Я думал, ты смысленный мальчик, а ты, оказывается, настоящий Dummkopf². Давно ли внуки стали похожи на своих дедов? У меня волосы какие? Седые. А у тебя какие?

Он подошел к мальчику и с неожиданной резвостью схватил его за вихры.

— Ладно вам! — огрызнулся Тодд больше для виду.

— А вот глаза у нас обоих — голубые, — продолжал Дюссандер, опускаясь в кресло-качалку. — Ты мне расскажешь свою семейную хронику. Тетушки, дядюшки. С кем работает твой отец. Чем увлекается мать. Я запомню. Всю информацию. Через два дня я благополучно все забуду... память стала совсем дырявая... но на два дня меня хватит. — Он мрачно усмехнулся. — Людей Визенталья столько лет водил за нос, самому Гиммлеру очки втирал... уж как-нибудь одного наставника в начальных классах сумею обмануть. А не сумею — значит, зажился я на этом свете.

— Очень может быть, — раздумчиво сказал Тодд, и по его глазам старик понял, что он уже с ним внутренне согласен. Глаза Дюссандера радостно заблестели.

— Еще как будет!

¹ Силы небесные (нем.).

² Дурень (нем.).

И, видимо, представив себе, как это будет, он начал хохотать, раскачиваясь в кресле. Тодд несколько оторопел и даже испугался в первую секунду, а затем тоже приснул. Так они на пару и хохотали — Дюссандер в своем кресле-качалке возле открытого окна, через которое в кухню врывался теплый калифорнийский ветер, и Тодд, поднявший стул на дыбы, так что спинка уперлась в эмалированную дверцу духовки, всю в угольно-черных штрихах, ни дать ни взять абстракция вдохновенного курильщика.

Когда дедушка Тодда Боудена переступил порог кабинета и закрыл за собой дверь из зернистого стекла, Калоша Эд предупредительно поднялся, однако не вышел из-за стола. Он помнил про свои кеды. Старички, они частенько не понимают, что это, может быть, психологический прием, рассчитанный на трудных подростков... Старички встречают тебя по одежде, а до остального им и дела нет.

«Орел, орел», — подумал Фрэнч, разглядывая гостя. Седые волосы зачесаны назад. Костюм-тройка, как из магазина. Сизоватого цвета галстук завязан безукоризненно. Черный зонт в левой руке (с воскресенья зарядил мелкий дождик) смотрится эдаким офицерским стеклом. Пару лет назад Калоша Эд с женой, большие поклонники Дороти Сайерс, решили перечитать все, что вышло из-под ее пера. И вот сейчас он подумал: перед ним стоит живой лорд Питер Уимсей, словно сошедший со страниц высококочтимой писательницы. Да, семидесятипятилетний лорд Уимсей. Не забыть рассказать жене.

— Мистер Боуден? — почтительно спросил он и протянул руку.

— Очень рад, — сказал Боуден, тоже протягивая руку.

Эдвард Фрэнч не стал сжимать ее изо всех сил, как он поступал, имея дело с отцами своих учеников. По тому, с какой опаской старик протянул руку, было очевидно, что у него артрит.

— Очень рад, мистер Фрэнч, — повторил Боуден и сел напротив, не забыв поддержать на коленях идеально выглаженные брюки. Поставив зонт между колен, он оперся

на него подбородком и сразу стал похож на очень старую и исключительно деликатную хищную птицу, пролетом приземлившуюся в кабинете школьного наставника. «У него легкий акцент, — подумал Фрэнч, — но без характерной для английской аристократии, и в частности для лорда Уимсея, энергичной артикуляции, скорее континентальный, более плавный. Как, однако, Тодд похож на деда. Тот же нос. И глаза».

— Приятно, что вы смогли прийти, — сказал Фрэнч, садясь, — хотя в подобных случаях я рассчитываю, что мать или отец...

Заготовленный дебютный ход. За десять лет работы классным наставником Эдвард Фрэнч хорошо усвоил: если в школу приходит дедушка или кто-то из дальних родственников, значит, не все благополучно дома, и здесь почти наверняка кроется корень зла. В каком-то смысле Калоша Эд был даже рад подобному обороту. Неприятности в семье — само собой, не подарок, но, скажем, *наркотики* для мальчика с такими отличными мозгами, как у Тодда, — это было бы в сто раз хуже.

— Да, конечно... — Боудену удалось изобразить на лице одновременно скорбь и возмущение. — Мой сын и его жена... словом, я согласился пойти на этот разговор. Грустный разговор, мистер Фрэнч. Поверьте мне. Тодд — хороший мальчик. А оценки... это временное явление.

— Хотелось бы надеяться. Вы курите, мистер Боуден? В стенах школы это не одобряется, но мы сделаем так, что никто не узнает.

— Благодарю.

Мистер Боуден достал из внутреннего кармана мятую пачку «Кэмела», сунул в рот одну из двух оставшихся сигарет, оторвал от картонки спичку, чиркнул ею о каблук, закурил. После первой затяжки он глухо, по-стариковски, прокашлялся, загасил в воздухе спичку и положил ее в пепельницу, любезно ему предоставленную. Эдвард Фрэнч наблюдал за этим ритуалом, столь же безукоризненным, как блестящие туфли гостя, точно замороженный.

— Не знаю даже, с чего начать, — сказал Боуден, пряча явную озабоченность за легким облачком дыма.

— Вы, главное, не волнуйтесь, — мягко сказал Фрэнч. — Уже то, что пришли вы, а не родители Тодда, наводит меня, знаете, на кое-какие мысли.

— Да, наверное. Тогда к делу.

Он скрестил на груди руки. Сигарета торчала между средним и указательным пальцами. Прямая спина, чуть приподнятый подбородок. «В том, как он собрался одним волевым усилием, — подумал Фрэнч, — есть что-то от прусской решительности». Это напомнило ему трофейные фильмы, которые он видел в детстве.

— Между моим сыном и его женой возникли трения. — Боуден отчеканил каждое слово. — Я бы сказал, серьезные трения. — Глаза старика, ничуть не выцветшие, проследили за тем, как Калоша Эд раскрыл лежавшую перед ним папку. Внутри — листки. Не так уж много листков.

— Вы считаете, эти трения могут влиять на успеваемость Тодда?

Боуден приблизил лицо к Фрэнчу. Он смотрел ему прямо в глаза. После довольно значительной паузы он произнес:

— Его мать пьет.

И снова выпрямился.

— Да что вы?

— Представьте себе. — Боуден удрученно покивал головой. — Мальчик мне сам говорил, как он два раза застал ее на кухне, уткнувшейся лицом в стол. Зная, как отец к этому отнесется, он сам разогрел в духовке обед и заставил ее выпить не одну чашку крепкого кофе, чтобы до возвращения Ричарда она хоть немного пришла в себя.

— Грустная история, — заметил Фрэнч, хотя ему доводилось выслушивать истории и погрустнее: про матерей, пристрастившихся к героину... про отцов, избивающих своих детей смертным боем... — А что, миссис Боудэн не подумывала обратиться к врачу?

— Мальчик ее уговаривал, но... Мне кажется, она стыдится. Ей бы дать немного времени на разбег... — Он

обозначил в воздухе необходимый временный отрезок, прочертив его курящейся сигаретой. — Вы, надеюсь, меня понимаете.

— Да-да, — кивнул Эдвард Фрэнч, втайне восхитившись замысловатым росчерком дыма. — А ваш сын... отец Тодда?

— Тоже хорош, — резко сказал Боуден. — Домой приходит поздно, обедают без него, даже вечером вдруг может куда-то сорваться... На все это посмотреть, так он женат не на Монике, а на своей работе. Я же твердо убежден, что на первом месте для мужчины должна быть семья. А вы, мистер Фрэнч, что думаете?

— Совершенно с вами согласен, — с горячностью поддерживал его Калоша Эд. Своего отца, ночного сторожа в лос-анджелесском универмаге, он видел в детстве лишь по праздникам и воскресеньям.

— Вот вам другая сторона проблемы, — сказал Боуден. Фрэнч глубокомысленно покивал.

— Ну а второй ваш сын? Э-э... — Он заглянул в папку. — Хэролд. Дядя Тодда.

— Хэрри и Дебора совсем недавно перебрались в Миннесоту, — сказал Боуден и не соврал. — Он получил место в медицинской школе при университете. Не так-то просто вдруг все бросить... — На лице старика появилось выражение праведной убежденности. — У Хэрри замечательная семья.

— Понимаю. — Эдвард Фрэнч еще раз заглянул в свою папку, потом закрыл ее. — Мистер Боуден, спасибо вам за откровенность. Я тоже буду с вами откровенен.

— Благодарю, — сказал Боуден, весь сразу подбираться.

— К сожалению, от нас не все зависит. В школе всего шесть наставников, и на каждого приходится по сто и более учеников. У моего нового коллеги Хэнберна — сто пятнадцать. А ведь они сейчас в том возрасте, когда так важно протянуть вовремя руку помощи.

— Золотые слова, — Боуден буквально расплющил в пепельнице сигарету.

— Проблем у нас хватает. Самые распространенные — наркотики и нелады в семье. По крайней мере, Тодд не балуется «травкой» или мескалином.

— Избави бог.

— Бывают случаи, — продолжал Эдвард Фрэнч, — когда мы просто бессильны. Ужасно, но факт. Тяжелы жернова, которые мы тут крутим: много хулиганов, лодырей. Увы, система дает сбой.

— Я ценю вашу откровенность.

— Но больно смотреть, когда жернова начинают перемалывать такого, как Тодд. Еще недавно он был в числе первых. Прекрасные отметки по языку. Явные литературные задатки, особенно удивительные в этом возрасте, когда для его сверстников культура начинается с «ящика» и кончается соседней киношкой. Я разговаривал с учительницей, у которой он в прошлом году писал сочинение. За двадцать лет, сказала она, ей не приходилось читать ничего подобного. Речь шла о контрольном сочинении за четверть — про немецкие концлагеря во время второй мировой войны. Она впервые тогда поставила «пятерку» с плюсом.

— Да, — сказал Боуден. — Очень хорошее сочинение.

— Ему безусловно даются природоведение, общественные дисциплины. Скорее всего, Тодд не поразит мир математическим открытием, но и тут дела у него обстояли вполне прилично... до этого года. До этого года. Вот так... в двух словах.

— Да.

— Мне *крайне* неприятно, мистер Боуден, что Тодд так резко покати́л вниз. Что касается летней школы... что ж, я обещал говорить начистоту. Таким, как Тодд, она может принести больше вреда, чем пользы. Младшие классы в летней школе — это зверинец. Гиены, все виды обезьян, хохочущих с утра до вечера... Я думаю, не самая подходящая компания для вашего внука.

— Еще бы.

— Вот мы и вернулись к тому, с чего начали. Почему бы мистеру и миссис Боуден не обратиться в службу

доверия? Разумеется, никто ничего не узнает. Там директором Гарри Акерман, мой старый друг. Только не надо, чтобы эту идею им подал Тодд. Я думаю, предложение должно исходить от вас. — Эдвард Фрэнч широко улыбнулся. — Кто знает, может быть, к июню все постепенно войдет в колею. Всякое бывает.

Мистера Боудена явно встревожил такой поворот.

— Предложить я, конечно, могу, но, боюсь, они мальчику это потом припомнят. Положение сейчас весьма шаткое. Возможен любой исход. А мальчик... он мне обещал всерьез налечь на предметы. Он очень расстроен плохим табелем. — Боуден как-то криво усмехнулся, и эту усмешку Эдвард Фрэнч не понял. — Очень.

— Но.

— И мне они потом припомнят, — продолжал Боуден, не давая ему опомниться. — Еще как припомнят. Моника давно считает, что я сую свой нос куда не следует. Неужели бы я совал, посудите сами, когда бы не такая ситуация. Лучше всего, я думаю, оставить все как есть... до поры до времени.

— У меня в этих вопросах большой опыт, — сказал Фрэнч, кладя руки на папку с личным делом Тодда и глядя на Боудена более чем серьезно. — По-моему, им не обойтись без квалифицированного совета. Как вы понимаете, их семейные проблемы интересуют меня постольку, поскольку это влияет на успеваемость Тодда. А сейчас влияние налицо.

— А что если я выдвину контрпредложение, — сказал Боуден. — Если не ошибаюсь, у вас существует система оповещения родителей о плохих оценках их ребенка?

— Да, — осторожно подтвердил Калоша Эд. — Карточки, подытоживающие прогресс неуспевающих. Сами ребята их называют завальными карточками. Такая карточка дается в том случае, когда по какому-то предмету итоговая оценка — «два» либо «единица».

— Прекрасно, — сказал Боуден. — А теперь мое предложение: если мальчик получит одну такую карточку... хотя бы одну, — он поднял вверх скрюченный палец, —

я выйду с вашим предложением. Более того. Если мальчик получит такую завальную карточку в апреле...

— Вообще-то мы их даем в мае.

— ...в этом случае я гарантирую, что они примут ваше предложение. Их, право же, волнует судьба сына, мистер Фрэнч. Но в настоящий момент они так увязли в собственных делах, что... — Он только рукой махнул.

— Понимаю.

— Давайте же дадим им срок во всем разобраться. Пусть сами вытащат себя из болота... это будет по-нашему, по-американски, не правда ли?

— Пожалуй, — после секундного раздумья сказал Эдвард Фрэнч и, посмотрев на стенные часы, которые напоминали ему о предстоящем через пять минут свидании с очередным родителем, поспешил добавить: — Что ж, договорились.

Он и Боуден встали почти одновременно. Пожимая старику руку, Фрэнч не забыл про его артрит.

— Но должен вас предупредить, мистер Боуден, шансы наверстать за какой-нибудь месяц то, что было упущено почти за полгода, прямо скажем, невелики. Тут нужно горы своротить. Так что от данного сегодня обещания вам все равно не уйти.

— Да? — только и сказал Боуден, сопровождая вопрос загадочной усмешкой.

В продолжение всего разговора что-то все время смущало Эдварда Фрэнча, но что именно, он понял только за завтраком, в школьном буфете, через час с лишним после того, как «лорд Питер» покинул его кабинет, элегантно зажав под мышкой свой черный зонт.

Калоша Эд беседовал с дедушкой Тодда минут пятнадцать, а то и двадцать, и, кажется, ни разу за все это время старик не назвал своего внука по имени.

Через пятнадцать минут после занятий Тодд, бросил велосипед у дома, одним махом взбежал по ступенькам знакомого крыльца. Он отпер дверь своим ключом и сразу направился в залитую солнцем кухню. Лицо Тодда будто озарял свет надежды, но свет этот пробивался сквозь мрак

отчаяния. Он остановился на пороге, с трудом переводя дыхание, в горле ком, живот светло... а Дюссандер как ни в чем не бывало раскачивался в своем кресле, потягивая доброе старое виски. Он был все еще в костюме-тройке, только чуть расслабил галстук и расстегнул верхнюю пуговицу сорочки. Его глаза, глаза ящерицы, смотрели на мальчика, ничего не выражая

— Ну? — наконец выдавил из себя Тодд.

Дюссандер не спешил удовлетворить его любопытство, и эти секунды казались Тодду вечностью. Но вот старик поставил кружку и сказал:

— Этот болван всему поверил.

У Тодда вырвался вздох облегчения. А Дюссандер продолжал:

— Он предложил, чтобы твои родители походили на консультации в службу доверия. Он, собственно, настаивал на этом.

— Ну знаете!.. А вы... вы что... что вы ему?

— Все решали секунды, — сказал Дюссандер. — Но я вроде той девочки из сказки, которая, чем серьезней момент, тем смелее на выдумки. Я пообещал вашему Фрэнчу, что, если в мае ты получишь хоть одну завальную карточку, твои родители непременно воспользуются его предложением.

Кровь отхлынула от лица Тодда.

— Да вы что! — вырвалось у него. — Да я уже схватил две «пары» по алгебре и одну по истории!

У него выступил пот на лбу. — Сегодня писали контрольную по французскому... тоже будет «пара», и думать нечего. Весь урок переживал, как вы там с Калошей Эдом... обработаете его, не обработаете?.. Обработали, называется! — воскликнул он горько. — Ни одной завальной карточки! Да я нахватаю их штук пять или шесть!

— Это максимум, что я мог сделать, не вызвав подозрений, — заметил Дюссандер. — Ваш Фрэнч хоть и болван, но свое возьмет. Если ты не возьмешь свое.

— Чего-чего? — Тодд с перекошенным от злобы лицом готов был наброситься на старика.

— Будешь работать. Эти четыре недели ты будешь работать, как зверь. В понедельник ты пойдешь ко всем учителям и извинишься за наплевательское отношение к их предметам. А еще...

— Это не поможет, — перебил его Тодд. — Вы не врубались. По природоведению и истории они ушли, считай, недель на пять. По алгебре — вообще на десять.

— И тем не менее. — Дюссандер подлил себе вуски.

— Смотрите, какой умник выискался! — заорал на него Тодд. — Нашли кому приказывать. Не то времечко, понятно?! — Он вдруг перешел на издевательский шепот — Ваше самое страшное оружие теперь — морилка для крыс... вы, дерьмо засохшее, сморчок вонючий!

— Вот что я тебе скажу, сопляк, — тихо произнес Дюссандер.

Тодд дернулся ему навстречу.

— До сегодняшнего дня, — продолжал тот, отчеканивая каждое слово, — у тебя еще была возможность, весьма призрачная возможность выдать меня, а самому остаться чистым. Хотя при таких нервишках вряд ли ты справился бы с этой задачей, но теоретически это было возможно. Но сейчас все изменилось. Сегодня я выступил в роли твоего дедушки, некоего Виктора Боудена. Любому человеку понятно, что это было сделано — как в подобных случаях выражаются? — с твоего позволения. Если сейчас все выплывет наружу, тебе не отмыться. Крыть будет нечем. Сегодня я постарался отрезать тебе пути к отступлению.

— Моя бы воля...

— *Твоя воля?! —* загремел Дюссандер. — Кому есть дело до твоей воли! Плюнуть и растереть! От тебя требуется одно: осознать, в каком положении мы оказались!

— Я осознаю, — пробормотал Тодд, до боли сжимая кулаки: он не привык, чтобы на него кричали. Когда он их разожмет, на ладонях останутся кровавые лунки. Могло быть и хуже, если бы в последние месяцы он постоянно не грыз ногти.

— Вот и отлично. Тогда ты перед всеми извинишься и будешь заниматься. Каждую свободную минуту. На пере-

менах. В обед. После школы. В выходные. Будешь приходить сюда и заниматься.

— Только не сюда, — живо отозвался Тодд. — Дома.

— Нет. Дома ты витаешь в облаках. Здесь, если понадобится, я буду стоять над тобой и контролировать каждый твой шаг. Задавать вопросы. Проверять домашние задания. Тогда я смогу соблюсти собственный интерес.

— Вы не заставите меня насильно приходить сюда.

Дюссандер отхлебнул из кружки.

— Тут ты прав. Тогда все пойдет по-старому. Ты заваляшь экзамены. Я должен буду выполнять свое обещание. Поскольку я его не выполняю, Калоша Эд позвонит твоим родителям. Выяснится, по чьей просьбе добрейший мистер Денкер выступил в роли самозваного дедушки. Выяснится про переправленные в табеле оценки. Выяснится...

— Хватит! Я буду приходить.

— Ты уже пришел. Начни с алгебры.

— А вот это видали? Сегодня только пятница!

— Отныне ты занимаешься каждый день, — невозмутимо возразил Дюссандер. — Начни с алгебры.

Взгляд Тодда встретился со взглядом старика — в следующую секунду Тодд уже перебирал в своем ранце учебники. Дюссандер понял его взгляд: в нем без труда читалось убийство. Не в переносном смысле — в прямом. Сколько лет прошло с тех пор, как он видел подобный взгляд — тяжелый, полный ненависти, словно бы взвешивающий все «за» и «против», — такой не забывается. Вероятно, подобный взгляд был у него самого в тот день, когда перед ним так беззащитно смуглела цыплячья шея Тодда.

«Да, я должен блюсти собственный интерес, — повторил он про себя, сам удивляясь этой мысли. — Его неприятности ударят прежде всего по мне».

* * *

Май 1975.

— Итак, — сказал Дюссандер при виде Тодда, наливая в пивную кружку любимый свой напиток, — задержанный

освобожден из-под стражи. С каким напутствием? — Старик был в халате и шерстяных носках. «В них можно запросто поскользнуться», — подумал Тодд. Он перевел взгляд на бутылку — Дюссандер хорошо поработал, содержимого оставалось на три пальца.

— Ни одной «пары», ни одной завальной карточки, — отчитался Тодд. — Если продолжать в том же духе, к концу четверти будут сплошные «пятерки» и «четверки».

— Продолжим, продолжим. За этим я как-нибудь прослежу. — Он выпил залпом и снова налил. — Надо бы это дело отметить. — Язык у него слегка заплетался; другой бы не заметил, но Тодду сразу было понятно, что старый пьянчужка здорово перебрал. Значит, сегодня. Сегодня или никогда.

Тодд был само спокойствие.

— Свины пускай отмечают, — сказал он.

— Я жду посыльного с белугой и трюфелями, — Дюссандер сделал вид, что пропустил выпад мальчишки мимо ушей, — но сейчас, сам знаешь, ни на кого нельзя положиться. Не изволите ли пока закусить крекерами с плавленым сыром?

— Ладно. Черт с вами.

Дюссандер неловко встал, ударившись коленом о ножку стола, и, поморщившись, заковылял к холодильнику.

— Прошу, — сказал он, ставя перед мальчиком еду. — Все свежеотравленное. — Он осклабил беззубый рот. Тодду не понравилось, что старик не вставил искусственную челюсть, но он все-таки улыбнулся в ответ.

— Что это ты такой тихий? — удивился Дюссандер. — На твоём месте я бы колесом ходил.

— Никак в себя не приду, — ответил Тодд и надкусил крекер. Он давно перестал отказываться в этом доме от еды. Старик, скорее всего, догадался, что никакого разоблачительного письма не существует, но не станет же он, в самом деле, травить Тодда, не будучи в этом уверен на все сто.

— О чем поговорим? — спросил Дюссандер. — Один вечер, свободный от занятий. Ну как? — Когда старик напивался, вдруг вылезал его акцент, который обычно

раздражал Тодда. Сейчас ему было безразлично. Сейчас ему все было безразлично. Кроме одного — спокойствия. Он посмотрел на свои руки: нет, не дрожат.

— Мне как-то без разницы, — ответил он. — О чем хотите.

— Ну, скажем, о мыле, которое мы делали? Об экспериментах в области гомосексуальных наклонностей? Могу рассказать, как я чудом спасся в Берлине, куда я имел глупость приехать.

— О чем хотите, — повторил Тодд. — Мне правда без разницы.

— Ты явно не в настроении. — Дюссандер постоял в раздумье и направился к двери, что вела в погреб. Шерстяные носки шаркали по линолеуму. — Расскажу-ка я тебе, пожалуй, историю про старика, который боялся.

Он открыл дверь в погреб. К Тодду была обращена его спина. Тодд неслышно встал.

— Старик боялся одного мальчика, — продолжал Дюссандер, — ставшего, в каком-то смысле, его другом. Смышленный был мальчик. Мама про него говорила «способный ученик», и старику уже представилась возможность убедиться в том, какой он способный... хотя и в несколько ином разрезе.

Пока Дюссандер возился с выключателем устаревшего образца, Тодд приблизился сзади, бесшумно скользя по линолеуму, избегая мест, где могла скрипнуть половица. Он знал эту кухню, как свою собственную. Если не лучше.

— Поначалу мальчик не был его другом. — Дюссандер кое-как одержал верх над выключателем и с осторожностью алкоголика со стажем спустился на одну ступеньку. — И старик поначалу сильно недолго любил мальчика. Но постепенно... постепенно он стал находить определенное удовольствие в его компании, хотя до любви тут еще было далеко. — Держась рукой за поручень, он высматривал что-то на полке. Тодд уже стоял сзади, по-прежнему сохраняя спокойствие, — пожалуй, в эти секунды правильнее было бы сказать: ледяное спокойствие, — и мысленно прикидывал, как он сейчас изо всех сил толкнет

старика в спину. Впрочем, стоило дожидаться момента, когда тот наклонится вперед.

— Старик находил удовольствие в его компании, и объяснялось это, вероятно, чувством равенства, — вслух рассуждал Дюссандер. — Видишь ли, жизнь одного была в руках другого. Каждый мог выдать чужой секрет. Но со временем... со временем старик все больше убеждался в том, что ситуация меняется. Да-да. Ситуация выходила из-под его контроля, все уже зависело от мальчика — от его отчаяния... или сообразительности. И однажды, среди долгой бессонной ночи, старик подумал о том, что неплохо было бы чем-то поприжать мальчика. Для собственной безопасности.

Дюссандер отпустил поручень и весь подался вперед, но Тодд не шелохнулся. Лед спокойствия таял в его жилах, и уже накатывала горячая волна растерянности и гнева. Между тем Дюссандер нашел то, что искал, и в этот момент Тодд с омерзением подумал: ну и запах... более зловонного подвала, наверно, не бывает. Пахло мертвечиной.

— И тогда старик слез с кровати — что значит сон для старого человека? — и примостился за тесной конторкой. Он сидел и думал о том, как он хитро вовлек мальчика в свои преступления, за которые мальчик грозил ему, старику, расправой. Он сидел и думал о том, какие усилия, почти нечеловеческие, пришлось мальчику приложить, чтобы выправить положение в школе. И что теперь, когда он его выправил, старик для него — ненужная обуза. Смерть старика принесла бы ему желанное освобождение.

Дюссандер обернулся, держа за горлышко бутылку старого виски.

— Я все слышал, — сказал он миролюбиво. — Как ты отодвинул стул, как поднялся. У тебя, ты знаешь, не получается ходить совершенно бесшумно. *Пока* не получается.

Тодд молчал.

— Итак! — Дюссандер поднялся на ступеньку и плотно прикрыл за собой дверь в погреб. — Старик все написал. От первого до последнего слова. К тому времени почти

рассвело, ныли пальцы, сведенные проклятым артритом, и все же впервые за многие недели он чувствовал себя хорошо. Он чувствовал себя — в безопасности. Старик снова лег в кровать и спал до полудня. Еще немножко, и он проспал бы свою любимую передачу «Больница для всех».

Дюссандер уселся в кресло-качалку, вооружился облупленным перочинным ножом и начал долго и нудно соскабливать сургуч, которым была запечатана бутылка.

— На следующий день старик надел свой лучший костюм и отправился в банк, где лежали его скромные сбережения. Банковский служащий внес полную ясность. Старик забронировал камеру в сейфе. Старику объяснили, что один ключ будет у него, другой — в банке. Чтобы открыть камеру, понадобятся оба ключа. Воспользоваться его ключом можно будет лишь с его собственного письменного разрешения, заверенного у нотариуса. За одним исключением. — Дюссандер беззубо улыбнулся Тодду, чье лицо сейчас напоминало гипсовую маску. — Исключение — это смерть вкладчика. — Продолжая улыбаться, Дюссандер сложил перочинный нож и сунул в карман халата, после чего отвинтил на бутылке колпачок и плеснул в кружку порцию виски.

— Что тогда? — спросил Тодд охрипшим голосом.

— Тогда камеру откроют в присутствии банковского служащего и представителя налоговой инспекции. Сделают опись содержимого. В данном случае — один-единственный документ на двенадцати страницах. Обложению налогом не подлежит... хотя интерес безусловно представляет.

Пальцы мальчика сами сплелись намертво.

— Это невозможно, — произнес он с интонацией человека, на чьих глазах другой человек разгуливает по потолку, — вы... вы не могли это сделать.

— Мой мальчик, — участливо сказал Дюссандер, — я это сделал.

— А как же... я... вы... — И вдруг отчаянно выкрикнул: — Вы же *старый*! Старый, неужели непонятно?! Вы можете умереть! В любую минуту!

Дюссандер поднялся. Он вытащил из шкафчика детский стаканчик. В таких когда-то продавали желе. На стаканчике был изображен хоровод — персонажи мультяшек, знакомых Тодду с детства. Тодд смотрел, как Дюссандер, словно священнодействуя, протирал стаканчик полотенцем. Как поставил перед ним. Как налил символическую дозу.

— Зачем это? — процедил Тодд. — Я не пью. Нашли себе собутыльника.

— Возьми. Есть повод, мой мальчик. Сегодня ты выпьешь.

Тодд, после долгой паузы, поднял стаканчик. Дюссандер весело чокнулся с ним своей грошовой керамической кружкой.

— Мой тост — за долгую жизнь! Твою и мою! Prosit!

Он залпом осушил кружку... и захохотал. Он раскачивался в кресле, топоча ногами в шерстяных носочках по линолеуму, и хохотал, хохотал — диковинный стервятник, утопающий в домашнем халате.

— Ненавижу, — прошептал Тодд, и тут со стариком начался форменный припадок: он кашлял, хохотал, давился — все разом. Лицо сделалось багровым. В испуге Тодд вскочил и принялся стучать его по спине.

— Danke schon, — сказал Дюссандер, прокашлявшись. — Да ты выпей. Хуже не будет.

Тодд последовал совету. Жидкость, напоминающая микстуру от кашля в ее худшем варианте, обожгла ему все внутри.

— И эту мерзость вы пьете?! — его даже передернуло. Он поставил стаканчик. — Может, хватит, а? Заодно бы и курить бросили.

— Какая трогательная забота о моем здоровье. — Из кармана, в котором исчез складной нож, Дюссандер достал мятую пачку сигарет. — А я, мой мальчик, о твоём беспокоюсь. Как ни открою газеты — «Велосипедист сбит на оживленном перекрестке». Брось ты это дело. Ходи пешком. Или как я — автобусом.

— Катитесь вы со своим автобусом знаете куда...

— Знаю, мой мальчик, — Дюссандер засмеялся и плеснул себе еще виски, — только покатаемся мы туда вместе.

* * *

Осенью 1977-го Тодд, к тому времени старшекласник, вступил в стрелковый клуб. В тот год он прогремел в футбольном чемпионате, помог своей бейсбольной команде выиграть пять матчей из шести и при всем при этом окончил колледж с третьим результатом в его истории. Он послал документы в университет Беркли и был принят с распростертыми объятиями.

Однажды, незадолго до окончания колледжа, на него вдруг нашло странное желание, столь же пугающее, сколь и необъяснимое. Он без особого труда подавил его в себе, и слава Богу, но уже одно то, что подобная мысль могла возникнуть, встревожило его. А ведь жизнь, казалось бы, опять бежала по накатанным рельсам. Ее можно было сравнить с просторной светлой кухней Моники, где все блестело и где каждый агрегат исправно начинал работать, стоило только нажать на соответствующую кнопку.

В четверти мили от дома Боуденов проходило восьмिरядное скоростное шоссе. К шоссе спускался кособор, поросший густым кустарником, словно созданным для засады. На Рождество отец подарил ему винчестер с оптическим прицелом. В часы пик, когда шоссе напоминало растревоженный муравейник, можно было бы спрятаться в кустарнике и... а что, очень даже просто...

— О Господи!

Тодд остановился на пороге кухни как громом пораженный. Локти Дюссандера разъехали, голова лежала на столе, глаза закрыты, веки — цвета пурпурных астр.

— Дюссандер! — заорал Тодд, чувствуя во рту противный привкус страха. — Только посмей умереть, старый хрыч!

— Тише, — прошептал старик, не открывая глаз. — Соседи сбегутся...

Тодд бросился в прихожую к телефону, да так и застыл с трубкой в руке. Мысль, что он может упустить из виду

какую-нибудь мелочь, занозой застряла в мозгу. Но что? Как назло раскалывалась голова. Видит Бог, он никогда не страдал забывчивостью, а тут... Он набрал три «двойки». После первого же гудка в трубке прорезался голос:

— Санто-Донато, «скорая». Чем могу помочь?

— Меня зовут Тодд Боуден. Клермонт-стрит. 963. Скорее приезжайте.

— А что случилось, парень?

— Мой друг, мистер Дю... — Он прикусил губу до крови. Дюссандер. Еще секунда, и он бы назвал настоящее имя.

— Успокойся, парень, все будет хорошо. Давай еще разок попробуем.

— Мой друг, мистер Денкер, — сказал Тодд. — У него, кажется, сердечный приступ.

— Какие симптомы?

Тодд только начал объяснять, как его остановили. Машина, сказали, будет через десять — двадцать минут, в зависимости от дорожной ситуации. Тодд повесил трубку и закрыл глаза ладонями.

— Ну что, вызвал? — еле слышно спросил Дюссандер.

— Да! — заорал Тодд. — Вызвал, вызвал! А вы заткнитесь, если не хотите сразу подохнуть!

«Все, — сказал он себе. — Все, Тодд с мыса Код, спокуха. Как будто это нас не колышет. А сейчас самое трудное. Звонок домой. Он набрал номер».

— Алле? — раздался в трубке вкрадчивый голос Моника. В эту секунду он был готов придушить ее.

— Мапочка, это я. Дай-ка мне отца, только быстро.

Он сто лет не называл ее мамочкой. Это должно было ее сразу насторожить... и насторожило.

— А что такое? Что-нибудь случилось, Тодд?

— Дай мне его!

— Но...

В трубке загромыhalo. Мать что-то говорила отцу.

Тодд собрался.

— Пап, мистер Денкер... у него, наверно, сердечный приступ... то есть наверняка.

— Господи! — Голос отца отдалился — это он повторял информацию жене. — Он жив? Или уже...

— Жив. Он в сознании.

— Ну слава Богу. Вызови «скорую».

— Уже.

— Три «двойки»?

— Да. Они скоро будут, только... я немного испугался, пап. Если бы ты...

— Какой разговор. Через пять минут приеду.

Там еще что-то говорила Моника, но отец повесил трубку.

Пять минут. Пять минут на все. Вспоминай, не забыл ли ты чего. Почему я должен был что-то забыть? Это все нервишки. Дурак, на кой ты позвонил отцу? Первое, что пришло в голову? Что ты...

— Кретин! — внезапно взвыл он и кинулся обратно на кухню. Голова старика по-прежнему лежала на столе. Полуоткрытые глаза застил туман.

— Дюссандер! — Тодд грубо встряхнул его, старик застонал. — Эй, слышишь! Слышишь, сукин ты сын!

— Что? «Скорая»?

— Письмо! Где это чертово письмо?!

— Письмо... какое письмо...

— Вы позвонили, сказали, что вам плохо, сказали — передай своим, что я получил важное письмо... — У Тодда упало сердце. — Я ляпнул, что письмо из Германии... О, ч-черт!

— Письмо. — Дюссандер с трудом приподнял голову. По лицу разлилась мертвенная желтизна, одни глаза голубели. — От Вилли. Вилли Франкель. Дорогой... Дорогой мой Вилли...

Тодд глянул на часы: две минуты долой. За пять минут отец, конечно, не доберется, но, как ни крути, приедет он быстро. Вот именно — быстро. Все происходит слишком быстро.

— Так, годится. Я вам читал письмо от Вилли, вы разволновались, схватило сердце. Хорошо. Где оно?

Дюссандер тупо глядел на него.

— Где письмо, я спрашиваю?

— Какое письмо? — из своего тумана недоумевал Дюссандер. Тодд едва удержался от того, чтобы не придушить старого пьянчужку.

— Которое я вам читал! От Вилли Как-его-там! Где оно?

Оба уставились на стол, словно ожидая, что вот сейчас письмо материализуется.

— Наверху, — наконец выговорил Дюссандер. — В комод. Третий ящик. Маленькая такая шкатулка. Разобьешь... я потерял ключ. Там старые письма. Без подписи, без даты. Все на немецком. Что-нибудь выберешь. Иди...

— Совсем, что ли, рехнулись?! — в бешенстве заорал Тодд. — Я ж не понимаю по-немецки! Как я мог читать вам его, дурия башка!

— Почему Вилли должен писать по-английски? — упрямылся Дюссандер. — Ты не понимаешь, а я понял. Ты, конечно, коверкал слова, но я догадался.

«Прав, опять прав. Инфаркт, а голова варит лучше моей». Тодд рванул к лестнице. Он притормозил в прихожей ровно на одну секунду, прислушиваясь, не подъезжает ли отцовский «порш». Не слышать. Но время уже взяло его в тиски: пять минут долой.

Осилив лестницу единым махом, он ворвался в спальню старика. Он никогда здесь не был — зачем? — и теперь обводил обезумевшим взглядом незнакомую территорию. Вот он, комод. Дешевка в стиле, который отец называет «комиссионным модерном». Упав на колени перед комодом, Тодд рванул на себя третий ящик сверху. Ящик, вылезая наполовину, скособочился и намертво застрял.

— Вот гад, — процедил Тодд сквозь зубы. — Ну я тебя сейчас.

Он дернул с такой силой, что едва не опрокинул на себя комод. Ящик с треском выскочил из пазов. Носки, белье, носовые платки разлетелись веером. Он разворошил остатки барахла и наткнулся на деревянную шкатулку. Он попытался открыть ее. Как же. Ну да, она и должна быть заперта. Такой нынче день — все заперто.

Он затолкал вещи в ящик комода. На этот раз ящик отказывался входить обратно в пазы. Обливаясь потом, Тодд дергал его во все стороны. Наконец-то! Время, время!

Он оглянулся и в следующее мгновение что было мочи шархнул шкатулку о спинку кровати. Дикая боль в руках вызвала у него лишь брезгливую усмешку. Замок был цел. Погнулся, но не более того. Еще один мощный удар. От стойки отлетел кусок дерева, но замок не поддался. Тодд издал вопль, похожий на смех сумасшедшего, и, подняв шкатулку над головой, с сокрушительной силой обрушил ее на другую спинку кровати. Замок отлетел.

Он откинул крышку, и в этот момент по окну мазнули автомобильные фары.

Он перетряхивал содержимое шкатулки. Открытки. Медальон. Многократно сложенная карточка женщины в черных кружевных подвязках. Пожелтевший счет. Документы на разных лиц. Пустой бумажник. И — на самом дне — письма.

Свет от фар сделался ярче. Он услышал характерный звук «поршевского» двигателя. Звук нарастал... и вдруг заглох.

Тодд схватил три листка стандартной бумаги, исписанные с обеих сторон убористым готическим почерком, и выскочил из спальни. Уже с лестницы он сообразил, что на кровати осталась раскуроченная шкатулка. Он метнулся назад.

И опять застрял проклятый ящик.

Тодд услышал, как открылась и захлопнулась дверца «порша».

У него вырвался сдавленный стон. Он втиснул шкатулку в перекосившийся ящик и ударил по нему ногой. Ящик закрылся. Мгновение Тодд смотрел на него в каком-то оцепенении, а затем кинулся прочь. Он успел сбежать до середины лестницы, когда слышались быстрые шаги отца. Тодд лег животом на перила, беззвучно съехал вниз и — в кухню.

А в дверь уже барабанили.

— Тодд! Это я, открой!

Вдалеке звучала сирена «скорой помощи».

Дюссандер, кажется, снова впал в забытие.

— Сейчас, пап!

Он положил почтовые листки так, чтобы создавалось впечатление, будто их в спешке уронили на стол, и лишь затем пошел открывать дверь.

— Где он? — спросил на ходу отец.

— На кухне.

— Ты молодчина. Ты все сделал как надо. — Отец привлек его к себе, пытаясь грубоватыми мужскими объятиями скрыть некоторую растерянность.

— Надеюсь, что ничего не забыл, — скромно сказал Тодд.

Боудены всей семьей навестили мистера Денкера в больнице. Тодд не знал, куда себя девать в продолжение всей этой тягомотины в стиле «вы-должны-беречь-себя» и «с-вашей-стороны-чрезвычайно-любезно», поэтому он был даже рад, когда его подозвал мужчина с соседней койки.

— Три минутки, молодой человек, — сказал мужчина извиняющимся тоном. Он лежал в гипсовом корвете, подвешенный на каких-то блоках и тросах. — Вы имеете дело с Моррисом Хейзелем, который сломал себе позвоночник.

— Неприятная штука, — сочувственно сказал Тодд.

— Неприятная штука, вы слышали? Молодой человек умеет выбирать деликатные выражения. — Тодд начал извиняться, но Хейзель с улыбкой остановил его жестом. У мужчины было бескровное измученное лицо — лицо старого человека, прикованного к больничной койке и готового к любым поворотам в своей жизни... в основном малоприятным. «В этом смысле, — подумал Тодд, — он и Дюссандер — два сапога пара».

— Не надо, — сказал Моррис. — Не надо отвечать на мой выпад. Я вам чужой человек. Почему вы должны переживать из-за чужого человека?

— «Никто из нас не остров в этом мире...» — начал Тодд. Моррис засмеялся.

— Молодой человек знает наизусть Донна! Кто бы мог подумать?! Скажи, а как дела у твоего друга и моего соседа?

— Врачи говорят, для своего возраста он довольно быстро идет на поправку. Ему ведь уже восемьдесят.

— Это-таки возраст, — согласился Моррис. — Он у тебя совсем не разговорчивый. Но из того, что он сказал, я так понял, что он натурализованный. Вроде меня. Сам я поляк. То есть я родился в Польше. В Радоме.

— Правда? — из вежливости спросил Тодд.

— Представьте себе. Знаешь, как в Радоме называют канализационные крышки?

— Нет, — улыбнулся Тодд.

— Беретки, — засмеялся Моррис, а за ним и Тодд.

Дюссандер покосился в их сторону и слегка нахмурился, но тут Моника отвлекла его внимание каким-то вопросом.

— Значит, твой друг натурализованный.

— Да, — сказал Тодд. — Он из Германии. Из Эссена. Знаете такой город?

— Вообще-то я мало где бывал в Германии, — ответил Моррис. — Интересно, что он делал во время войны?

— Не знаю, — уклончиво сказал Тодд.

— Ну да. В общем, неважно. Война... Когда это было. Скоро в Америке подрастет поколение, из которого кто-то, может быть, станет президентом, да-да, президентом, и он уже ничего не будет знать про ту войну. Он уже может спутать чудо-победу при Дюнкерке с переходом Ганнибала на слонах через Альпы.

— А вы воевали? — спросил Тодд.

— Можно сказать, что воевал... Да, в наше время не каждый молодой человек будет навещать старика... даже двух стариков, если со мной вместе.

Тодд скромно улыбнулся.

— Что-то я устал, — сказал Моррис. — Попробую поспать.

— Поправляйтесь.

Моррис благодарно кивнул и закрыл глаза. Когда Тодд подошел к постели Дюссандера, родители уже собирались откланяться, отец поминутно поглядывал на часы и ахал, что они нарушают больничный режим.

Хейзель проснулся среди ночи, едва сумев подавить в себе крик.

Теперь он знал. Теперь он точно знал, где и когда судьба свела его с тем, кто в эти минуты спал на соседней койке. Только в те времена его звали не Денкер. Отнюдь.

Он проснулся после чудовищного ночного кошмара. Кто-то им с Лидией дал «обезьянью лапку», и они загадали желание: разбогатеть. В комнате откуда ни возьмись, вырос американский мальчик в форме «Гитлер-югенда». Он вручил Моррису телеграмму: «ПРИСКОРБИЕМ СО-ОБЩАЕМ ОБЕ ВАШИ ДОЧЕРИ ПОГИБЛИ ТЧК КОН-ЦЛАГЕРЬ ПАТЭН ТЧК ПОДРОБНОСТИ ПИСЬМЕ КО-МЕНДАНТА ЛАГЕРЯ ТЧК ПРИМИТЕ ЧЕК СТО РЕЙХСМАРОК ТЧК ПОДПИСЬ ЛОРД-КАЗНАЧЕЙ АДОЛЬФ ГИТЛЕР».

Истошный вопль Лидии. Никогда не видевшая дочерей Морриса, она взмахнула «обезьяньей лапкой» и пожелала, чтобы им вернули жизнь. Комната погрузилась в кромешный мрак. И вдруг за дверью послышались шаги.

Моррис ползал на четвереньках в темноте, обдававшей запахами газа, гари и тлена. Он нашаривал «лапку». В запасе последнее желание. Он знал, чего он пожелает: чтобы кончился этот чудовищный сон. Чтобы не видеть своих дочерей: живых скелетов с проваленными глазницами, с номерами, чернильно горящими на худосочных ручонках.

Бум, бум, бум — в дверь.

Отчаянные, бесплодные поиски. Казалось, время остановилось. Но вот дверь за его спиной с треском распахнулась. Не буду, подумал он, нет, я не буду смотреть. Я закрою глаза. Я лучше вырву их, чем посмотрю.

Но он посмотрел. Он должен был посмотреть. Во сне было такое чувство, будто его голову кто-то насильно повернул.

Это не были его дочери: это был Денкер. Молодой, в эсэсовской форме, в лихо заломленной фуражке с «мертвой головой». Начищенные пуговицы словно просвечивали тебя насквозь, сапоги блестели до рези в глазах.

И во сне этот Денкер ему сказал со своей холодной вкрадчивой улыбочкой: «Сядьте и расскажите все по порядку — мы же друзья, nein? Нам известно про золото, которое кое-кто припрятал, И про нелегальное курево. И что Шнайбель умер два дня назад вовсе не оттого, что отравился чем-то за ужином, а просто ему подложили в еду толченное стекло. Только не надо наивных слов о том, что вы ничего не знаете. А теперь рассказывайте. Все по порядку».

И в темноте, задыхаясь от тошнотворных запахов, он начал рассказывать. Слова сами отскакивали от языка. Это была полубессвязная исповедь помешанного, в которой переплелись ложь и правда.

...Он проснулся — его всего колотило, уставился на спящего соседа. Черный провал рта. Не то обеззубевший тигр, не то одряхлевший боевой слон, растерявший свои мощные бивни. Вышедший в тираж монстр.

— Боже мой, Боже мой, — беззвучно шевелил губами Моррис Хейзель. По щекам потекли слезы. — Убийца моей жены и моих детей спит со мной рядом, о Боже ж ты мой, спит со мной в одной палате...

А слезы все текли, слезы гнева и потрясения, горячие, обжигающие слезы.

Он лежал, не в силах унять дрожь, и ждал утра, но утро не приходило.

Дюссандера мучили кошмары.

Они обрушились на проволоочное ограждение. Их были тысячи, если не миллионы. Они грудью бросились на сетку из колючей проволоки, убивавшей током на месте, и под этим напором сетка заваливалась. Кое-где лопнувшая проволока уже змеилась по утрамбованной земле и плевалась голубыми разрядами. А толпы все прибывали. Безумец фюрер, неужели он полагал, что с *этим* можно будет раз и навсегда покончить? Им несть числа, они заполнили земной шар, и вот сейчас им нужен один человек — он.

— Эй! Просыпайтесь. Вы слышите меня, Дюссандер? Просыпайтесь.

Голос, казалось ему, звучал во сне.

Немецкая речь. Конечно, это сон. Леденящий душу голос. Скорей проснуться и стряхнуть наваждение.

Усилием воли он вырвался из ночного кошмара.

Возле его койки на стуле, повернутом задом наперед, сидел мужчина.

— Просыпайтесь, вот так, — говорил он.

Молодой, не больше тридцати. Темные пытливые глаза за стеклами очков в простой железной оправе. Длинные волосы. В первую секунду Дюссандеру даже показалось, что это «его мальчик» устроил небольшой маскарад. Незнакомец был в немодном синем костюме, явно не рассчитанном на теплую калифорнийскую погоду. На лацканах пиджака — серебристый значок с желтой звездой. Серебро... из него делали стилеты, которые потом вонзали в сердце вампирам и оборотням.

— Вы это мне? — спросил Дюссандер по-немецки.

— А то кому же. Соседа вашего перевели. Ну что, окончательно проснулись?

— Да. Но вы меня с кем-то путаете. Меня зовут Артур Денкер. Вы, наверное, ошиблись палатой.

— Меня зовут Вайскопф. А вас — Курт Дюссандер. Бывший комендант Патэна.

— Вы в своем уме? Я переехал в Штаты после смерти жены. А до этого я...

— Да ладно вам, — остановили его жестом. — Сосед по палате еще не забыл вашего лица. Вот *это* лицо.

Точно из воздуха, появилась фотокарточка. Одна из тех, что принес ему когда-то мальчик. Молодой Дюссандер в лихо заломленной фуражке за своим рабочим столом.

Дюссандер перешел на английский. Он говорил медленно, тщательно подбирая слова:

— Во время войны я был механиком. Мы изготавливали детали для грузовиков, для бронированных машин... Позже для танков. Резервная часть, в которой я находился, эпизодически участвовала в битве за Берлин. После войны я устроился на завод «Меншлер Мотор» в Эссене, пока...

— ...пока не пришла пора рвануть в Южную Америку. Со слитками золота — вот и коронки пригодились, со слитками серебра — и драгоценная оправка не пропала. Должен вам сказать, мистер Хейзель пережил довольно тяжелые минуты, когда осознал, с кем он лежит в одной палате. Зато теперь на душе у него гораздо легче.

У него такое чувство, будто Господь Бог в своей безграничной милости позволил ему сломать позвоночник, с тем чтобы помочь изловить одного из самых гнусных палачей, каких только знала история.

— Во время войны я был механиком.

— Да слышал, слышал. Первая же серьезная проверка покажет, что вы жили по подложным документам. Вы знаете это так же хорошо, как и я. Игра сделана.

— Мы изготавливали...

— Трупы, да. Учтите, власти оказывают нам полное содействие.

— ...детали для грузовиков и бронированных машин, позже для...

— Не надоело еще? Может, хватит?

— Резервная часть, в которой я находился...

— Ну как хотите. Мы еще увидимся. И очень скоро.

Вайскопф вышел из палаты. Его тень на стене, словно помедлив, выскользнула следом. Дюссандер закрыл глаза. Можно ли верить словам, что власти оказывают им полное содействие? Похоже на правду. Да и не все ли равно? Так или иначе, легальным путем или нелегальным, но этот Вайскопф и компания выцарапают его во что бы то ни стало. Когда дело касается нацистов — они непримиримы. Когда дело касается лагерей — они фанатики.

Дюссандера колотила дрожь. Но он знал, что надо делать.

В субботу Боудены проснулись поздно. К половине десятого мужчины уселись за стол, каждый со своим чтивом, а Моника, словно досыпая на ходу, молча ставила перед ними омлет, сок, кофе.

Тодд читал научную фантастику, Дик штудировал журнал по архитектуре. В прихожей шлепнулась на пол газета, опущенная в щель почтальоном.

— Принести, пап?

— Я сам.

Прежде чем развернуть газету, Дик Боуден пригубил кофе — и тут же закашлялся.

Моника поспешила на выручку.

Тодд, отвлекшись от романа, без особого интереса наблюдал, как Моника стучит отца по спине, но вдруг взгляд ее упал на первую страницу... и она застыла. Глаза полезли на лоб, грозя выскочить из орбит.

— Боже милостивый! — кое-как выдал из себя Дик Боуден.

— Так ведь это... не может быть... — Моника прикусила язык и посмотрела на сына. — Солнышко, ты...

Отец тоже смотрел на сына.

Тодд поднялся с тревожным чувством.

— Что там?

— Мистер Денкер, — только и сказал Боуден-старший.

Тодд прочел заголовок и все понял. «БЕГЛЫЙ НАЦИСТ КОНЧАЕТ ЖИЗНЬ САМОУБИЙСТВОМ В БОЛЬНИЦЕ САНТО-ДОНАТО». Ниже две фотографии бок о бок, хорошо известные Тодду. На первой Артур Денкер был лет на шесть моложе. Его щелкнул какой-то уличный фотограф, и старик купил карточку, чтобы она, чего доброго, не попала не в те руки. На второй Курт Дюссандер в форме войск СС, в заломленной черной фуражке сидел за столом в своем кабинете в Патэне.

Публикация первой фотографии означала, что они уже побывали в его доме.

Тодд пробежал глазами газетный материал: строчки прыгали, качнулся пол.

Где-то далеко-далеко крик матери:

— Дик, держи его! Это обморок!

Это слово

(обморокобморокобморок)

слилось в одну тягучую цепочку. Он смутно почувствовал,

как отец подхватил его, а затем — когда уже ничего не чувствуешь, ничего не слышишь.

Когда допрос кончился и этот тип оставил его в покое, Тодд вышел в сад, прихватив из дома ружейное масло и кое-какую ветошь. В гараже он взял свой винчестер. Устроившись поудобней на скамейке, переломил ствол и, то бормоча, то насвистывая мелодию, принялся тщательнейшим образом чистить ружье. В воздухе был разлит сладковатый аромат цветов. Но вот со смазкой покончено. Мысли Тодда были далеко. Только минут через пять до него вдруг дошло, что он зарядил винтовку. Охотиться сегодня он как будто не собирался — тогда зачем же? Он и сам не знал.

«Знаешь, Тодд с мыса Код, все-то ты знаешь. Просто пришло твое время».

И тут к их дому подрулил желтенький «сааб». Человек, сидящий за рулем, показался Тодду знакомым, но только когда он сделал несколько шагов ему навстречу, в глаза бросились его небесно-голубые кеды. Привет из прошлого. К Тодду приближался Калоша Эд собственной персоной.

— Здравствуй, Тодд. Давненько не виделись.

Тодд прислонил винчестер к скамейке и обворожительно улыбнулся.

— Здравствуйте, мистер Фрэнч. Каким ветром вас занесло в нашу глушь?

— Родители твой дома?

— Да нет вроде. А вам они нужны?

— Н-нет, — сказал Эдвард Фрэнч после глубокомысленной паузы. — Пожалуй, нет. Пожалуй, лучше нам потолковать на пару. Для начала. Вдруг ты сумеешь мне все объяснить. Хотя я в этом сильно сомневаюсь.

Из кармана брюк он достал газетную вырезку. Тодд догадался, что это, раньше, чем увидел: второй раз за сегодняшний день перед ним предстал Дюссандер в двух своих ипостасях. Снимок, сделанный уличным фотографом, был обведен чернилами. Смысл овальной рамки прочитывался сразу: Калоша Эд узнал «дедушку» Тодда. И теперь горел желанием оповестить весь мир об этом.

Родить на свет божий маленькую пухленькую сенсацию. Вот он — Калоша Эд, балабол и сукин сын, в небесно-голубых кедах. Лучше бы в белых тапочках.

Его сообщение, надо думать, привлечет к Тодду внимание полиции... хотя они и так не обошли его вниманием. Теперь это яснее ясного. До сегодняшнего дня он словно летел на воздушном шаре, беспечно поглядывая вниз, но вдруг оболочку пробила стальная стрела, и теперь он неотвратимо падает. Главная его промашка — телефонные звонки. Ах как они его взяли на живца. Да чего там взяли — сам набросился. Точно, звонили. Один-два раза в неделю. Денкер говорил с ними по-немецки. А про себя думал: пусть побегают с высунутыми языками по всему югу Калифорнии, поищут недобитых нацистов. Одного, умник, не учел — на телефонном узле они могли это проверить. Он, правда, не уверен в том, что телефонный узел регистрирует все звонки, но... взгляд у этой ищейки был какой-то подозрительный... Потом письмо. Зачем-то ляпнул, что в дом никто не мог залезть. Этот тип наверняка подумал: знать это может только тот, кто сам туда залезал... что он, кстати, и делал три раза: первый — чтобы забрать письмо, и еще два — проверить, не осталось ли чего такого... Нет, не осталось. Эсэсовская форма исчезла. Четыре года как-никак прошло — в какой-то момент Дюссандер, видимо, смекнул, что лучше будет от нее избавиться.

Тодд перевел взгляд с газетной вырезки на Калошу Эда, но тот смотрел куда-то в сторону, на улицу, как будто там могло произойти что-нибудь необычное.

Этот тип, конечно, может его подозревать в чем-то, но из подозрений шубы не сошьешь. Разве что всплывет нечто такое, что связывало его и старика одной ниточкой.

«Теперь всплывет, будь уверен. Потому что есть Калоша Эд. Стоит рядом — в своих дурацких кедах. И зачем такой дурак живет на свете?» Тодд потянулся к винчестеру.

Калоша Эд и есть для них то самое недостающее звено. Все ясно, скажут они, старик и мальчик были сообщника-

ми. И что тогда? Тогда суд. Отец, само собой, наймет лучших адвокатов, и те, естественно, помогут ему выкрутиться. Улики-то все больше косвенные. К тому же он произведет благоприятное впечатление на присяжных. Но что толку, если на дальнейшей жизни можно будет поставить крест. Газетчики разденут его и бросят у всех на виду — точь-в-точь как Дюссандер свои жертвы в Патэне.

— Человек, изображенный на этом снимке, однажды переступил порог моего кабинета, — вдруг заговорил Эдвард Фрэнч, поворачиваясь к Тодду, — и назвался твоим дедушкой. Сейчас выясняется, что это давно разыскиваемый военный преступник.

— Да, — согласился Тодд. Его лицо ничего не выражало. Это было лицо манекена.

— Как это могло произойти? — Вероятно, Эдвард Фрэнч рассчитывал, что его вопрос будет подобен громовому раскату, однако в нем прозвучала растерянность, и еще обида, обида человека, которого ни за что ни про что обманули. — Я тебя спрашиваю, Тодд.

— Сначала одно, потом другое, — сказал Тодд, поднимая винчестер. — Так и произошло. Сначала одно... потом другое. — Большим пальцем он спустил предохранитель и вскинул винтовку. — Я понимаю, звучит глупо, но именно так все и произошло. Ни убавить ни прибавить.

Зрочки Калоши Эда расширились. Он попятился.

— Тодд, что ты... не надо, Тодд. Давай поговорим. Давай обсудим...

— Обсуждайте это вместе с вонючим фрицем на том свете, — сказал Тодд и нажал на спуск.

Выстрел эхом прокатился в безветренном горячем воздухе полудня. Эдварда Фрэнча отшвырнуло к «саабу». Нашаривая опору, он сорвал рукой «дворник». Несколько секунд он отупело его разглядывал, не замечая, как на водолазке растекается красное пятно, потом выронил и поднял глаза на Тодда.

— Норма, — прошептал он имя дочери.

— Норма так норма, — сказал Тодд. — Тебе виднее, парень. — Вторым выстрелом он размозжил ему голову.

Калошу Эда развернуло к машине. Он слепо тыкался в закрытую дверцу и слабеющим голосом снова и снова повторял имя дочери. Третья пуля, угодившая в основание позвоночника, свалила его на землю. Он еще несколько раз дернулся и затих.

«Школьный наставник мог бы, конечно, умереть и поспокойнее», — подумал Тодд с нервным смешком. И тотчас мозг пронзило ледяной иглой. От боли он даже зажмурился.

Когда он снова открыл глаза, ему вдруг стало так хорошо, как не было много-много месяцев, а то и лет. Все тип-топ. Все в норме. Его лицо, еще минуту назад совершенное неживое, озарила какая-то первобытная радость.

В гараже он сложил в старый рюкзак патроны, четыре-ста с лишним патронов, все, что было в наличии. Когда он снова вышел в залитый солнцем сад, глаза его горели от радостного возбуждения, а на губах блуждала улыбка — так в предвкушении подарков улыбаются мальчишки на Рождество или в день своего рождения. Такая улыбка обычно предвещает пальбу из ракетниц после триумфальной победы, когда игроков выносят со стадиона на своих плечах ликующие болельщики. С такой улыбкой уходят на войну светловолосые парни в защитных касках.

— Я властелин мира! — выкрикнул он в высокое прозрачное небо и вскинул над головой винтовку обеими руками. А теперь — туда, на косогор, спускающийся к шоссе, туда, где лежит мощное дерево, словно созданное для засады.

Снайперам удалось снять его лишь пять часов спустя, когда почти стемнело.

СЕЗОН ДОЖДЕЙ

Только в половине пятого вечера Джон и Элиза Грэм наконец добрались до центра Уиллоу, штат Мэн, подобного песчинке среди множества других в этой сомнительной жемчужине. Центр был всего в восьми километрах от Хэмпстед-плейс; но они дважды сворачивали не туда. Выбравшись наконец на Мейн-стрит, они были взмокшие и злые. Кондиционер в их «форде» ломался на пути от Сент-Луиса, а снаружи было сорок пять градусов. Конечно, не в том дело, думал Джон Грэм. Как говорили в старину, не жара душит, а влажность. Он чувствовал, не выходя из машины, что из воздуха можно просто выжимать капли теплой воды. Небо было голубым, без единого облачка, но из-за высокой влажности казалось, что вот-вот пойдет дождь. Нет — казалось, что он уже идет.

— Вот магазин, о котором говорила Милли Казинс, — показала Элиза.

Джон проворчал:

— Не очень похоже на универсам завтрашнего дня.

— Не похоже, — согласилась Элиза. Они оба были осторожны в высказываниях. Они были женаты почти два года и до сих пор очень любили друг друга, но уж очень трудно было ехать из Сент-Луиса через всю страну с испорченным радиоприемником и недействующим кондиционером. Джон искренне надеялся, что они хорошо отдохнут в Уиллоу (тем более — за счет Миссурийского университета), но боялся, что не меньше недели уйдет на адаптацию. А когда такая невероятная жара, ничего не стоит поссориться из-за ерунды. Ни один из них не хотел начинать с этого отпуск.

Джон медленно покати́л по Мейн-стрит к Универсальному и хозяйственному магазину Уиллоу. В углу террасы виднелся ржавый знак с синим орлом, и он понял, что здесь еще и почтовое отделение. Магазин в это время выглядел сонным, под вывеской «ИТАЛЬЯНСКИЕ СЭНДВИЧИ — ПИЦЦА — ГРОГ — ЛИЦЕНЗИИ НА РЫБНУЮ ЛОВЛЮ» стояла одна-единственная машина — вдрызг разбитый «вольво», но по сравнению с остальным поселком здесь просто бурлила жизнь. В окне светилась неоновая реклама пива, хотя до темноты оставалось еще не меньше трех часов. «Крепко, — подумал Джон. — Надеюсь, хозяин согласовал эту рекламу с муниципалитетом, прежде чем ее повесил».

— А я-то думала, Мэн летом становится курортом, — пробормотала Элиза.

— Судя по тому, что мы видели, Уиллоу в стороне от туристских маршрутов, — ответил он.

Они вышли из машины и поднялись на веранду. Старик в соломенной шляпе сидел в плетеном кресле-качалке и хитро посматривал на них маленькими голубыми глазками. Он вертел в руках самокрутку, роняя крошки табака на растянувшуюся у его ног собаку. Это была здоровенная желтая дворняга. Лапы она положила прямо на гнутый полоз кресла. Старик не обращал внимания на собаку, казалось, вообще не замечал ее присутствия, но всякий раз, когда он качался вперед, полоз таинственным образом останавливался в полусантиметре от уязвимых лап. Элизу это привело в восхищение.

— Добрый день, леди и мистер, — произнес старый джентльмен.

— Здравствуйте, — ответила Элиза со слабой, неуверенной улыбкой.

— Приветствую вас, — сказал Джон. — Я...

— Мистер Грэм, — спокойно закончил старик. — Мистер и миссис Грэм. Которые сняли Хэмпстед-плейс на лето. Вы вроде какую-то книгу пишете.

— Об эмиграции французов в семнадцатом веке, — согласился Джон. — Тут это в самый раз, так ведь?

— В общем, да, — признал старик. — Маленький город, знаете ли. — Он сунул самокрутку в рот, где она тут же расклеилась, засыпав табаком его брюки и мягкую шкуру пса. Тот даже не пошевелился. — Ерунда, — сказал старик отдирая с нижней губы приклеившуюся бумагу. — Жена не разрешает мне курить. Где-то прочитала, что от этого будет рак у нее, а не только у меня.

— Мы приехали в город за покупками, — сказала Элиза. — Это чудесный старинный дом, но холодильник пустой.

— Угу, — пробурчал старик. — Рад познакомиться, ребята. Я Генри Иден. — Он протянул им жилистую руку. Джон и Элиза по очереди пожали ее. Они сделали это с надлежащей осторожностью, и старик кивнул, словно в знак одобрения.

— Я вас ждал полчаса назад. Вы, наверное, не там сворачивали. Слишком много дорог для такого маленького городка, по-моему. — Он засмеялся. Этот слабый, бронхиальный звук быстро перешел в тяжелый кашель курильщика. — До чертиков дорог у нас в Уиллоу, ей-богу! — И опять засмеялся.

Джон слегка нахмурился:

— С чего бы это вы нас ждали?

— Звонила Люси Дусетт, сказала, что новые жильцы проезжают мимо, — пояснил Иден. Он взял пачку табака, открыл ее, запустил туда руку и вытащил пакетик папиросной бумаги. — Вы не знаете Люси, миссис, но она говорит, что вы знаете ее внучатую племянницу.

— Значит, это тетя Милли Казинс? — спросила Элиза.

— Да, мэм, — подтвердил Иден. Он начал насыпать табак. Кое-что попало на папиросную бумагу, но большая часть просыпалась на пса. Когда Джону уже начало казаться, что пес мертв, тот задрал хвост и пукнул. Вот тебе и на, подумал он. — В Уиллоу все между собой какие-то родственники. Люси живет у подножия холма. Я сам собирался вам звонить, но раз она сказала, что вы все равно едете...

— А как вы узнали, что мы едем именно сюда? — спросил Джон.

— А мне полагается знать, — сказал Иден. Он склеил самокрутку и положил в рот. Джон ждал, когда она развалится, как предыдущая. Его слегка раздражало все это, будто он ненароком попал в какое-то деревенское ЦРУ.

Каким-то образом сигарета не развалилась. Раздалось чирканье о намазку, приклеенную к ручке кресла. Иден поднес спичку к сигарете, половина которой при этом мгновенно сгорела.

— Вам и миссис следовало бы провести ночь где-то в другом месте, — наконец произнес он.

Джон удивленно заморгал:

— В другом месте? С чего бы это? Мы только поселились здесь.

— Тем не менее так было бы лучше, мистер, — раздался голос из-за спины Идена.

Супруги посмотрели в ту сторону и увидели высокую женщину с покатыми плечами, которая стояла за ржавой дверью магазина. Ее лицо находилось как раз над старой рекламой сигарет «Честерфилд». Она толкнула дверь и вышла на веранду. В одной руке она держала буханку хлеба, в другой — упаковку пива «Доусон».

— Я Лора Стэнтон, — представилась она. — Очень рада познакомиться с вами. Очень не хотелось бы выглядеть негостеприимными, но сегодня ночью будет сезон дождей.

Джон и Элиза изумлённо переглянулись. Элиза посмотрела на небо. Сплошная синь, если не считать крохотных кучевых облачков.

— Я знаю, что на небе, — продолжала Стэнтон, — но это ничего не значит, так ведь, Генри?

— Абсолютно ничего, — подтвердил Иден. Он глубоко затянулся своей разваливающейся самокруткой, а затем швырнул ее через перила.

— Чувствуете, какой влажный воздух? — сказала Стэнтон. — Вот в чем дело, так, Генри?

— Ну да, — согласился Иден. — Но сегодня семь лет. День в день.

— День в день, — подтвердила Лора Стэнтон.

Они испытующе посмотрели на супругов Грэм.

— Извините, — наконец вымолвила Элиза. — Я ничего этого не понимаю. Это такой местный розыгрыш?

На этот раз переглянулись Генри Иден с Лорой Стэнтон и вздохнули одновременно, как по команде.

— Терпеть не могу этого, — сказал Лора Стэнтон, обращаясь то ли к старику, то ли к самой себе.

— Надо сделать, — ответил Иден.

Она кивнула со вздохом. Вздохом женщины, которая на минутку опустила тяжелый груз и сейчас должна будет снова его взять.

— Это бывает не часто, — продолжала она, — потому что сезон дождей в Уиллоу случается раз в семь лет...

— Семнадцатого июня, — вмешался Иден. — Сезон дождей каждые семь лет семнадцатого июня. Никаких отступлений, даже в високосные годы. Это всего одна ночь, но ее называют сезон дождей. Черт меня возьми, если я знаю почему. А ты не знаешь, Лора?

— Нет, — ответила она, — и не надо меня перебивать, Генри. Ты уже впадаешь в маразм.

— Извини, что так долго живу, я уже падал с катафалка, — заметил явно уязвленный Иден.

Элиза слегка испуганно посмотрела на Джона. *«Эти люди нас разыгрывают?»* — спрашивал взгляд. — *Или они оба спятили?»*

Джон не знал, но искренне жалел, что они не поехали за продуктами в Огасту; можно было быстренько перекусить у лотка с омарами на шоссе №17.

— Теперь слушайте, — терпеливо начала Стэнтон. — Мы заказали вам номер в мотеле «Чудесный вид» на Вулиджской трассе, если хотите. Там переполнено, но управляющий мой кузен, и он ради меня смог освободить одну комнату. Завтра можете вернуться и провести остальной отпуск здесь. Мы с удовольствием вас примем.

— Если это розыгрыш, я не понимаю, зачем, — заявил Джон.

— Нет, это не розыгрыш, — возразила она. Она взглянула на Идена, который подбодрил ее кивком: давай, мол, настаивай на своем. Потом обернулась к Джону и Элизе, собралась с духом и выпалила:

— Понимаете, каждые семь лет здесь, в Уиллоу, идет дождь из жаб. Именно здесь. Теперь вы знаете.

— Жабы, — произнесла Элиза отстраненным, задумчивым тоном, будто просила: «скажите мне, что я сплю».

— Жабы, угу! — бодро подтвердил Генри Иден.

Джон осторожно озирался, словно в поисках помощи. Но Мейн-стрит была совершенно пуста. Не просто пуста, заметил он, но закрыта наглухо. Ни одной машины на улице. Ни одного пешехода на тротуаре.

«Нам тут туго придется, — подумал он. — Если эти люди на самом деле такие тронутые, нам придется туго». Он вдруг поймал себя на том, что вспоминает рассказ Ширли Джексон «Лотерея» — впервые с тех пор, как проходил его в школе.

— Не думайте, что я здесь стою и говорю дурацкие вещи потому, что мне так хочется, — настаивала Лора Стэнтон. — Я просто выполняю свой долг. И Генри тоже. Дело в том, что жабами не просто *брызжет*. Они *льют ливнем*.

— Пошли, — сказал Джон, беря Элизу под руку. Его улыбка была так же правдива, как бумажка в шесть долларов. — Рад был познакомиться. — Он свел Элизу с крыльца, оглядываясь через плечо на старика и сутулую, болезненную женщину. Некрасиво было вообще повернуться к ним спиной.

Женщина шагнула за ними, и Джон споткнулся и чуть не упал с последней ступеньки.

— В это трудноверно поверить, — сказала она. — Вы, наверно, думаете, что я совсем спятила.

— Вовсе нет, — произнес Джон. Фальшивая улыбка на его лице теперь доходила чуть ли не до ушей. Господи, зачем он вообще уехал из Сент-Луиса? Проехать две с половиной тысячи километров с поломанным радиоприемником и неисправным кондиционером ради того, чтобы встретиться с фермером Джекиллом и миссис Хайд.

— Тем не менее это так, — сказала Лора Стэнтон, и злобная ясность в ее голосе заставила их остановиться под вывеской «ИТАЛЬЯНСКИЕ СЭНДВИЧИ», не доходя трех метров до машины. — Даже те, кто знает о дождях из лягушек, жаб и птиц, понятия не имеют, что происходит в Уиллоу каждые семь лет. Примите небольшой совет: если вы *все же хотите* остаться, лучше всего не выходите из дома. Скорее всего, в доме вы уцелеете.

— Стоит закрыть все ставни, — добавил Иден. Пес задрал хвост и снова оглушительно пукнул, как бы акцентируя внимание на этом предложении.

— Мы... мы это сделаем, — пробормотала Элиза, и тут Джон открыл дверцу «форда» и чуть ли не силой впихнул ее туда.

— Будьте уверены, — произнес он с той же застывшей улыбкой.

— И приходите к нам завтра, — крикнул Иден, когда Джон обходил машину, чтобы сесть на водительское место. — Думаю, у нас вам завтра будет безопаснее. — Он помолчал, затем добавил: — Если вы завтра еще будете, конечно.

Джон помахал ему рукой, сел и повернул ключ зажигания.

На веранде старик и женщина с бледным, нездоровым цветом лица молча наблюдали, как «форд» выезжает на Мейн-стрит. Он уехал на значительно большей скорости, чем приехал.

— Что ж, мы свое дело сделали, — удовлетворенно произнес старик.

— Да, — согласилась она, — а у меня на душе, как в конской заднице. Я *всегда* так себя чувствую, когда они вот так смотрят. На *меня*.

— Ну что ж, — сказал он, — это бывает только раз в семь лет. И это можно сделать только так, потому что...

— Потому что так заведено, — угрюмо пробурчала она.

— Угу. Так заведено.

Словно в знак согласия, пес опять задрал хвост и пукнул.

Женщина пнула его ногой и повернулась к старику, сложив на груди руки:

— Это самая *вонючая псина* во всех четырех городах, Генри Иден!

Пес с рычанием поднялся и затрусил по ступенькам, на прощание одарив Лору Стэнтон укоризненным взглядом.

— Он не может удержаться, — пояснил Иден.

Она вздохнула, глядя вслед «Форду».

— Очень жаль, — произнесла она. — С виду такие *хорошие* люди.

— И мы *ничем* не можем помочь, — сказал Генри Иден и начал сворачивать новую самокрутку.

В конце концов Грэмы пообедали в придорожном киоске. Они нашли его в соседнем городке Вулидже («Вот живописный мотель «Чудесный вид», — показал Джон, безуспешно пытаясь рассмешить Элизу) и сели за столик под старой, раскидистой голубой елью. Киоск представлял собой поразительный контраст с Мейн-стрит в Уиллоу. На площадке было полно машин (в основном с номерами других штатов), перемазанные мороженым дети с воплями носились друг за дружкой, пока родители слонялись кругом, лениво хлопали мошек и ждали, пока их номер не выкликнут в громкоговоритель. Меню в киоске было очень богатое. В принципе, подумал Джон, можно было заказать все, что захочешь, лишь бы оно умещалось на глубокой сковородке.

— Не представляю, как провести два дня в этом городке, не то что два месяца, — сказала Элиза. — Дочери моей матери достаются от розы одни шипы, Джонни.

— Это был просто розыгрыш. Туземцы любят такие игры с туристами. Только эти слишком далеко зашли. Сейчас, наверное, сами себя ругают.

— Но выглядели они серьезно, — заметила она. — Как мне после этого вернуться туда и смотреть в глаза старику?

— Я бы об этом не беспокоился — судя по самокруткам, он уже в том возрасте, когда *любого* видит впервые. Даже друзей детства.

Элиза пыталась справиться с прыгающими уголками рта, но не смогла и расхохоталась.

— Ну и злюка же ты!

— Откровенный, может быть, но не злюка. Я бы не сказал, что у него болезнь Альцгеймера, но что ему необходима дорожная карта, чтобы попасть в туалет, — это точно.

— А где, по-твоему, все остальные? Город выглядел совершенно пустым.

— То ли на званом обеде, то ли в карты играли, — лениво ответил Джон. Он заглянул ей в тарелку. — Что-то мало ешь, дорогая.

— Дорогая не очень голодная.

— Говорят тебе, это просто *розыгрыш*, — сказал он, взяв ее за руки. — Успокойся.

— Ты правда, правда в этом уверен?

— Правда-правда. Слушай, как это — каждые семь лет в Уиллоу, штат Мэн, идет дождь из жаб? Прямо как по юмористу Стивену Райту.

Она выдавила улыбку:

— Не дождь, — поправила она, — ливень.

— Принцип рыболова — если уж врать, то на всю катушку. Когда я в детстве ездил в лагерь, там рассказывали, как убивали бекасов тысячами. Разница небольшая. И если хорошенько подумать, это не удивительно.

— Что не удивительно?

— У тех, кто зарабатывает в основном на дачниках, развивается соответствующее мышление.

— Та женщина *вела себя* не так, будто пытается нас разыграть. Правду говоря, Джонни, она меня напугала.

Обычно открытое лицо Джона Грэма приняло суровое выражение. Оно было необычно для него, но не выглядело деланным.

— Я знаю, — сказал он, собирая пакеты, салфетки и пластиковые тарелки. — И им за это придется извиниться. Просто дурачиться — это одно, но напугать мою жену — это все равно, что напугать меня, а это уж слишком. Поехали обратно?

— А ты найдешь?

Он ухмыльнулся и сразу принял более естественный для себя вид:

— Я рассыпал по пути хлебные крошки.

— Какой ты умница, милый, — сказала она, поднимаясь. Она опять улыбалась, и Джон с удовлетворением отметил это. Она глубоко вздохнула — что было очень заметно по движению ее голубой майки вверх-вниз — и облегченно выдохнула:

— По-моему, влажность стала меньше.

— Ага, — Джон выбросил мусор в ведро и подмигнул ей. — Вот такой сезон дождей.

Но к тому времени, как они свернули на Хэмпстед-роуд, влажность вернулась, и явно с жаждой отмщения. Майка Джона прилипла к туловищу, словно вязкая илистая паутина. Небо, начавшее принимать желтоватую сумеречную окраску, еще оставалось чистым, но он чувствовал, что если бы у него была соломинка, он мог бы пить через нее воду прямо из воздуха.

На этой дороге был еще только один дом — у подножия длинного холма, на вершине которого находился Хэмпстед-плейс. Когда они проезжали мимо, Джон заметил, что у окна неподвижно стоит женская фигура и смотрит на них.

— Это тетя твоей подружки Милли, — сказал Джон. — Конечно, это она оповестила местных сумасшедших в магазине, что мы едем. Я вот думаю, если бы мы остались там чуть дольше, они повинытащивали бы все лопающиеся подушки, и петарды, и всякие прочие игрушки.

— У этой собаки была петарда в животе.

Джон рассмеялся и кивнул.

Через пять минут они уже заезжали во двор. Он весь зарос кустарником и бурьяном, и Джон решил этим заняться, пока не стало еще жарче. Сам по себе Хэмпстед-плейс был просто старой фермой, к которой каждое поколение что-нибудь пристраивало, когда возникала необходимость — или просто зуд. Позади стоял коровник, соединенный с домом тремя извивавшимися зигзагом

сараями. В эту раннюю летнюю пору два из трех сараев были почти погребены под густыми зарослями жимолости.

Отсюда открывался замечательный вид на город, особенно в такой тихий вечер. Джон удивился, откуда такая прекрасная видимость при такой высокой влажности. Элиза подошла к нему, и они постояли, обняв друг друга за талию и глядя на холмы, которые тянулись отсюда до самой Огасты, теряясь в сумерках.

— Как красиво, — прошептала она.

— Послушай, — сказал он.

Метрах в пятидесяти за коровником находилось тростниковое болотце, и в нем запел хор лягушек, надрывая упругие связки, которые Господь в неизъяснимой благодати своей вложил им в горло.

— Ну вот, — сказала она, — лягушки тут есть, и это вполне объяснимо.

— Зато никаких жаб. — Он взглянул на чистое небо, на котором открылся холодный глаз Венеры. — Вот они, Элиза! Смотри! Тучи жаб!

Она хихикнула.

— Сегодня в городке Уиллоу, — дикторским тоном начал он, — холодный фронт жаб столкнулся с теплым фронтом тритонов, в результате чего...

Она подтолкнула его под локоть.

— Хватит, — сказала она. — Пойдем.

Они пошли. Они не стали смотреть телевизор. И не выиграли двести долларов в лотерею.

Они пошли прямо в постель.

Примерно час спустя Элизу пробудил от блаженной дремы стук по крыше. Она приподнялась на локтях.

— Что это, Джонни?

— Спи, — пробурчал Джон и повернулся на другой бок.

«Жабы», — подумала она и хихикнула, но это был какой-то нервный смех... Она встала подошла к окну и прежде чем посмотреть, не упало ли что на землю, подняла взгляд к небу.

Там не было ни единого облачка; небо было усеяно мириадами сверкающих звезд. Она смотрела на них, убаюканная их простой молчаливой красотой.

Стук.

Она отшатнулась от окна и взглянула на потолок. Чтобы там ни было, оно ударилось о крышу прямо над ними.

— Джонни! Джонни! Проснись!

— Ну? Что? — Он вскочил с всклокоченными, словно набор часовых пружин, волосами.

— Началось, — сказала она с пронзительным смешком. — Дождь из лягушек.

— Жаб, — поправил он. — Элли, то, о чем ты говоришь, абсо...

Тук-тук.

Он оглянулся, затем спустил ноги на пол.

— Это же смешно, — тихо и раздраженно произнес он.

— Что ты им...

ШЛЕП-ПЛЮХ! Внизу зазвенели стекла.

— О Господи, — сказал он, вставая и натягивая джинсы. — Хватит. Это... черт побери... уже слишком.

Несколько мягких шлепков о стену дома и крышу. Она закричала, уже испуганно:

— Что ты имеешь в виду?

— Я думаю, что эта сумасшедшая баба, а может быть, и старик, и их друзья бросают камни в дом, — сказал он, — и я намерен прекратить это безобразие. Может, у них принято так приветствовать прибывших в этот город, но...

ШЛЕП! БУМ! Это из кухни.

— Да черт же возьми! — заорал Джон и выскочил в прихожую.

— Не оставляй меня одну! — закричала Элиза и побежала следом за ним.

Он включил свет в коридоре, прежде чем спуститься по лестнице. Мягкие шлепки сотрясали дом в нарастающем темпе, и Элиза успела подумать: *«Сколько же там людей из города? Сколько нужно людей, чтобы так*

кидаться? И что они бросают? Камни, завернутые в подушки?»

Джон сбежал по лестнице в гостиную. Там было большое окно, из него открывался тот самый замечательный вид, который они недавно наблюдали. Окно было разбито. Кусочки стекла разбросаны на ковре. Он направился к окну, намереваясь крикнуть что-нибудь вроде того, что сейчас возьмет пистолет. Потом опять взглянул на битое стекло, вспомнил что он босой, и остановился. Он не знал, что делать. Потом заметил темный предмет поверх осколка стекла — камень, которым кто-то из этих безмозглых вонючих кретинов разбил окно, — и его охватило бешенство. Он было рванулся к окну, забыв, что босой, но тут камень начал раскачиваться.

«Это не камень, — подумал он. — Это...»

— Джон? — спросила Элиза. Дом весь сотрясался от этих глухих шлепков. Видимо, их бомбил очень крупный, но почему-то мягкий град. — Джон, что это?

— Жаба, — растерянно произнес он. Он все еще смотрел на ползающий предмет в куче битого стекла и разговаривал больше с самим собой, чем с женой.

Он поднял голову и посмотрел в окно. Увиденное заставило его окаменеть от ужаса и невероятности происходящего. Холмы на горизонте не были видны — черт побери, он еле различал коровник в десяти метрах.

В воздухе кишели падающие предметы.

Еще три залетели через разбитое окно. Одна приземлилась на полу, рядом с барахтающейся товаркой. Она напоролась на острый осколок, и из нее густыми струйками потекла черная жидкость.

Элиза вскрикнула.

Две других зацепились за штору, которая начала раскачиваться и дергаться, словно от порыва ветра. Одной удалось высвободиться. Она упала на пол и затем прыгнула в сторону Джона.

Он уперся в стену рукой, совсем не чувствуя ее. Пальцы обвилились вокруг выключателя и дернули за шнурок.

Тварь, которая прыгала в его сторону по усеянному битым стеклом полу, была жаба, но в то же время и что-то другое. Ее черно-зеленое тело было чересчур большим, чересчур громоздким для жабы, черные с золотом глаза выпучены, будто какие-то причудливые яйца. А из разверстых челюстей торчали ряды крупных, острых, как иголки, зубов.

С громким, каким-то каркающим звуком она прыгнула на Джона, словно заведенная пружина. А сзади через окно вваливались все новые и новые жабы. Те, что падали на пол, сразу погибали или ранились, но другие — и их было намного больше — пользовались шторой как страховочной сеткой и соскальзывали на пол невредимыми.

— *Уходи отсюда!* — заорал Джон жене и поддал ногой жабе, которая — с ума сойти, но это действительно было так — готовилась напасть на него. Вместо того чтобы отлететь, она вонзила зубы прямо в его пальцы. Мгновенная боль, острая и обжигающая, пронзила ногу. Он автоматически сделал полуоборот и со всей силы ударил ногой в стену. Он чувствовал, как ломаются пальцы, но и жаба лопнула, разбрызгивая, как веером, черную кровь по обшивке. Пальцы его ноги, будто спятивший дорожный знак, указывали во всех направлениях сразу.

Элиза замерла в двери прихожей. Теперь она слышала, как бьются окна во всем доме. Она надела майку Джона после того, как они кончили заниматься любовью, и теперь стояла, схватившись за ворот обеими руками, как окаменелая. Всюду кишели отвратительные каркающие твари.

— *Убирайся, Элиза!* — заорал Джон. Он повернулся тряся кровоточащей ногой. Жаба, укусившая его, сдохла, но ее немыслимо громадные зубы все еще торчали в его теле, будто связка рыболовных крючков. Он замахал ногой, словно ударяя футбольный мяч, идохлая жаба наконец слетела с него.

Выцветший ковер в гостиной был полон пузатых, скачущих тел. И все они прыгали, пытаясь напасть на него.

Джон побежал к двери. Он наступил на одну из жаб и раздавил ее. Он поскользнулся на хлынувшем из нее холодном желе и чуть не упал. Элиза, расцепив наконец свои руки, поддержала его. Они вместе вскочили в прихожую, и Джон захлопнул дверь, прищемив при этом скачущую за ним жабу. Дверь разрезала ее пополам. Верхняя половина корчилась и извивалась на полу, открывая и закрывая зубастый рот с черными губами, уставившись на него черными с золотом бусинками глаз.

Элиза обхватила руками лицо и истерически зарыдала. Джон потянулся к ней. Она замотала головой и отшатнулась; волосы упали ей на лицо.

Звук, с которым жабы ударялись о крышу, был отвратителен, но гораздо хуже было их кваканье и чириканье, потому что они раздавались внутри дома... и *по всему дому*. Он подумал о старике в кресле-качалке на веранде магазина, взывавшем к ним: *«Может, стоит закрыть ставни»*.

«Боже, почему я ему не верил?»

И сразу вслед:

«А как я мог ему поверить? Ничем в прежней жизни я не был подготовлен к тому, чтобы поверить!»

И тут, наряду с шумом от нападения жаб снаружи и на крыше, он услышал куда более зловещий звук: жабы в гостиной начали с чавканьем прогрызать себе путь через дверь. Он увидел, как она все больше и больше подается внутрь под давлением этих тварей.

Он обернулся и увидел, как десятки жаб катятся по лестнице.

— Элиза! — он схватил ее. Она все еще плакала и вырывалась. Рукав майки оторвался. Он с идиотски видом уставился на обрывок ткани у себя в руке, а затем отшвырнул его на пол.

— *Элиза, черт возьми!*

Она завопила и отстранилась.

Вот уже первые жабы появились на полу прихожей и сосредоточенно двинулись к ним. С хрупким звоном лопнуло стекло над дверью. Жаба влетела в него, упала

на ковер и перекатилась на спину, обнажив крапчатое брюшко и суча лапками в воздухе.

Он схватил жену, затряс ее:

— Надо спуститься в погреб! Там мы будем в безопасности!

— Нет! — вскрикнула Элиза. Глаза у нее превратились в огромные круглые шары, и он понял, что она отказывается не от отступления в погреб, а вообще от всего.

На уговоры и нежности не было времени. Он схватился за перед майки, который она зажала в кулаке, и поволок ее через прихожую, как полицейский тащит упирающегося нарушителя в патрульную машину. Жаба, возглавлявшая тех, которые спустились по лестнице, совершила гигантский прыжок и щелкнула своими зубами-иглами в воздухе в том месте, где секунду назад была босая пятка Элизы.

Где-то посреди прихожей Элиза перестала упираться и пошла сама. Они достигли двери. Джон повернул ручку, но она не открывалась.

— Черт побери! — закричал он и снова дернул. Никакого эффекта.

— Джон быстрее!

Она, оглядываясь назад, видела, что орда жаб движется к ним через прихожую, одни оседлали других, падая и снова вскакивая, задевая выцветшие обои, а напирающие сзади топчут упавших. Все с устрашающими зубами, черными с золотом глазами и вздымающимися, голокожими туловищами.

— ДЖОН, ПОЖАЛУЙСТА! ПОЖ...

Тут одна из них подпрыгнула и ударилась о ее левое бедро чуть выше колена. Элиза вскрикнула и схватила ее, прорвав пальцами тонкую кожу и вдавив ими темные, влажные внутренности. Она оторвала ее, и какое-то мгновение ужасная тварь оказалась прямо перед ее глазами, размеренно клацая зубами, словно маленькая, грозящая смертью машина. Элиза отшвырнула ее как можно дальше. Жаба просвистела в воздухе и ударилась о стену напротив двери в кухню. Она не упала, а приклеилась к стене выделениями из собственных кишок.

— ДЖОН! О БОЖЕ, ДЖОН!

Тут Джон Грэм вдруг сообразил, что делает совсем не то, и вместо того, чтобы тянуть дверь на себя, толкнул ее. Она наконец распахнулась, и он чуть не полетел вниз по ступенькам. Он успел ухватиться за перила, и тут Элиза чуть не сбила его с ног, мчась мимо него по ступеням и завывая, как пожарная сирена в ночи.

«О, она свалится, она не может не свалиться, она упадет и сломает себе шею...»

Но каким-то образом она не упала. Она оказалась на земляном полу погреба и свилась в рыдающий клубок, схватившись за укушенное бедро.

Жабы заскакивали в раскрытую дверь погреба.

Джон удержался на ногах, повернулся и захлопнул дверь. Несколько жаб, оказавшихся с их стороны, прыгнули с площадки на лестницу и упали сквозь дыры между ее ступеньками. Одна почти вертикально подскочила вверх, и Джона внезапно охватил дикий смех — он вдруг представил, как мистер Жаба явился к нему в гости на ходулях вместо машины. Все еще смеясь, он кулаком ударил жабу прямо в раздувающееся, вялое брюшко в тот момент, когда она оказалась в верхней точке прыжка — в момент идеального равновесия между силой тяжести и собственной затраченной энергией. Она отлетела в темноту, мягко плюхнувшись на печь.

Он оперся о стену в темноте и нащупал высокий цилиндр, который оказался старомодным выключателем со шнурком. Он включил свет, и тут Элиза в ужасе закричала. Жаба запуталась у нее в волосах. Она чирикала, извивалась, вертелась и кусала ее за шею, сворачиваясь в отдаленное подобие огромной папилютки.

Элиза вскочила на ноги и забегала по кругу, удивительным образом не наталкиваясь на многочисленные ящики, которыми был уставлен погреб. Налетев на опорную стойку погреба, она отскочила, затем повернулась и дважды со всей силы ударилась о нее головой. Раздался низкий булькающий звук, потекла черная жидкость, а затем жаба скатилась с ее волос по спине, оставляя на майке следы гноя.

Она закричала безумным голосом, от которого Джон похолодел. Он то ли пробежал, то ли проковылял по лестнице и заключил ее в объятия. Она сперва отбивалась, потом успокоилась. Ее истеричный крик постепенно перешел в равномерный плач.

Затем в размеренном стуке жаб, падавших на дом и на землю, они различили кваканье жаб, проникших в погреб. Она отстранилась от него, безумно вращая глазами.

— Где они? — выпалила она голосом, ставшим после рыданий хриплым, почти грубым. — Где они, Джон?

Искать было не нужно: жабы уже увидели их и выходили в атаку.

Супруги попятились, и тут Джон увидел прислоненную к стене ржавую лопату. Он схватил ее и начал рубить приближающихся тварей. Только одна увернулась. Она прыгнула с пола на ящик, а оттуда на Элизу, вцепилась зубами в ткань майки и повисла у нее между грудями, дрыгая лапками.

— Стой не двигаясь! — рявкнул Джон. Он отставил лопату, прошел два шага, схватил жабу и оторвал ее от майки вместе с куском ткани. С зажатой в зубах тряпкой жаба вертелась и брыкалась в руках Джона. Кожа ее была вся в бородавках, сухая, но отвратительно теплая и чем-то *заполненная*. Он сжал кулаки и раздавил ее. Кровь и слизь потекли с пальцев.

Сквозь дверь погреба успели проскочить около десятка маленьких чудовищ, и вскоре все они были уничтожены. Джон с Элизой прижались друг к другу, прислушиваясь к размеренному ливню жаб снаружи.

Джон поднял взгляд на узкие окошки погреба. За ними было абсолютно темно, и он представил, как выглядит дом снаружи, погребенный под лавиной копошащихся, квакающих, прыгающих жаб.

— Надо забаррикадировать окна, — хрипло произнес он. — Окна продавятся под их весом, и тогда они потекут сюда рекой.

— Чем? — прохрипела Элиза. — Что можно использовать?

Он оглянулся и увидел стоящие у стены листы старой, темной фанеры — не бог весть что, но все же.

— Вот, — сказал он. — Помоги мне разломать их на меньшие куски.

Они работали быстро. В погребке было всего четыре окошка, маленьких и узких, благодаря чему они держались дольше, чем огромные стекла наверху. Они уже ставили последний лист, когда услышали звон бьющегося стекла за фанерой... но фанера все же устояла.

Они отступили в середину погреба. Джон прихрамывал на укушенную ногу.

Сверху доносилось чавканье: это жабы прогрызали дверь погреба.

— Что если они прорвутся там? — прошептала Элиза.

— Не знаю, — сказал он... и тут дверь угольного чулана, много лет не используемая, но еще целая, вдруг упала под тяжестью навалившихся на нее жаб, и сотни их словно насосом засосало в погреб.

На этот раз Элиза уже не могла кричать. Она сорвала голос прежде.

Супруги Грэм недолго продержались после того, как пала дверь чулана, но Джон Грэм еще успел закричать за двоих.

К полуночи ливень жаб в Уиллоу уменьшился до мягкого квакающего дождика.

В час тридцать ночи последняя жаба упала с темного, усеянного звездами неба, приземлилась на сосну близ озера, шлепнулась вниз и исчезла во тьме. На семь лет все было кончено.

В четверть шестого появились первые проблески света. Уиллоу был погребен под копошащимся, прыгающим, воющим ковром из жаб. У домов на Мейн-стрит не было никаких углов: все было закруглено и извивалось. На щите у дороги **«ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В УИЛЛОУ, ШТАТ МЭН, САМОЕ ГОСТЕПРИИМНОЕ МЕСТО!»** зияло не меньше тридцати огромных дыр, словно по нему палили в упор из пушки. Дыры проделали, естественно, падающие жабы. Вывеска над магазином **«ИТАЛЬЯНСКИЕ СЭНД-**

**ВИЧИ — ПИЦЦА — ГРОГ — ЛИЦЕНЗИИ НА РЫБ-
НУЮ ЛОВЛЮ»** свалилась на землю. По ней весело
скакали жабы. На каждой из бензоколонок на заправоч-
ной станции Донни они устроили свои собрания. По две
жабы восседали на каждой лопасти флюгера над хозяйст-
венным магазином, словно крохотные бесформенные дети
на карусели.

На озере несколько плотиков (только самые отчаянные
купальщики осмеливались пробовать воду озера Уиллоу
до 4 июля, были там жабы или нет) почти тонули под
тяжестью жаб, а рыбы просто посходили с ума — столько
пищи идет прямо в рот. То тут, то там раздавалось
очередное «плюх!», когда одна или две жабы, проиграв в
битве за место на плотике, сваливались в воду на радость
лососю или форели. Дороги, ведущие в город, — их было
чересчур много для такого маленького поселения, как
заметил Генри Иден, — были вымощены жабами. Света
не было: падающие жабы прорвали провода в бесчислен-
ном множестве мест. Почти все сады были уничтожены,
но Уиллоу отнюдь не славился своим сельским хозяйст-
вом. Кое у кого были немалые дойные стада, но их на эту
ночь отогнали подальше. Те, кто занимался молочным
хозяйством в Уиллоу, прекрасно знали о сезоне дождей и
не собирались отдавать своих буренок на потраву скачу-
щим всеядным тварям. Что, черт возьми, они скажут
страховым компаниям?

Когда лучи солнца осветили Хэмпстед-плейс, им от-
крылись полчища дохлых жаб на крыше, сточные трубы,
разнесенные на куски пикировавшими жабами, кишевшее
ими крыльцо. Они скакали возле коровника, ими были
забиты дымоходы, они беззаботно прыгали на шинах
«форда» Джона Грэма, некоторые, чирикаая, расселись в
ряд на переднем сиденье, словно ожидая, когда явится
священник и начнется служба. Во дворе были целые
курганы из жаб, преимущественно дохлых. Некоторые
достигали двух метров в высоту.

В 6.05 солнце полностью взошло, и когда его лучи
коснулись жаб, те начали плавиться.

Кожа у них обесцвечивалась, делалась белой, затем прозрачной. Вскоре от тел начали подниматься затхлые, отдающие болотом испарения, а по земле потекли пузырящиеся ручейки влаги. Глаза вваливались внутрь или выпадали наружу в зависимости от того, под каким углом их заставляло солнце. Шкуры лопались с хлопком, и минут десять по всему Уиллоу раздавались звуки, будто открывали бутылки шампанского.

После этого они быстро разлагались, сплавляясь в грязновато-белую массу, похожую на человеческое семя. Эта жидкость ручейками стекала по крыше Хэмпстед-плейс и капала с карнизов, словно гной.

Живые жабы подышали; мертвые просто таяли и вливались в эту белую жидкость. Она пускала несколько пузырей и медленно всасывалась в землю. Из земли вырывались тонкие струйки пара, и некоторое время каждая ровная площадка в Уиллоу походила на успокаивающийся после извержения вулкан.

К четверти восьмого все было кончено; оставалось только сделать ремонт, а к этому жителям было не привыкать.

В общем, не так дорого за семь лет тихого процветания в забытой глуши Мэна.

В пять минут девятого разбитый донельзя «вольво» Лоры Стэнтон остановился у дверей магазина. Лора выглядела еще более бледной и несчастной, чем раньше. Она действительно плохо себя чувствовала: в руке она держала упаковку из шести банок пива «Доусон», но пустых. У нее было тяжелейшее похмелье.

Генри Иден вышел на веранду. За ним собака.

— Загони эту тварь в дом, не то я развернусь и уеду, — потребовала Лора снизу.

— Он не может не пускать газы, Лора.

— Это не значит, что я должна при этом присутствовать, — отрезала Лора. — Я серьезно. У меня зверски болит голова, и я совсем не хочу сейчас слушать, как этот пес исполняет «Вперед, Колумбия» собственной задницей.

— Иди в дом, Тоби, — приказал Генри, придерживая дверь.

Тоби взглянул на него влажными глазами, как бы говоря: «Неужели я должен уйти? Здесь ведь так интересно».

— Иди, иди, — подтвердил Генри.

Тоби затрусил обратно, и Генри закрыл дверь. Лора постояла, пока не услышала щелканье замка, а затем поднялась по ступенькам.

— У тебя упала вывеска, — заметила она, вручила ему пустую тару.

— Сам вижу, женщина, — отрезал Генри. Он и так этим утром был не в духе. Да и мало кто в Уиллоу. Спать под грохот жаб — чертовски трудное дело. Слава Богу, это бывает только раз в семь лет, а то можно было бы сойти с ума.

— Ты бы ее подобрал, — сказала она.

Генри пробурчал что-то неразборчивое.

— Что такое?

— Я говорю, надо было лучше постараться, — вызывающе произнес Генри. — Они были хорошие молодые люди. Надо было лучше постараться.

Она сочувственно взглянула на старика, несмотря на ужасную головную боль, и потрепала его по руке.

— Так принято, — сказала она.

— Ну, иногда мне хочется плевать на то, что так принято!

— *Генри!* — Она с испугом отдернула руку. Но он же не становится моложе, напомнила она себе. Колесики у него в голове, ясное дело, малость заржавели.

— Плевать, — упрямо продолжал он. — Это же была замечательная молодая парочка. Ты сама это говорила, и не смей заявлять, будто не говорила.

— Да, они мне *понравились*, — согласилась она. — Но мы не можем ничего исправить, Генри. Ты же сам вчера говорил.

— Я знаю, — вздохнул он.

— Мы же не заставляем их оставаться, — заметила она. — Совсем наоборот. Мы им советуем обратиться из

города. Они сами решают остаться. Они *всегда* решают остаться. Сами делают свой выбор. И *это* тоже принято.

— Я знаю, — повторил он. Он глубоко вздохнул и поморщился. — Не выношу эту вонь. Весь город воняет, как свернувшееся молоко.

— К полудню развеется. Ты же знаешь.

— Угу. Но мне хочется зарыться под землю, когда это начинается, Лора. Или хотя бы чтобы кто-то другой встречал тех, кто приезжает перед сезоном дождей. Мне нравится, когда я могу вовремя платить по счетам, как все, но говорю тебе, жабы чертовски надоедают. Даже если только раз в семь лет, все равно жабы чертовски надоедают.

— Мне тоже, — тихо произнесла она.

— Ладно, — со вздохом оглянулся он, — думаю, можно попробовать в следующий раз постараться от души, так ведь?

— Конечно, — сказала она. — И знаешь, Генри, мы ведь не придумали этот обряд, мы просто выполняем его.

— Знаю, но...

— Все может измениться. Не знаю, когда или как, но ведь может. Вдруг это был последний сезон дождей? Или в следующий раз никто чужой не придет...

— Не говори так, — рассерженно прервал он. — Если никто не придет, жабы могут не уйти, когда встанет солнце.

— Вот видишь? — торжествующе спросила она. — В конце концов ты встал на мою сторону.

— Ладно, — сказал он. — Еще долго. Семь лет — это долго.

— Да.

— Они были замечательные молодые люди, правда?

— Да, — снова согласилась она.

— Это ужасно, — произнес Генри Иден упавшим голосом, и на этот раз она ничего не сказала. Потом Генри осведомился, не поможет ли она ему повесить вывеску. Несмотря на страшную головную боль, Лора согласилась — ей не нравилось, что Генри был в таком располо-

жении духа, тем более из-за того, что было в его власти не больше, чем прилив или фазы луны.

Когда вывеска была водворена на место, он выглядел немного лучше.

— Угу, — сказал он. Семь лет — это чертовски долго.

«Да, — подумала она, — но и они проходят, и всегда снова наступает сезон дождей, и приезжают чужие, всегда двое, всегда муж и жена, и мы всегда объясняем им, что должно произойти, а они не верят, и то, что должно произойти... происходит».

— Пойдем, старый козел, — сказала она, — свари мне чашку кофе, пока голова у меня не развалилась.

Он налил ей кофе, и не успела она его допить, как по всему городу послышался стук молотков и визг пил. В окно им было видно, как по всей Мейн-стрит открываются ставни, люди переговариваются и смеются.

Воздух был теплый и сухой, небо над головой отливало голубизной — сезон дождей в Уиллоу завершился.

ЛЮДИ ДЕСЯТОГО ЧАСА

Пирсон попытался закричать, но от ужаса лишился голоса, и у него вырвалось только сдавленное всхлипывание, как у человека, стонущего во сне. Он глубоко вздохнул, чтобы попробовать снова, но не успел открыть рот, как чьи-то пальцы крепко сжали его руку выше локтя.

— Вы не правы, — произнес чей-то голос. Он был чуть громче шепота и доносился Пирсону прямо в ухо. — Опасно не правы. Поверьте мне.

Пирсон оглянулся. То, что вызвало у него желание — нет, потребность — закричать, уже скрылось за дверью банка, совершенно беспрепятственно, и Пирсон понял, что может осмотреться. Его держал за руку красивый молодой негр в кремовом костюме. Пирсон не был с ним знаком, но знал в лицо: он узнавал почти все крохотное племя, которое привык называть про себя Людьми десятого часа... как, надо полагать, и они его.

Красивый молодой негр пристально смотрел на него.

— Вы это видели? — спросил Пирсон. У него выходил какой-то плаксивый визг вместо обычного уверенного тона.

Красивый молодой негр отпустил руку Пирсона, вполне уверившись, что тот не будет оглашать диким криком площадку перед зданием Первого коммерческого банка Бостона; Пирсон инстинктивно потянулся и сжал запястье молодого человека. Как будто не мог устоять, не хватаясь за чью-то руку. Красивый молодой негр не делал попыток отойти, только посмотрел на руку Пирсона прежде, чем заглянуть ему в глаза.

— Я хочу сказать, вы действительно это видели? Ужасно! Даже если это грим... или кто-то надел маску шутки ради...

Но это был не грим и не маска. Существо в темно-сером костюме от Андре Сира и в пятисотдолларовых туфлях прошло очень близко к Пирсону, чуть ли не коснувшись его (*Господи помилуй*, инстинктивно содрогнулся он), и он знал, что это не грим и не маска.

Потому что плоть на огромном выросте, где должна быть голова, *шевелилась*, разные ее части двигались в разные стороны, словно газовые потоки в атмосфере какой-то планеты-гиганта.

— Друг, — начал красивый молодой негр в кремовом костюме, — вам надо...

— Что это было? — прервал его Пирсон. — Я такого в жизни не видел! Такое, наверное, можно увидеть в кошмарном сне... или...

Голос его, казалось, исходил не из обычного места в голове. Он выплывал откуда-то сверху — будто он провалился в какую-то глубокую яму или трещину в земле, и этот плаксивый визг принадлежал кому-то другому, вещающему сверху.

— Послушайте, друг...

И что-то появилось еще. Когда несколько минут назад Пирсон вышел через вращающуюся дверь с незажженной «Мальборо» в руке, день был пасмурный — собирался дождь. Теперь все вокруг выглядело не просто ярким, а сверхъярким. Красная юбка на хорошенькой блондинке, стоявшей метрах в десяти от здания (она курила сигарету и читала детектив), пламенела, словно сигнал пожара; желтая рубашка пробежавшего мимо рассыльного напоминала осиное брюшко. Лица окружающих вырисовывались четко, как в любимой книжке комиксов его дочки Дженни.

А губы... своих губ он не чувствовал. Они онемели, как после введения огромной дозы новокаина.

Пирсон обернулся к красивому молодому человеку в кремовом костюме и произнес:

— Смешно, но я сейчас упаду в обморок.

— Нет, не упадете, — ответил молодой человек с такой уверенностью, что Пирсон поверил ему, хотя бы на какое-то время. Тот снова сжал ему руку выше локтя, но на этот раз мягче. — Пойдемте туда — вам нужно сесть.

На широкой площадке перед банком были расставлены круглые мраморные чаши, каждая со своей разновидностью цветов. По краям этих высоких клумб сидели Люди десятого часа — кто-то читал, кто-то болтал, кто-то рассматривал пешеходов на тротуарах Коммершл-стрит, но все делали то, что превращало их в Людей десятого часа, за чем и сам Пирсон спустился вниз. На ближайшей к Пирсону мраморной клумбе росли астры, пурпурный цвет которых казался Пирсону в его возбужденном состоянии таинственно ярким. На краю чаши уже никто не сидел, видимо, потому, что было уже десять минут одиннадцатого и люди начали собираться обратно.

— Присядьте, — предложил красивый молодой негр в кремовом костюме, и, как ни старался Пирсон, он скорее упал, чем сел. Вот только что он стоял рядом с коричневатой-красной чашей, а потом будто кто-то дернул за ниточки в коленях, и он приземлился на задницу. Тяжело приземлился.

— Теперь откиньтесь назад, — сказал молодой человек, присаживаясь рядом. Лицо его оставалось приятным на протяжении всего эпизода, но в глазах ничего приятного не было: они простреливали площадку во всех направлениях.

— Зачем?

— Чтобы кровь прилила к голове, — пояснил молодой негр. — Но не принимайте *слишком* откровенную позу. Сделайте вид, что нюхаете цветы.

— Что делаю?

— Делайте то, что вам говорят, понятно? — В голосе молодого человека послышалась нотка нетерпения.

Пирсон нагнул голову и глубоко вздохнул. Оказалось что цветы пахнут вовсе не так приятно, как выглядели, — они отдавали сорняками и собачьей мочой. Тем не менее в голове у него слегка просветлело.

— Начинайте перечислять штаты, — приказал негр. Он скрестил ноги, расправив ткань брюк так, чтобы сохранить складку, и достал пачку «Уинстона» из внутреннего кармана. Пирсон сообразил, что потерял свою сигарету: наверное, выронил в первый момент шока, когда увидел чудовище в костюме, шествующее по западной стороне площадки.

— Штаты, — механически повторил он.

Молодой негр кивнул, достал зажигалку, которая была явно намного дешевле, чем казалась на первый взгляд, и закурил.

— Начинайте с этого и продвигайтесь на запад, — предложил он.

— Массачусетс... Нью-Йорк, наверное... или Вермонт, если начинать с севера... Нью-Джерси... — Теперь он немного распрямился и заговорил чуть увереннее: — Пенсильвания, Западная Вирджиния, Огайо, Иллинойс...

Негр приподнял брови:

— Западная Вирджиния, да? Вы уверены?

Пирсон чуть улыбнулся:

— Вполне уверен, да. Можно было, конечно, раньше назвать Огайо и Иллинойс.

Негр пожал плечами, показывая, что это не имеет значения, и улыбнулся:

— Не похоже, что вы собираетесь падать в обморок, хотя... нет, не собираетесь, я вижу... и это главное. Сигарету хотите?

— Спасибо, — с признательностью произнес Пирсон. Он не просто *хотел* сигарету: он нуждался в ней. — У меня была, но я потерял. Как вас зовут?

Негр просунул сигарету между губами Пирсона и поднес к ней зажигалку:

— Дадли Райнеман. Можете называть меня Дьюк.

Пирсон глубоко затянулся и взглянул на вращающуюся дверь, открывающую доступ к мрачным глубинам и облачным высотам Первого коммерческого.

— Это не было галлюцинацией, правда? — спросил он. — То, что видел я, вы тоже видели?

Райнеман кивнул.

— Вы не хотели, чтобы он заметил, что я его вижу, — продолжал Пирсон. Он говорил медленно, пытаясь связать все это про себя. К нему вернулся нормальный тон — уже огромное облегчение.

— Вы видели, чтобы кто-нибудь еще здесь пытался устроить истерику подобно вам? — спросил Райнеман. — Чтобы кто-нибудь даже *выглядел* так, как вы? Я, например?

Пирсон медленно покачал головой. Он теперь чувствовал себя не просто перепуганным, он был совершенно растерян.

— Я встал между ним и вами, и я не думаю, что он вас заметил, но в какую-то секунду это вполне могло случиться. У вас был вид, словно у человека, который заметил, как мышка выскакивает из бифштекса, который он ест. Вы из ипотечного отдела, да?

— О, да. Брэндон Пирсон. Извините.

— Я из отдела обслуживания компьютеров. Все в порядке. Когда впервые видишь летучую мышь в человеческом облике, так бывает.

Дьюк Райнеман протянул руку, и Пирсон пожал ее, но думал он о другом. «Когда впервые видишь летучую мышь в человеческом облике, так бывает», — сказал молодой человек, и когда Пирсон вспомнил свое первое впечатление от Крестоносца в Капюшоне, шествующего между шпильями в стиле «ар-деко», он понял, что термин очень удачный. И еще он понял, вернее, припомнил: хорошо, когда есть название тому, что тебя напугало. Страх не уходит, но его можно держать в рамках.

Теперь он восстановил в памяти то, что видел, думая при этом: «Летучая мышь в человеческом облике — я это впервые увидел».

Он вышел через вращающуюся дверь, думая только об одном, о чем он всегда думал, когда близились десять часов, — как замечательно, когда вдыхаешь первую пор-

цию никотина. Именно это делало его членом племени — как четки или татуировка на щеках.

Прежде всего он отметил, что стало еще пасмурнее с тех пор, как он явился на работу в восемь сорок пять, и подумал: «Днем мы будем сосать свои канцерогенные палочки под проливным дождем, вся наша братия». Конечно, дождик их не остановит. Люди десятого часа упрямы.

Он вспомнил, что окинул взглядом площадку, как бы проверяя, все ли в порядке, — почти бессознательно. Он заметил девушку в красной юбке (и снова подумал, как всегда, будет ли она выглядеть такой же красавицей, если ее одеть в мешковину), молодого, похожего на рок-музыканта уборщика с третьего этажа, который всегда надевал кепочку козырьком назад, когда мыл полы в туалете и закусочной, пожилого мужчину с прекрасной седой шевелюрой и красными пятнами на щеках, молодую женщину в очках с толстыми стеклами, продолговатым лицом и с длинными, прямыми черными волосами. И нескольких других, которых видел реже. Одним из них, разумеется, был и красивый молодой негр в кремовом костюме.

Если бы там был Тимми Флэндерс, то Пирсон, скорее всего, присоединился бы к нему, но того не было, и Пирсон направился к середине площадки, намереваясь присесть на край одной из клумб (той самой, на которой сидел сейчас). Оттуда он мог бы рассчитать длину и кривизну ног Мисс Красная Юбочка — грубо, разумеется, но какими уж есть подручными средствами. Он был женат, любил жену и обожал дочку, даже и не помышлял об измене, но, приближаясь к сорока, все чаще обнаруживал, что в его крови бродят некие порывы, подобные морским чудовищам. И он не представлял, как может любой мужчина удержаться от того, чтобы не смотреть на такую красную юбочку и не размышлять, есть ли под ней облегающее белье.

Он уже направился к клумбе, как кто-то появившийся из-за угла здания, начал подниматься по ступеням. Пирсон заметил его краем глаза и в обычных обстоятельствах

не обратил бы внимания — все его мысли поглощала красная юбочка — короткая, узкая и яркая, как борт пожарной машины. Но он взглянул, потому что, даже краем глаза и даже думая о другом, заметил, что что-то *не так* с лицом и головой приближавшейся фигуры. И он повернулся и посмотрел внимательнее, лишив себя тем самым сна на Бог знает сколько ночей.

С ботинками все в порядке; темно-серый костюм от Андре Сира, столь же солидный и надежный, сколь и дверь хранилища ценностей в подвале банка, если не более; красный галстук, предсказуемый, но не кричащий. Все прекрасно, все соответствует облику типичного высшего банковского руководителя в понедельник утром (а кто еще может являться на работу в десять часов, кроме высших руководителей?). Только дойдя до головы, ты понимаешь, что либо спятил, либо смотришь на нечто такое, о чем нет ни строчки во «Всемирной энциклопедии».

«Но почему они не побежали? — размышлял теперь Пирсон, когда капля дождя упала ему на руку, а другая — на чистую белую поверхность недокуренной сигареты. — Они же должны были с воплями разбежаться, как от гигантских жуков в фильмах пятидесятих годов. — Потом подумал: — Но ведь и я не побежал».

Да, конечно, но это не одно и то же. Он не побежал, потому что застыл на месте. Впрочем, он *пытался* бежать; просто новый знакомый остановил его прежде, чем у него включились голосовые связи.

«Летучая мышь в человеческом облике. Ты впервые это увидел».

Над широкими плечами Самого Элегантного в Текущем Году Делового Костюма и над безупречно вывязанным красным галстуком возвышалась огромная серовато-коричневая голова, но не круглая, а бесформенная, словно бейсбольный мяч, который усиленно пинали целый сезон. Прямо под сводом черепа пульсировали черные линии — вероятно, вены, — образуя бессмысленное подобие дорожной карты, а там, где полагалось быть лицу, но его не

было (во всяком случае, по человеческим понятиям), торчали и вздрагивали какие-то выросты, каждый из которых жил собственной ужасной жизнью. Зачатки черт лица были сведены вместе — плоские черные глаза, абсолютно круглые, алчно взирали из середины «лица», словно глаза акулы или какого-то обрюзгшего насекомого; бесформенные уши без мочек и раковин. Носа — во всяком случае, насколько мог рассмотреть Пирсон, — не было; правда, два подобия клыков торчали из густой щетины под глазами. Большую часть лица занимал рот — громадный темный полумесяц с треугольными зубами. Существо с таким ртом, подумал Пирсон, разжевывать пищу незачем.

Первой его мыслью, когда он уставился на *это* ужасное видение — видение, которое держало изящный дипломат в безукоризненно наманикюренной руке, — было «*Это Человек-слон*». Но теперь он понимал, что это создание не имело ничего общего с бесформенным, но, по существу, человеческим персонажем старого фильма. Дьюк Райнеман был ближе к истине: эти черные глаза и словно нарисованный рот гораздо больше подходили мохнатым, пискливым существам, которые по ночам ловили мух, а днем висели головой вниз в темных местах.

Но не это побудило его закричать: такая потребность появилась, когда существо в костюме от Андре Сира проходило мимо него, уже уставившись темными, словно у насекомого, глазами на вращающуюся дверь. Ближе всего оно находилось в те секунду-другую, и именно тогда Пирсон увидел, что это бородавчатое подобие лица скрывается под зарослями щетины, произраставшей прямо из него. Он не знал, как это может быть, но так было — он видел, как плоть расползается вокруг массивных изгибов черепа и струится вдоль мощной, как у собаки, челюсти волна за волной. А в промежутках виднелась какая-то отвратительная сырая розовая масса, о которой не хотелось и думать... но теперь, когда он вспомнил, оказалось, что он не в силах перестать думать о ней.

Все новые капли дождя падали ему на лицо и руки. Рядом с ним на закругленном краю клумбы Райнеман в

последний раз затянулся сигаретой, отшвыривая ее и встал.

— Пойдемте, — сказал он. — Дождь начинается.

Пирсон взглянул на него широко раскрытыми глазами, затем осмотрелся вокруг. Блондинка в красной юбке как раз входила в здание с книгой под мышкой. Сразу за ней шел пожилой волокита с прекрасной седой шевелюрой.

Пирсон, сверкнув глазами в сторону Райнемана, переспросил:

— Заходить туда? Вы серьезно? Туда же вошло это чудовище!

— Я знаю.

— Хотите услышать абсолютный бред? — спросил Пирсон, выбрасывая окурок. Он не знал, куда он сейчас пойдет, — наверное, домой, но точно знал, куда не пойдет ни за что — обратно в Первый коммерческий банк Бостона.

— Конечно, — согласился Райнеман. — Почему бы и нет?

— Эта тварь выглядела точь-в-точь как наш почтенный управляющий, Дуглас Кифер... кроме головы, я хочу сказать. У него именно такие костюмы и портфели.

— Вот удивили, — произнес Райнеман.

Пирсон изумленно смерил его взглядом:

— Что вы имеете в виду?

— Думаю, вы уже догадались, но у вас было очень тяжелое утро, поэтому я скажу вслух за вас. Это и *был* Кифер.

Пирсон неуверенно улыбнулся. Райнеман не улыбался. Он встал, взял Пирсона за руки и потянул на себя, пока они чуть не столкнулись лицами.

— Я вам сейчас спас жизнь. Вы этому верите, мистер Пирсон?

Пирсон подумал и решил, что верит. Это чужое, похожее на летучую мышь лицо с черными глазами и множеством зубов темным пятном давило на него.

— Да. Видимо, да.

— Ладно. Тогда сделайте мне честь и выслушайте внимательно три вещи, которые я вам скажу, — обещаете?

— Я... да, конечно.

— Первое: это *был* Дуглас Кифер, управляющий Первым коммерческим банком Бостона, близкий друг мэра и, кстати, почетный председатель нынешней компании по сбору средств на нужды детской больницы. Второе: в банке работают еще не менее трех летучих мышей, причем одна — на вашем этаже. Третье: вы сейчас *пойдете* туда. Если вам, конечно, хочется жить.

Пирсон остолбенело уставился на него — если бы он сейчас заговорил, то смог бы издать только бессвязный хрип.

Райнеман взял его за локоть и подтолкнул к вращающейся двери.

— Пойдем, дядя, — сказал он странно дружелюбным тоном. — Дождь начинается всерьез. Если мы останемся здесь, то будем привлекать внимание, а этого в нашем положении нельзя себе позволить.

Пирсон, покорно следуя за Райнеманом, вдруг подумал о том, как пульсировали и переливались сплетения черных линий на голове этой твари. Внезапно, похолодев, он остановился перед самой дверью. Гладкая поверхность площадки уже стала достаточно мокрой, чтобы он мог увидеть под ногами второго Брэндона Пирсона, мерцающее отражение, напоминавшее летучую мышь другого цвета.

— Я... я вряд ли смогу, — отрывисто пробормотал он.

— Можете, — возразил Райнеман. Он искоса взглянул на левую руку Пирсона. — Женаты, я вижу, — дети есть?

— Одна. Дочка. — Пирсон заглянул в вестибюль банка. Стеклопакеты дверей были поляризованы, поэтому огромное помещение за ними казалось очень темным. «Как пещера, — подумал он. — Пещера летучих мышей, где полно слепых разносчиков заразы».

— Вы хотите, чтобы ваша жена и дочка завтра прочли в газетах, что полиция извлекла папочку со дна Бостонской бухты с перерезанным горлом?

Пирсон испуганно посмотрел на Райнемана. Дождь хлестал его по щекам, по лбу.

— Они устроят так, чтобы это выглядело делом рук шпаны, — продолжал Райнеман, — и все поверят. Им всегда верят. Потому что они хитрые, и у них полно приятелей в верхах. Именно верхи их интересуют.

— Я вас не понимаю, — проямлил Пирсон. — Ничего не понимаю.

— Знаю, что не понимаете, — ответил Райнеман. — Для вас настало опасное время, так что просто делайте то, что я вам говорю. А я вам говорю — вернитесь за стол прежде, чем вас хватятся, и вкалывайте до конца дня с улыбкой на лице. Не забывайте об улыбке, дружище, чего бы она вам ни стоила. — Он задумался, потом добавил: — Если вы сорветесь, вас, вероятнее всего, убьют.

Дождь рисовал блестящие полосы на гладком темнокожем лице молодого человека, и Пирсон вдруг осознал то, что было очевидно и чего он не замечал только из-за собственного ужаса: этот человек сам боится и многим рискует, не давая Пирсону попасть в какую-то ужасную ловушку.

— Мне действительно нельзя больше оставаться, — заметил Райнеман. — Это опасно.

— Ладно, — произнес Пирсон, слегка удивленный, что слышит собственный обычный, ровный голос. — Тогда вернемся к работе.

Райнеман облегченно посмотрел на него:

— Замечательно. И что бы вы ни увидели до конца дня, *не выказывайте удивления*. Понятно?

— Да, — ответил Пирсон. Он ничего не понимал.

— Вы можете закончить дела пораньше и уйти около трех?

Пирсон поразмыслил и кивнул:

— Да. Думаю, что смогу.

— Договорились.

— Вы молодец, — сказал Райнеман. — С вами все будет в порядке. Встретимся в три.

Он толкнул вращающуюся дверь. Пирсон шагнул вслед за ним, чувствуя, что его разум остался там, на площадке...

почти весь, кроме малой части, которая требовала еще сигарету.

День тянулся как обычно до того момента, пока он не возвратился в банк после ленча (и еще двух сигарет) с Тимом Флэндерсом. Они вышли из лифта на третьем этаже, и первое, что бросилось в глаза Пирсону, был другой человек-летучая мышь — вернее, женщина-летучая мышь в черных туфлях на высоком каблуке, черных нейлоновых чулках и в прекрасном шелковом деловом костюме — скорее всего, от Сэмюэля Блю. Великолепное начальственное одеяние... если не смотреть поверх этого костюма на голову, болтавшуюся, словно какой-то странный подсолнечник.

— Привет, ребята. — Мягкое контральто донеслось из какой-то дыры с заячьей губой, заменявшей, видимо, рот.

«Это Сюзанна Холдинг, — подумал Пирсон. — Неве- роятно, но это так».

— Привет, дорогая, — услышал он собственный голос и подумал: «Если она подойдет ко мне... тронет меня... я закричу. Я не смогу удержаться, что бы мне ни говорил тот паренек».

— С тобой все в порядке, Брэнд? Что-то ты бледный.

— Видимо, то, что ходит кругом, грипп, что ли, — произнес он, снова поражаясь естественной легкости своего тона. — Думаю перехожу.

— Ладно, — голос Сюзанны доносился из этого жуткого подобия головы летучей мыши и странно шевелившегося мяса. — Только не целуй меня, пока не поправишься, и дышать на меня не надо. Я не могу позволить себе болеть, ведь в среду приезжают японцы.

«Нет проблем, дорогая, — не буду тебя целовать, можешь мне верить».

— Постараюсь удержаться.

— Спасибо. Тим, зайди, пожалуйста, ко мне в кабинет и посмотри парочку сводок по опционам, ладно?

Тимми Флэндерс обвил рукой талию привлекательной начальницы и на глазах пораженного Пирсона нагнулся и

запечатлел поцелуй на бородавчатой, волосатой роже этой твари. «Ему это кажется щечкой, — подумал Пирсон, чувствуя, что разум мгновенно покидает его, словно смазанный трос сматывается с барабана лебедки. — Ее гладкая, надушенная щека — вот что он видит, и это целует. О Господи. Боже мой».

— Конечно! — воскликнул Тимми, галантно расшаркиваясь. — Один поцелуй — и я ваш вечный слуга, милая леди!

Он подмигнул Пирсону и направился с чудовищем в ее кабинет. Когда они проходили мимо питьевого фонтанчика, он снова обнял ее за талию. Короткий и бессмысленный танец петушка вокруг курочки — ритуал, сложившийся за последние лет десять в бизнесе, если начальница женщина, а подчиненный мужчина, — был исполнен, и они исчезли из виду уже как сексуально нейтральные сотрудники банка, обсуждая только сухие цифры.

«Отличный анализ, Брэнд, — отстраненно подумал Пирсон, отвернувшись от них. — Тебе бы быть социологом». Он им почти и был — в колледже это была его вторая специализация.

Войдя в комнату, он почувствовал, что весь покрылся потом, словно вязкой слизью. Пирсон забыл о социологии и стал нетерпеливо дожидаться трех часов.

В два сорок пять он заглянул в кабинет Сюзанны Холдинг. Чужеродный астероид на месте головы, склоненный к серовато-синему экрану компьютера, повернулся к нему, когда он произнес: «Тук-тук», отдельные части этого странного лица неустанно двигались туда-сюда, а черные глаза рассматривали его с холодным любопытством акулы, примеряющейся к ноге пловца.

— Формы четыре по компаниям я отдал Баззу Карстерсу, — сказал Пирсон. — Я возьму формы девять по индивидуальным закладным домой, если не возражаешь. У меня там скопированы диски.

— Это ты так объявляешь, что сачкуешь, дорогой? — спросила Сюзанна. Черные вены неописуемым образом

вздулись на ее лысом черепе; наросты вокруг рта вибрировали, и Пирсон заметил, что один из них лопнул и из него вытекает густая розоватая масса, похожая на окровавленный крем для бритья.

Он заставил себя улыбнуться.

— Точно.

— Ладно, — сказала Сюзанна, — значит, наша оргия в четыре часа обойдется без тебя, надо полагать.

— Спасибо, Сьюзи. — Он повернулся.

— Брэнд?

Он вздрогнул; ужас и отвращение вот-вот могли заставить его выдать себя, он вдруг ощутил уверенность, что эти зловещие черные глаза видят его насквозь и что эта тварь, маскирующаяся под Сюзанну Холдинг, сейчас скажет: «Хватит играть, дорогуша. А ну-ка закрой дверь. Проверим, так ли ты хорош на вкус, как на вид».

Райнеман подождет немного, а потом пойдет по своим делам. «Вероятно, — думал Пирсон, — он поймет, что случилось. Может, он это уже видел».

— Да? — спросил он с вымученной улыбкой.

Она уставилась на него долгим оценивающим взглядом — это гротескное подобие головы на привлекательной фигуре начальственной дамы, а потом сказала:

— Сейчас ты выглядишь немного лучше. — Рот еще зиял, черные глаза еще пялились на него с выражением поломанной куклы, забытой под кроватью, но Пирсон понимал, что всякий на его месте видел бы только Сюзанну Холдинг, ласково улыбающуюся подчиненному и демонстрирующую модель поведения «А» в нужной степени. Не совсем Матушка Кураж, но все же заботливая и доброжелательная.

— Хорошо, — произнес он, но тут же сообразил, что этого недостаточно. — Замечательно!

— Вот если бы ты еще бросил курить.

— Я пытаюсь, — ответил он с коротким смешком. Смазанный трос опять срывался с лебедки. «Отпусти меня, — думал он. — Отпусти меня, страшная сука, отпусти, пока я не сделал чего-то непоправимого».

— Ты же знаешь, тебе автоматически увеличат сумму страховки, — сказала чудовище. Теперь другой нарост лопнул с тихим чмоканьем, и снова поползла та самая розовая масса.

— Да, я знаю, — подтвердил он. — И я серьезно подумую, Сюзанна. Правда.

— Подумай, — сказала она и отвернулась к светящемуся экрану компьютера. С минуту он стоял неподвижно, пораженный тем, как ему повезло. Допрос закончился.

Когда Пирсон вышел из банка, дождь лил как из ведра, однако Люди десятого часа — теперь это были Люди третьего часа, но, конечно, никакой разницы тут не было — все равно стояли на улице, сбившись в кучу подобно овцам, и делали то же самое. Мисс Красная Юбочка и уборщик, носивший кепочку козырьком назад, прятались под вывеской газеты «Бостон глоб». Они явно промокли, но Пирсон все равно завидовал уборщику. Мисс Красная Юбочка пользовалась дезодорантом «Джорджо»: он несколько раз уловил этот запах в лифте. А проходя, конечно, шуршала шелком белья.

«О чем ты думаешь, черт побери? — спросил он сам себя и тут же ответил: — Пытаюсь не дать себе спятить, благодарю покорно. Ты доволен?»

Дьюк Райнеман стоял под навесом цветочного магазина за углом, съевшись, с сигаретой во рту. Пирсон подошел к нему, глянул на часы и решил, что можно было и не спешить. Он склонил голову, вдыхая аромат сигареты Райнемана. Он сделал это бессознательно.

— Моя начальница тоже из них, — сообщил он Дьюку. — Если, конечно, Дуглас Кифер не устраивает маскарад с переодеванием.

Райнеман мрачно усмехнулся и ничего не ответил.

— Вы сказали, что их еще трое. Кто двое остальных?

— Дональд Файн. Вы его, наверное, знаете — начальник службы безопасности. И Карл Гросбек.

— Карл... председатель правления? Боже мой!

— Я вам уже говорил, — заметил Райнеман. — Эти ребята гоняются за высокими постами... Эй, такси!

Он ринулся из-под навеса навстречу коричнево-белому такси, которое он высмотрел в пелене дождя. Машина подъехала, разбрызгивая воду из луж. Райнеман ловко увернулся, но Пирсону забрызгало туфли и низ брюк. В его нынешнем состоянии это не имело большого значения. Он открыл дверцу Райнеману, который быстро проскользнул на сиденье. Пирсон забрался вслед за ним и захлопнул дверцу.

— В таверну Галлахера, — сказал Райнеман. — Это прямо напротив...

— Я знаю таверну Галлахера, — перебил его водитель, — но мы никуда не поедem, пока ты не выкинешь свою канцерогенку, дружок. — Он указал на табличку над счетчиком: « В ЭТОМ ДИЛИЖАНСЕ КУРИТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ ».

Мужчины обменялись взглядами, Райнеман пожал плечами полусердито, полурастерянно — типичный жест племени Людей десятого часа примерно с 1990 года. Потом, не произнеся ни слова, выбросил едва начатую сигарету под струи дождя.

Пирсон начал было рассказывать Райнеману, как он был потрясен, когда открылись двери лифта и он увидел свою начальницу Сюзанну Холдинг, но Райнеман, нахмурившись, едва заметно покачал головой и указал на водителя.

— Поговорим позже, — коротко бросил он.

Пирсон послушно умолк и стал сосредоточенно смотреть на пронесившиеся мимо дома в центре Бостона. Он поймал себя на том, что с любопытством наблюдает маленькие уличные сценки, разыгрывающиеся за заляпанным грязью окном такси. Особенно его интересовали кучки Людей десятого часа, толпившихся перед каждым административным зданием. Там, где было какое-то укрытие, они забивались в него; если такового не было, они просто стояли с поднятыми воротниками и курили, при-

крывая сигареты ладонями. Пирсон понял, что по крайней мере в девяноста процентах шикарных небоскребов в центре Бостона курение запрещено, как и в том, где работали они с Райнеманом. И еще он понял (это было словно озарение), что Люди десятого часа — это на самом деле не новое племя, а жалкие ошметки старого, ренегаты, в ужасе разбегающиеся перед новой метлой, которая намерена вымести эту плохую древнюю привычку из жизни американцев. Объединяло их нежелание или неспособность перестать убивать себя; они были маргиналами во все сужающейся сумеречной зоне, где их пока еще терпели. Необычная социальная группа, думал он, которой не суждено протянуть долго. По его прикидкам, где-то к 2020 году, ну 2050-му от силы, Люди десятого часа станут чем-то вроде птицы додо.

«О черт, подожди минутку, — думал он. — Мы просто последние в этом мире упрямые оптимисты, вот и все — большинство из нас не заботится пристегивать ремни безопасности, и мы охотно сидели бы у края бейсбольного поля, куда со страшной скоростью летит мяч, совершенно не беспокоясь, есть ли там защитная сетка».

— Что там такого смешного, мистер Пирсон? — спросил Райнеман, и Пирсон вдруг почувствовал, что улыбается во весь рот.

— Ничего, — ответил он. — Ничего существенного.

— Ладно, только не обижайтесь на меня.

— Я обижусь, если вы не будете называть меня Брэн-дон.

— Вот как, — сказал Райнеман, видимо, обдумывая это предложение. — Ну хорошо, если вы будете называть меня Дьюк и мы не опустимся до Би-Би, или Буби, или чего-нибудь в этом роде.

— Об этом можете не беспокоиться. Хотите я вам кое-что скажу?

— Конечно.

— Это самый удивительный день в моей жизни.

Дьюк Райнеман кивнул без ответной улыбки.

— И он еще не закончился.

Пирсон решил, что Дьюк нарочно выбрал таверну Галлахера — совершенно не типичное для Бостона идеальное местечко, где двое банковских служащих могли бы обсудить дела, дающие знакомым основание сомневаться в здравости их ума. Самая длинная стойка, которую Пирсон когда-либо видел не в кино, а наяву, огибала огромную танцевальную площадку, на которой три парочки задумчиво покачивались в такт исполняемой дуэтом Мэри Стюарт и Трэвис Тритт песенке: «От этого тебе больно не будет».

Будь площадь бара поменьше, он был бы переполнен, но высокие стулья были так ловко расставлены вдоль этой немислимо длинной беговой дорожки красного дерева, что создавалось ощущение уединения, словно в отдельных кабинках. Пирсону понравилось. Слишком легко было представить, как человек-летучая мышь (а то и парочка их) сидит на стуле (или на насесте) в соседней кабинке и внимательно прислушивается к их разговору.

«Разве не это называется мышлением осажденной крепости, старина? — подумал он. — Долго же ты до этого додумывался!»

Нет, решил он, пока что ему все равно. Он просто был благодарен, что не надо осматриваться по сторонам, пока они будут говорить... вернее, пока будет говорить Дьюк.

— Ну как, годится? — спросил Дьюк, и Пирсон удовлетворенно кивнул.

С виду вроде один бар, размышлял Пирсон, проходя вслед за Дьюком под внушительной табличкой «КУРИТЬ РАЗРЕШАЕТСЯ ТОЛЬКО В ЭТОМ КОНЦЕ», но на самом деле их два... так же, как в пятидесятые годы любая забегаловка на Юге делилась на две части: для белых и для черных. И теперь, как и тогда, четко видно разница. Посередине зала для некурящих стоял «сони» с экраном чуть ли не во всю стену; в никотиновом же гетто к стенке был привинчен болтами старенький «зенит» с выразительной надписью: «ВЫ ИМЕЕТЕ ПОЛНОЕ ПРАВО ПОПРОСИТЬ В ДОЛГ, А МЫ ИМЕЕМ ПОЛНОЕ ПРАВО ПО-

СЛАТЬ ВАС НА...». Здесь и стойка была погрязнее — сначала Пирсон решил, что ему это показалось, но, присмотревшись, убедился, что фанера кое-где вздулась и сплошь покрыта кругами от стаканов. И, конечно, густой, горьковатый запах табачного дыма. Можно было поклясться, что он исходит от стула. Парень, читавший сводку новостей на стареньком закопченном экране, походил на умирающего от недоедания; он же на громадном экране для некурящих имел такой вид, будто только что пробежал стометровку за девять секунд и после этого десятый раз подтягивается на перекладине.

«Проходите на задние места в автобусе, — думал Пирсон, с обостренным любопытством рассматривая своих собратьев по десятому часу. — Ладно, нечего жаловаться; через десять лет курящих вообще никуда не будут пускать».

— Сигарету? — спросил Дьюк, словно читая его мысли.

Пирсон посмотрел на часы и принял подарок, прикурив от зажигалки Дьюка — подделки под «ронсон». Он глубоко затянулся, с наслаждением вдыхая дым и получая удовольствие даже от легкого головокружения. Конечно, это опасная привычка, даже смертельная; а как же иначе, если она так овладевает тобой? Просто мир так устроен, вот и все.

— А вы? — спросил он, заметив, что Дьюк прячет пачку в карман.

— Я могу потерпеть, — улыбнулся Дьюк. — Я же затянулся пару раз перед тем, как сесть в такси. И еще выкурил лишнюю за ленчем.

— Вы себя ограничиваете, да?

— Угу. Обычно я себе позволяю за ленчем одну, а сегодня вот принял две. Вы меня сильно напугали, видите ли.

— Я и сам сильно испугался.

Подошел бармен, и Пирсон поразился, с какой ловкостью тот избегает струйки дыма, выходящей от его сигареты. «Не знаю, понимает ли он... но если бы я выпустил

дым ему в лицо, спору, он перепрыгнул бы через стойку и набил бы мне морду».

— Что желаете, джентльмены?

Дьюк заказал два пива «Сэм Адамс», не спрашивая Пирсона. Когда бармен отошел, Дьюк наклонился к Пирсону и сказал:

— Не наваливайтесь сразу. Сегодня не стоит напиваться. И даже быть на взводе.

Пирсон кивнул и бросил пятерку на стойку, когда бармен принес пиво. Он сделал большой глоток, потом затянулся сигаретой. Некоторые считают, что сигарета особенно вкусна после еды, но Пирсон с ними не был согласен: в глубине души он был уверен, что не яблоко вовлекло Еву в первородный грех, а пиво с сигаретой.

— Так чем вы пользовались? — спросил Дьюк. — Вшитой полоской? Гипнозом? Доброй старой американской силой воли? Судя по вашему виду, вшивали полоску.

Если Дьюк хотел рассмешить его, то это у него не получилось. Пирсон сегодня много думал о курении.

— Да, вшивал, — признался он. — Я носил ее года два после того, как родилась дочка. Я только посмотрел на нее в роддоме и решил бросить. Я считал сумасшествием выкуривать по сорок-пятьдесят сигарет в день, когда мне еще восемнадцать лет отвечать за это юное существо. — «В которое я немедленно влюбился», — хотел добавить он, но решил, что Дьюку и так понятно.

— Не говоря уже о том, как вы привязаны к жене.

— Не говоря уже о жене, — согласился Пирсон.

— Да еще куча братьев, невесток, сборщиков налогов, арендаторов и друзей дома.

Пирсон расхохотался и кивнул:

— Да, именно так.

— Но не так все легко, как кажется, да? Когда четыре часа утра и не можешь уснуть, все это благородство куда-то улетучивается.

Пирсон искривил губы:

— Или когда надо идти наверх и вкалывать на Гросбека, и Кифера, и Файна, и всех прочих начальников. В

первый раз, когда мне пришлось идти туда и воздерживаться от сигареты... ох, и тяжело было.

— Но на *какое-то* время вы совсем бросили.

Пирсон взглянул на Дьюка, не очень удивившись, что тот и это знает, а потом кивнул:

— Примерно на шесть месяцев. Но про себя я никогда не бросал, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Конечно, понимаю.

— Наконец я снова закурил. Это было в 1992 году, когда появились сообщения, что люди, которые продолжали курить с вшитой полоской, стали умирать от инфаркта. Вы помните это?

— Угу, — ответил Дьюк и хлопнул себя по лбу. — У меня вот здесь огромный файл историй о курильщиках, дорогой мой, в алфавитном порядке. Курение и прогрессивный паралич, курение и кровяное давление, курение и катаракты... вот так.

— Вот я и сделал выбор, — закончил Пирсон. По его лицу блуждала слабая, растерянная улыбка человека, который знает, что вел себя как идиот, что *продолжает* вести себя как идиот, но не знает почему. — Я не мог ни бросить курить, ни удалить полоску. Вот я и...

— *Перестал носить полоску!* — разом выдохнули оба, а затем разразились таким хохотом, что бармен в зоне для некурящих укоризненно взглянул на них, нахмурился, а затем вновь устался в телевизор.

— Жизнь — сплошное искушение, не правда ли? — спросил Дьюк, продолжая смеяться, и принялся рыться в кармане своего кремового пиджака. Он остановился, увидев, что Пирсон протягивает ему пачку «Мальборо» с одной выдвинутой сигаретой. Они опять обменялись взглядами — Дьюк удивленным, Пирсон понимающим, и снова дружно рассмеялись. Бармен опять посмотрел на них, на этот раз нахмурившись немного сильнее. Ни один из них не обратил на это внимания. Дьюк взял предложенную сигарету и закурил. Все это заняло не более десяти секунд, но обоим мужчинам этого было достаточно, чтобы стать друзьями.

— Я дымил, как паровоз, с пятнадцати лет и до женитьбы в 1991 году, — рассказывал Дьюк. — Матери это не нравилось, но она была довольна, что я хотя бы не курю травку и не торгую ею, как половина пацанов на нашей улице — я говорю о Роксбери-стрит, — так что она не сильно ко мне цеплялась. Мы с Венди провели медовый месяц на Гавайях, а в день возвращения она сделала мне подарок. — Дьюк глубоко затянулся и выпустил из ноздрей две струи дыма, похожие на инверсионный след истребителя. — Она нашла это в одном каталоге. У него было какое-то замысловатое название, но я забыл; я называл его просто «павловской дыбой». Но я страшно любил ее — и люблю сейчас, можете мне поверить, — поэтому старался изо всех сил. Впрочем, оказалось не так плохо, как я представлял. Вы знаете, о каком приспособлении я говорю?

— Разумеется, — ответил Пирсон. — Бибикалка. Заставляет вас подождать, когда вам хочется снова курить. Лизабет — моя жена — включала мне это, когда была беременна. Грохот такой, будто тачка с цементом падает с лесов.

Дьюк с улыбкой кивнул и, когда появился бармен, попросил снова наполнить стаканы. Потом повернулся к Пирсону и продолжил:

— Если не считать того, что я пользовался «павловской дыбой» вместо вшитой полоски, все остальное у меня было точно так же, как у вас. Я все сделал, чтобы пробиться туда, где машина играет в какую-то дерьмовую интерпретацию «Хора свободы», но привычка меня не отпустила. Убить ее труднее, чем змею с двумя сердцами. — Бармен принес полные стаканы. В этот раз заплатил Дьюк. Отхлебнув, он сказал:

— Мне надо позвонить. Подождите минут пять.

— Ладно, — согласился Пирсон. Осмотревшись, он заметил, что бармен отступил в относительно безопасную зону для некурящих («К 2005 году профсоюзы добьются, чтобы здесь было два бармена, — подумал он, — для курящих и для некурящих») и повернулся к Дьюку. Теперь он понизил голос:

— По-моему, мы собирались поговорить о людях-летучих мышах.

Дьюк приподнял свои темно-каштановые брови и заметил:

— А мы о *них* и говорим.

Не успел Пирсон открыть рот, как Дьюк скрылся в туманных (хотя почти не задымленных) глубинах бара Галлахера, где висели телефоны-автоматы.

Его не было уже минут десять, и Пирсон начал было подумывать, не пойти ли ему поискать своего нового знакомого, как вдруг его внимание привлек экран телевизора: ведущий новостей сообщал, какой фурор произвел вице-президент США. Выступая в Национальной ассоциации образования, он предложил пересмотреть программу государственных субсидий детским садам и закрыть их везде, где возможно.

Включили видеосюжет, снятый в каком-то вашингтонском зале, и когда показали крупным планом вице-президента на трибуне, Пирсон обеими руками вцепился в край стула так, что пальцы вдавились в обивку. Ему вспомнилось то, что он слышал утром: «У них полно приятелей в верхах. Именно верхи их интересуют».

— Мы ничего не имеем против работающих матерей Америки, — говорило чудовище с головой летучей мыши, возвышаясь на трибуне с голубым вице-президентским гербом, — и против нуждающихся бедняков. Тем не менее мы считаем...

Рука опустилась Пирсону на плечо, и он закусил губу, чтобы не вскрикнуть. Обернувшись, он увидел Дьюка. Молодой человек явно изменился — глаза его сверкали, на лбу блестели мелкие капельки пота. Он выглядел так, словно только что выиграл крупный приз на скачках.

— Больше так не делайте, — попросил Пирсон, и Дьюк, уже было садившийся на стул, замер. — Я чуть инфаркт не получил.

Дьюк с удивлением взглянул на него, затем перевел взгляд на изображение в телевизоре. Он все понял.

— С этой сволочью еще как-то прожить можно, а как насчет президента? Он не...

— Не думаю, — сказал Дьюк. Но, подумав, добавил: — Пока, во всяком случае.

Пирсон наклонился к нему, чувствуя, как его губы опять странно немеют:

— Что *значит* «пока»? Что происходит, Дьюк? Кто они? Откуда взялись? Что они делают и чего хотят?

— Я вам расскажу то, что знаю, — ответил Дьюк, — но сначала хотел бы пригласить вас на небольшое собрание вечером. Около шести. Вас устроит?

— На эту тему?

— Разумеется.

Пирсон помялся:

— Хорошо. Но я должен позвонить Лизабет.

Дьюк встревожился:

— Ничего не говорите о...

— Конечно, нет. Я ей скажу, что *Прекрасная Дама Без Капли Милосердия* требует перепроверить ее опционы прежде, чем покажет их японцам. На это Лизабет купится: она знает Холдинг как облупленную и понимает, что та всех поставит на уши, чтобы угодить ее друзьям из Тихоокеанского региона. Годится?

— Да.

— Мне тоже, но немного некрасиво.

— Ничего нет некрасивого в том, чтобы держать твою жену подальше от летучих мышей. Я же тебя не в сауну приглашаю, брат.

— Надо полагать. Так что говори.

— Ладно. Наверное, лучше начать с того, как ты привык курить.

Из музыкального автомата, который несколько минут молчал, вдруг послышалась нудная аранжировка знаменитой песни Билли Рей Сайруса «Разбитое сердце саднит». Пирсон удивленно уставился на Дьюка Райнемана и открыл было рот, чтобы спросить, какое отношение имеет его курение к ценам на кофе в Сан-Диего. Но не произнес ни звука. Ни одного.

— Ты бросил... потом снова начал... но понимал, что если не будешь соблюдать осторожность, то через пару месяцев опять будешь тянуть по две пачки в день, — начал Дьюк. — Так?

— Да, но я не вижу...

— Увидишь. — Дьюк достал платок и вытер лоб. Когда Дьюк вернулся, поговорив по телефону, Пирсону показалось, что он весь пылает от возбуждения. Да, но было и кое-что еще: он был страшно напуган. — Просто поверь мне.

— Ладно.

— Как бы там ни было, ты приспособился. Можно это назвать «модус вивенди». Бросить ты не мог, но оказалось, что это еще не конец света: это вовсе не кокаин и не алкоголь, когда надо все время наращивать дозу. Курение — очень противная привычка, но есть масса промежуточных состояний между тремя пачками в день и полным отказом.

Пирсон уставился на Дьюка широко открытыми глазами, и тот улыбнулся:

— Я вовсе не читаю твои мысли, не думай. Просто мы знаем друг друга, так ведь?

— Видимо, да, — задумчиво произнес Пирсон. — Я просто забыл, что мы оба Люди десятого часа.

— Кто-кто?

Пирсон прочел небольшую лекцию о Людах десятого часа и об их племенных жестах (мрачный взгляд при виде таблички «КУРИТЬ ЗАПРЕЩАЕТСЯ», обреченное пожатие плечами, когда некто облеченный властью требует: «Пожалуйста, бросьте сигарету, сэр»), племенных амулетах (жевательная резинка, леденцы, зубочистки и, разумеется, флакончики с аэрозольным дезодорантом) и племенных молитвах (наиболее распространенная «Со следующего года точно брошу»).

Дьюк восхищенно выслушал, а потом воскликнул:

— Боже милостивый, Брэндон! Ты открыл пропавшее колено Израилево! Все чокнутые пошли за верблюдом, нарисованным на пачке!

Пирсон расхохотался, заслужив еще один неодобрительный взгляд бармена.

— Во всяком случае, подходит, — продолжал Дьюк. — Позволь тебя спросить — ты куришь при ребенке?

— Боже упаси, нет! — воскликнул Пирсон.

— А при жене?

— Нет, никогда больше.

— Когда ты в последний раз тянул в ресторане?

Пирсон подумал и не мог вспомнить. Теперь он садился в зале для некурящих даже тогда, когда был один, и воздерживался от сигареты, пока не доест, расплатится и выйдет. А дни, когда он курил между каждым блюдом, остались в далеком прошлом.

— Люди десятого часа, — зачарованно произнес Дьюк. — Слушай, мне нравится — нравится, что у нас есть имя. И мы действительно как племя. Это...

Он вдруг замолчал, посмотрев в окно. Мимо проходил полицейский, беседуя с красивой молодой женщиной. Она смотрела на него с восхищением и желанием, совершенно не замечая черных, оценивающих глаз и сверкающих треугольных зубов над своей головой.

— Боже, взгляни на это, — прошептал Пирсон.

— Да, — вздохнул Дьюк. — Это распространяется все больше. С каждым днем. — Он задумчиво рассматривал свой недопитый стакан. Потом встряхнулся, прогоняя мрачные мысли. — Кем бы мы ни были, — сказал он Пирсону, — мы единственные на всем проклятом свете, кто видит их.

— Кто, курящие? — недоверчиво спросил Пирсон. Конечно, было понятно, что Дьюк к этому ведет, но все же...

— Нет, — терпеливо объяснил Дьюк. — По-настоящему курящие их не видят. Некурящие не видят тоже. — Он смерил Пирсона взглядом. — Их видят только такие, как мы, Пирсон, — ни рыба ни мясо. Только Люди десятого часа вроде нас.

Когда через пятнадцать минут они вышли от Галлахера (Пирсон сначала позвонил жене, изложил свою выдумку и обещал быть дома к десяти), ливень перешел в мелкую морось, и Дьюк предложил пройти пешком. Не весь путь до Кембриджа, куда они направлялись, но достаточно, чтобы Дьюк успел рассказать ему побольше. Улицы были пустынные, и они могли разговаривать, не оглядываясь поминутно через плечо.

— Это похоже на первый оргазм, — говорил Дьюк, когда они шли в тумане в сторону Чарлз-ривер. — Коль уже пошло, это становится частью твоей жизни. То же самое здесь. В какой-то день вещества у тебя в голове вступают в нужную реакцию, и ты начинаешь их *видеть*. Знаешь, я удивлялся, сколько людей буквально умирало от ужаса в этот момент. Очень много, я уверен.

Пирсон взглянул на кровавый отсвет фар движущихся машин на мокрой мостовой Бойлстон-стрит и вспомнил то ощущение ужаса от своей первой встречи:

— Они такие мерзкие. Такие отвратительные. И мясо у них движется вокруг черепа... это же не описать словами, правда?

Дьюк кивнул:

— Они действительно уродливейшие твари. Я увидел первого в метро, когда ехал домой в Милтон. Он стоял на платформе станции Парк-стрит. Хорошо, что я был в поезде и поехал дальше, потому что я закричал.

— И что случилось?

Улыбка Дьюка перешла в кислую гримасу:

— Люди посмотрели на меня, потом быстренько отвернулись. Знаешь, как к этому относятся в большом городе: на каждом углу стоит чокнутый и проповедует, как Иисус Христос любит тарелки фирмы «Таппер».

Пирсон кивнул. Он знал, как это выглядит в большом городе. Вернее, считал, что знает, — до сегодняшнего дня.

— Высокий рыжий парень, весь в веснушках, сел рядом со мной и взял меня за локоть так же, как я сегодня утром

сделал с тобой. Его зовут Робби Дельрей. Он маляр. Сегодня ты его увидишь у Кейт.

— Кто такая Кейт?

— Специализированный книжный магазин в Кембридже. Фантастика. Мы там встречаемся раз или два в неделю. В основном хорошие люди. Увидишь. Как бы там ни было, Робби схватил меня за локоть и сказал: «Ты не спятил, я тоже это видел. Это действительно человек-летучая мышь». Так он, конечно, мог разглагольствовать и под действием хорошей дозы амфетамина... только я же *видел* это, и облегчение...

— Да, — произнес Пирсон, мысленно возвращаясь к сегодняшнему утру. Они пропустили бензовоз на Стопроу-драйв и перебежали всю в лужах улицу. Пирсон обратил внимание на нанесенную краскораспылителем, уже выцветшую надпись на обратной стороне скамейки у реки. «ЧУЖИЕ ВЫСАДИЛИСЬ — гласила она. — МЫ СЪЕЛИ ДВОИХ».

— Хорошо, что ты там был утром, — сказал Пирсон. — Мне повезло.

Дьюк кивнул:

— Да уж. Когда летучие мыши берутся за человека, это с концами — полиция потом находит кусочки в мусорном ящике после таких встреч. Ты об этом слышал?

Пирсон кивнул.

— И никто не замечает одну деталь, общую для всех жертв: они все ограничивались пятью — десятью сигаретами в день. На эту маленькую деталь не обращает внимания даже ФБР.

— Но зачем убивать нас? — спросил Пирсон. — Ведь если кто-то начнет бегать и кричать, что его босс марсианин, никто не станет мобилизовывать национальную гвардию — парня просто отправят в дурдом!

— Спустись на землю, приятель, — сказал Дьюк. — Ты же их видел.

— Они... звери?

— Ну да. Но это означает ставить телегу впереди лошади. Они вроде волков, Брэндон, невидимых волков,

которые прогрызают себе путь в стаде овец. А теперь скажи, что хотят волки от овечек, кроме того, что те должны выражать бурную радость, когда их убивают?

— Они... что ты сказал? — Пирсон вдруг перешел на шепот. — Ты говоришь, они *едят* нас?

— Какую-то часть едят, — подтвердил Дьюк. — Так считал Робби Дельрей в день нашей встречи, и большинство из нас и теперь считает.

— Кого это «нас», Дьюк?

— Людей, к которым я тебя веду. Мы там будем не все, но на сей раз большинство. Что-то должно произойти. Что-то большое.

— Что?

Дьюк только покачал головой и предложил:

— Может, возьмем такси? Ты не устал?

Пирсон устал, но брать такси не хотел. Прогулка возбудила его... но не прогулка сама по себе. Он не думал, что сможет сказать это Дьюку — по крайней мере, сейчас, — но в этом ему виделась другая сторона... *романтическая* сторона. Будто он очутился на страницах дурацкой, но увлекательной приключенческой повести для детей; ему живо представились иллюстрации Н.С. Уайета. Он взглянул на нимбы из белого света, которые медленно растекались вокруг уличных фонарей, выстроившихся вдоль Сторроу-драйв, и словно улыбались. «Должно произойти что-то большое, — подумал он. — Агент X-9 вернулся с хорошей новостью с нашей подземной базы... мы нашли яд для летучих мышей, который долго искали».

— Возбуждение проходит, поверь мне, — сухо заметил Дьюк.

Пирсон удивленно повернул голову.

— К тому времени, как второго твоего друга выловят в бухте без половины головы, ты поймешь, что Том Свифт не придет помогать тебе красить чертов забор.

— Том Сойер, — пробормотал Пирсон и стер с ресниц капли дождя. Он чувствовал, как щеки у него начинают гореть.

— Они съедают что-то, что вырабатывает наш мозг, так считает Робби. Может быть, какой-то фермент, может, особые электрические волны. Он говорит, это именно то, что позволяет нам — хотя бы некоторым из нас — видеть их; мы для них как помидоры в огороде — они нас берут с грядки, когда считают, что мы созрели.

— Я воспитан в твердой баптистской вере и не признаю всяких дурацких объяснений. По-моему, они высасывают души.

— Да? Ты шутишь или действительно так считаешь?

Дьюк, засмеявшись, пожал плечами и принял вызывающий вид:

— Дерьмо это все. Эти твари вошли в мою жизнь, когда я считал, что рай — это сказка, а ад здесь, на земле. Теперь у меня опять все перепуталось. Но это все ерунда. Важна только одна вещь, которую ты должен крепко зарубить на носу, — у них *масса* причин убивать нас. Во-первых, они боятся того, что мы делаем, — собираемся, организуемся, пытаемся остановить их...

Дьюк замолчал и задумался, мотая головой. Он походил на человека, который разговаривает сам с собой, все пытаясь найти ответ на вопрос, который уже много ночей не дает ему спать.

— Боятся? Не уверен, что это точное слово. Но стараются не рисковать, так будет правильнее. И еще одно не подлежит сомнению — им не нравится, что некоторые из нас могут их видеть. Чертовски *не нравится*. Как-то мы отловили одного, и это было все равно, что засадить джина в бутылку. Мы...

— *Отловили* одного!

— Ну да, — сказал Дьюк и мрачно, безжалостно подмигнул. — Мы затащили его на одинокую дачу на шоссе №95 под Ньюберипортом. Нас было шестеро во главе с моим другом Робби. Мы спрятали его в сарае, и когда лошадиная доза наркотика, которую мы вкатили ему, вышла — а это произошло чертовски быстро, — попробовали допросить его, чтобы получить правильные ответы на те вопросы, что ты сейчас мне задал. Он был в

наручниках и ножных кандалах, а сверху мы запеленали его нейлоновым тросом, как мумию. Знаешь, что мне сильнее всего запомнилось?

Пирсон покачал головой. Чувство, что он живет на страницах детской книжки, исчезло.

— Как оно пробудилось! — продолжал Дьюк. — Не было никаких промежуточных состояний. На одно мгновение оно еще отключилось, но секунду спустя в полном сознании уже уставилось на нас этими своими страшными глазами. Глазами летучей мыши. У них есть глаза — многие не знают этого факта. Разговоры, будто они слепые, — это чушь, которую распространяет какой-то их агент. Оно не разговаривало с нами. Ни слова не сказало. Думаю, оно понимало, что не выйдет из этого сарая, но никакого страха в нем не было. Только ненависть. Господи, какая ненависть была в этих глазах!

— Что произошло?

— Оно разорвало цепочку наручников, как папиросную бумагу. Кандалы оказались крепче — мы их приковали к полу, но нейлоновый корабельный трос... он перегрызал его всюду, куда мог достать зубами. Как крыса перекусывает бельевую веревку. Мы все стояли будто оглушенные. Даже Робби. Мы не верили своим глазам... а может, оно нас загнипнотизировало. Знаешь, я долго над этим размышлял. Слава Богу, там был Лестер Олсон. Мы приехали в «форде» — фургоне, который угнали Робби и Мойра, и Лестер помешался на том, что машину будет видно с трассы. Он пошел проверить, а когда вернулся и увидел, что эта тварь уже совсем распуталась и не успела только освободить ноги, он выстрелил ей три раза в голову. Просто бах-бах-бах.

Дьюк задумчиво покачал головой.

— Убил ее, — сказал Пирсон. — Просто бах-бах-бах.

Голос его снова исходил откуда-то извне, как там, на площадке перед банком, и тут ему пришла в голову безумная, но убедительная мысль: никаких людей-летучих мышей нет. У них у всех групповая галлюцинация, вот и все, мало чем отличающаяся от тех, что возникают

в кружке курильщиков опиума. Эта, характерная для Людей десятого часа, объяснялась дефицитом поступающего в мозг никотина. Люди, к которым вел его Дьюк, убили невинного человека под влиянием этого безумия, а может быть, и не одного. Точно убили бы, будь у них время. И если он сейчас не расстанется с этим чокнутым молодым банкиром, он тоже закончит тем, что втянется в это. Он уже видел двоих людей-летучих мышей... нет, троих, считая полицейского, даже четверых, считая вице-президента. Подумать только: *вице-президент США...*

Выражение лица Дьюка говорило Пирсону, что тот опять читает его мысли:

— Ты начинаешь размышлять, не спятили ли мы все, включая тебя, — сказал Дьюк. — Правильно?

— Конечно, — ответил Пирсон несколько резче, чем намеревался.

— Они исчезают, — сказал Дьюк. — Я видел, как тот, что был в сарае, исчез.

— Что?

— Сделался прозрачным, превратился в дым и исчез. Знаю, это звучит несуразно, но никакими словами я не смогу тебе объяснить, как было несуразно просто стоять там и наблюдать, как это происходит.

Сначала ты просто не можешь в это поверить, хотя это происходит на твоих глазах; кажется, что это сон или ты смотришь кино со всякими спецэффектами вроде «Звездных войн». Потом начинаешь чувствовать запах — смесь пыли, мочи и жареного перца. Запах такой мощный, что начинает тошнить. Лестера вырвало на месте, а Джанет чихала еще с час. Обычно у нее это бывает только от полынной пылицы или кошачьей шерсти. Я подошел к стулу, на котором оно сидело. Трос был на месте, и наручники, и одежда. Рубашка была застегнута. Я расстегнул «молнию» на брюках — осторожно, будто боялся, что оттуда выскочит его член и стукнет меня по носу, — но там были только трусы. Обыкновенные белые спортивные трусы. И все, но и этого достаточно, потому что и они

оказались пусты. Вот что я тебе скажу, брат, — считай, ты не видал настоящей чертовщины, пока тебе не попадется одежда парня, совершенно целая, только парня в ней нет.

— Обратился в дым и исчез, — протянул Пирсон. — Господи помилуй.

— Угу. Под конец он был похож на вот это. — Дьюк показал на яркий нимб из капелек влаги вокруг лампы фонаря.

— А что происходит с... — Пирсон запнулся, не зная, как точно сформулировать то, что он хотел спросить. — Их объявляют пропавшими без вести? Они... — Тут он понял, что ему нужно выяснить. — Дьюк, где настоящий Дуглас Кифер? И настоящая Сюзанна Холдинг?

Дьюк покачал головой:

— Не знаю. Но, пожалуй, ты утром видел настоящего Дугласа Кифера, Брэндон, и настоящую Сюзанну Холдинг. Мы полагаем, что голов, которые мы видим, на самом деле не существует, что наш мозг воспроизводит *суть* летучих мышей — их сердца и души — в таких образах.

— Духовная телепатия?

Дьюк усмехнулся:

— Ты умеешь подбирать слова, брат, — это именно так. Тебе надо поговорить с Лестером. В том, что касается летучих мышей, он чуть ли не поэт.

Имя прозвучало очень знакомо, и после некоторого размышления Пирсон понял почему:

— Это пожилой дядя с роскошной седой шевелюрой? Похожий на стареющего миллионера из мыльной оперы?

Дьюк расхохотался:

— Да, это Лес.

Некоторое время они шли молча. Справа от них таинственно журчала река, а на противоположном берегу уже светились огни Кембриджа. Пирсон подумал, что раньше он никогда не замечал, чтобы Бостон выглядел так красиво.

— Люди-летучие мыши, может быть, приходят с пылью, которую ты вдыхаешь... — начал Пирсон, нащупывая подход.

— Н-да, некоторые разделяют теорию пыльцы, но я с ней не согласен. Потому что подумай сам: кто-нибудь видел летучую мышь-уборщика или официантку? Они любят власть, и они внедряются во властные структуры. Ты когда-нибудь слышал, чтобы пыльца действовала только на богатых, Брэндон?

— Нет.

— И я нет.

— Те люди, к которым мы идем... они... — Пирсон слегка усмехнулся про себя, обнаружив, что ему трудно выговорить следующее слово. Это не совсем напоминало прежнее ощущение себя в стране детских книг, но в чем-то приближалось к этому. — Они бойцы сопротивления?

Дьюк подумал, потом одновременно кивнул и пожал плечами — восхитительный жест, говорящий сразу «да», и «нет».

— Не совсем, — наконец сказал он, — но сегодня, может быть, станем.

Прежде чем Пирсон успел спросить, что тот имел в виду, Дьюк заметил пустое такси на противоположной стороне Сторроу-драйв и сошел на обочину, поднимая руку. Такси развернулось в недозволенном месте и подъехало к тротуару, чтобы подобрать их.

В такси они обсуждали проблемы бостонского спорта — умопомрачительных «Ред сокс», вечно проигрывающих «Пэтриотс», удручающих «Селтикс» — и не затрагивали тему летучих мышей, но когда вышли у отдельно стоящего дома на кембриджской стороне реки (вывеска с надписью «КНИЖНЫЙ МАГАЗИН КЕЙТ — ФАНТАСТИКА» изображала шипящую кошку с выгнутой спиной), Пирсон взял Дьюка Райнемана за руку и сказал:

— У меня еще несколько вопросов.

Дьюк взглянул на часы:

— Некогда, Брэндон, мы слишком долго шли.

— Ладно, только два.

— Господи, ты как тот тип на телевидении в старом грязном плаще. Я не уверен, что смогу ответить, — я гораздо меньше знаю обо всем этом, чем ты думаешь.

— Когда это началось?

— Вот об этом я и говорю. Я не знаю, а тварь, которую мы поймали, ничего не собиралась нам рассказывать — даже не сообщила имя, звание и личный номер. Робби Дельрей, парень, о котором я тебе говорил, утверждает, что видел первого больше чем пять лет назад в мэрии. Он говорит, что с каждым годом их все больше. Их еще не много по сравнению с нами, но их количество нарастает... экспоненциально?.. так, наверное, будет правильно?

— Надеюсь, что нет, — сказал Пирсон. — Это пугающее слово.

— Какой у тебя второй вопрос, Брэндон? Поторопись.

— Как в других городах? Там больше летучих мышей? И людей, которые их видят? Ты что-нибудь слышал?

— Мы не знаем. Они, наверное, рассеяны по всему свету, но мы абсолютно уверены, что Америка — единственная страна в мире, где их может видеть немало людей.

— Почему?

— Потому что мы единственная страна, объявившая крестовый поход против сигарет... видимо, единственная страна, где люди верят — причем вполне искренне, — что если они будут есть правильную пищу, принимать витамины в правильном сочетании, думать в правильном направлении и подтирать задницу правильным сортом туалетной бумаги, то они будут жить вечно и вечно сохраняют половую потенцию. Когда речь идет о курении, ему всюду объявляется бой, и результатом стали уродливые мутанты. То есть мы.

— Люди десятого часа, — с улыбкой произнес Пирсон.

— Ага, Люди десятого часа. — Он взглянул поверх плеча Пирсона. — Мойра! Привет!

Пирсон не удивился запаху дезодоранта «Джорджо». Оглянувшись, он увидел Мисс Красную Юбочку.

— Мойра Ричардсон — Брэндон Пирсон.

— Здравствуйте, — сказал Пирсон и пожал ее протянутую руку. — Отдел кредитов, да?

— Это все равно, что называть мусорщика санитарным техником, — ответила она с веселой улыбкой. От такой улыбки, подумал Пирсон, можно безоглядно влюбиться, если не соблюдать осторожность. — Я просто работаю с кредитными чеками. Если вы хотите купить новый «порше», я проверяю счета, чтобы удостовериться, что вы способны на «порше»... в финансовом смысле, конечно.

— Разумеется, — Пирсон ответил ей тоже улыбкой.

— Кэм! — позвала она. — Иди сюда!

Это был уборщик, который привык мыть туалет, повернув назад козырек кепки. В нормальном костюме он выглядел на пятьдесят очков выше по интеллекту и удивительно походил на Арманда Ассанте. Пирсон почувствовал легкую ревность, но ничуть не удивился, когда тот обнял Мойру Ричардсон за восхитительно тоненькую талию и легонько поцеловал в восхитительно маленький ротик. Потом протянул руку Пирсону:

— Камерон Стивенс.

— Брэндон Пирсон.

— Очень рад, — сказал Стивенс. — Я так и думал, что вы сегодня их увидите.

— Сколько вас следило за мной? — спросил Пирсон. Он попытался вспомнить тот эпизод в десять утра на площадке и понял, что не сможет, — он провалился в памяти, смытый мощной волной ужаса.

— Почти все из банка, кто их видит, — спокойно заметила Мойра, — но все в порядке, мистер Пирсон...

— Брэндон. Пожалуйста.

Она кивнула:

— Мы только поддерживали вас, Брэндон. Пойдем, Кэм.

Поднявшись по ступенькам, они скрылись внутри здания. Пирсон успел только заметить матовый свет, прежде чем дверь закрылась. Тогда он повернулся к Дьяку.

— Это все правда, так? — спросил он.

Дьюк сочувственно взглянул на него:

— К сожалению, да. — И, помолчав, добавил:

— Но здесь есть и хорошая сторона.

— Да ну? Какая же?

Белые зубы Дьюка сверкнули в сырой темноте.

— Впервые за последние по крайней мере пять лет ты будешь присутствовать на собрании, где можно курить, — заявил он. — Пошли.

3

В фойе и зале магазина было темно; свет — и гул голосов — просачивался со стороны крутой лестницы слева от них.

— Вот, — сказал Дьюк, — здесь. Если цитировать Книгу мертвых, какой долгий причудливый путь проделан, правильно?

— Да уж, — согласился Пирсон. — Кейт тоже из Людей десятого часа?

— Хозяйка? Нет. Я ее видел только два раза, но, по-моему, она некурящая. Это Робби нашел место. Кейт считает, что мы просто Бостонское общество любителей крутого детектива.

Пирсон поднял брови:

— Это как?

— Маленькая группа фанатов, которые каждую неделю собираются и обсуждают произведения Реймонда Чандлера, Дэшиела Хэммета, Росса Макдональда и тому подобных. Если ты не читал этих ребят, то, пожалуй, следует прочесть. Для надежности. Это нетрудно: некоторые из них — действительно класс.

Он спустился вслед за Дьюком — рядом на узкой лестнице они не помещались — и через распахнутую дверь вошел в хорошо освещенный подвал с низким потолком, очевидно, соответствующий по длине дому наверху. На полу было расставлено десятка три складных стульчиков, перед которыми стоял мольберт, накрытый

синей тканью. Позади мольберта громоздились штабеля этикеток различных издательств. Пирсон с интересом рассматривал висевшую слева от него на стене картину в раме, под которой был плакат: «ДЭШИЭЛ ХЭММЕТ: ВСЕ ПРИВЕТСТВУЮТ НАШЕГО БЕССТРАШНОГО ВОЖДЯ».

— Дьюк? — услышал он рядом с собой женский голос. — Слава Богу, я уж думала, не случилось ли что с тобой.

Ее Пирсон тоже узнал: серьезного вида молодая женщина в очках с толстыми стеклами и с длинными прямыми черными волосами. Сегодня она выглядела менее серьезной в облегающих выцветших джинсах и майке с надписью «Джорджтаунский университет», под которой явно не было лифчика. Пирсон подумал, что если бы жена Дьюка хоть раз увидела, как смотрит эта женщина на ее мужа, она вытащила бы Дьюка из этого подвала за уши, и плевать ей было на всех летучих мышей в мире.

— Все в порядке, дорогая, — сказал Дьюк. — Я привел новообращенного Церкви распроклятых летучих мышей, вот и все. Джанет Брайтвуд — Брэндон Пирсон.

Брэндон пожал ей руку, подумав: «Это ты чихала после того дела».

— Очень рада познакомиться, Брэндон, — сказала Джанет и, снова повернувшись к Дьюку, слегка раздосадованному тем, как жадно она на него смотрела, спросила:

— Пойдем потом выпьем кофе?

— М-м... посмотрим, дорогая. Ладно?

— Ладно, — согласилась она, и ее улыбка говорила: я и три года буду ждать возможности выпить кофе с Дьюком, если Дьюку так угодно.

«Что я здесь делаю? — вдруг спросил себя Пирсон. — Это же полное безумие... вроде встречи Анонимных алкоголиков в психиатрической больнице».

Члены Церкви распроклятых летучих мышей сооружали себе пепельницы из сложенных штабелями этикеток, рассаживались по местам и с видимым облегчением заку-

ривали. Пирсон прикинул, что, когда все рассядутся, вряд ли останутся свободные стулья.

— Почти все пришли, — сказал Дьюк, направляясь к паре стульев в конце заднего ряда, подальше от Джанет, которая возилась с кофеваркой. Пирсон не знал, случайное ли это совпадение. — Это хорошо... поосторожнее с оконным шестом, Брэндон.

Шест с крючком на конце для открывания высоких окон подвала был прислонен к побеленной кирпичной стене. Пирсон нечаянно зацепил его, когда усаживался. Дьюк подхватил шест прежде, чем тот упал, отодвинул его подальше, а затем проскользнул в боковой проход и тоже соорудил себе и Пирсону по пепельнице.

— Ты читаешь мои мысли, — с благодарностью сказал Пирсон и закурил. Непривычно странно (и замечательно) было делать это при таком стечении народа.

Дьюк тоже закурил и указал на худого, с усыпанным веснушками лицом человека, стоящего у мольберта. Веснушчатый разговаривал с Лестером Олсоном, который застрелил человека-летучую мышь, *бах-бах-бах*, в сарае под Ньюберипортом.

— Рыжий — это Робби Дельрей, — сказал Дьюк чуть ли не с благоговением. — Не похож на Спасителя Рода Человеческого из телесериалов, правда? Но вполне возможно, что он им станет.

Дельрей кивнул Олсону, похлопал того по спине и сказал что-то, от чего седой расхохотался. Затем Олсон вернулся на свое место в середине первого ряда, а Дельрей подошел к накрытому мольберту.

К этому времени все стулья уже были заняты, несколько человек даже стояло в задней части подвала, возле кофеварки. Отголоски оживленных разговоров подлетали на высокой скорости к голове Пирсона и отскакивали, словно теннисные мячики. Облако сизого табачного дыма уже висело под потолком.

«Господи, они же тронутые, — подумал он. — Действительно тронутые. Могут поспорить, так выглядели убежища в Лондоне во время немецких бомбежек в 1940 году».

Он обернулся к Дьюку и спросил:

— С кем ты разговаривал? Кто сказал тебе, что намечается что-то большое?

— Джанет, — ответил Дьюк, не глядя на него. Его брови выразительно нацелились на Робби Дельрея, того, кто спас его от безумия в метро. В глазах Дьюка Пирсон читал восхищение и обожание.

— Дьюк, это действительно большое собрание?

— Для нас да. При мне столько народу никогда не собиралось.

— Ты поэтому так нервничаешь? Слишком много людей в одном месте?

— Нет, — просто ответил Дьюк. — Робби *нюхом* чувствует летучих мышей. Он... тс-с-с, начинается.

Робби Дельрей, улыбаясь, поднял руки, и гомон мгновенно утих. Пирсон видел такое же обожание, как у Дьюка, на многих лицах. А на других — по меньшей мере уважение.

— Спасибо, что собрались, — спокойно произнес Дельрей. — Думаю, мы наконец получили то, чего некоторые ждут уже четыре или пять лет.

Это вызвало бурные аплодисменты. Дельрей выждал некоторое время, оглядывая помещение с сияющим видом. Наконец он поднял руки, призывая к тишине. Когда овация (в которой он не участвовал) прекратилась, Пирсон сделал разочаровывающее открытие: ему не нравился друг и наставник Дьюка. Он было принял это за ревность — теперь, когда Дельрей витийствовал перед собравшимися, Дьюк Райнеман явно забыл о существовании Пирсона, — но нет, об этом он вовсе и не думал. Было что-то фатовское, самодовольное в этом жесте, поднятием рук призывающем к тишине; что-то, отражающее инстинктивное презрение беспринципного политика к слушателям.

«Да нет, — сказал себе Пирсон, — нельзя так. Ты же ничего не знаешь».

Действительно, Пирсон не имел права так судить и поэтому старательно отгонял неприятное ощущение, чтобы дать Дельрею шанс, хотя бы ради Дьюка.

— Прежде всего, — продолжал Дельрей, — я хотел бы представить вам нового члена нашей группы — Брэндона Пирсона, из самого дальнего Медфорда. Встаньте на минутку, Брэндон, покажитесь вашим новым товарищам.

Пирсон удивленно взглянул на Дьюка. Тот, усмехнувшись, пожал плечами, а потом легонько подтолкнул Пирсона в плечо:

— Давай, они не кусаются.

Пирсон не был уверен в последнем. Тем не менее, покраснев, он встал, опасаясь людей, которые оборачивались со своих мест, чтобы рассмотреть его. Особенно ему не понравилась улыбка Лестера Олсона — как и его шевелюра, слишком ослепительная, чтобы не вызывать подозрение.

Его собратья, Люди десятого часа, снова заплодировали, только на сей раз хлопали ему — Брэндону Пирсону, банковскому служащему среднего уровня и упрямому курильщику. Он снова подумал, не забрел ли он случайно на сборище Анонимных алкоголиков, предназначенное исключительно для психов (и, несомненно, психами руководимое). Когда он сел на место, щеки его были пунцовыми.

— Я бы прекрасно обошелся без этого, спасибо, — пробормотал он Дьюку.

— Успокойся, — Дьюк по-прежнему усмехался. — Всех так принимают. И тебе это должно понравиться, парень, разве не так? Это же в духе *девяностых*.

— Да, это в духе девяностых, но мне не нравится, — заметил Пирсон. Сердце у него бешено колотилось, а румянец не сходил со щек. Наоборот, похоже было, что он становится ярче.

«В чем дело? — подумал он. — Лихорадка? Мужская менопауза? Что такое?»

Робби Дельрей, нагнувшись, быстро сказал что-то брюнетке в очках, сидевшей рядом с Олсоном, взглянул на часы, затем отступил к накрытому мольберту и снова повернулся к залу. Его открытое, веснушчатое лицо де-

лало его похожим на мальчика из церковного хора, способного на любые безвредные пакости — бросать лягушек девчонкам за воротник, выдернуть простыню из-под маленького братика и всякое такое — во все дни, кроме святого воскресенья.

— Спасибо, друзья! Садитесь, Брэндон, — сказал он.

Пирсон пробормотал, что рад находиться здесь, но он был не искренен — а вдруг его собратья, Люди десятого часа, окажутся просто сборищем идиотов новой эры? Вдруг под конец он будет воспринимать их как хорошо одетых религиозных фанатиков, вскакивающих при первых звуках гимна? Что тогда?

«Перестань, — приказал он себе. — Дьюк-то тебе нравится, правда?»

Да, Дьюк ему нравился, и, наверное, Мойра Ричардсон тоже... коль скоро он отбросил внешнюю сексуальную оболочку и мог оценить ее как личность.

Может, есть тут и другие замечательные люди. И он забыл, по крайней мере на какое-то время, почему они все собрались в этом подвале — из-за летучих мышей. Учитывая такую угрозу, можно бы смириться с парочкой самодовольных идиотов, а?

Видимо можно.

«Отлично! Теперь сядь, успокойся и смотри парад».

Он сел, но успокоиться не мог, во всяком случае, окончательно. Отчасти потому, что был новичком. Отчасти потому, что терпеть не мог недобровольное общение — как правило, людей, которые называли его по имени без разрешения с его стороны, он воспринимал как своего рода угонщиков. А отчасти...

«Да перестань же! Неужели ты еще не понял? У тебя просто нет выбора!»

Неприятная мысль, но спорить с ней было трудно. Сегодня утром, случайно повернув голову и обнаружив, что на самом деле скрывается под костюмом Дугласа Кифера, он тем самым перешел черту. Он думал, что хотя бы это ему понятно, но лишь сейчас осознал, что черта эта роковая, что шансы пересечь ее в обратном направле-

нии и вернуться на другую сторону (на *безопасную* сторону) ничтожны.

Нет, он не мог успокоиться. По крайней мере, пока не мог.

— Прежде чем мы перейдем к делу, я хочу поблагодарить вас всех, что вы быстро собрались, — говорил Робби Дельрей. — Я знаю, что не всегда можно уйти, не вызывая подозрений, а в некоторых случаях это просто опасно. Не думаю, что будет преувеличением сказать, что мы вместе прошли огонь и воду... и медные трубы тоже...

Вежливые улыбки в зале. Большинство из них готово восторгаться любым словом Дельрея.

— ...и никто не знает лучше меня, как трудно быть одним из немногих, кому известна истина. С тех пор как я увидел первую летучую мышь пять лет назад...

Пирсон заерзал, испытывая ощущение, которого никак сегодня не ожидал, — скуку. Чтобы этот необычайно странный день кончился именно так — сборище в подвале книжного магазина слушает веснушчатого маляра, который толкает нуднейшую речь в худших традициях Ротари-клуба...

Но другие были словно зачарованы; Пирсон оглянулся, желая убедиться в этом. Глаза Дьюка сияли точно таким же восхищением, какое Пирсон наблюдал в детстве у своего пса Балди, когда доставал его тарелку из-под мойки в кухне. Камерон Стивенс и Мойра Ричардсон сидели обнявшись и уставившись на Робби Дельрея разинув рты. И Джанет Брайтвуд. И все прочие в маленькой группе вокруг волшебной шарманки.

«Все, — подумал он, — кроме Брэндона Пирсона. Давай, дорогуша, попробуй врубиться в программу».

Но он не мог, и каким-то странным образом не мог и Робби Дельрей. Пирсон, обведя взглядом зал, заметил, что Дельрей снова украдкой посмотрел на часы. Этот жест был очень знаком Пирсону с тех пор, как он стал Человеком десятого часа. Он догадался, что Дельрей отсчитывает время до следующей сигареты.

По мере того, как Дельрей тянул время, некоторые его слушатели также начали проявлять признаки нетерпе-

ния — кто покашливал, кто шаркал ногами. Но Дельрей все напирал, видимо, не понимая, что каким бы обожаемым вождем сопротивления он ни был, ему не могли внимать бесконечно.

— ...и мы прилагали все силы, — возглашал он, — и переживали потери, пряча слезы, как всегда, по-моему, кто ведет войну на тайных фронтах, движимые нестигаемой верой в то, что настанет день, когда тайное станет явным, и мы...

«Вот гад, снова поглядывает на часы...»

— ...сможем поделиться нашим знанием со всеми мужчинами и женщинами, которые смотрят, но не видят.

«Спаситель рода человеческого? — подумал Пирсон. — Господи помилуй! Скорее он похож на сенатора Джесси Хелмса, который часами несет чушь, чтобы сорвать заседание».

Он взглянул на Дьюка и приободрился, видя, что тот, все еще слушая, начал ерзать на месте и явно выходил из транса.

Пирсон приложил ладони к щекам — еще пылают. Приложил пальцы к сонной артерии и пощупал пульс — учащенный. Это было не смущение от того, что пришлось вставать и раскланиваться, подобно финалистке конкурса «Мисс Америка»; сейчас-то все уже забыли о его существовании. Нет, здесь что-то другое. Нехорошее.

— ...мы крепко держались этого, мы плясали, даже когда музыка была нам не по вкусу... — бубнил Дельрей.

«Это то, что ты испытывал прежде, — сказал себе Пирсон. — Страх попасть на сборище охваченных общей опасной галлюцинацией».

— Нет, не то, — пробормотал он. Дьюк повернулся к нему, удивленно подняв брови, но Пирсон успокоил его кивком головы. Дьюк опять усталился на оратора.

Он, конечно, обиделся, но не похоже, что впал в какой-то культ убийств. Может быть, люди в этом зале — по крайней мере, некоторые — и убивали, может, эта сцена в сарае под Ньюберипортом действительно имела место, но сегодня не ощущалось энергии, необходимой

для таких отчаянных подвигов, в этой кучке преуспевающих мещан под портретом Дэшиела Хэммета. Он ощущал только сонную легкость в голове — то ослабленное внимание, которое позволяло людям выдерживать нудные речи, не засыпая окончательно и не вставая.

— Робби, ближе к делу! — собравшись с духом, крикнул кто-то из задних рядов, и послышались нервные смешки.

Робби Дельрей бросил раздраженный взгляд в ту сторону, откуда донесся голос, затем улыбнулся и снова взглянул на часы.

— Ладно, — сказал он. — Меня действительно занесло. Лестер, помоги, пожалуйста.

Лестер встал. Вдвоем из-за кипы обложек они вынесли большой кожаный саквояж, стянутый ремнями, и поставили его справа от мольберта.

— Спасибо, Лес, — поблагодарил Робби.

Лестер кивнул и вернулся на место.

— Что в саквояже? — прошептал Пирсон на ухо Дьюку.

Дьюк покачал головой. Он выглядел удивленным и слегка не в себе... но не в такой степени, как Пирсон.

— Да, Мак прав, — сказал Робби. — Я действительно увлекся, но для меня это историческое событие. Смотрите.

Он выдержал паузу, затем сорвал синюю тряпку с мольберта. Слушатели подались вперед на своих складных стульчиках, готовые поразиться, а затем откинулись обратно с общим разочарованным выдохом. Это была черно-белая фотография какого-то заброшенного склада. Увеличение было достаточным, чтобы можно было рассмотреть обрывки бумаг, презервативы, пустые бутылки на загрузочных рампах и прочитать написанные красной краской мудрые изречения на стене. Самое крупное из них гласило: «МЯТЕЖНЫЕ ГОРИЛЛЫ ПРАВЯТ».

По залу прошел шепоток.

— Пять недель назад, — с нажимом начал Робби, — мы с Лестером и Кендрой выследили двух летучих мышей до этого заброшенного склада в Кларк-Бей.

Темноволосая женщина в пенсне, сидевшая рядом с Лестером Олсоном, самодовольно огляделась... и будь Пирсон проклят, если она не посмотрела на часы.

— Их встретили тут — Дельрей показал на одну из рамп — еще трое летучих мышей-мужчин и одна женщина. Они вошли внутрь. С тех пор шесть или семь человек непрерывно наблюдали за этим местом. Мы установили...

Пирсон заметил, какое обиженное выражение приняло лицо Дьюка. У него словно на лбу было написано: «А ПОЧЕМУ МЕНЯ НЕ ВЗЯЛИ?»

«Бостонские Летучие мыши, — подумал Пирсон. — Прекрасное название для бейсбольной команды». — И опять вернулось сомнение: «Неужели это я сижу здесь и слушаю всю эту чушь? Неужели это правда?»

И тут, словно мгновенное сомнение включило обостренную память, он услышал, как Дельрей сообщает собравшимся Бесстрашным Охотникам за Летучими Мышами, что к ним присоединился Брэндон Пирсон из самого дальнего Медфорда.

Он повернулся к Дьюку и зашептал ему в ухо:

— Когда ты говорил с Джанет по телефону — там, у Галлахера, — ты сказал ей, что приведешь меня, правильно?

Дьюк нетерпеливо, все еще с оттенком досады взглянул на него: не мешай, мол, слушать.

— Конечно, — сказал он.

— А ты ей говорил, что я из Медфорда?

— Нет, — ответил Дьюк. — Откуда я знал, где ты живешь? Дай послушать, Брэнд! — И он отвернулся.

— Мы выследили более тридцати пяти машин — в основном лимузинов, которые посетили этот заброшенный склад в стороне от цивилизации, — сказал Дельрей. Он выдержал паузу, чтобы все поняли, насколько важна такая информация, снова взглянул на часы и продолжал: — Многие побывали там по десять — двенадцать раз. Летучие мыши, несомненно, поздравляют себя, что нашли такое уединенное место для совещаний, или торжественных обедов, или что там у них, но мне кажется, что на

самом деле они загнали себя в угол. Потому что... простите, минуточку, ребята...

Он обернулся и заговорил с Лестером Олсоном. В их разговор включилась женщина по имени Кендра. Она говорила, мотая головой то в одну, то в другую сторону, словно смотрела матч по пинг-понгу. Зрители удивленно и озадаченно наблюдали за этим совещанием.

Пирсон понимал, что они испытывали. «Что-то большое», — обещал Дьюк, и судя по количеству людей, собравшихся здесь, всем остальным обещано было то же самое. «Что-то большое» оказалось всего-навсего большим черно-белым снимком с изображением заброшенного склада, где не было ничего, кроме горы мусора, выброшенного тряпья и использованных презервативов. Что, черт возьми, не так на этой картинке?

«Большое дело оказалось пшиком, — подумал Пирсон. — И кстати. Веснушчатый, откуда ты *знал*, что я из Медфорта? Это я оставлю на вопросы после лекции, поверь мне».

Это ощущение — горящие щеки, учащенное сердцебиение, неудержимое желание курить — стало еще сильнее. Как приступы желания, которые иногда бывали у него в колледже. Что это? Если не страх, то что?

«О, это, конечно же, страх — не просто страх единственного здорового человека в сумасшедшем доме. Ты знаешь, что летучие мыши существуют; ты не спятил, и Дьюк, и Мойра, или Кэм Стивенс, или Джанет Брайтвуд. Но все равно что-то тут не так... совсем не так. Наверное, он сам. Робби Дельрей, маляр и Спаситель рода человеческого. Он знал, где я живу. Брайтвуд позвонила ему и сказала, что Дьюк приведет парня из Первого коммерческого по имени Брэндон Пирсон, и он проверил, кто я такой. Зачем он это сделал? И как он это сделал?»

Вдруг ему вспомнились слова Дьюка Райнемана.

«Они хитрые, и у них полно приятелей в верхах. Именно эти верхи их интересуют».

Если у тебя приятели в верхах, ты мигом можешь все узнать о человеке, правда ведь? Да. Люди в верхах имеют

доступ ко всем компьютерным паролям, всем личным делам, всем данным, составляющим жизненно важную статистику...

Пирсона передернуло, будто он пробудился от кошмарного сна. При этом он невольно зацепил ногой основание оконного шеста. Тот начал падать. Тем временем шепоток в передних рядах сменился кивками по всему залу.

— Лес, — попросил Дельрей, — вы с Кендрой помогите мне еще разок.

Пирсон успел подхватить оконный шест прежде, чем тот свалился бы кому-нибудь на голову и вышиб мозги, а то и содрал бы скальп острым крючком на конце. Он подхватил шест, начал было прислонять его к стене и вдруг увидел рожу гоблина, уставившуюся в окно подвала. Черные глаза, как у оборванной куклы, забытой под кроватью, смотрели в широко раскрытые голубые глаза Пирсона. Полосы мяса вращались, как атмосфера вокруг планеты из тех, что астрономы называют газовыми гигантами. Вены под громадным голым черепом пульсировали черными змеями. Оскаленный рот сверкал треугольными зубами.

— Помогите с этими ремнями, — голос Дельрея доносился с другого конца Галактики. Он дружески ухмыльнулся. — Что-то не расстегиваются.

Для Брэндона Пирсона время словно вернулось назад, в сегодняшнее утро: он снова попытался закричать, и снова ужас лишил его голоса, так что он смог издать только тихий, сдавленный стон, как во сне.

Долгая бестолковая речь.

Бессмысленная фотография.

Постоянное поглядывание на часы.

«Ты поэтому так нервничаешь? Столько людей в одном месте?» — спросил он Дьюка, а тот с улыбкой ответил: «Нет, Робби нюхом чует летучих мышей».

На этот раз остановить Пирсона было некому, и его вторая попытка увенчалась полным успехом.

— **ИЗМЕНА!** — заорал он, вскочив на ноги. — **ЭТО ИЗМЕНА, НАДО УБИРАТЬСЯ ОТСЮДА!**

На него остолбенело уставились пораженные лица... но трое не удивились. Это были Дельрей, Олсон и темноволосая женщина по имени Кендра. Они как раз расстегнули ремни и открыли саквояж. Лица у них были виноватые... но не удивленные. Удивление как раз отсутствовало.

— Сядь, парень! — прошипел Дьюк. — Ты совсем...

Слышно было, как наверху распахнулась дверь. Сапоги протопали от входа к спуску в подвал.

— Что происходит? — спросила Джанет Брайтвуд. Она смотрела прямо на Дьюка расширенными от ужаса глазами. — О чем он *говорит*?

— **УБИРАЙТЕСЬ!** — вопил Пирсон. — **БЫСТРО ОТСЮДА! ОН НАС ПРЕДАЛ! МЫ В ЛОВУШКЕ!**

Наверху рывком распахнулась дверь возле узкой лестницы, ведущей в подвал, и оттуда донеслись самые отвратительные звуки, которые Пирсон когда-либо слышал в своей жизни — будто свора волков окружила ребенка, попавшего в самую их середину.

— *Что это?* — взвизгнула Джанет. — *Что там?* — Но на ее лице не было озадаченного выражения, она уже поняла, что там. *Кто там.*

— *Спокойно!* — закричал Робби Дельрей, обращаясь ко всей компании, застывшей в замешательстве на складных стульчиках. — *Они обещали амнистию! Вы меня слышите? Вы понимаете, что я говорю? Они мне поклялись...*

В этот момент разбилось окно с левой стороны от того, в котором Пирсон увидел первую летучую мышь, и осколки стекла посыпались на словно окаменевших мужчин и женщин в первом ряду. Рука существа в пуленепробиваемом жилете просунулась в образовавшуюся дыру и схватила Мойру Ричардсон за волосы. Она закричала и замолотила по державшей ее руке... которая была и не рука вовсе, а сплетение когтей, кончавшихся длинными, хитиновыми ногтями.

Не размышляя ни секунды, Пирсон схватил оконный шест, рванулся вперед и вонзил острый крюк в пульсирующую мышиную морду, видневшуюся в разбитом окне.

Густая, вязкая масса брызнула на поднятые вверх руки Пирсона. Летучая мышь издала дикий, протяжный вопль — Пирсону он не показался криком боли, как он хотел надеяться, — и свалилась на спину, вырвав шест из рук Пирсона, в морозящую темень. Прежде чем чудовище полностью исчезло из виду, Пирсон заметил, как над бородавчатой кожей того плывет белый дымок, и почувствовал запах

(пыли, мочи, жареного перца)

чего-то неприятного.

Кэм Стивенс подхватил Мойру на руки и окинул Пирсона испуганным, недоверчивым взглядом. У всех мужчин и женщин вокруг на лицах было то же растерянное выражение, они застыли, как стадо оленей в свете фар приближающегося грузовика.

«Они совсем не похожи на бойцов сопротивления, — подумал Пирсон. — Они как стадо овец, которых ведут на бойню... а козел — провокатор, который завел их, стоит впереди со своими сообщниками».

Отвратительные звуки сверху приближались, хотя не так быстро, как мог бы ожидать Пирсон. Тут он вспомнил, что лестница очень узкая — двоим не разминуться — и произнес краткую благодарственную молитву, пока продвигался вперед. Он взял Дьюка за галстук и поднял на ноги.

— Пошли, — сказал он, — эта малина накрылась. Тут есть запасный выход?

— Я... не знаю, — Дьюк медленно и старательно тер висок, будто страдал мигренью. — Это Робби сделал? Робби? Не может быть... разве? — Он пристально смотрел на Пирсона — растеряно и с сожалением.

— Боюсь, что так, Дьюк. Идем.

Он сделал еще два шага по проходу, ведя Дьюка на поводу за галстук, и остановился. Дельрей, Олсон и Кендра, порывшись в саквояже, теперь доставали оттуда небольшие автоматы со смешно торчавшими длинными магазинами. Пирсон никогда не видел «узи», разве что по телевидению, но решил, что это именно они. «Узи» или

их близкие родственники, и какая разница, в конце концов? Главное, что они стреляют.

— Стойте, — сказал Дельрей, видимо, обращаясь к Дьюку и Пирсону. Он попытался улыбнуться, но у него получилась гримаса смертника, которому только что сообщили, что приговор не отменен. — Стойте на месте.

Дьюк продолжал идти. Теперь он был в проходе, а Пирсон оказался позади. Остальные вставали с мест, напирали вслед за ними, нервно оглядываясь назад, в сторону лестницы. В их глазах можно было прочесть, что автоматы им не нравятся, но вой и рычание с той стороны нравятся еще меньше.

— Почему, друг? — спросил Дьюк, обращаясь к Дельрею, и Пирсон увидел, что он вот-вот расплачется. Дьюк держал руки вверх, ладонями наружу. — Почему ты нас продал?

— Стой, Дьюк, я тебя предупреждаю, — произнес Лес Олсон с шотландским акцентом.

— И все остальные стойте на месте! — добавила Кендра. Ее голос звучал вовсе не мягко. Она резко поводила глазами, стараясь охватить все помещение.

— У нас нет никаких шансов, — сказал Дельрей Дьюку. Он как бы извинялся. — Они накрыли нас, они могли взять нас *в любой момент*, но они предложили мне сделку. Ты понимаешь? Я не предавал, *никогда* не предавал. *Они* пришли ко мне. — Он говорил напористо, будто эта деталь в самом деле была важна для него, но в глазах у него читалось совсем другое. Как будто внутри него сидел какой-то другой, лучший Робби Дельрей, который отчаянно пытался откреститься от этой измены.

— **ТЫ ВРЕШЬ, СВОЛОЧЬ!** — закричал Дьюк Райнеман голосом, надломившимся от обиды из-за предательства и от возмущенного понимания. Он бросился на человека, который когда-то спас ему разум, а возможно, и жизнь в метро... и тут все мгновенно оборвалось.

Пирсон не мог видеть всего, что произошло, но, казалось, каким-то образом увидел. Он заметил, что Робби Дельрей заколебался, потом отвел автомат вбок, видимо,

намереваясь оглушить Дьюка прикладом. Увидел, как Лестер Олсон, тот, который застрелил летучую мышь в сарае под Ньюберипортом, *бах-бах-бах*, а теперь струсил и решил пойти на сделку с врагом, упер длинный магазин в пряжку ремня и нажал спусковой крючок. Из отверстий в рубашке ствола мгновенно выскочили синие огненные язычки, и послышалось резкое *«тах-тах-тах-тах»* — так, видимо, звучит автоматическое оружие в реальном мире. Что-то невидимое рассекло воздух прямо возле лица Пирсона; это походило на одышку привидения. И он увидел, как Дьюк валится назад, как ручейки крови стекают с белой рубашки, заливая кремовый костюм. Человек, стоявший за спиной Дьюка, упал на колени и закрыл глаза руками; между его пальцев сочилась яркая кровь.

Кто-то — возможно, Джанет Брайтвуд — закрыл дверь, ведущую с лестницы в подвал, перед началом собрания; теперь она распахнулась, и внутрь ворвались двое летучих мышей в полицейской форме. Их маленькие, сплюснутые лица, искаженные злобой, казалось, выплыли из огромных, странно раскачивающихся голов.

— *Амнистия!* — кричал Робби Дельрей. Веснушки на его лице теперь резко выделялись, словно клейма, на пепельно-бледной коже. — *Амнистия! Мне обещали амнистию, если мы будем стоять на месте и поднимем руки!*

Несколько человек — в основном те, кто толпился у кофеварки, — подняли руки, продолжая в то же время пятиться от летучих мышей в форме. Одна из них рванулась вперед со злобным рычанием, схватила одного мужчину за рубашку и притянула к себе. Не успел Пирсон сообразить, что происходит, как тварь вырвала у этого человека глаза. Какое-то время она рассматривала скользкую добычу на своей непонятной, бесформенной ладони, а потом отправила ее себе в рот.

Когда еще две летучие мыши ворвались в дверь, поводя во все стороны сверкающими черными глазками, другой полицейский-летучая мышь выхватил пистолет и, не целясь, трижды выстрелил в толпу.

— *Нет!* — услышал Пирсон крик Дельрея. — *Нет, вы же обещали!*

Джанет Брайтвуд схватила кофеварку, подняла ее над головой и бросила в одного из пришельцев. Та, ударившись с глухим металлическим стуком, облила его горячим кофе. На сей раз крик твари, вне всякого сомнения, выражал боль. Один из полицейских-летучих мышей рванулся к Джанет. Но она уклонилась, пытаясь убежать, споткнулась... и вдруг просто исчезла в толпе среди всеобщей паники.

Теперь рушились все окна, где-то рядом послышался вой сирен. Летучие мыши врывались с обеих сторон и рассредоточивались вдоль стен, явно имея целью загнать охваченных паникой Людей десятого часа на пятачок за мольбертом, где они сбивались в кучу.

Олсон бросил автомат, схватил Кендру за руку и бросился туда. Но тут в окно просунулась рука летучей мыши, схватила его за пышную театральную шевелюру и потащила наверх, хрюкая и причмокивая. Появившаяся затем в окне другая рука ногтем десятисантиметровой длины ловко вскрыла ему горло, пустив алый ручеек крови.

«Больше не будешь стрелять летучих мышей в сараях, дружок», — с тоской подумал Пирсон. Он осмотрел помещение. Дельрей, охваченный неизбывным ужасом, стоял между раскрытым саквояжем и упавшим мольбертом, бесцельно держа в руках автомат. Когда Пирсон потянул магазин автомата из его пальцев, Дельрей не сопротивлялся.

— Они обещали нам амнистию, — сказал он Пирсону. — Они *обещали*.

— Ты что, серьезно считал, что можно доверять вот этим? — спросил Пирсон, изо всей силы вгоняя длинный приклад прямо в лицо Дельрею. Что-то хрустнуло — наверное, нос, — и варвар, проснувшийся в душе банковского служащего, бездумно отпраздновал победу.

Он двинулся к проходу, петляя между сваленными этикетками — их уже растолкла по сторонам толпа, когда

металась по залу, — и остановился, услышав автоматные очереди за домом. Огонь... вопли... крики радости.

Пирсон рывком обернулся и увидел, что Кэм Стивенс и Мойра Ричардсон стоят в начале прохода между стульчиками. У них было одинаковое, растерянное выражение лиц, и они держались за руки. Пирсон успел подумать: «Вот так выглядели Ганзель и Гретель, когда наконец выбрались из домика-конфетки». Потом он нагнулся, подобрал автоматы Кендры и Олсона и вручил им.

Еще две летучие мыши вошли через заднюю дверь. Они двигались спокойно, будто все совершалось по плану... видимо, так и есть, подумал Пирсон. Действие теперь переместилось в заднюю часть дома — вот где была бойня, не здесь, и летучие мыши не просто стригли овец.

— Пошли, — сказал он Кэму и Мойре. — Эти сволочи наши.

Летучие мыши в задней части подвала слишком поздно поняли, что некоторые беглецы решили сражаться. Один из них повернулся, возможно, собираясь бежать, ударился о вновь вошедшего и поскользнулся в луже разлитого кофе. Пирсон открыл огонь по тому, который оставался на ногах. Пистолет-пулемет издал свое слабенькое «*тах-тах-тах*», и тварь повалилась навзничь, ее мерзкая морда разошлась и выпустила облачко вонючего тумана... похоже на то, подумал Пирсон, что они действительно лишь иллюзии.

Кэм и Мойра, поняв, что им надо делать, открыли огонь по остальным летучим мышам; шквал огня придавливал тех к стене, затем они падали на пол и улетучивались из одежды еле заметным туманом, запах которого для Пирсона сейчас был слаще аромата астр на площадке перед Первым коммерческим банком.

— Пошли, — сказал Пирсон. — Если уйдем сейчас, может, и прорвемся.

— Но... — начал Камерон. Он осмотрелся, начиная, видимо, приходить в себя. Это хорошо; Пирсон понял, что им надо быть настороже, если они хотят выбраться отсюда.

— Не думай об этом, Кэм, — сказала Мойра. Она тоже обвела взглядом подвал и отметила, что кроме них, там

никого не оставалось — ни людей, ни летучих мышей. — Пошли. По-моему, лучше всего будет выбраться через входную дверь.

— Да, — согласился Пирсон, — но только если сию минуту.

Он бросил последний взгляд на Дьюка, лежавшего на полу с застывшим на лице выражением боли и удивления. Жаль, что нет времени закрыть Дьюку глаза, но это действительно так.

— Идем, — сказал он, и они осторожно двинулись вперед.

К тому времени, как они достигли двери, ведущей на террасу — и оттуда на Кембридж-авеню, автоматная стрельба в задней части дома начала стихать. «Сколько погубило?» — размышлял Пирсон, и ответ, который сразу приходил в голову: «Все» — был ужасен, но неопровержим. Может быть, еще одному-двоим удалось выскользнуть, но больше — точно никому. Эта была превосходная западня, аккуратно и ловко расставленная для них, пока Робби Дельрей толкал воду в ступе, тянул время, поглядывая на часы... видимо, ожидая какого-то сигнала, который Пирсон предвосхитил.

«Пробудись я чуть раньше, Дьюк был бы сейчас жив», — горестно думал он. Может, и так, но если бы да кабы, то во рту росли бы грибы. Сейчас не время для самообвинений.

Один полицейский-летучая мышь остался на часах на террасе, но он смотрел в сторону улицы, возможно, ожидая нежелательных вмешательств. Пирсон наклонился к нему через открытую дверь и спросил: «Эй ты, грязная толстомясая задница, закурить не найдется?»

Летучая мышь обернулась.

Пирсон снес ей голову с плеч.

Чуть позже часа ночи три человека — двое мужчин и женщина в рваных колготках и грязной красной юбке — бежали рядом с товарным составом, уходившим с одной из горок на Южной станции. Мужчина помоложе легко запрыгнул в открытую дыру пустого товарного вагона, развернулся и протянул руку женщине.

Она споткнулась и закричала — у нее сломался каблук. Пирсон подхватил ее за талию (он уловил еле различимый аромат дезодоранта «Джорджо» на фоне более поздних запахов пота и страха), пробежал немного рядом с ней и крикнул, чтобы она прыгала. Когда она оттолкнулась, он подхватил ее за бедра и бросил прямо в протянутые руки Камерона Стивенса. Она ухватилась за них, и Пирсон наподдал ей еще, и она влетела в вагон.

Занятый подсаживанием, Пирсон отстал и только теперь увидел, как приближается бетонный забор, отмечавший границу грузового двора. Товарняк проскальзывал через проем в стене, но для него и Пирсона сразу в этом проеме места не было: если он не заскочит сразу в вагон как можно скорее, то останется на станции.

Кэм выглянул в открытую дверь вагона, увидел приближающийся забор и снова протянул руки.

— *Прыгайте!* — крикнул он. — *Вы же можете!*

Пирсон не мог — во всяком случае, в прежней жизни, когда выкуривал две пачки в день. Теперь, однако, у него было чуть побольше силы и в ногах, и в легких. Он бежал по опасно усыпанному мусором слою шлака вдоль путей, выставив руки вперед, растопырив пальцы, чтобы нащупать руки, готовые подхватить его прежде, чем покажется забор. Уже можно было различить жесткие переплетения колючей проволоки, торчавшие из бетона.

В этот момент у него в мозгу словно широко раскрылись глаза, и он увидел жену, сидящую в кресле гостинной, с красными глазами и опухшим от рыданий лицом. Увидел ее, объясняющую двоим полицейским, что он пропал. Даже увидел стопку книжек-раскрасок Дженни на маленьком столике рядом с креслом. Действительно ли так происхо-

дит? Да, полагал он, может, с незначительными расхождением в деталях. А Лизабет, которая в своей жизни не выкурила ни одной сигареты, не различает черных бусинок и острых клыков у молодых полицейских, сидящих напротив нее на кушетке, не видит ни липких бородавок, ни черных, пульсирующих линий на их голых черепах.

И не увидит. И не различит.

«Боже, благослови ее слепоту, — подумал Пирсон. — Да пребудет она вовеки».

Он споткнулся рядом с темным страшилищем — товарным составом, направляющимся на запад — в сторону оранжевого снопа искр, который высекло медленно вращающееся стальное колесо.

— Бегите! — закричала Мойра и высунулась в дверь вагона, протянув руки. *— Пожалуйста, Брэндон, еще чуть-чуть!*

— Поторопись, дурачок! — заорал Кэм. *— Что, не видишь этот чертов забор?*

«Не могу, — думал Пирсон. — Не могу поторопиться, не могу побережись забора, ничего не могу. Хочу только спать. Лечь и уснуть».

Потом он подумал о Дьюке, и это прибавило ему немного скорости в беге.

Дьюк был еще молод и не понимал, что иногда люди теряют мужество и предают, иногда даже те, из кого, сотворяешь себе кумиров, способны на это, но ему хватило зрелости, чтобы схватить Брэндона Пирсона за руку и тем самым спасти ему жизнь. Дьюк не захотел бы, чтобы он остался на этой дурацкой станции.

Он смог совершить последний рывок навстречу их протянутым рукам, краем глаза заметил, как забор *проскальзывает* мимо него, и сжал пальцы Кэма. Он прыгнул, почувствовал, как рука Мойры крепко хватает его под мышкой, и заполз внутрь, втянув правую ногу в вагон за долю секунды до того, как забор оторвал бы ее с туфель и со всем прочим.

— Все на борту, детское приключение начинается, — прохрипел он, — с иллюстрациями Н.С. Уайета!

— Что? — переспросила Мойра, — Что вы сказали?

Он обернулся, взглянув на них сквозь спутавшиеся волосы, оперся на локти и запыхтел:

— Ничего. У кого есть сигарета? Помираю.

Они остолбенело поглядели на него, переглянулись, и оба, как по команде, разразились диким хохотом. Пирсон догадался: это значит, что они любят друг друга.

Пока они катались по полу вагона, хватаясь друг за друга и заливаясь смехом, Пирсон присел и начал медленно рыться во внутренних карманах своего грязного, изорванного пиджака.

— Ага, — произнес он, когда во втором кармане рука нащупала знакомую форму. Он извлек мятую пачку и потряс ею:

— За победу!

Товарный вагон мчался по Массачусетсу на запад; в открытой двери тускло светились три красных огонька. Неделью спустя они оказались в Омахе. Около десяти утра они уже слонялись по центральным улицам и присматривались к людям, выходявшим во время кофейных перерывов из помещений даже под проливной дождь. Они отыскивали Людей десятого часа, охотились за членами Пропавшего колена, того, что пошло за верблюдом, нарисованным на пачке.

К ноябрю их было уже двадцать, и они проводили собрания в подсобке заброшенного москательного магазина в Ла-Висте.

В начале следующего года они совершили первый налет за реку, в Каунсил-Блафс, и перебили тридцать весьма удивленных летучих мышей-банкиров и воротил Среднего Запада. Немного, но Брэнд Пирсон понял, что убивать летучих мышей — почти то же, что сокращать количество сигарет: с чего-то следует начинать.

КРАУЧ-ЭНД

Когда женщина, наконец, ушла, было уже два тридцать ночи. За окнами полицейского участка Крауч-Энд Тоттенхэм-лейн напоминала маленькую высохшую речушку. Лондон спал... Однако Лондон никогда не погружается в глубокий сон, и сны ему снятся беспокойные.

Констебль Веттер закрыл блокнот, исписанный почти до конца, когда американка закончила излагать свою странную, жуткую историю. Он взглянул на пишущую машинку и кипу бланков на полке рядом с ней. — Тут работы до утра, — заметил он.

Констебль Фарнхэм пил кока-колу. Он долго молчал.

— Она американка, да? — наконец спросил он, как будто этот факт мог прояснить то, что она рассказала.

— Пойдет в нераскрытое, — сказал Веттер, оглядываясь в поисках сигареты. — Но интересно...

Фарнхэм рассмеялся:

— Не хочешь ли ты сказать, что хоть капельку ей поверил? Прошу вас, сэр!

— Разве я это говорил? Но ты тут новичок.

Фарнхэм выпрямился. Ему было двадцать семь, и не его вина, что его перевели сюда из северного района Масвелл-Хилл или что Веттер, чуть ли не вдвое старше его, провел всю свою небогатую событиями службу в тихом лондонском пригороде Крауч-Энд.

— Видимо, да, сэр, — сказал он, — но при всем моем уважении к вам, заметьте, мне кажется, я узнаю кусок доброй старой ткани, когда вижу... или слышу.

— Дай закурить, приятель, — попросил Веттер, улыбаясь. — Спасибо! Ты хороший мальчик. — Он зажег сигарету спичкой из большой красной коробки, а затем,

задув, положил сгоревшую спичку в пепельницу Фарнхэма. Потом посмотрел на молодого коллегу сквозь облачко дыма. Сам он давно уже не был писанным красавцем: на лице Веттера залегли глубокие складки, а нос был весь в синих прожилках. За вечер уделывает упаковочку пива этот констебль Веттер. — Ты думаешь, Крауч-Энд — тихое, спокойное местечко, да?

Фарнхэм пожал плечами. По правде говоря, он считал Крауч-Энд скучнейшей пригородной дырой.

— Да, — продолжал Веттер, — вижу, ты так думаешь. И ты прав. К одиннадцати тут все спят, действительно. Но я и в Крауч-Энде навидался странных вещей. Пробудеешь здесь половину моего срока — и на твою долю достанется. Здесь, в этих спокойных семи-восьми кварталах, происходит больше странных вещей, чем во всем Лондоне, — это, конечно, громко сказано, но я так думаю. И меня это пугает. И чтобы не бояться, прикладываюсь к пивку. Ты вот посмотри на сержанта Гордона, Фарнхэм, и подумай, почему он в сорок лет совершенно седой. Или вот взгляни на Петти, только у тебя это не получится. Петти покончил жизнь самоубийством в 1976 году. В наше горячее лето. Тогда было... — Веттер, казалось, подбирает слово. — Было очень плохо тем летом. Совсем плохо. Многие из нас боялись, что сорвутся.

— Кто мог сорваться и куда? — спросил Фарнхэм. Он насмешливо улыбнулся краем рта, сознавая, что это невежливо, но удержаться не мог. Он считал, что Веттер несет такую же чушь, как и та американка. Он всегда был слегка не в себе. От пьянства, видимо. Потом он заметил, что Веттер улыбается ему.

— Думаешь у старого пердуна крыша поехала, — сказал тот.

— Нет-нет, что ты, — запротестовал Фарнхэм, ужасаясь про себя.

— Ты хороший парень, — сказал Веттер. — В моем возрасте ты не будешь сидеть за этим столом. Если останешься в полиции. Ты же останешься, я думаю? Какие у тебя планы?

— Да, — сказал Фарнхэм. Действительно, он вынашивал планы. Он намеревался остаться, хотя Шейла хотела, чтобы он перешел куда-нибудь в более надежное место. Например, на конвейер к Форду. От мысли о том, что придется дробиться возле конвейера, у него холодело в животе.

— Думаю, что так, — Веттер выпустил дым. — Это уже в крови. Ты можешь далеко пойти и закончишь свою карьеру не в скучном Крауч-Энде. Тем не менее всего ты не знаешь. Крауч-Энд — непростое местечко. Загляни как-нибудь в нераскрытые дела, Фарнхэм. О, там масса серятины... мальчики и девочки убегают из дому в хиппи или в панки, или как там они сейчас называются... пропадают мужья (а как глянешь на жен, сразу ясно, почему)... поджоги... сумку вырвали... всякое такое. Но среди всего этого такое попадаете, что кровь стынет в жилах. И затошнить может.

— Серьезно?

Веттер кивнул:

— Некоторые дела очень похожи на то, что сейчас рассказала эта американка. Она больше не увидит своего мужа — помани мое слово. — Он взглянул на Фарнхэма и пожал плечами. — Хочешь верь, хочешь нет. Мне все равно. Вот подшивка. Мы ее называем открытой папкой, это звучит пристойнее, чем папка нераскрытых дел или папка «поцелуй-меня-в-задницу». Почитай ее, Фарнхэм. Почитай.

Фарнхэм ничего не сказал, но у него не было никакого желания читать эту папку. От мысли, что там может найтись целый ряд историй, подобных рассказу американки, всякое желание пропадало.

— Иногда, — проговорил Веттер, потянув из пачки Фарнхэма еще одну сигарету, — я размышляю насчет измерений.

— Измерений?

— Да, сынок, измерений. Фантасты прямо взбесились насчет измерений, точно? Ты фантастику когда-нибудь читал, Фарнхэм?

— Нет, — ответил Фарнхэм. Он решил, что это какое-то хитрое одурачивание.

— Лавкрафт, например? Читал его что-нибудь?

— Никогда о таком не слышал, — заявил Фарнхэм. Последним художественным произведением, которое он читал, была небольшая книжка в стиле викторианской эпохи под названием «Двое джентльменов в шелковых дамских панталонах».

— Так вот, этот тип Лавкрафт всегда писал об измерениях, — продолжал Веттер, доставая спички. — Измерениях, которые близки к нашему. Где полно бессмертных чудовищ, которые одним взглядом сводят человека с ума. Конечно, страшная чушь. Только когда врывается кто-то из этих людей, я начинаю сомневаться, чушь ли это. Я тогда подумываю — в такую позднюю тишь, как сейчас, — что весь наш мир, все, что мы считаем таким уютным и нормальным, — это просто большой кожаный мех, надутый воздухом. Только в некоторых местах кожа сильно протерлась. И барьер там очень тонкий. Понимаешь?

— Да, — сказал Фарнхэм и подумал: «Не поцеловал бы ты меня в задницу, Веттер? — у меня всегда возникает такое желание, когда меня держат за дурака»

— И тогда я думаю: «Крауч-Энд — одно из таких мест». Глупо, но иногда я так думаю. Конечно, я всегда был выдумщиком; так мне еще мама говорила.

— Правда?

— Угу. Знаешь, что я еще думаю?

— Нет, сэр, понятия не имею.

— С Хайгейтом все в порядке, я полагаю, в Масвелл-Хилле и Хайгейте как раз нужная толщина между нами и измерениями. Но вот возьми Арчуэй и Финсбери-парк. Они рядом с Крауч-Эндом. У меня приятели и там, и там, и они в курсе моего интереса к некоторым вещам, которые не находят разумного объяснения. К сумасшедшим историям, которые рассказывали люди, скажем так, ничего от этого не выигрывавшие. Тебе не приходило в голову, Фарнхэм, с чего бы эта женщина рассказывала нам все это, если бы его не было на самом деле?

— Ну...

Веттер зажег спичку и взглянул на Фарнхэма поверх пламени:

— Красивая молодая женщина, двадцати шести лет, двое детей в отеле, муж — процветающий юрист где-то там в Милуоки. Что она выигрывает от того, что является сюда и несет какую-то ерунду о том, что можно увидеть только в фильмах ужасов?

— Не знаю, — проямлил Фарнхэм. — Но должно же быть объ...

— Вот и я говорю, — перебил его Веттер, — что если есть такие «тонкие места», то одно из них *начинается* в Арчузе и Финсбери-парке... Но самая тонкая часть здесь, в Крауч-Энде. И я спрашиваю: а не наступит ли такой день, когда последняя кожа между нами и тем, что по ту сторону мяча... исчезнет? Наступит ли такой день, если хотя бы половина из того, что рассказывала эта женщина, правда?

Фарнхэм молчал. Он решил, что констебль Веттер слишком много читал о хиромантии, френологии и розенкрейцерах.

— Почитай папку нераскрытых дел, — опять сказал Веттер и встал. Он с хрустом соединил руки за спиной и потянулся. — Пойду подышу воздухом.

Он вышел. Фарнхэм смотрел ему вслед с любопытством, смешанным с возмущением. Веттер чокнутый, ясное дело. Кроме того, он, гад, стреляет чужие сигареты. Курево не дешево в этом дивном новом свете социализма и общества благосостояния. Он взял блокнот Веттера и принялся перечитывать показания девушки.

Да, конечно, стоило бы просмотреть папку нераскрытых. Смеха ради.

Девушка — или молодая женщина, как положено правильно выражаться (а похоже, все американцы теперь только так и выражаются) — влетела в участок в четверть одиннадцатого вечера, со спутанными волосами и дико выпученными глазами. Сумку она держала за ремень.

— Лонни, — сказала она. — Пожалуйста, вы должны найти Лонни.

— Ну, мы, конечно, сделаем все от нас зависящее, — произнес Веттер. — Но сперва скажите нам, кто такой Лонни.

— Он умер, — пролепетала молодая женщина. — Я знаю, он умер. — Она расплакалась. Затем начала смеяться — точнее, кудахтать. Поставила сумку перед собой. Она была в истерике.

Участок в этот будний вечер был почти пуст. Сержант Реймонд допрашивал женщину-пакистанку, которая с почти неземным спокойствием излагала, как у нее на Хиллфилд-авеню украл сумку сопляк с кучей футбольных татуировок на руках и с огромным хохолком синих волос на голове. Веттер заметил, как Фарнхэм выходит из приемной, где он снимал старые плакаты («НАЙДЕТСЯ ЛИ В ВАШЕМ СЕРДЦЕ МЕСТО ДЛЯ НЕЖЕЛАННОГО РЕБЕНКА?») и вешал новые («ШЕСТЬ ПРАВИЛ БЕЗОПАСНОЙ ЕЗДЫ НА МОТОЦИКЛЕ НОЧЬЮ»).

Веттер подозвал Фарнхэма и сделал знак сержанту Реймонду, который немедленно обернулся, услышав истерический голос американки, чтобы тот продолжал. Реймонд, который любил переламявать карманникам пальцы, как соломку (в оправдание этой незаконной процедуры он приговаривал: «Пятьдесят миллионов граждан не могут ошибаться»), явно не годился для общения с женщиной, у которой истерика.

— Лонни! — кричала она. — О, пожалуйста, они схватили Лонни!

Пакистанка обернулась к молодой женщине, спокойно рассмотрела ее, а потом продолжила свой рассказ сержанту Реймонду о том, как у нее украли сумку.

— Мисс, — начал было констебль Фарнхэм.

— Что там происходит? — прошептала она. Дыхание у нее было учащенное. Фарнхэм заметил небольшую царапину на левой щеке. Хорошенькая курочка с маленькими, крепкими грудями и огромной копной каштановых волос. Одея не очень дорого. У одной из туфель отлетел каблук.

— Что там происходит? — повторила она. — Чудовища...

Пакистанка снова оглянулась... и засмеялась. Зубы у нее были гнилые. Она взяла у Реймонда бланк заявления о краже собственности.

— Дай мне чашку кофе и отведи ее в третью комнату, — сказал Веттер. — Выпьете кофе, дорогая?

— Лонни, — прошептала она. — Я знаю, что он умер.

— Давайте пройдем со стариной Тедом Веттером и разберем все ваши проблемы, — сказал он и помог ей подняться. Она все еще тихо бормотала, пока он уводил ее, придерживая рукой за талию. Походка у нее была неустойчивой из-за отломанного каблука.

Фарнхэм сварил кофе и принес в третью комнату — окрашенное в белый цвет помещение со щербатым столом, четырьмя столиками и кипятильником в углу. Он поставил перед ней чашку.

— Пейте, дорогая, — приговаривал он, — вам станет лучше. У меня есть сахар, если...

— Я не могу этого пить, — сказала она. — Не могу. — И вцепилась в фарфоровую чашку, как бы греясь. Руки у нее мелко тряслись, и Фарнхэм хотел посоветовать ей поставить чашку, пока она не обожглась.

— Не могу, — снова произнесла она. Потом сделала глоток, придерживая чашку двумя руками, как ребенок бульон. И когда она подняла на них глаза, в них было детское выражение — простое, усталое, взывающее о помощи... и какое-то затравленное. Похоже было, что то, что с ней произошло, так напугало ее, что она вернулась в детство; будто невидимая рука с небес выбила из нее все взрослое, оставив ребенка во взрослом платье в этом полицейском участке в Крауч-Энде.

— Лонни, — сказала она. — Чудовища, — сказала она. — Вы мне поможете? Может, он не умер. Может...

— *Я американская гражданка!* — вдруг крикнула она, а потом, словно произнесла что-то постыдное, разрыдалась.

Веттер потрепал ее по плечу:

— Послушайте, милая. Я думаю, мы поможем найти вашего Лонни. Это ваш муж, да?

Все еще плача, она кивнула:

— Дэнни и Норма остались в отеле... с няней... они спят... ждут, что он их поцелует, когда мы вернемся...

— А теперь, пожалуйста, успокойтесь и расскажите, что произошло?

— И где произошло, — добавил Фарнхэм. Веттер бросил на него быстрый взгляд из-под насупленных бровей.

— В том-то и дело! — закричала она. — Я не знаю, где это произошло! Я даже не уверена, что произошло, только это уж-ж-ж-жасно!

Веттер достал блокнот:

— Ваше имя, дорогая?

— Дорис Фримен. Мой муж — Леонард Фримен. Мы остановились в отеле «Интерконтиненталь». Мы американские граждане. — На этот раз заявление о своем статусе, видимо, слегка успокоило ее. Она отпила глоток кофе и поставила чашку. Фарнхэм заметил, что ладони у нее совершенно красные. «Ты это почувствуешь позже, дорогуша», — подумал он.

Веттер старательно записывал все в блокнот. Он лишь мельком взглянул на констебля Фарнхэма.

— Вы в отпуске? — спросил он.

— Да... Две недели здесь и одну в Испании. Мы собирались на неделю в Барселону... Но это же не поможет найти Лонни! Зачем вы мне задаете эти дурацкие вопросы?

— Просто пытаюсь оценить обстановку, миссис Фримен, — ответил Фарнхэм. Не сговариваясь, оба они говорили тихим, утешающим тоном. — Теперь расскажите нам, что произошло. Своими словами.

— Почему в Лондоне так трудно поймать такси? — резко спросила она.

Фарнхэм растерялся, но Веттер ответил так, будто этот вопрос естественно вытекал из разговора:

— Трудно сказать. Наверное, из-за туристов. В чем дело? Вам трудно было найти таксиста, который согласился бы ехать сюда, в Крауч-Энд?

— Да, — ответила она. — Мы вышли из отеля в три и поехали в книжный магазин Хэтчарда. Это в Хеймаркете?

— Недалеко, — согласился Веттер. — Отличный, большой магазин, правда, милая?

— Мы легко взяли такси от «Интерконтиненталя»... там их полно. Но когда мы вышли от Хэтчарда, ничего не попадалось. Наконец один остановился, но водитель только засмеялся и покачал головой, когда Лонни сказал, что нам нужно в Крауч-Энд.

— Да, эти сволочи не любят ездить на окраины, простите, дорогая, — признал Фарнхэм.

— Он даже не взял фунт сверху, — сказала Дорис Фримен, поражаясь этому обстоятельству, как истинная американка. — Мы простояли полчаса, пока нашелся водитель, который согласился везти нас. Было уже пять тридцать, может, даже без четверти шесть. И тут Лонни обнаружил, что мы потеряли адрес...

Она снова сдавила в руках чашку.

— К кому вы ехали? — спросил Веттер.

— К коллеге мужа. Юристу по имени Джон Скуэйлс. Муж его не знал в лицо, но их фирмы были... — Она сделала неопределенный жест.

— Связаны, что ли?

— Видимо, да. Когда мистер Скуэйлс узнал, что мы будем в Лондоне в отпуске, он пригласил нас к себе на обед. Лонни всегда ему писал в контору, естественно, а домашний адрес был записан на бумажке. Когда мы сели в такси, оказалось, что он ее потерял. Помнил только, что это в Крауч-Энде.

Она обвела их торжественным взглядом:

— Крауч-Энд — что за дурацкое название. Это ведь значит «Пресмыкающийся конец», так, что ли?

Веттер, не ответив, спросил:

— И что же вы тогда сделали?

Она начала рассказывать. К концу своего повествования она выпила две чашки кофе, а констебль Веттер исписал несколько страниц блокнота своим крупным, размашистым почерком.

* * *

Лонни Фримен был крупный мужчина, а наклонившийся к водителю с темного заднего сиденья машины, он показался ей удивительно похожим на того Лонни, которого она впервые увидела во время баскетбольного матча на последнем курсе колледжа — он сидел на скамье запасных, подняв колени чуть ли не выше ушей и доставая кулаками чуть ли не до пола. Только тогда на нем были баскетбольные трусы и полотенце вокруг шеи, а сейчас строгий костюм с галстуком. Его редко допускали до игры, припомнила она, потому что он не очень хорошо играл. И вечно терял адреса.

Таксист снисходительно выслушал рассказ о потерянном адресе. Это был пожилой человек в строгом сером летнем костюме — полная противоположность расхлябанным нью-йоркским водителям. Только шерстяная шапочка набекрень не гармонировала с подтянутым обликом, но она придавала ему этакое лихое очарование. Поток машин полз непрерывной лентой по Хеймаркет; афиша близлежащего театра извещала, что «Фантом оперы» по-прежнему идет с неизменным успехом.

— Вот что я вам скажу, шеф, — сказал таксист. — Я вас доставлю в Крауч-Энд, мы остановимся у телефонной будки, вы узнаете адресок, и я вас доставлю прямо к двери.

— Замечательно, — облегченно произнесла Дорис. Они были в Лондоне уже шесть дней, и она не могла припомнить, где еще здесь встречала таких доброжелательных и предупредительных людей.

— Спасибо, — сказал Лонни и откинулся на сиденье. Он обнял Дорис и улыбнулся:

— Видишь? Никаких проблем.

— Благодаря тебе, — изобразила она ворчание и легонько ткнула его кулачком в живот.

— Ладно, — сказал водитель. — Вперед, в Крауч-Энд.

Был конец августа, и горячий ветер гнал мусор по тротуарам и задирал идущим с работы мужчинам пиджаки, а женщинам — юбки. Солнце садилось, но в просветах между домами Дорис еще различала красноватые отблески заката. Шофер напевал себе под нос. Она расслабилась,

чувствуя руку Лонни на своих плечах — за эти шесть дней она видела его больше, чем за целый год, и с удовольствием обнаружила, что ей это нравится. Она раньше никогда не покидала Америку и все время напоминала себе, что вот она в Англии, потом поедет в *Барселону*, и тысячи людей ей завидуют.

Затем солнце скрылось за рядами высоких зданий, и Дорис немедленно утратила ощущение сторон света. Оказывается, так происходит, когда едешь по Лондону в такси. Город представлял собой такое запутанное переплетение шоссе и кварталов, холмов и участков (и даже гостиниц), что вообще было непонятно, как в этом можно ориентироваться. Когда она вчера сказала об этом Лонни, он возразил, что они ездят очень осторожно... Разве она не заметила, что у всех таксистов рядом с приборной доской лежит «Справочник улиц Лондона»?

Это была самая долгая поездка в такси. Позади остался престижный район (несмотря на испытываемое ею ощущение, что голова идет кругом). Они въехали в квартал высотных домов из монолитного бетона, в котором она не обнаружила никаких признаков жизни (нет, поправилась она, когда Веттер и Фарнхэм допрашивали ее в маленьком белом помещении, — маленький мальчик сидел на тротуаре и чиркал спичками), потом был какой-то базарчик из запущенных магазинчиков и фруктовых лотков, и вдруг — неудивительно, что езда по Лондону так запутывает иностранцев, — они снова оказались в фешенебельном пригороде.

— Там был даже «Макдональдс», — выпалила она полицейским таким тоном, каким обычно говорят о Сфинксе и садах Семирамиды.

— Да ну? — переспросил Веттер, очень довольный — она снова в полной памяти, и надо сделать все, чтобы не спугнуть ее, пока она не выложит все, что может оказаться важным.

Кончился и фешенебельный квартал с «Макдональдсом». Дома расступились, и солнце превратилось в плотный оранжевый шар над самым горизонтом, заливавший

улицы таким странным светом, что казалось, будто все пешеходы вот-вот вспыхнут ярким пламенем.

— Вот тут и начались изменения, — продолжала она. Голос у нее слегка упал. Руки снова задрожали.

Веттер настороженно подался вперед:

— Изменения? Какие? Как они происходили, миссис Фримен?

Проезжая мимо газетного киоска, она прочла огромный заголовок: «ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕЛОВЕК ПРОПАЛО В ПОДЗЕМНОМ УЖАСЕ».

— Лонни, посмотри!!

— Что? — он оглянулся, но они уже проехали киоск.

— Там было написано: «Шестьдесят человек пропало в подземном ужасе». Как они называют метро? Подземка?

— Да. Или труба. Там что, столкновение?

— Не знаю. — Она наклонилась вперед и спросила: — Водитель, вы не знаете, в чем там дело? Что, была катастрофа в метро?

— Столкновение, мадам? Понятия не имею.

— А радио у вас есть?

— В машине нет, мадам.

— Лонни?

Она увидела, что Лонни это не интересует. Он снова рылся в карманах (а поскольку он был в тройке, их было великое множество) в поисках бумажки, на которой был записан адрес Джона Скуэйлса.

Написанные мелом слова все еще стояли перед ее глазами: «ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕЛОВЕК ПРОПАЛО В ПОДЗЕМНОМ УЖАСЕ». «ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕЛОВЕК ПОГИБЛИ ПРИ КАТАСТРОФЕ В МЕТРО» — так следовало его читать. Но... «ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕЛОВЕК ПРОПАЛО В ПОДЗЕМНОМ УЖАСЕ». Это ее беспокоило. Не «погибло», а «пропало», как в старину сообщали о моряках, утонувших в океане.

«Подземный ужас».

Ей это не нравилось. Сразу приходили на ум кладбища, канализационные трубы и дрябло-бледные, бесшумные трамваи, которые внезапно выныривают из туннелей,

хватают руками (наверное, щупальцами) несчастных пассажиров на платформе и утаскивают в темноту...

Они свернули направо. На углу стояли у своих мотоциклов трое упакованных в кожу парней. Они посмотрели на такси, и на какое-то время — заходящее солнце здесь было прямо в лицо — Дорис показалось, что у этих мотоциклистов вообще не человеческие головы. Ей чудилось, что поверх черных кожаных курток острые крысиные морды уставились черными глазами на машину. Потом свет чуть сместился, и она увидела, что ошиблась: просто трое молодых ребят курили перед британским вариантом американского кондитерского магазина.

— Приехали, — заявил Лонни, прекратив поиски и указывая в окно. Они проехали надпись «Крауч-Хилл-роуд». Здесь сгрудились почтенного возраста кирпичные дома, подобно сонным пенсионерам взиравшие на мир подслеповатыми окнами. Туда-сюда носились детишки на велосипедах. Двое ребят безуспешно осваивали роликовую доску. Отцы, придя с работы, покуривали, толковали о чем-то и присматривали за детьми. Все это выглядело убедительно, нормально.

Такси подъехало к заштатному ресторанчику с маленьким грязноватым объявлением в окне «ЛИЦЕНЗИЯ НА ТОРГОВЛЮ СПИРТНЫМ» и гораздо большим над входом, извещавшим, что здесь продается соус кэрри на вынос. На выступе спал громадный серый кот. Рядом с рестораном стояла телефонная будка.

— Вот, шеф, — указал таксист. — Узнайте адрес вашего друга, и я его найду.

— Замечательно, — сказал Лонни и вышел.

Дорис немного посидела в машине, а потом тоже вышла, решив, что не мешает размять ноги. Горячий ветер не утихал. Он задрал ей юбку выше колен, а затем приклеил к голени обертку от мороженого. Она отодрала ее с гримасой отвращения. Подняв глаза, она обнаружила, что смотрит через витрину на огромного серого кота. Он тоже загадочно уставился на нее одним глазом. Половины морды он лишился в какой-то давней битве. Осталась

скрученная розовая масса испещренных шрамами мышц, один глаз с катарактой и несколько пучков шерсти.

Он мякнул на нее через стекло.

Чувствуя, как в ней поднимается волна отвращения, она отошла к телефонной будке и заглянула туда через грязное стекло. Лонни сделал ей знак пальцами и подмигнул. Потом опустил в щель десятипенсовик и начал с кем-то разговаривать. Он смеялся — звук не проходил через стекло. Как кот. Она посмотрела на витрину, но там было пусто. В полумраке можно было различить ряды стульев, составленных на столы, и старика со шваброй. Когда она обернулась, Лонни что-то записывал. Он спрятал ручку, держа бумажку в руке, — она разобрала, что там записан адрес, — еще что-то сказал, потом повесил трубку и вышел.

— Прекрасно, вот тебе... — Он торжествующе помахал перед ней бумажкой. Потом посмотрел поверх ее плеча и осекся. — Где же это чертово такси?

Она обернулась. Такси исчезло. Там, где оно стояло, ветер трепал только несколько бумажек, зацепившихся за водосточную решетку. На другой стороне улицы двое малышей, хихикая, тузили друг друга. Дорис заметила, что у одного из них рука изуродована — она больше походила на клешню. Она подумала, что служба здравоохранения должна следить за такими вещами. Дети, заметив, что супруги наблюдают на ними, завозились, смеясь, пуще прежнего.

— Я не знаю, — сказала Дорис. — Она утратила представление о пространстве и чувствовала себя донельзя глупо. Жара, непрерывно дующий горячий ветер, словно нарисованный свет...

— В котором часу это было? — вдруг спросил Фарнхэм.

— Не знаю, — вздрогнула Дорис Фримен. — Наверное, в шесть. Или в двадцать минут седьмого.

— Понятно, продолжайте, — сказал Фарнхэм, прекрасно знавший, что в августе солнце начинает садиться значительно позже семи.

* * *

— Господи, что же он *сделал*? — спросил Лонни, все еще оглядываясь. Казалось, он рассчитывал своим раздражением вернуть такси на место. — Взял и уехал?

— Может, когда ты поднял руку, — сказала Дорис, повторяя жест, который сделал ей Лонни из телефонной будки, — он решил, что ты его отпускаешь?

— Мне долгонько пришлось бы махать, чтобы он уехал, имея два пятьдесят на счетчике, — проворчал Лонни и подошел к краю тротуара. На противоположной стороне Крауч-Энд-роуд еще хихикали двое малышей.

— Эй! — закричал Лонни. — Ребята!

— Вы американец, сэр? — отозвался мальчик с клешней вместо руки.

— Да, — улыбнулся Лонни. — Вы тут видели такси? Не заметили, куда оно поехало?

Ребятишки, казалось, призадумались. Рядом с мальчиком стояла девчушка лет пяти с неопрятными каштановыми косичками, торчавшими в разные стороны. Она подошла к противоположному тротуару, сложила ладони рупором и продолжая улыбаться, прокричала:

— *Пошел вон, Джо!*

У Лонни отвисла челюсть.

— *Сэр! Сэр! Сэр!* — кричал мальчик, отчаянно размахивая своей клешней. Потом дети пустились бежать со всех ног и скрылись за углом, только смех еще слышался позади.

Лонни, окаменев, уставился на Дорис.

— Наверное, некоторые дети в Крауч-Энде не слишком любят американцев, — проямлил он.

Она нервно осмотрелась по сторонам. Улица, казалось, вымерла. Он обнял ее за талию:

— Наверное, придется ловить машину.

— Не думаю. Эти малыши могут привести своих больших братьев. — Она рассмеялась, стараясь показать, что это шутка, но в ее словах чувствовался зловещий оттенок. Вечер становился каким-то сюрреалистическим, и ей это не нравилось. Ей захотелось обратно в отель.

— А что нам еще остается? — спросил он. — Улица, по-моему, не кишит пустыми такси.

— Лонни, с чего бы это таксисту бросать нас здесь? Он вроде был такой приятный.

— Понятия не имею. Но Джон мне все объяснил. Он живет на улице под названием Брасс-Энд, которая представляет собой крохотный тупичок, и в справочнике ее нет. — Продолжая говорить, он уводил ее от телефонной будки, от ресторанчика, где торговали кэрри на вынос, от опустевшего тротуара. Они снова шли по Крауч-Хилл-роуд. — Свернем направо на Хиллфилд-авеню, где-то на полпути, потом направо... или налево? В общем, на Питри-стрит. Второй переулок слева — это Брасс-Энд.

— И ты все это запомнил?

— Я свидетель высшего класса, — гордо заявил он, и ей не оставалось ничего иного, как расхохотаться. Лонни умел повышать настроение.

На стене полицейского участка висела карта района Крауч-Энд, гораздо более подробная, чем в справочнике улиц Лондона. Фарнхэм подошел к ней и принялся изучать, засунув руки в карманы. В участке было очень тихо. Веттер был еще на улице — прочищал мозги от колдовской чуши, надо надеяться, а Реймонд давно отпустил женщину, у которой выхватили сумку.

Фарнхэм прислонил палец к тому месту, где таксист, скорее всего, высадил их (если хоть одному слову этой женщины можно было верить). Путь к дому их друга выглядел донельзя простым. С Крауч-Хилл-роуд на Хиллфилд-авеню, — затем налево на Виккерс-лейн и опять налево на Питри-стрит. На Брасс-Энде — крохотном ответвлении от Питри-стрит — было от силы шесть — восемь домов. Километра полтора, не более. Даже американцам вполне доступно пройти столько и не заблудиться.

— Реймонд! — крикнул он. — Ты еще здесь?

Вошел сержант Реймонд. Он собирался на патрулирование и надевал легкую штормовку.

— Только одной ногой, мой безбородый друг, — предупредил он.

— Ладно, — ответил с вымученной улыбкой Фарнхэм. Он побаивался Реймонда. Стоило взглянуть на этого мрачного типа, чтобы понять, что он очень близок к черте, отделяющей порядочного человека от негодяя. Его лицо от левого края рта почти до кадыка рассекал толстый белый шрам. Он утверждал, что карманник однажды чуть не перерезал ему горло острым осколком бутылки. Потому он, мол, и ломает им пальцы. Фарнхэм считал, что это все вранье. Просто Реймонду нравился звук, который раздается, когда пальцы переламываются в суставах.

— Не найдется закурить? — спросил Реймонд.

Фарнхэм вздохнул и протянул ему сигарету. Зажигая спичку, он спросил:

— На Крауч-Хилл-роуд есть магазин, где продают кэрри?

— Насколько мне известно, нет, дорогуша, — ответил Реймонд.

— Я так и думал.

— Есть проблемы, миляга?

— Нет, — немного резковато отрезал Фарнхэм, вспомнив спутанные волосы и остекленевшие глаза Дорис Фримен.

Не доходя до вершины Крауч-Хилл-роуд, Дорис и Лонни Фримен свернули на Хиллфилд-авеню, застроенную импозантными красивыми домами — это лишь обложки, думала она, вероятно, разрезанные внутри на квартиры с хирургической точностью.

— Пока все в порядке, — заметил Лонни.

— Да, в по... — начала она, и тут послышался слабый стон.

Они остановились. Стон доносился справа, из маленького дворика, обнесенного высокой изгородью. Лонни сделал шаг в ту сторону, но она схватила его за руку:

— Лонни, не надо!

— Как это не надо? — спросил он. — Кому-то плохо.

Обеспокоенная, она последовала за ним. Изгородь составляли высокие, но не густые кусты. Он раздвинул их и увидел крохотную лужайку, по краям которой росли

цветы. Лужайка была очень зеленая. В середине ее дымилась черная дыра — так, во всяком случае, показалось с первого взгляда. Когда она отклонилась от спины Лонни — заглядывать поверх его плеча ей было слишком высоко, — оказалось, что дыра имеет форму человеческой фигуры. Над ней поднимались клубы дыма.

«ШЕСТЬДЕСЯТ ЧЕЛОВЕК ПРОПАЛО В ПОДЗЕМНОМ УЖАСЕ», — вдруг подумала она.

Стон доносился из дыры, и Лонни начал продираться туда через изгородь.

— Лонни, — еще раз попросила она, — пожалуйста, не ходи.

— Кому-то плохо, — повторил он и, ломая кусты, преодолел изгородь. Она видела, как он подошел к дыре, и тут изгородь сомкнулась, так что она могла видеть лишь туманные очертания его фигуры. Она попыталась пробраться вслед за ним, но короткие, жесткие ветки не пускали ее. Дорис была в блузке без рукавов.

— Лонни, — позвала она, охваченная ужасом. — Лонни, вернись!

— Минуточку, милая!

Стоны продолжались, но теперь они стали более приглушенными, сдавленными. Неужели Лонни этого не слышал?

— Эй, кто там? — услышала она голос Лонни. — Есть там... ой! Эй! *Боже!* — И вдруг Лонни закричал. Она никогда не слышала, чтобы он кричал, и от этого крика у нее подкосились ноги. Она отчаянно искала проход в изгороди, хотя бы просвет, и не находила. Перед ней пронесся вихрь образов — мотоциклисты, похожие на крыс, кот с розовой изуродованной мордой, мальчишка с клешней вместо руки.

— Лонни! — пыталась крикнуть она, но от ужаса лишилась голоса.

Теперь доносился шум борьбы. Стон прекратился. Но из-за изгороди слышались мокрые, слякотные звуки. Потом вдруг Лонни вылетел сквозь жесткие пыльно-зеленые колючки, словно кто-то хорошенько поддал ему. Левый рукав его пиджака был разорван, по нему ручейками

стекала какая-то черная масса, дымившаяся, как и дыра на лужайке.

— Дорис, беги!

— Лонни, что...

— Беги! — Его лицо было белее мела.

Дорис лихорадочно оглянулась в поисках полицейского. *Да кого угодно.* Но Хиллфилд-авеню, видимо, находилась в мертвом городе — она не заметила никакого движения. Она вновь повернулась к изгороди и тут увидела, что за нею перемещается что-то не просто черное, а черное, как смоль, — полная противоположность свету.

И оно чавкало.

Секунду спустя захрустели короткие, жесткие ветки изгороди. Дорис не могла отвести взгляд, словно зачарованная. Она так и стояла бы там (это она говорила Веттеру и Фарнхэму), если бы Лонни грубо не схватил ее за руку и не заорал на нее — да, Лонни, который никогда не повышал голос на детей, *заорал*, — она до сих пор стояла бы там. Стояла или...

Но они побежали.

Фарнхэм спросил, куда, но она не знала. Лонни совершенно растерялся, он был в истерике — вот все, что ей было известно. Он сдвигал пальцами ее запястье, как наручниками, и они бежали прочь от дома, возвышавшегося за изгородью, и от дымящейся ямы на лужайке. Это она знала точно; все остальное было лишь цепочкой бессвязных впечатлений.

Сначала бежать было трудно, затем легче, потому что улица пошла под уклон. Они свернули куда-то раз, потом другой. Серые дома с высокими крылечками и спущенными зелеными шторами, казалось, рассматривали их, как подслеповатые пенсионеры. Она помнила, что Лонни сорвал с себя пиджак, заляпанный этой черной гадостью, и отшвырнул его. Наконец, они очутились на более широкой улице.

— Стой, — задыхалась она, — остановись, я больше не могу! — Свободной рукой она держалась за бок, куда словно воткнули раскаленную пику.

И он остановился. Они выбрались из жилого района и стояли на углу Крауч-лейн и Норрис-роуд. На дальнем конце Норрис-роуд виднелся знак: «До Чик-Чик-Тауэн два километра».

Может быть, Таун? — поправил Веттер.

— Нет, — стояла на своем Дорис Фример. — Чик-Чик-Тауэн, через «э».

Реймонд докурил сигарету, которую стрельнул у Фарнхэма.

— Я отправляюсь, — объявил он, а потом внимательно присмотрелся к Фарнхэму:

— Дорогуше нужно больше следить за собой. У него большие темные круги под глазами. Отрасти волосы на ладонях, а потом выведи их. — Он оглушительно расхохотался.

— Ты когда-нибудь слышал о Крауч-лейн? — спросил Фарнхэм.

— Крауч-Хилл-роуд, ты хочешь сказать.

— Нет, Крауч-лейн.

— О такой никогда не слышал.

— А Норрис-роуд?

— Отвечается от Хай-стрит в Бейсингстоке...

— Нет, здесь.

— Здесь такой нет, милый ты мой.

Непонятно почему — женщина явно путала — Фарнхэм продолжал расспрашивать: — А Чик-Чик-Тауэн?

— Тауэн, говоришь? Не Таун?

— Да, именно так.

— Никогда не слышал, но если бы услышал, то обходил бы десятой дорогой.

— Почему?

— Потому что на языке древних кельтских друидов тауэн — это место ритуального жертвоприношения, проще говоря, место, где тебе вынимают печень и кишки. — И, застегивая на ходу штормовку, Реймонд отправился на улицу.

Фарнхэм задумчиво посмотрел ему вслед. «Он нанес последний штрих, — сказал он про себя. — То, что

крутой полисмен вроде Сида Реймонда знает о друидах, можно записать на кончике булавки, и там еще останется место для «Отче наш».

Верно. И даже если он получил откуда-то такую информацию, это не меняет того факта, что женщина была...

— Тут все с ума посходили, — сказал Лонни и затрясся от смеха. Дорис только что взглянула на часы и увидела, что каким-то образом стало уже без четверти восемь. Свет изменился: из светло-оранжевого он сделался мрачно-красным, отражаясь от витрин магазинов на Норрис-роуд и, казалось, усеивая стены церкви напротив каплями крови. Оранжевый шар солнца еще не спрятался за край горизонта.

— Что произошло там? — спросила Дорис. — Что там было, Лонни?

— Я потерял пиджак. С кучей бумаг.

— Ты не потерял, ты его выбросил. Он был покрыт...

— Не будь душой! — рявкнул он. Но глаза у него были не грозные, а растерянные и перепуганные. — Я его потерял, вот и все.

— Лонни, что произошло, когда ты полез через изгородь?

— Ничего. Давай не будем об этом. Где мы?

— Лонни...

— Я ничего не помню, — более мягко произнес он. — Полная пустота. Мы шли там... слышали звук... потом я побежал. Это все, что я знаю. — И добавил пугающе детским тоном: — Зачем я выбросил пиджак? Я любил его. Он так подходил к брюкам. — Запрокинув голову, он разразился страшным, безумным смехом, и Дорис вдруг поняла, что то, что он увидел за изгородью, явно отразилось на его психике. Она не была уверена, что то же самое не случилось с ней... если бы она это видела. Надо выбираться отсюда. Возвращаться в отель, к детям.

— Давай возьмем такси. Я хочу домой.

— Но Джон... — начал он.

— *К черту Джона*, — закричала она. — Тут все неправильно, все не так, *и я хочу взять такси и вернуться домой*.

— Да, хорошо. Ладно. — Лонни провел трясущейся рукой по лбу. — Я с тобой. Только никаких такси нет.

На широкой асфальтированной Норрис-роуд никакого движения не было. По середине проезжей части проходили старые трамвайные пути. На противоположной стороне, перед цветочным магазином, стояла древняя микролитражка на трех колесах. На их стороне, немного впереди, к собственной подставке прислонился мотоцикл «ямаха». И все. Шум машин доносился, но откуда-то издалека.

— Может, улица закрыта на ремонт, — пробормотал Лонни, а потом сделал странную вещь — странную для него, обычно такого спокойного и уверенного в себе. Он оглянулся через плечо, словно опасаясь преследования.

— Пойдем пешком, — предложила она.

— Куда?

— Куда-нибудь. Подальше от Крауч-Энда. Если выберемся отсюда, найдем такси. — Она вдруг вбила это себе в голову, за неимением лучшего.

— Ладно. — Он, казалось, был готов уступить ей право принятия решений.

Они пошли по Норрис-роуд навстречу заходящему солнцу. Шум транспорта в отдалении не утихал, но и не приближался. Он напоминал постоянно дующий ветер. Одиночество крайне раздражало ее. Она чувствовала, что за ними наблюдают, пыталась отогнать это ощущение, но не могла. Звук собственных шагов

(Шестьдесят человек пропало в подземном ужасе) эхом отдавался в ушах. Перед ней вновь и вновь разворачивалась сцена у изгороди, и наконец она снова спросила:

— Лонни, что это *было*?

Он ответил просто:

— Я не помню и *не хочу*.

Они миновали закрытый овощной рынок — куча кокосовых орехов, похожих на сморщенные головы, если смотреть с затылка, была навалена под стеной. Миновали

прачечную, где белые машины торчали из влажных оштукатуренных стен, словно квадратные зубы из умирающих челюстей. Миновали замазанную известкой витрину с выцветшим объявлением «МАГАЗИН СДАЕТСЯ В АРЕНДУ». За полосами известки что-то двигалось, и Дорис увидела, что прямо на нее уставилась розовая, мохнатая, вся в шрамах кошачья морда. Все тот же серый кот.

Ее охватывал медленно нарастающий ужас. Она чувствовала, как кишки переворачиваются в животе. Во рту ощущался резкий неприятный привкус, как после аэрозоля для освежения полости рта. Камни на мостовой в лучах заката будто истекали кровью.

Они приближались к подземному переходу. Там было темно. «Я не могу, — сообщил ей собственный мозг, — не могу спуститься туда, там может случиться что угодно, не спрашивай, почему».

Другая часть мозга спросила, в состоянии ли она вернуться назад, пройти мимо пустого магазина, где разгуливает кот (как он туда попал из ресторана? — лучше не спрашивать, и вообще не надо углубляться), мимо прачечной, похожей на развалившийся рот, мимо рынка усопших голов? Она решила, что не в состоянии.

Теперь они были уже у самого перехода. Над ним повиадуку поезд из шести вагонов удивительной, белой, словно кость, окраски проползал поразительно медленно — сумасшедшая стальная невеста двигалась навстречу жениху. Колеса высекали яркие фонтанчики искр. Они оба невольно отшатнулись, но закричал только Лонни. Она взглянула на него и поняла, что за последний час он превратился в человека, которого она прежде не знала и не подозревала, что он может быть таким. Его волосы, казалось, отливали сединой, и хотя она убеждала себя, насколько могла, что это просто игра света, вид его волос заставил ее принять решение. Лонни обратно не пойдет. Значит, в переход.

— Пошли, — сказала она и взяла его за руку. Взяла резко, чтобы он почувствовал, как она сама дрожит. — Чем раньше, тем быстрее выйдем. — Она двинулась вперед, и он послушно последовал за ней.

Они были почти у выхода — переход был очень короткий, подумала она со смехотворным облегчением, — как что-то схватило ее за руку.

Дорис не закричала. Легкие у нее, казалось, опали, как сморщенные бумажные кулечки. Разуму хотелось покинуть ее тело и просто... улететь. Рука Лонни вырвалась из ее руки. Он, похоже, не заметил этого. Он зашагал на другую сторону — какое-то мгновение его силуэт, высокий и худощавый, еще виднелся на кровавом фоне заката, а потом он исчез.

Рука, схватившая ее за плечо, была волосатая, как у обезьяны. Она развернула Дорис в сторону плотной фигуры, опиравшейся о закопченную бетонную стену. Фигура отбрасывала раздвоенную тень на две опорные колонны, и больше она ничего не могла рассмотреть... фигура и два сверкающих зеленых глаза.

— Дай закурить, сестренка, — прохрипел пропитой голос с лондонским акцентом, обдав ее запахом сырого мяса, жаренной во фритюре картошки и чего-то приторного и отвратительного, вроде осадка на дне мусорного ящика.

Эти зеленые глаза были кошачьими. И вдруг Дорис ощутила ужасающую уверенность, что если коренастая фигура выступит из тени, то она увидит катаракту на глазу, розовые зажившие края шрамов, клочки серой шерсти.

Ей удалось вырваться, она пошатнулась и почувствовала, как что-то скользит в воздухе мимо нее. Рука? Лапа? Слюнявый шипящий звук...

Над головой загрохотал другой поезд. От грохота сотрясилось все ее тело. Копоть сыпалась сверху, как черный снег. Она побежала, второй раз за этот вечер, не зная куда... и не представляя, сколько времени прошло.

Дорис пришла в себя, когда осознала, что Лонни исчез. Она оперлась о грязную кирпичную стену, задыхаясь и едва не теряя сознание. Она была еще на Норрис-роуд (во всяком случае, считала так, сказала она полицейским: широкая проезжая часть была вымощена, а посередине ее проходили трамвайные пути), но вместо заброшенных, разрушающихся магазинов теперь тянулись заброшенные

разрушающиеся склады. На одном была закопченная вывеска: «ДОГЛИШ ЭНД САНЗ». Название второго — «АЛЬХАЗРЕД» — было написано выцветшей зеленой краской на потрескавшейся кирпичной стене. Ниже виднелась арабская вязь.

— Лонни, — кричала она. Эха не было, звук ниоткуда не отражался, несмотря на тишину (нет, полной тишины не было, рассказывала она: шум машин доносился откуда-то, может быть, чуть ближе, но ненамного). Казалось, слово, означавшее имя ее мужа, вылетает из ее рта и тут же камнем падает к ногам. Кровь заката сменилась холодной серой золой сумерек. Впервые она осознала, что ночь может застать ее в Крауч-Энде — если это еще был Крауч-Энд, — и ее охватила новая волна ужаса.

Она сказала Веттеру и Фарнхэму, что не рассуждала, не пыталась выстроить логические цепочки в течение всего этого неопределенного отрезка времени от телефонной будки до последнего ужаса.

Она просто реагировала, как испуганное животное. А теперь оказалась одна. Она нуждалась в Лонни; это она понимала, но вряд ли что-нибудь еще. Конечно, ей не приходило в голову удивляться, почему этот район, всего в нескольких километрах от Кембридж-серкус, абсолютно пуст.

Дорис продолжала идти, выкрикивая имя мужа. Голос ее не отражался эхом, но, видимо, отражался звук шагов. Норрис-роуд начала наполняться тенями. Небо над головой теперь приобрело пурпурный оттенок. То ли от игры сумеречного света, то ли от нервного истощения ей начало казаться, что стены складов склоняются над улицей, как голодные стервятники. Окна, десятилетиями — может быть, и веками — покрывавшиеся грязью, похоже, следили за ней. А названия на вывесках становились все более странными, даже безумными, и в конце концов вовсе непроизносимыми. Гласные оказывались не там, где следует, а согласные нанизывались в таких сочетаниях, что никакой язык не мог произнести такое. На одной вывеске значилось: «КТХУЛХУ КРИОН» — а внизу опять араб-

ская вязь. На другой — «ЙОГСОГГОТХ». Еще было «РЬЕЛЕХ». Одна вывеска особенно запомнилась ей: «НТРЕСН НЬЯРЛАХОТЕП».

— Как вы смогли запомнить такую чушь? — спросил Фарнхэм.

Дорис Фримен медленно, устало покачала головой:

— Не знаю. Правда, не знаю. Это как кошмар, который хочется забыть, когда просыпаешься, но в отличие от нормального сна он не исчезает, а остается, остается, остается.

Казалось, Норрис-роуд тянется в бесконечность, с мостовой и трамвайными путями посередине. И хотя Дорис продолжала идти — она не поверила бы, что бежит, хотя потом, сказала она, это оказалось именно так, — она больше не звала Лонни. Ее охватил пронизывающий все ее существо страх, такой сильный, что она не поверила бы, что человек способен вынести его, оставшись живым и в здравом уме. Она не могла описать свой страх иначе, как только одним способом, да и тот, по ее словам, лишь захватывал края пропасти, развершейся между разумом и сердцем. Она сказала, что чувствовала себя вроде бы не на Земле, а на другой планете, столь ужасной, что человеческому разуму не под силу было даже приблизительно постигнуть ее. Углы были другие, сказала она. Цвета выглядели другими. Все... Но это было безнадежно.

Ей оставалось только продолжать идти под небом цвета перспелой сливы между жуткими громадами зданий в надежде, что все это кончится.

И оно кончилось.

Дорис заметила две фигурки на тротуаре впереди — малышей, которых они с Лонни видели раньше. Мальчик своей клешней дергал девочку за крысиные косички.

— Это американка, — сказал мальчик.

— Она заблудилась, — сказала девочка.

— Потеряла мужа.

— Потеряла дорогу.

— Пошла по самому темному пути.

- По пути, который ведет в воронку.
- Потеряла надежду.
- Нашла Звездного Крысолова...
- Пожирателя измерений...
- Слепого Дудочника...

Их речь становилась все быстрее, они словно читали молитвы, не переводя дыхания, пока не стала вырисовываться огромная, сверкающая тень. Голова у нее раскалывалась. Дома кренились. Появились звезды, но это были не ее звезды, не те, на которые она заглядывала в детстве и под которыми принимала ухаживания, когда повзрослела, это были сумасшедшие светила в немыслимых созвездиях; она закрыла уши руками, но не избавилась от этих звуков, и тогда она закричала им:

— *Где мой муж? Где Лонни? Что вы с ним сделали?*

Молчание. Потом девочка сказала:

— Он ушел вниз.

Мальчик:

— Стал Козлом с Тысячью Молодых.

Девочка расплылась в зловеще невинной улыбке:

— Он же не мог не уйти, правда? На нем был знак. И ты тоже уйдешь.

— Лонни! *Что вы с ним...*

Мальчик поднял свою клешню и заговорил нараспев на немыслимо высоких тонах. Она не понимала смысла слов, но само их звучание заставляло ее обмирать от страха.

— А потом вся улица зашевелилась, — рассказывала она Веттеру и Фарнхэму. — Булыжники стали выгибаться, словно ковер. Они вспучивались и опадали, вспучивались и опадали. Трамвайные рельсы оторвались от мостовой и улетели в воздух — это я помню, помню, как звездный свет отражался на них, — а потом полетели и булыжники, сначала поодиночке, потом целыми стаями. Они просто улетали в темноту. Когда они отрывались от мостовой, слышался треск. Трущийся треск... наверное, как при землетрясении. И — что-то начало *просовываться*...

— Что? — спросил Веттер. Он подался вперед, впиваясь в нее глазами. — Что вы увидели? Что это было?

— Щупальца, — с расстановкой произнесла Дорис. — Думаю, это были щупальца. Но толщиной с вековой дуб, словно были сплетены из тысяч мелких... И на них были розовые выросты, наверное, присоски... Только некоторые походили на лица... Одно было похоже на лицо Лонни... И все были в агонии. Под ними, во тьме под улицей — во тьме внизу — было что-то еще. Вроде бы глаза...

Здесь она осеклась, какое-то время будучи не в состоянии продолжать, и, как оказалось, ей действительно больше нечего было сказать. Следующее, что Дорис отчетливо помнила, — это то, что она стояла, съежившись, у закрытой двери газетного киоска. Видимо, она еще была там, считала Дорис, хотя впереди уже виднелись проносившиеся машины и обнадеживающе светились фонари. Двое людей прошли мимо нее, и Дорис глубже забилась в тень, опасаясь злобных детей. Она увидела, что это не дети; подростки — мальчик и девочка — шли, взявшись за руки. Мальчик что-то говорил о новом фильме Мартина Скорсезе.

Она боязливо вышла на тротуар, готовая немедленно броситься в спасительную тень киоска, но в этом не было необходимости. В пятидесяти метрах впереди находился довольно оживленный перекресток, у которого перед светофором скопились машины. На другой стороне ярко светились часы в витрине ювелирного магазина. Хотя витрина была полуприкрыта жалюзи, Дорис смогла разобрать время. Было пять минут одиннадцатого.

Она подошла к перекрестку, поминутно оглядываясь через плечо, несмотря на свет фонарей и успокаивающий рокот машин. Все ее тело болело. Она прихрамывала из-за сломанного каблука. К тому же она потянула мышцы живота и обеих ног. Особенно болела правая нога, словно там что-то лопнуло.

Это оказался перекресток Хиллфилд-авеню и Тоттенхэм-роуд. Под фонарем седовласая женщина лет шестидесяти разговаривала с мужчиной примерно того же возраста. Они уставились на Дорис как на страшное привидение.

— Полиция, — прохрипела Дорис Фримен. — Где полицейский участок? Я американская гражданка... Я потеряла мужа... Мне нужно в полицию.

— Что случилось, милая? — участливо спросила женщина. — Вас будто через выжималку пропустили, такой вид.

— Машина разбилась? — спросил ее собеседник.

— Нет... нет... Пожалуйста, где здесь ближайший участок?

— Прямо на Тоттенхэм-роуд, — показал мужчина. — Он вынул из кармана пачку «Плейерс». — Хотите сигарету? По-моему, вам это в самый раз.

— Спасибо, — сказала она и взяла сигарету, хотя уже года четыре как бросила курить. Пожилому мужчине пришлось подлаживаться с зажженной спичкой к ее трясушимся рукам, пока она не прикурила.

Он взглянул на женщину с седыми волосами, стянутыми лентой:

— Я немного пройду с ней, Эви. Провожу ее туда.

— И я тогда с вами прогуляюсь, — сказала Эви и положила руку на плечо Дорис. — В чем дело, милая? Вас кто-то пытался ограбить?

— Нет, — сказала Дорис. — Я... я... улица... одноглазый кот... улица раскрылась... я это *видела*... и они что-то говорили про Слепого Дудочника... Я должна найти Лонни!

Она понимала, что несет чушь, но не была в состоянии выражаться яснее. Но в любом случае, говорила она Веттеру и Фарнхэму, мужчина и женщина поняли достаточно, потому что немедленно отшатнулись от нее, будто на вопрос Эви, что произошло, Дорис ответила, что у нее бубонная чума.

Мужчина пробурчал что-то вроде:

— Опять это случилось.

Женщина показала рукой:

— Участок вон там. Над входом фонари. Вы увидите.

Они очень быстро отошли от нее. Женщина оглянулась через плечо; Дорис заметила ее расширенные от ужаса,

сверкающие глаза. Она сделала шаг в их сторону, не зная, зачем.

— Не подходите близко! — истошно завопила Эви и растопырила пальцы, словно от дурного глаза. При этом она прижалась к мужчине, который обнял ее.

— Не подходите близко, раз вы были в Крауч-Энд-Тауэне!

С этими словами пожилая пара скрылась в ночи.

Теперь констебль Фарнхэм стоял в проходе между дежуркой и канцелярией — хотя папок с нераскрытыми делами, о которых говорил Веттер, там, конечно, не было. Фарнхэм заварил себе чай и теперь курил последнюю сигарету из пачки — женщина тоже оприходовала несколько штук.

Ее отправили в отель в сопровождении сиделки, которую вызвал Веттер — сиделка останется с ней ночью, а утром решат, надо ли отправлять женщину в больницу. С детьми это будет трудновато, подумал Фарнхэм, а поскольку она американка, первоклассный скандал гарантирован. Он размышлял, что она скажет детям, когда они утром проснутся, если она вообще сможет что-нибудь сказать. Может, она усадит детей в кружок и расскажет им, что большое злое чудовище из Крауч-Энд-Тауна (Тауэна)

съело папу, как сказочный великан?

Фарнхэм поморщился и отставил чашку. Это не его проблемы. К счастью или несчастью, миссис Фримен попала в великую Бюрократическую карусель между британской полицией и американским посольством. Это не его дело: он простой констебль, и ему лучше забыть обо всем. А рапорт напишет Веттер. Веттер может себе позволить подписаться под такой идиотской чепухой: ему скоро на пенсию. Он так и уйдет в отставку с должности констебля на ночных дежурствах с золотыми часами и муниципальной квартирой. Фарнхэму, напротив, в скором времени светят сержантские нашивки, так что нельзя допускать ни малейших проколов.

Кстати, о Веттере — где он? Долгонько что-то он дышит ночным воздухом.

Фарнхэм вышел на улицу. Он постоял между фонарями над входом в участок и смотрел на Тотенхэм-роуд. Веттера нигде не было видно. Уже 3.00, тишина везде непробиваемая, как в коконе. Как там у Уордсворта? «И все величие это спит спокойно», или что-то в этом роде.

Он спустился с крыльца и встал на тротуаре, испытывая уже легкое беспокойство. Глупо, конечно, и он злился, что вбил себе в голову бредни этой сумасшедшей. Наверное, *так ему и надо*, раз он боится крутых парней вроде Сида Реймонда.

Фарнхэм медленно зашагал по направлению к углу, рассчитывая встретить возвращающегося Веттера. Но не дальше: если участок хоть на секунду останется пустым и это обнаружат, расправа будет короткой. Он дошел до угла и осмотрелся. Смешно, но все фонари на улице погасли. Без них улица выглядела совершенно иначе. Он подумал, стоит ли об этом доложить. И где Веттер?

«Пройду-ка я еще немного, — решил он, — и посмотрю, что к чему. Но недалеко. Нельзя надолго оставлять участок.

Совсем недалеко».

Веттер вернулся менее чем через пять минут после ухода Фарнхэма. Фарнхэм двигался в противоположную сторону, и, появившись Веттер минутой раньше, он увидел бы, как молодой констебль размышляет на углу, чтобы свернуть за него и — исчезнуть навсегда.

— Фарнхэм?

Ни звука, только часы на стене стучат.

— Фарнхэм! — позвал он снова, а затем утер рот ладонью.

Лонни Фримена так никогда и не нашли. В конце концов его жена (с поседевшими висками) улетела в Америку вместе с детьми. Они отбыли на «конкорде». Через месяц она покушалась на самоубийство. Проведя девяносто дней в сумасшедшем доме, она в значительной

степени поправилась. Иногда, когда она не может заснуть — чаще всего это бывает в те ночи, когда солнце заходит красно-оранжевым шаром, — она забирается в шкаф, пролазит на коленях под своими платьями до задней стенки и пишет на ней мягким карандашом много раз: *«Берегись Козла с Тысячью Молодых»*. Это как-то успокаивает ее.

У констебля Роберта Фарнхэма остались жена и двухлетние девочки-двойняшки. Шейла Фарнхэм написала ряд разгневанных писем своему члену парламента, настаивая, что что-то произошло, что что-то скрывали, а ее Боба втянули в какое-то опасное секретное задание. Он готов был пойти на все, чтобы сделаться сержантом, без устали напоминала миссис Фарнхэм депутату. В конце концов почтенный деятель перестал отвечать на ее письма, и примерно в то же время, когда Дорис Фримен совсем седая вышла из сумасшедшего дома, миссис Фарнхэм вернулась к своим родителям в Эссекс. Там она вышла замуж за человека с более безопасной профессией — Фрэнк Хоббс работал контрольным мастером по бамперам на конвейере у Форда. Пришлось развестись с Бобом как с безвестно отсутствующим, но это легко устроилось.

Веттер вышел на пенсию через четыре месяца после того, как Дорис Фримен ворвалась в его участок на Тоттенхэм-лейн. Он действительно получил муниципальную квартиру — двухкомнатную, над магазином, во Фримли. Шесть месяцев спустя его нашли умершим от инфаркта, с банкой пива «Харп» в руке.

А в Крауч-Энде, действительно *тихом* лондонском пригороде, время от времени до сих пор происходят странные вещи, и люди сбиваются с пути. Некоторые — *навсегда*.

ДОМ НА МЕЙПЛ-СТРИТ

Хотя ей было всего пять лет и она была самой маленькой в семье Брэдбери, Мелисса была очень наблюдательна, и неудивительно, что именно она первой заметила, что, пока семья проводила каникулы в Англии, в их доме на Мейпл-стрит произошло что-то неладное.

Она побежала, нашла старшего брата Брайана и сообщила ему, что наверху, на третьем этаже, что-то не так. Она сказала, что покажет ему, но только когда он поклянется никому не говорить, что она нашла. Брайан поклялся, понимая, что Лисса боится их приемного отца; папа Лью не любил, когда кто-то из детей Брэдбери «доходил до глупости» (так он это называл), а Мелиссу он считал более всего склонной к этому. Лисса, весьма неглупая девочка, знала о странностях Лью и боялась их. Вообще все дети Брэдбери опасались второго мужа их матери.

Может, ничего и не вышло бы, если бы Брайан не радовался возвращению домой и ему не хотелось бы слегка посмеяться над младшей сестричкой (он был старше на целых два года); он последовал за ней по коридору третьего этажа, приняв недовольный вид и только раз дернув ее за косичку — это он называл «остановить перед светофором».

Им пришлось пройти на цыпочках мимо единственной отремонтированной комнаты на третьем этаже — кабинета Лью, потому что Лью был там; он раскладывал свои бумаги и раздраженно ворчал. Брайан думал только о том, что увидит вечером по телевизору, — ему не терпелось посмотреть добрые старые американские кабельные передачи после трех месяцев Би-Би-Си и Ай-Ти-Ви, — когда они дошли до торца коридора.

То, что он увидел, следя за движением указательного пальчика сестренки, начисто стерло у Брайана всякие мысли о телевизоре.

— Поклянись еще! — зашептала Лисса. — Никогда не скажу *никому*, ни папе Лью, *никому*, а то умру!

— А то умру, — согласился Брайан, не отрывая глаз, и прошло *целых* полчаса, прежде чем он сказал старшей сестре, Лори, которая раскладывала вещи в своей комнате. Лори, как и положено одиннадцатилетней девочке, считала себя безраздельной хозяйкой комнаты и поэтому хорошенько отругала Брайана, когда он вошел без стука, хотя она была полностью одета.

— Извини, — сказал Брайан, — но я должен тебе кое-что показать. Это ужасно странно.

— Где? — она продолжала раскладывать вещи по ящичкам, будто ей было все равно, будто семилетний сопляк не мог сказать ничего, что хоть в *малейшей* степени интересовало бы ее, но, заглянув ему в глаза, поняла, что тут все же что-то есть. Он мог действительно сказать что-то интересное, и Лори стало интересно.

— Наверху. На третьем этаже. В торце коридора за кабинетом папы Лью.

Лори сморщила носик, как всегда, когда Брайан или Лисса называли его так. Они с Трентом помнили своего настоящего отца, и им не нужна была никакая замена. Они упорно называли его просто Лью. То, что Льюису Эвансу это не нравилось — он это находил в некоторой степени непочтительным, — просто утверждало Лори и Трента в молчаливом, но упорном убеждении, что они правильно обращаются к человеку, с которым их мать (тьфу!) сейчас спит.

— Не хочу идти туда, — сказала Лори. — Он в мерзком настроении с тех пор, как мы вернулись. Трент говорит, что так и будет, пока не начнутся занятия и он не войдет снова в свою колею.

— Дверь у него заперта. Можно пройти тихонько. Лисса со мной прошли, а он и не заметил, что мы там.

— Мы с Лиссой, — поправила Лори.

— Ага, мы. Как бы там ни было, там не опасно. Дверь заперта, и он разговаривает сам с собой, как обычно, когда с чем-то возится.

— Терпеть не могу, когда он такой, — мрачно произнесла Лори. — Наш настоящий отец никогда не разговаривал сам с собой и никогда не запирался в комнате.

— Ну не думаю, что он заперся, — сказал Брайан, — но если ты боишься, что он выйдет, возьми пустой чемодан. Сделаем вид, что несем его в чулан, если он высунется.

— Так что там такого удивительного? — подбоченившись, настаивала Лори.

— Я тебе покажу, — серьезно сказал Брайан, — но сначала поклянись именем мамы, что никому не скажешь, а то умрешь. — Он помолчал, подумал и добавил: — Особенно не говори Лиссе, потому что я ей поклялся.

В ответ Лори подвигала ушами. Скорее всего, ничего особенного там нет, но ей надоело складывать вещи. Поразительно, сколько чепухи может накопиться у человека всего за три месяца.

— Ладно, клянусь.

Они взяли два пустых чемодана, по одному на каждого, но эти предосторожности оказались излишними: отчим не показался из кабинета. Оно и к лучшему: судя по звукам, он уже накалился до опасной черты. Дети слышали, как он топает, бормочет, открывает ящики и с грохотом закрывает их. Знакомый запах просачивался из-под двери, и Лори подумала, что это похоже на тлеющие носки бегуна-марафонца — Лью курил трубку.

Она высунула язык, скосила глаза и дернула себя за уши, когда они на цыпочках проходили мимо.

Но через минуту, глядя на то место, которое Лисса показала Брайану, а теперь Брайан показывал ей, она так же напрочь забыла о Лью, как Брайан забыл о всех чудесах, которые мог увидеть по телевизору.

— Что *это*? — прошептала она. — Боже, что *это* значит?

— Не знаю, — сказал Брайан, — но помни, ты поклялась именем мамы, Лори.

— Да, да, но...

— Поклянись еще! — Брайану не нравилось выражение ее глаз. В них можно было читать, как в книге, и Брайан чувствовал, что она нуждается в небольшой поддержке.

— Да, да, именем мамы, — небрежно произнесла она, — но, Брайан, ты только *подумай*...

— А то умру — не забудь добавить.

— О, Брайан, ты такой зануда!

— Ладно, только скажи, что умрешь!

— Да умру, умру, успокойся! — рассердилась Лори. — И почему ты такой зануда, Брайан?

— Не знаю, — произнес он со своей ухмылкой, которую она не выносила, — наверное, мне так нравится.

Она бы задушила его... но клятва есть клятва, особенно именем твоей единственной матери, и Лори носила тайну в себе целый час, пока не вызвала Трента и не показала ему. Она тоже заставила его клясться, и ее уверенность, что уж Трент-то сдержит обещание, была абсолютно обоснованной. Ему было почти четырнадцать, и ему, как самому старшему, некому было говорить... кроме взрослых. Поскольку мама слегла с мигренью, оставался один Лью... а значит, не оставалось никого.

Двум старшим детям Брэдбери не нужно было носить пустые чемоданы для маскировки: отчим был внизу, он смотрел по видеомэгнитофону лекцию какого-то британского коллеги о норманнах и саксах (именно это было специальностью Лью в колледже) и ел свой любимый полдник — сэндвич с кетчупом и стакан молока.

Трент стоял в конце коридора, рассматривая то, что раньше видели младшие дети. Он стоял долго.

— Что это, Трент? — наконец осмелилась спросить Лори. Ей даже в голову не приходило, что Трент может не знать. Трент знал *все*. Поэтому она изумилась, когда Трент медленно покачал головой.

— Не знаю, — произнес он, рассматривая трещину. — Какой-то металл, мне кажется. Надо бы взять фонарик. — Он сунул палец в трещину и потрогал. Лори при этом

испытала какое-то слабое беспокойство и облегченно вздохнула, когда Трент вытащил палец. — Да, это металл.

— А он должен быть там? — спросила Лори. — Я хочу сказать, он *был* там? Раньше?

— Нет, — ответил Трент. — Я помню, как штукатурили. Сразу после того, как мама вышла за *него*. Ничего там не было, кроме дранки.

— Что это такое?

— Узкие планки, — пояснил он. — Они удерживают штукатурку на кирпичной кладке. — Трент еще раз потянулся к трещине в стене и потрогал матово-белый металл. Трещина была сантиметров десять в длину и не больше сантиметра в ширину. — А потом еще положили теплоизоляцию. — Он нахмурился и сунул руки в карманы выцветших джинсов. — Я помню. Розовая, воздушная масса, как сахарная вата.

— Так где же она? Я не вижу никакой розовой массы.

— И я не вижу, — сказал Трент. — Но они ее клали. Я помню. — Он рассматривал небольшую трещину. — Металл в стене — это что-то новое. Интересно, много ли его там и далеко ли он идет. Он только здесь, на третьем этаже, или...

— Или что? — Лори глядела на него большими круглыми глазами. Она уже немного боялась.

— Или он по всему дому, — задумчиво закончил Трент.

На следующий день после школы Трент созвал всех детей Брэдбери. Началось собрание довольно бурно — Лисса обвинила Брайана в нарушении «торжественной клятвы», а смущенный Брайан упрекнул Лори в том, что она создала угрозу душе мамы, рассказав все Тренту. Хотя он не очень четко представлял, что такое душа (Брэдбери принадлежали к секте унитаристов), он был совершенно уверен, что Лори обрекла маму на муки ада.

— Что ж, — возразила Лори, — часть вины лежит на тебе, Брайан. Именно ты втянул сюда душу мамы. Надо было заставить меня клясться именем Лью. *Он* пусть бы катился ко всем чертям.

Лисса, которая была еще мала и настолько добросердечна, что *никому* не желала попасть в ад, так расстроилась от подобных словоупотреблений, что заплакала.

— Замолчите вы все, — прикрикнул Трент и обнял Мелиссу, так что она немного успокоилась. — Что сделано, то сделано, и я склонен думать, что к лучшему.

— Ты уверен? — переспросил Брайан. Если Трент говорил, что так правильно, Брайан готов был жизнь отдать за это, но ведь Лори поклялась именем мамы.

— Тут такое странное дело, что в нем нужно разобраться, а если мы будем тратить время на выяснение, кто и как нарушил клятву, мы ничего не сможем сделать.

Трент многозначительно взглянул на настенные часы в той комнате, где они собрались. Было двадцать минут четвертого. Больше ему не надо было говорить ничего. Мать утром встала приготовить Лью завтрак — два яйца всмятку, гренки с мясом и мармелад были частью его многочисленных потребностей, — но после этого снова легла и больше не поднималась. Она страдала от ужасных головных болей, мигрени иногда по два-три дня терзали и грызли ее беззащитный (и часто воспаленный) мозг, прежде чем оставить ее примерно на месяц.

Она никак не могла оказаться на третьем этаже и удивиться, что они там делают, но «папа Лью» — совершенно другое дело. Поскольку *его* кабинет выходил в коридор со странной трещиной, рассчитывать, что он их не заметит — и не полюбопытствует, чем они занимаются, — можно было, только ведя следствие в его отсутствие; на это и намекал Трент, посмотрев на часы.

Семья вернулась в Штаты за целых десять дней до того, как у Лью начинались занятия, но он не мог усидеть дома, находясь в каких-то пятнадцати километрах от своего любимого университета. Он уехал вскоре после полудня с портфелем, набитым бумагами, которые собрал в разных исторических местах Англии. Он сказал, что рассортирует эти бумаги по папкам. Трент полагал, что он рассует бумаги по ящикам стола, запрет кабинет и спустится в преподавательскую исторического факультета. Там он будет пить

кофе и болтать с приятелями... хотя, как обнаружил Трент, коль ты преподаватель колледжа, тебя будут считать идиотом, если ты имеешь приятелей. Их полагается называть коллегами. Короче, он уехал, и это хорошо, но он мог вернуться в любую минуту, а это плохо. Тем не менее сколько-то времени у них было, и Трент решил не терять его даром, выясняя, кто кому что обещал.

— Слушайте меня, — сказал он, с удовлетворением отмечая, что они действительно слушают; их расхождения и упреки отступили перед захватывающей перспективой *следствия*. Для них также оказалось неожиданным то, что Трент не может объяснить открытие Лиссы. Все трое разделяли, в той или иной степени, наивную веру Брайана — раз Трент озадачен, раз Трент считает что-то странным и, вполне возможно, удивительным, значит, так оно и есть.

Лори от имени всех произнесла:

— Скажи нам, что делать, Трент, — мы сделаем.

— Ладно, — сказал Трент. — Нам кое-что понадобится. — Он вздохнул и начал объяснять, что именно.

Когда они собрались у трещины в торце коридора третьего этажа, Трент поднял на руках Лиссу так, чтобы она смогла направить луч маленького фонарика — этим фонариком мама проверяла им уши, глаза и носы, когда они болели, — в трещину. Все они видели металл; он был не настолько блестящим, чтобы отражать свет фонарика, но все равно обладал шелковистым свечением. «Сталь, — решил Трент, — сталь или какой-то сплав».

— Что такое сплав, Трент? — спросил Брайан.

Трент покачал головой. Он точно не знал. Он обернулся к Лори и попросил дрель.

Брайан и Лисса обменялись недоуменными взглядами, пока Лори передавала ее. Дрель была из мастерской в подвале, а подвал был единственным местом в доме, где все оставалось, как при их настоящем отце. Папа Лью не спускался туда и десятка раз с тех пор, как женился на Кэтрин Брэдбери. Малышам это было известно так же, как Тренту и Лори. Они не боялись, что папа Лью заметит,

что кто-то пользовался дрелью: их беспокоили дыры в стене возле его кабинета. Никто не произнес этого вслух, но Трент читал по их обеспокоенным лицам.

— Смотрите, — сказал Трент, держа дрель так, чтобы они могли ее как следует рассмотреть. — Это называется игольчатое сверло. Видите, какое тоненькое? А поскольку мы собираемся сверлить только за картинами, вам незачем беспокоиться.

В коридоре третьего этажа висело около дюжины репродукций в рамках, половина из них ближе к двери кабинета, по пути в чулан, где хранились чемоданы. В основном это были очень старые (и неинтересные) виды Тайтусвилла, где жили Брэдбери.

— Он и на них-то не смотрит, тем более за ними, — согласилась Лори.

Брайан потрогал кончик сверла и кивнул. Лисса внимательно следила за ним, а потом повторила оба движения. Раз Лори сказала, что что-то в порядке, это, вполне вероятно, так и есть; раз Трент так сказал, беспокоиться скорее всего не следует; если же так утверждают они оба, спорить не о чем.

Лори сняла картину, которая висела ближе всего к маленькой трещине в штукатурке, и вручила ее Брайану. Трент начал сверлить. Они наблюдали за ним, тесно сбившись в кружок, словно болельщики, подбадривающие подающего в самый острый момент игры.

Сверло легко вошло в стену, и дырочка получалась именно такой крохотной, как было обещано. Темные обои, обнажившиеся, когда Лори сняла литографию с крючка, также обнадеживали. Это означало, что очень долгое время никто не снимал гравюру, изображавшую тайтусвиллскую публичную библиотеку.

Крутанув рукоятку дрели с десяток раз, Трент остановился и повернул ее обратно, высвобождая сверло из зажима.

— Почему ты перестал? — поинтересовался Брайан.

— Уперся во что-то твердое.

— Опять металл? — спросила Лисса.

— Видимо, да. Во всяком случае, не дерево. Посмотрим. — Он посветил фонариком и вертел головой туда-сюда, пока не махнул рукой. — Моя голова слишком большая. Запустим-ка туда Лиссу.

Лори и Трент подняли ее на руки, а Брайан вручил ей фонарик. Лисса присматривалась, потом сказала:

— Точно как в той трещине, что я нашла.

— Ладно, — подытожил Трент. — Пошли к следующей картине.

Сверло уперлось в металл и за второй, и за третьей картиной. За четвертой — к этому времени они приблизились к двери кабинета Лью — оно прошло до конца, пока Трент не вытащил его. Здесь Лисса, когда ее подняли, объявила, что видит «розовую массу».

— Ага, это та теплоизоляция, о которой я говорил, — пояснил Трент Лори. — Попробуем противоположную стену.

На восточной стороне коридора им пришлось сверлить за четырьмя картинами, пока они не натолкнулись на дранку и теплоизоляцию под штукатуркой... и, когда они вешали последнюю картину, послышалось рычание мотора старенького «порше» Лью на подъездной дорожке.

Брайан, который вешал эту картину, — он на цыпочках доставал как раз до крючка — уронил ее. Лори успела ее подхватить прежде, чем она упала на пол. Тут Лори обнаружила, что ужасно дрожит, и ей пришлось передать картину Тренту, иначе она уронила бы ее.

— Повесь, — сказала она, обращая перекошенное от страха лицо к старшему брату. — Я бы ее обязательно уронила. Точно уронила бы.

Трент повесил картину, изображавшую катание на пароконных экипажах в городском парке, и увидел, что она висит немного криво. Он потянулся поправить ее, но отдернул руку, прежде чем пальцы коснулись рамы. Младшие дети считали его своего рода божеством; самому же Тренту хватило ума понять, что он всего лишь ребенок. Но даже ребенок — если допустить, что он наполовину взрослый, — знал, что если что-то идет не так, лучше

оставить, как есть. Если начать поправлять, картина точно упадет, усеяв пол битым стеклом, это Трент понимал чутьем.

— Пошли! — шепнул он. — Вниз! В телевизорную! Внизу Лью хлопнул входной дверью.

— Но она же криво висит! — запротестовала Лисса. — Трент, она не...

— Не обращай внимания! — оборвала ее Лори. — Делай, что говорит Трент.

Трент и Лори переглянулись расширенными от страха глазами. Если Лью зайдет в кухню перехватить что-то перед ужином, это еще ничего. Если же нет, он столкнется с Лиссой и Брайаном на лестнице. Одного взгляда на них ему достаточно, чтобы понять, что что-то происходит. Младшие Брэдбери могли держать язык за зубами, но контролировать выражение лица еще не умели.

Брайан с Лиссой побежали.

Трент и Лори медленно пошли позади, прислушиваясь. Это был момент почти невыносимого напряжения, когда слышны были только шаги малышей на лестнице, а потом Лью рывкнул на них из кухни:

— НЕЛЬЗЯ ЛИ ПОТИШЕ? ВАША МАМА ОТДЫХАЕТ!

«Если уж твой рев ее не разбудил, — подумала Лори, — то это ни у кого не получится».

Поздно вечером, когда Трент уже ложился спать, Лори зашла в его комнату и села на краешек кровати.

— Ты его не любишь, но это еще не все, — сказала она.

— Кого? — спросил Трент, осторожно выглядывая из-под одеяла.

— Лью, — спокойно произнесла она. — Ты понимаешь, о ком я говорю, Трент.

— Угу, — сдался он. — Ты права. Я его не люблю.

— И боишься его, правда?

После долгой, долгой паузы Трент признался:

— Немного.

— Только немного

— Может, и больше, чем немного, — сказал Трент. Он подмигнул ей, надеясь на ответную улыбку, но Лори не отрываясь смотрела на него, и Трент сдался. Она не собиралась отступать, по крайней мере сейчас.

— Почему? Ты думаешь, он может нас обидеть?

Лью сильно кричал на них, но руки не распускал. Нет, вдруг вспомнила Лори, не совсем так. Однажды, когда Брайан зашел в его кабинет без стука, Лью шлепнул его. Крепко. Брайан пытался не плакать, но не выдержал. И мама тоже расплакалась, хотя не пыталась удержать Лью. Но, наверное, потом она ему что-то сказала, потому что Лори слышала, как Лью кричал на нее.

Тем не менее это был просто шлепок, а не издевательство над детьми, а Брайан, надо признать, *бывает* невыносимым.

Задумывался ли Лью над этим в тот вечер? — гадала сейчас Лори. Или Лью шлепнул ее брата и заставил его плакать из-за простой ошибки маленького ребенка? Она не знала, и вдруг ее озарила невеселая мысль, вроде того, что Питер Пэн был прав, когда решил, что никогда не вырастет: она вовсе не уверена, что *хочет* это знать. Одно она знала твердо: кто *настоящий* демон в этом доме.

Она сообразила, что Трент не ответил на ее вопрос, и толкнула его:

— Ты что, язык проглотил?

— Я думаю, — сказал он. — Тяжелый тип, знаешь?

— Да, — трезво ответила она. — Знаю.

Теперь она дала ему подумать.

— Не-а, наконец произнес он, обняв ее за шею. — Я так не думаю, Шпротина. Она терпеть не могла это прозвище, но сегодня решила не обращать на это внимания. Она не помнила, чтобы Трент так заботливо и серьезно говорил с ней. — Не думаю, что *будет...* но *может*. — Он присел и серьезно посмотрел на нее. — Но он обижает маму, а ей от этого делается с каждым днем хуже.

— Она жалеет, правда? — спросила Лори. Ей вдруг захотелось плакать. Почему взрослые бывают так глупы и не замечают того, что понятно ребенку? Так и хочется

им врезать. — Во-первых, она никогда не хотела ехать в Англию... и потом, он так кричит на нее...

— Не забывай о головных болях, — спокойно заметил Трент. — Которые, как он говорит, она сама у себя вызывает. Да, она жалеет, конечно.

— Она когда-нибудь... ты понимаешь...

— Разведется с ним?

— Да, — облегченно произнесла Лори. Она не была уверена, что сможет сама выговорить это слово, и понимала, насколько она в этом отношении дочь своей матери — не в состоянии ответить на собственный вопрос.

— Нет, — сказал Трент. — Мама — нет.

— Тогда мы ничего не сможем сделать, — вздохнула Лори.

Трент произнес так тихо, что она едва расслышала:

— Да ну?

Следующие полторы недели они сверлили крохотные дырочки по всему дому, когда их никто не видел: дырочки за портретами в своих комнатах, за холодильником в кладовой (Брайан мог пролезть туда и орудовать дрелью), в чуланах под лестницей. Трент даже высверлил дырочку в стене столовой — в углу под потолком, где всегда держалась тень. Он стоял на раскладной лестнице, а Лори держала ее.

Металла нигде не было. Только дранка.

На некоторое время дети забыли об этом.

Примерно месяц спустя, когда Лью уже был занят полной нагрузкой, Брайан подошел к Тренту и сказал, что в штукатурке на третьем этаже появилась новая трещина и в ней виден металл. Трент с Лиссой сразу пошли туда. Лори была еще в школе, на репетиции оркестра.

Как и при появлении первой трещины, мать лежала с головной болью. Характер Лью улучшился, когда он вернулся на работу (как были уверены Трент с Лори), но прошлым вечером он устроил матери скандал из-за приема, который хотел устроить дома для своих коллег с

исторического факультета. Если бывшая миссис Брэдбери и боялась чего-то, так это роли хозяйки на университетском приеме. Лью, однако, настаивал, и она в конце концов сдалась. Теперь она лежала в темной спальне с мокрым полотенцем на лбу и флаконом фиоринала на ночном столике, а Лью, по всей видимости, приглашал коллег в преподавательской, похлопывая их по спине.

Новая трещина была в западной стене коридора, между кабинетом и лестницей.

— Ты уверен, что видел там металл? — переспросил Трент. — Мы же *проверяли* эту сторону, Брай.

— Посмотри сам, — возразил Брайан, и Трент посмотрел. Фонарик не требовался: эта трещина была пошире, и внутри нее, без всякого сомнения, был металл.

Трент долго смотрел туда, а потом сказал, что немедленно отправляется в хозяйственный магазин.

— Зачем? — спросила Лисса.

— Купить алебастр. Не хочу, чтобы он заметил трещину. — Он подумал, затем добавил: — А особенно не хочу, чтобы он увидел там металл.

Лисса нахмурилась:

— Почему, Трент?

Но Трент и сам не знал. Пока, во всяком случае.

Они снова сверлили и на сей раз обнаружили металл во всех стенах третьего этажа, включая кабинет Лью. Трент проник туда с дрелью днем, когда Лью был в колледже, а мать закупала провизию для будущего факультетского приема.

Бывшая миссис Брэдбери выглядела очень бледной и истощенной — даже Лисса заметила, но на все вопросы детей отвечала, что все замечательно, всегда сияла чересчур ослепительной улыбкой и говорила, что никогда ей не было лучше, никогда она не видела мир в таком розовом свете. Лори, которая бывала резкой, прямо заявила матери, что та чересчур исхудала. «О нет, — отвечала мама. — Лью говорит, что в Англии я слишком расплылась от этого чая. А теперь просто стараюсь вернуться в прежнюю форму, вот и все».

Лори все прекрасно знала, но даже ей не хватало смелости сказать маме в лицо, что та говорит неправду. Если бы они пришли к ней все четверо сразу — навалились бы на нее, так сказать, — может, она ответила бы им иначе. Но даже Тренту это не приходило в голову.

Докторский диплом Лью висел в рамке на стене над его столом. Пока другие дети толпились за дверью, чуть ли не икая от страха, Трент снял диплом с крючка, положил на стол и высверлил дырочку в центре квадрата в этом месте стены. На глубине двух сантиметров сверло уперлось в металл.

Трент старательно повесил на место диплом — следя, чтобы уж он-то не перекосялся, — и вышел.

Лисса тут же залилась слезами от облегчения, и Брайан тут же последовал ее примеру — он сам себя стыдился, но не мог удержаться. Лори с огромным трудом справилась со своими слезами.

Они сверлили в разных местах лестницы, ведущей на второй этаж, и тоже нашли металл. Он тянулся примерно на половину длины коридора второго этажа, начиная от входа. В комнате Брайана все стены были металлические, в комнате Лори — только одна.

— Здесь он еще растет, — мрачно заметила Лори.

Трент удивленно посмотрел на нее:

— Это как?

Не успела она ответить, как Брайана осенило.

— Попробуй пол, Трент! — предложил он. — Может, и там тоже.

Трент задумался, пожал плечами и начал сверлить пол в комнате Лори. Сверло шло без сопротивления, но, когда он откинул коврик у собственной кровати и попробовал там, то вскоре наткнулся на твердую сталь... или твердое что бы там ни было.

Потом, по настоянию Лиссы, он встал на стул и просверлил потолок, жмурясь, потому что штукатурка сыпалась ему в глаза.

— Все то же, — сказал он вскоре. — Металл. На сегодня хватит.

Только Лори заметила, какой озабоченный у Трента вид.

Этим вечером, когда погасили свет, Трент пришел в комнату Лори, и та даже не притворялась, что спит. По правде говоря, никому из них не спалось последние пару недель.

— Что ты хотела сказать? — прошептал Трент, присаживаясь рядом с ней.

— О чем? — Лори присела в кровати.

— Ты сказала, что в твоей комнате он еще растет? Что ты имела в виду?

— Сам сообрази, Трент, — ты же не дурак.

— Нет, не дурак, — без ложной скромности согласился он. — Просто хочу, чтобы ты это сказала, Шпротина.

— Будешь так называть меня — не скажу.

— Ладно, Лори, Лори, Лори. Ты довольна?

— Да. Эта штука растет по всему дому. — Она помолчала. — Нет, не так. Она растет *под* домом.

— И это неправильно.

Лори подумала и вздохнула.

— Ладно, — сказала она. — Растет *в доме*. Съедает дом. Так годится, мистер Умник?

— Съедает дом... — Трент молча сидел рядом с ней на кровати, рассматривая открытку на стене с портретом Крисси Хайнд и переваривая то, что сказала Лори. Наконец он кивнул, улыбнувшись ослепительной улыбкой, которая ей нравилась. — Да. Это годится.

— Как ни называй, эта штука ведет себя, словно живая.

Трент кивнул. Об этом он уже думал. Он понятия не имел, как металл может быть живым, но будь он проклят, если как-то можно опровергнуть ее вывод, по крайней мере в данный момент.

— Но это не самое страшное.

— А что же?

— Она крадется тайком. — Глаза ее, не отрывавшиеся от глаз брата, были расширены от страха. — Вот что мне действительно не нравится. Не знаю, когда это началось и что это значит, и мне наплевать. Но она крадется тайком.

Она распустила свои густые белокурые волосы и отбросила с висков. Этот произвольный жест болезненно напомнил Тренту отца, у которого волосы были точно такого же цвета.

— Я чувствую, что-то должно произойти, Трент, только не знаю, что именно, и это как кошмар, который нельзя прогнать. У тебя так бывает иногда?

— Немного есть. Но я знаю, что-то произойдет. И могу даже попробовать узнать, что именно.

Она выпрямилась и ухватила за его руки:

— Ты знаешь? Что? Что это такое?

— Я еще не уверен. — Трент встал. — Думаю, что знаю, но я еще не готов сказать, что я думаю. Надо еще посмотреть.

— Если мы насверлим еще кучу дырок, дом обрушится!

— Я не сказал «сверлить», я сказал «смотреть».

— Смотреть на что?

— На то, чего здесь еще нет, — оно еще не совсем выросло. Но когда вырастет, его уже не спрячешь.

— Скажи мне, Трент!

— Пока еще нет, — произнес он и быстро поцеловал ее в щеку. — И вообще — любопытство убило Шпротину.

— Я тебя ненавижу! — шепотом крикнула она и отвернулась, накрывшись одеялом с головой. Но после разговора с Трентом она почувствовала себя увереннее и впервые за неделю спала спокойно.

Трент нашел то, что искал, за два дня до большого приема. Как самому старшему, ему следовало бы заметить, что мать выглядит особенно плохо, что у нее скулы торчат, а бледность ее приобрела отвратительный желтоватый оттенок. Следовало бы заметить, что она слишком часто трет виски, хотя и отрицает — чуть ли не с ужасом, — что у нее мигрень, не прекращающаяся уже более недели.

Однако он ничего этого не замечал. Он был слишком занят поисками.

На протяжении четырех или пяти дней между его ночным разговором с Лори и днем, когда он нашел то, что

искал, он не менее трех раз осмотрел каждый уголок большого старого дома, раз семь залазил на чердак над кабинетом Лю и дюжину раз спускался в огромный подвал.

В подвале-то он и нашел то, что искал.

Это не значит, что ему не попадались странные вещи в других местах; скорее всего, попадались. Из потолка чулана на втором этаже торчала рукоятка из нержавеющей стали. Какой-то кривой металлический прут высовывался из стены каморки на третьем, где хранились чемоданы. У него был тускло-серый, полированный цвет... пока он не прикоснулся к нему. Тут же прут приобрел сумеречно-розовый оттенок, и глубоко в стене раздалось негромкое, но мощное гудение. Он оторвал палец, как будто прут был горячим (и поначалу, когда прут приобрел цвет, как у спирали электроплитки, Трент готов был поклясться, что он действительно горячий). Как только он отдернул руку, кривой прут снова сделался серым. Гудение немедленно прекратилось.

Вчера на чердаке он заметил спутанные тонкие провода, которые вели в темный угол под карнизом. Трент заполз туда на четвереньках, весь перемазавшись, когда открыл это удивительное явление. Он застыл на месте, наблюдая сквозь упавшие на глаза всклокоченные волосы, как проводки вырастают из ничего (так ему, во всяком случае, казалось), навстречу друг другу, переплетаются так тесно, что кажется, будто они слились, а потом продолжают тянуться до пола, сами сверлят его и погружаются затем в образующиеся кучки опилок. Похоже, они создавали гибкий каркас, причем с виду очень прочный, способный защитить дом от сильных толчков и тряски.

Но *каких* сильных толчков?

Какой тряски?

Тренту показалось, что он знает. В это трудно поверить, но он знает.

В северном конце подвала, далеко от рабочей зоны и от печи, был крохотный чуланчик. Настоящий отец называл его «винным погребком», и хотя он там держал всего

пару дюжин бутылок «жужки» (мама всегда хихикала, когда он произносил это слово), они были тщательно расставлены на полках, которые отец сам изготовил.

Лью заглядывал сюда еще реже, чем в мастерскую: вина он не пил. И мама, хотя с отцом частенько пропускала стаканчик-другой, сейчас не употребляла вина. Трент вспомнил, какой у нее был печальный вид, когда Брай как-то спросил ее, почему она больше не садится перед камином со стаканчиком вина.

— Лью не выносит, когда пьют, — сказала она Брайану. — Он говорит, это все равно, что ходить на костылях.

На двери винного погребка был засов, но он служил только для того, чтобы дверь не распахнулась и не впустила внутрь жар от печи. Рядом висел ключ, но Тренту он был не нужен. Он оставил засов не запертым после первой проверки, и с тех пор никто его не трогал.

Его не удивил кислый запахок разлитого вина, когда он приблизился к двери, — это было лишь еще одно доказательство того, что они с Лори давно знали — во всем доме потихоньку происходят изменения. Он распахнул дверь, и то, что он увидел, напугало его, но вовсе не удивило.

Металлические конструкции проросли сквозь две стены винного погребка, разорвав полки и свалив бутылки «боллинже», и «мондави», и «баттильи» на пол, где те и разбились.

Подобно проводам на чердаке, то, что образовывалось — росло, по выражению Лори, — еще не завершилось. Оно переливалось и сверкало так ярко, что у Трента заболело в глазах и начало слегка поташнивать.

Здесь, правда, не было ни проводов, ни кривых прутьев. То, что выросло в бывшем винном погребе его настоящего отца, напоминало стеллажи, стойки и приборные доски пульта управления. На его глазах на поверхности металла возникали бесформенные массы, которые скручивались, словно разозленные змеиные головы, становились все четче и затем превращались в шкалы, рычаги и цифровые выводы. Появилось несколько лампочек. Некоторые из них мигали, когда он смотрел на них.

Слабый шипящий звук сопровождал этот акт творения.

Трент осторожно шагнул в чулан: он обратил внимание на особенно яркую красную лампочку — скорее, ряд лампочек. При этом он чихнул — машины и пульты, прорастая через старый бетон, подняли целую тучу пыли.

То, что светилось, оказалось цифрами. Они будто струились под стеклянным козырьком на металлической пластине, которая потихоньку вырастала из пульта. Эта новая штука напоминала кресло, хотя не особенно удобное для сидения. Во всяком случае, человеку — Трент при этой мысли слегка вздрогнул.

Стеклянный козырек находился на одной из ручек этого перекрученного кресла — если это было кресло. А цифры привлекли его внимание, видимо, потому, что беспрерывно менялись. Вначале было

72:34:18,

стало

72:34:17,

потом

72:34:16.

Трент посмотрел на свои часы, имевшие отдельную секундную стрелку, и они подтвердили ему то, что уже прочитали глаза. Кресло это или нет — Бог его знает, но цифры под стеклянным козырьком показывали время. Эти часы шли назад. Обратный отсчет — так это называется. А что произойдет, когда показания этого индикатора, наконец, от

00:00:01

перейдут к

00:00:00

примерно через трое суток от настоящего момента?

Он почувствовал, что знает. Каждому американскому мальчишке известно, что происходит, когда на индикаторе

обратного отсчета появляется шесть нулей: либо взрыв, либо старт.

Трент решил, что для взрыва тут все же слишком много всякого оборудования, машин, приборов.

Он подумал, что нечто проникло в дом, когда они были в Англии. Может, какие-то споры, которые плавали в космосе миллиарды лет, попали в поле притяжения Земли, покружили в атмосфере, словно пух молочая, разносимый легким ветерком, и, наконец, свалились в камин дома в Тайтусвилле, штат Индиана.

Дома Брэдбери в Тайтусвилле, штат Индиана.

Конечно, это могло быть и что-то совсем другое, но идея о спорах очень понравилась Тренту, и хотя он был старшим из детей Брэдбери, он был еще достаточно юн, чтобы крепко спать, наевшись на ночь пиццы с наперченной колбасой, и вполне доверять своим чувствам и ощущениям. И, в конце концов, какое это имело значение? Важно было то, что это *произошло*.

И, конечно, то, что *должно* произойти.

На этот раз, выходя из винного погребка, Трент не только запер засов, но и унес с собой ключ.

На приеме Лью произошло нечто ужасное. Это случилось в четверть десятого, минут через сорок пять после прибытия первых гостей, и Трент с Лори потом слышали, как Лью кричал на маму, что единственное, что в этом оказалось хорошего, это то, что она слишком рано показала свою глупость — если бы она подождала часов до десяти, не менее полусотни гостей сновало бы по гостиной, кухне и телевизорной.

— В чем дело, черт побери? — кричал он, и Трент, почувствовав, что рука Лори вползла в его руку, словно холодная мышка, крепко сжал ее. — Ты не понимаешь, что станут говорить? Ты не знаешь, какие *слухи* ходят по факультету? Действительно, Кэтрин, это же выглядело, как в цирке!

Мать только тихо, беспомощно всхлипывала в ответ, и на какое-то мгновение Трент помимо воли испытал ужас-

ную ненависть к ней. Прежде всего, зачем она вышла за него? Разве она не заслуживает этого, раз оказалась такой дурой?

Устыдившись этого чувства, он решительно прогнал его и повернулся к Лори. Он вздрогнул, увидев, как слезы бегут по ее щекам, и немое горе в ее глазах словно острым ножом резануло по сердцу.

— Замечательный прием, правда? — прошептала она, вытирая щеки краешками ладоней.

— Да уж, Шпротина, — согласился он и привлек ее к себе так, чтобы она могла беззвучно поплакать ему в плечо. — Попадет в десятку светских событий года, это уж точно.

Похоже, Кэтрин Эванс (которая горько жалела, что не осталась Кэтрин Брэдбери) лгала всем. Ужасающая мигрень не отпускала ее не два дня, как обычно, в уже целых две недели. Все это время она почти ничего не ела и потеряла не менее семи килограммов. Она подносила бутерброды Стивену Кратчмеру, декану исторического факультета, и его супруге, когда вдруг все поплыло у нее перед глазами. Она рухнула вперед, вывалив целый поднос булочек с китайской ветчиной прямо на дорогое платье миссис Кратчмер, сшитое в ателье Нормы Камали специально для этого приема.

Брайан и Лисса, услышав шум, прямо в пижамах выбежали на лестницу посмотреть, в чем дело, хотя обоим — точнее, всем четверым — папа Лью строго-на-строго запретил покидать второй этаж, пока не закончится прием. «Университетские люди не любят детей на приемах, — кратко пояснил Лью. — Они всегда мешают».

Когда они увидели, что мама лежит на полу, окруженная хлопочущими гостями (миссис Кратчмер среди них не было — она убежала в кухню, торопясь замыть пятна холодной водой, пока они не засохли), дети, забыв строгий запрет отчима, кинулись туда; Лисса плакала, а Брайан отчаянно вопил. Лисса, пробираясь к мамочке, боднула головой прямо в почку заведующего кафедрой азиатских исследований. Брайан, который был на два года старше и

на пятнадцать килограммов тяжелее, умудрился сделать еще лучше: он втолкнул приглашенную лекторшу, породную женщину в розовом платье и вечерних туфлях с загнутыми носками, прямо в камин. Там она и сидела, остолбеневшая, вся осыпанная сизой золой.

— Мама! Мама! — кричал Брайан и отчаянно тряс бывшую Кэтрин Брэдбери. — *Мама!* Очнись!

Миссис Эванс пошевелилась и застонала.

— Убирайтесь наверх, — холодно произнес Лью. — Вы оба.

Когда они не подчинились, Лью положил руку на плечо Лиссе и сжимал его до тех пор, пока она не завопила от боли. Лицо его было мертвенно-бледным, кроме пятен на щеках — пунцово-красных, каждое размером с десятицентовую монету.

— Я этим займусь, — процедил он сквозь зубы, столь плотно сжатые, что они не расцеплялись даже для речи. — Ты и твой брат должны немедленно уйти...

— Отпусти ее, сукин сын, — твердо произнес Трент.

Лью и гости — те, которые прибыли достаточно рано, чтобы присутствовать на этом незапланированном спектакле, — обернулись к двери из гостиной в коридор. Там стояли рядом Трент и Лори. Трент был так же бледен, как и отчим, но лицо его дышало спокойствием и решимостью. Среди гостей многие знали первого мужа Кэтрин Эванс, и все они потом сошлись во мнении, что сходство между отцом и сыном было поразительным. Будто сам Билл Брэдбери встал из могилы, чтобы противостоять своему желчному преемнику.

— Идите наверх, — сказал Лью. — Все четверо. Вам тут делать нечего. Это вас совершенно не касается.

Миссис Кратчмер вернулась в комнату; лиф ее платья от Нормы Камали был мокрым, но явно без пятен.

— Убери руки от Лиссы, — потребовал Трент.

— И не трогай нашу маму, — добавила Лори.

Теперь миссис Эванс присела, обхватив руками голову и ошеломленно оглядывая присутствующих. Головная боль лопнула, как воздушный шарик, остались растеря-

ность и слабость, но по крайней мере тот обруч, который стягивал ее последние две недели, исчез. Она понимала, что сотворила что-то ужасное, поставила Лью в неловкое положение, может, даже опозорила его, но сейчас она испытывала лишь облегчение от того, что боль оставила ее. Стыд придет позже. Теперь ей хотелось только подняться наверх — медленно-медленно — и лечь в постель.

— Вы будете наказаны, — бросил Лью детям среди почти мертвой тишины в гостиной. Он смотрел на них — на каждого в отдельности, — словно отмеряя степень индивидуальной вины. Когда он устался на Лиссу, та заплакала.

— Прошу извинить за их недостойное поведение, — обратился он к гостям. — Боюсь, моя жена с ними не справляется. Что им нужно, так это хорошая английская гувернантка...

— Не будьте ослом, Лью, — сказала миссис Кратчмер. Ее голос звучал очень громко, но не очень внятно, напоминая ослиное ржание. — Ваша жена упала в обморок. Они бросились на помощь, вот и все.

— Совершенно верно, — вмешалась приглашенная лекторша, пытаясь высвободить свои необъятные тела из камина. Ее розовое платье стало пепельно-серым, лицо было испачкано сажей. Только с туфлями с непомерно загнутыми носами ничего не случилось, но, похоже, все происшедшее несколько ее не задело. — Дети должны заботиться о матерях. А мужья о женах.

При этих словах она многозначительно взглянула на Лью Эванса, но тот ничего не заметил — он наблюдал, как Трент и Лори помогают матери подняться по лестнице. Лисса и Брайан шествовали позади, как почетный караул.

Прием продолжался. Неприятный инцидент замяли, как это обычно бывает на университетских приемах. Миссис Эванс (которая спала не более трех часов в сутки с тех пор, как ее муж объявил о намерении устроить прием) уснула немедленно, как только ее голова коснулась подушки, и дети слышали, как Лью внизу распоряжался без нее. Трент подозревал, что ему даже стало

легче, когда он избавился от запуганной и суетливой, как мышка, жены.

Он ни разу не зашел узнать, как она себя чувствует.

Ни разу. Пока все гости не разъехались.

Только проводив последнего, он тяжелой поступью прошел наверх и приказал ей встать... она подчинилась, как всегда с того самого дня, когда по ошибке сказала священнику, что берет Лью в мужа.

Лью затем просунул голову в дверь комнаты Трента и смерил собравшихся вместе детей холодным взглядом.

— Так и знал, что вы все тут, — удовлетворенно кивнул он. — Заговорщики. Вы все будете наказаны, так и знайте. Да. Завтра. Сегодня разойдитесь спать и подумайте. Теперь марш по своим комнатам. И нечего тут шататься.

Ни Лисса, ни Брайан, конечно, не «шатались»: они были слишком напуганы и измотаны, а потому ушли к себе и немедленно уснули. Но Лори пошла в комнату Трента, игнорируя «папу Лью», и вдвоем они слушали в безмолвном отчаянии, как отчим отчитывает мать за то, что она посмела упасть в обморок на *его* приеме... а мать только плакала и не только не возражала, но даже и не оправдывалась.

— О, Трент, что же нам делать? — спросила Лори, уткнувшись ему в плечо.

Лицо Трента было необычайно бледным и спокойным.

— Делать? — переспросил он. — Мы ничего не будем делать, Шпротина.

— Мы *должны!* Трент, мы *должны!* Мы обязаны ей помочь!

— Нет, мы ничего не будем делать, — повторил Трент. На его губах появилась слабая, зловещая усмешка. — Дом сделает за нас. — Он взглянул на часы и подсчитал в уме. — Примерно в три сорок завтра днем дом все сделает.

Утром никаких наказаний не было: Лью Эванс был слишком занят, готовясь к своему семинару по последст-

виям норманнского завоевания. Ни Трент, ни Лори этому не удивились, но оба были очень довольны. Он сказал, что вечером будет вызывать их в кабинет и каждому отвесит «заслуженное количество шлепков», Произнеся эту угрозу в виде цитаты непонятно из кого, он проследовал к выходу с гордо поднятой головой и крепко зажатым в руке портфелем. Мать еще спала, когда на улице заревел двигатель его «порше».

Малыши, обнявшись, стояли в кухне и смотрели на Лори, как на персонажа из сказок братьев Гримм. Лисса плакала. Брайан кусал губы, он был бледен, под глазами мешки.

— Он отшлепает нас, — сказал Брайан Тренту. — А шлепки у него *тяжелые*.

— Нет, — сказал Трент. Они посмотрели на него с надеждой, но и с сомнением. В конце концов, Лью *обещал*, что отшлепает; даже Тренту не уйти от этой болезненной неизбежности.

— Но, Трент... — начала Лисса.

— Слушайте меня, — начал Трент, выдвигая табурет из-под стола и усаживаясь лицом к маленьким. — Слушайте внимательно и хорошенько запоминайте. Это очень важно, и все должны точно делать то, что я скажу.

Они молча уставились на него широко раскрытыми глазами.

— Когда закончатся уроки, вы двое пойдете домой, но останетесь на углу. На углу Мейпл-стрит и Уолнат-стрит. Усвоили?

— Да, — нерешительно ответила Лисса. — Но почему, Трент?

— Неважно, — продолжал Трент. Его голубовато-зеленые глаза сверкали, и Лори подумала, что сверкают они совсем не добродушно; она увидела в них нечто злое. — Просто оставайтесь там. Стойте у почтового ящика. Вы должны быть там к трем часам, *максимум* в четверть четвертого. Понятно?

— Да, — ответил Брайан за двоих. — Мы поняли.

— Мы с Лори тоже будем там, может, чуть позже вас.

— Как это у нас получится, Трент? — спросила Лори. — В школе мы освободимся не раньше трех, да еще у меня репетиция оркестра, да автобус...

— Мы сегодня не пойдем в школу, — заявил Трент.

— Нет? — поразилась Лори.

Лисса пришла в ужас.

— Трент! — воскликнула она. — Ты не можешь сделать этого! Это же... *прогул!*

— Теперь насчет времени, — непререкаемым тоном продолжал Трент. — Сейчас вы пойдете в школу. Помните: угол Мейпл-стрит и Уолнат-стрит, в три часа, максимум в три пятнадцать. И что бы вы ни делали, *ни в коем случае не заходите в дом.* — Он так свирепо взглянул на Брайана и Лиссу, что они в испуге отшатнулись и со страху снова прильнули друг к другу. Даже Лори перепугалась. — Ждите нас, но *не смейте* входить в дом, — повторил он. — *Ни за что.*

Когда малыши ушли, Лори взволнованно схватила его за пуговицу и потребовала объяснить, что происходит.

— Я знаю, это связано с тем, что растет в доме, и если ты хочешь, чтобы я прогуляла и помогала тебе, тогда объясни, что происходит, Трент Брэдбери!

— Да успокойся, сейчас объясню, — сказал Трент. Он осторожно высвободил рубашку из цепких рук Лори. — Тише. Я не хочу, чтобы ты разбудила маму. Она заставит нас идти в школу, а это ни к чему.

— Да в чем же дело? Скажи мне!

— Пойдем вниз, — приказал Трент. — Я тебе кое-что покажу.

Он повел ее в винный погребок.

Трент не был вполне уверен, что Лори поймет, что он задумал, — это казалось ужасно... *гм... бесповоротным...* даже ему самому, — но она поняла. Если бы речь шла лишь о том, чтобы вынести несколько шлепков от папы Лью, то она, может, и не согласилась бы, но Лори была слишком глубоко поражена видом матери, лежащей без чувств на полу гостиной, как и сам Трент — бесчувственным поведением отчима в этой ситуации.

— Да, — мрачно произнесла Лори. — Я думаю, мы должны. — Она смотрела на мигающие цифры на подлокотнике кресла. Теперь они показывали

07:49:21.

Винный погребок больше не был погребком. Вином там действительно пахло, и кучи битого бутылочного стекла валялись на полу среди обломков полок, но в целом этот закуток напоминал теперь командирскую рубку звездного крейсера «Энтерпрайз» в исполнении сумасшедшего художника. Вертелись шкалы. Мигали, меняли показания, снова вспыхивали цифровые выводы. Мерцали и ярко загорались индикаторы.

— Да, — сказал Трент. — И я так думаю, Сукин сын, так орать на нее!

— Трент, не надо.

— Он скотина! Сволочь! Кретин!

Однако от этих слов он не почувствовал никакого облегчения, и она это прекрасно знала. Глядя на странное сооружение из приборов и клавиш, Трент ощущал неуверенность и беспокойство. Это напоминало ему книгу, которую отец читал ему в детстве, рассказ Мерсера Майера, в котором чудовище по имени Троллюск-Пожиратель Марок заключил маленькую девочку в конверт и послал ее «всем, кого это может касаться». Не было ли это похоже на то, что он предлагал сделать с Лью Эвансом?

— Если мы ничего не сделаем, он убьет ее, — тихо сказала Лори.

— *Что?* — Трент так резко повернул голову, что у него заболела шея, но Лори не смотрела на него. Она рассматривала красные цифры на индикаторе обратного отсчета. В них отражались линзы очков, которые она носила в школу. Она, казалось, была загипнотизирована, она не замечала, что Трент смотрит на нее, что он вообще находится рядом.

— Не нарочно убьет, — продолжала она. — И, может, даже погорюет. Некоторое время. Потому что он, как мне

кажется, по-своему любит ее, и она его любит. Понимаешь — по-своему. Но с ним ей все хуже и хуже. Она все время болеет, а потом... когда-нибудь...

Она обернулась и посмотрела на него, и выражение ее лица испугало Трента больше, чем все остальное в их странном, меняющемся, подкрадывающемся исподтишка доме.

— Скажи мне, Трент, — сказала она. Ее рука сжала ему руку. Она была очень холодная. — Скажи, как мы будем это делать.

Они вместе поднялись в кабинет Лью. Трент готов был взломать дверь, если понадобится, но они нашли ключ в верхнем ящике, аккуратно вложенный в конверт, на котором мелким, аккуратным, каким-то геморроидальным почерком Лью было написано: «КАБИНЕТ». Трент сунул его в карман. Они вместе вышли из дома, когда на втором этаже послышался плеск душа, означающий, что мама встала.

День они провели в парке. Хотя они и не говорили об этом, день казался самым долгим в их жизни. Дважды они встречали полицейского и прятались в туалетах, пока он не проходил мимо. Не хватало еще, чтобы из застучали как прогульщиков и отправили в школу.

В два тридцать Трент дал Лори четвертак и подвел ее к телефонной будке на восточной стороне парка.

— Неужели это нужно? — спросила она. — Не хочется ее волновать, особенно после вчерашней ночи.

— Ты хочешь, чтобы она оставалась в доме, когда произойдет то, что произойдет? — возразил Трент. Лори без дальнейших препирательств бросила монету в автомат.

Они слышали столько долгих гудков, что решили уже, что мама ушла. Это может быть и хорошо, и плохо. В любом случае нежелательно. Если она ушла, то вполне вероятно, что может и вернуться до того, как...

— Трент, я не думаю, что она у...

— Алло? — раздался заспанный голос миссис Эванс.

— А, привет, ма, — сказала Лори. — Я не думала, что ты там.

— Я вернулась в кровать, — произнесла мама с виноватым смешком. — Похоже, что я не выпалась. Наверное, когда я сплю, то не думаю о том, как ужасно вела себя вчера вечером...

— Мама, ничего ужасного не было. Человек падает в обморок не потому, что хочет...

— Лори, почему ты звонишь? Все в порядке?

— Да, мама... ну...

Трент ткнул ее под ребро. Довольно ощутимо. Лори, согнувшись (даже, казалось, сделавшись ниже), поспешно выпрямилась:

— Я поранилась в спортзале. Ну... понимаешь, немножко. Не опасно.

— Что с тобой? Господи, ты не из больницы звонишь, надеюсь?

— Упаси Боже, нет, — затараторила Лори. — Просто растянула колено. Миссис Китт просила тебя приехать и забрать меня. Не знаю, как я смогу дойти. Действительно больно.

— Я немедленно еду. Постарайся не двигаться, дорогая. Может, тебе наложат шину. Медсестра там есть?

— Сейчас нет. Не беспокойся, ма, я поберегусь.

— Ты будешь в медкабинете?

— Да, — сказала Лори. Она стала красной, как игрушечная радиомашинка Брайана.

— Я приду туда.

— Спасибо, ма. Пока.

Лори повесила трубку и взглянула на Трента. Она глубоко втянула воздух и со стоном выдохнула.

— Высший класс, — произнесла она дрожащим голосом.

Он крепко обнял ее.

— Ты молодец, — сказал он. — Гораздо лучше, чем я рассчитывал, Шпр... Лори. Не уверен, что мне она поверила бы.

— Интересно, поверит ли она *мне* когда-нибудь после этого? — расстроенным тоном сказала Лори.

— Поверит, — успокоил ее Трент. — Пойдем.

Они направились к западному выходу из парка, откуда была видна Уолнат-стрит. День был пасмурным и холодным. Над головой собирались грозовые тучи, дул пронизывающий ветер. Они ждали пять бесконечных минут, пока мимо них не пронеслась на большой скорости «субару» матери в сторону Гриндаунской средней школы, куда ходили Трент и Лори... *«куда мы ходим, когда не прогуливаем»*, — поправилась Лори про себя.

— Она просто в ужасе — заметил Трент. — Дай Бог, чтобы не вляпалась во что-нибудь по дороге.

— Теперь поздно об этом беспокоиться. Пошли. — Лори взяла Трента за руку и потащила его обратно к телефонной будке. — Ты еще должен звонить Лью, везунчик.

Он бросил в щель четвертак и набрал номер исторического факультета, сверяясь с карточкой, которую вынул из бумажника. Этой ночью он не сомкнул глаз, но теперь, когда все завертелось, чувствовал себя холодным и спокойным... чуть ли не прямо из холодильника. Он взглянул на часы. Без четверти три. Остается меньше часа. С запада донесся отдаленный раскат грома.

— Исторический факультет, — сказал женский голос.

— Здравствуйте. Это Трент Брэдбери. Мне нужен мой отчим, Льюис Эванс, прошу вас.

— У профессора Эванса лекция, — ответила секретарша, — но он освободится в...

— Я знаю, у него современная история Великобритании до трех тридцати. Но тем не менее я вас попрошу вызвать его немедленно. Тут неотложное дело. Касается его жены. — Точно рассчитанная пауза, затем он добавил: — Моей матери.

Долгое молчание, и Трент ощутил нарастающую тревогу. Она как бы размышляет, не послать бы его к чертям с его неотложными делами, а это не предусматривалось планом.

— Он в Оглторпской аудитории, это рядом, — наконец ответила секретарша. — Я сама его приглашу. Скажу, чтобы он позвонил домой, как только...

— Нет, он нужен сию минуту, — настаивал Трент.

— Но...

— Послушайте, это очень важно, *немедленно* пригласите его, — добавил он жесткую нотку в голос. Это оказалось нетрудно.

— Хорошо, — сказала секретарша. Трудно было судить, рассержена она или озабочена. — Если вы не можете мне сказать, в чем дело...

— Нет, — отрезал Трент.

Послышалось обиженное сопение, затем трубку отложили.

— Ну? — спросила Лори. Она переминалась с ноги на ногу, будто ей позарез нужно было в туалет.

— Отложили трубку. Зовут его.

— А если он не придет?

Трент пожал плечами:

— Тогда мы погибли. Но он придет. Увидишь. — Он в душе не был так уж уверен, но *еще* считал, что его план сработает. *Должен* сработать.

— Мы слишком поздно начали.

Трент кивнул. Они действительно слишком поздно начали, и Лори знала, почему. Дверь кабинета была из твердого дуба, очень прочная, но никто из них не был уверен в надежности замка. Трент хотел, чтобы у Лью оставалось как можно меньше времени, чтобы проверить ее.

— А если он увидит Брайана и Лисси на углу по пути домой?

— Если он взбесится так, как я и рассчитываю, то он их не заметит, даже если они будут на ходулях и в клоунских колпаках, — возразил Трент.

— Почему он не подходит к этому чертовому телефону? — спросила Лори, глядя на часы.

— Подойдет, — сказал Трент и тут действительно услышал голос отчима:

— Алло?

— Это Трент, Лью. Мама в вашем кабинете. Наверное у нее снова головная боль, потому что она упала в

обморок. Я не могу привести ее в чувство. Вам следует немедленно приехать.

Трент не удивился, чем в первую очередь поинтересовался отчим — на этом-то и основывался его план, — но тем не менее разозлился так, что пальцы, державшие трубку, побелели.

— В кабинете? В *моем кабинете*? Какого черта она там делала?

Несмотря на гнев, Трент ответил абсолютно спокойным тоном:

— Убирала, наверное. — А затем пустил главную приманку для человека, которого работа интересует гораздо больше, чем жена: — Бумаги разбросаны по всему полу.

— Я еду немедленно, — рявкнул Лью, затем добавил: — Если там открыты окна, закрой их, ради Бога. Гроза собирается. — Он повесил трубку не попрощавшись.

— Ну? — спросила Лори, когда Трент повесил трубку.

— Он едет, — сказал Трент с мрачной усмешкой. — Сукин сын так взбесился, что даже не спросил, почему я не в школе. Пошли.

Они выбежали на пересечение Мейпл-стрит и Уолнат-стрит. Небо становилось все темнее, раскаты грома все ближе. Когда они добрались до синего почтового ящика на углу, на Мейпл-стрит начали зажигать фонари.

Лиссы и Брайана еще не было.

— Я хочу с тобой, Трент, — сказала Лори, но на лице у нее было написано, что это неправда. Оно было очень бледно, а расширенные глаза полны слез.

— Не смей, — отрезал Трент. — Жди здесь Брайана и Лиссу.

При упоминании их Лори обернулась и посмотрела на другой конец Уолнат-стрит. Там бежали двое малышей — ранцы подпрыгивали на их спинах. Хотя различить лица еще было невозможно. Лори была совершенно уверена, что это они, и сказала Тренту об этом.

— Хорошо. Станьте вдвоем за изгородью миссис Редленд и ждите, пока Лью проедет. Потом можете выйти

на улицу, но ни в коем случае не заходи в дом и их не пускай. Ждите меня на улице.

— Я боюсь, Трент. — Слезы потекли у нее по щекам.

— Я тоже, Шпротина, — сказал он и быстро поцеловал сестру в лоб. — Но скоро все кончится.

Не успела она открыть рот, как Трент побежал по тротуару к дому Брэдбери на Мейпл-стрит. На бегу он взглянул на часы. Двадцать минут четвертого.

Застоявшийся, горячий воздух в доме испугал его. Будто повсюду рассыпан порошок, и невидимые люди с факелами готовы вот-вот поджечь бикфордовы шнуры. Он представил, как безжалостно мигают часы в винном погребке, на которых сейчас

00:19:06.

Что, если Лью опоздает?

Сейчас об этом некогда думать.

Трент побежал на третий этаж в спертom, словно горячем воздухе. Казалось, он чувствует, как дом ходит ходуном, оживая по мере того, как обратный отсчет близится к нулю. Он пытался убедить себя, что это лишь игра воображения, но какая-то часть его разума знала это лучше.

Он вбежал в кабинет Лью, схватил первые попавшиеся папки, выдернул пару ящиков стола и разбросал бумаги по полу. Это заняло всего несколько секунд, но уже слышался рев двигателя «порше» на улице. Сегодня он даже не рычал — Лью гнал так, что двигатель прямо-таки вопил.

Трент выскочил из кабинета и спрятался в тени коридора, там, где они высверлили первые дыры, казалось, сто лет назад. Он сунул руку в карман и вместо ключа нашел там только старый, измятый обеденный талон.

«Я, наверное, потерял его на улице, когда бежал. Он выскользнул из кармана».

Он стоял, обливаясь потом и дрожа от холода, а «порше» уже въезжал во двор. Двигатель заглох. Открылась и хлопнула дверца. Послышались шаги Лью у вход-

ной двери. В небе грохнул артиллерийский залп грома, мрак прорезала яркая молния, а где-то в глубине дома завелся мощный двигатель, сначала приглушенно заворчал, а потом начал жужжать.

«Господи мой Иисусе, что же делать? Что МОЖНО сделать? Он сильнее меня! Если попытаться треснуть его по голове, он...»

Он сунул руку в левый карман, и все эти мысли унеслись прочь, как только он нащупал старомодный зубчик ключа. Слоняясь по парку, он, видимо, бездумно переложил ключ в другой карман.

Трент задыхался, сердце билось так, что дрожала не только грудь, но живот и горло. Он пробежал дальше по коридору в кладовку для чемоданов и потянул дверь гармошкой за собой.

Лью мчался по лестнице, истошным голосом окликая жену. Когда он появился на площадке. Трент заметил, что волосы у него торчат во все стороны (видимо, в машине он их приглаживал рукой), галстук сбился набок, на лбу выступили крупные капли пота, глаза сузились в налитые злобой щелки.

— *Кэтрин!* — заорал он и побежал по коридору в кабинет.

Не успел он ворваться туда, как Трент выскользнул из кладовки и бесшумно стал красться по коридору. У него был один-единственный шанс. Если он не попадет а замочную скважину... если барабан не сдвинется с места при первом повороте ключа...

«Если не получится, придется драться с ним, — успел подумать он. — Если не удастся отправить его одного, придется, черт возьми, лететь вместе с ним».

Он взялся за дверь и захлопнул ее так, что из трещин между петлями посыпалась штукатурка. Он еще успел заметить изумленное лицо Лью. Потом ключ оказался в замке. Он успел повернуть его прежде, чем Лью забарабанил в дверь.

— Эй! — крикнул Лью. — Эй, маленький мерзавец, что ты делаешь? Где Кэтрин? Выпусти меня отсюда!

Ручка безрезультатно моталась вверх-вниз. Потом она остановилась, и Лью обрушил град ударов на дверь.

— *Выпусти меня отсюда немедленно Трент Брэдбери пока я тебя не отметелил так как ты еще ни разу не видел в своей вонючей жизни!!!*

Трент медленно попятился по коридору. Когда плечи уперлись в стену, он судорожно вздохнул. Ключ от кабинета, который он машинально вынул из замочной скважины, выпал у него из пальцев и глухо ударился о выцветшую коридорную дорожку. Теперь, когда дело сделано, наступила реакция. Все вокруг поплыло, он словно бы очутился под водой и с большим трудом устоял на ногах. Только теперь, когда Лью заперт, мама отослана подальше, а остальные дети прячутся за густой изгородью миссис Редленд, он понял, что никак не рассчитывал на удачу. Если «папа Лью» удивился, оказавшись взаперти, то Трент был поражен до глубины души.

Ручка двери кабинета задержалась, описывая резкие полукружья.

— **ВЫПУСТИ МЕНЯ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!**

— Я тебя выпущу без четверти четыре, Лью, — сказал Трент дрожащим голосом, а потом выдал себя коротким смешком. — Если ты, конечно, еще будешь здесь в это время.

И вдруг снизу:

— Трент? Трент, с тобой все в порядке?

Боже милостивый, это же Лори.

— Ты здесь, Трент?

И Лисса!

— Эй, Трент! Как ты там?

И Брайан!

Трент взглянул на часы и с ужасом увидел, что на них 4.31... нет, 4.32. А вдруг они отстают?

— *Убирайтесь!* — заорал он на них, бросившись по коридору к лестнице. — *Немедленно вон из дома!*

Коридор третьего этажа, казалось, тянулся перед ним, словно ириска: чем быстрее он бежал, тем дальше казался конец. Лью осыпал дверь ударами, а воздух руганью;

гремел гром; а из глубин дома все отчетливее доносился грохот приходящих в движение машин.

Наконец он достиг лестницы и метнулся вниз; туловище оказалось так далеко от ног, что он едва не упал. Потом он схватился за лестничную колонну и съехал по ней на первый этаж, где ждали его брат и две сестрички.

— *Бежим отсюда!* — заорал он, хватая их и подталкивая к раскрытой двери, в грозовую темень. — *Быстро!*

— Трент, что происходит? — спросил Брайан. — Что с домом? Он *трясется!*

Действительно — от пола шла сильнейшая вибрация, так что у Трента чуть не выкатились глаза из глазниц. На голову ему сыпалась штукатурка.

— *Некогда! На улицу! Быстро! Лори, помоги!*

Трент подхватил Брайана на руки. Лори схватила Лиссу под мышки и потащила к двери.

Грянул гром. Молния рассекла небо. Ветер, который прежде задышался, сейчас ревел, словно дракон.

Трент ощутил, как трясется земля под домом. Выбегая в дверь с Брайаном на руках, он увидел синий свет, такой яркий, что пятна на сетчатке оставались еще больше часа (он подумал, что ему повезло, что он не ослеп), вырывающийся из узких окон подвала. Послышался треск бьющегося стекла. И уже на крыльце он почувствовал, как дом поднимается у него под ногами.

Он спрыгнул с крыльца и схватил Лори за руку. Они кое-как добрались до тротуара, где от надвигающейся грозы было черно, как ночью.

Потом они обернулись и стали смотреть, как это происходит.

Дом на Мейпл-стрит, казалось, подобрался. Он больше не выглядел стройным и прочным: он дергался, как комическая фигура на ходулях. Огромные трещины бежали не только по цементированной дорожке, но и по земле. Газон разламывался на огромные, напоминавшие пироги, комья земли с травой. Они переворачивались так, что обнаженные черные корни оказывались поверх зелени, и весь двор

был как бы усеян пузырями — будто изо всех сил пытался удержать дом и в конце концов лопнул.

Трент поднял взгляд на третий этаж, где в кабинете Лью еще горел свет. Тренту показалось, что оттуда донесся звон бьющегося стекла — и еще доносится, потом отбросил эту мысль — как можно вообще что-то расслышать в этом содоме? Только через год Лори сказала ему, что вполне уверена, что слышала крики отчима из окна.

Фундамент дома сначала стал осыпаться, затем треснул, после чего отделился от разлетавшегося во все стороны бетона. Вспыхнуло холодное, яркое синее пламя. Дети закрыли глаза руками и отшатнулись. Взревели двигатели. Земля вздымалась в последнем отчаянном усилии удержать дом... а затем сдалась. Внезапно дом приподнялся на полметра над землей, опираясь на столб яркого голубого пламени.

Это был настоящий вертикальный взлет.

На макушке крыши бешено крутился флюгер.

Дом сначала завис, затем начал медленно набирать скорость. Он взмывал вверх на опоре из голубого пламени, а раскрытая входная дверь бешено хлопала на лету.

— Мои игрушки! — вскричал Брайан, и Трент дико расхохотался.

Дом достиг уже десятиметровой высоты, завис, как бы собираясь с силами для следующего рывка, а затем мгновенно *взлетел* в черные тучи.

Его не стало.

Две кровельные планки медленно падали вниз, словно большие черные листья.

— Берегись, Трент! — секунду спустя закричала Лори и толкнула его так, что он упал. Резиновый коврик с надписью «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ» рухнул на тротуар там, где он только что стоял.

Трент взглянул на Лори. Лори посмотрела назад.

— Эта штука вряд ли оставила бы тебя с целой шеей, если бы попала в тебя, — заметила она, — так что лучше не стоит называть меня Шпротиной, Трент.

Он восторженно уставился на нее, а потом захохотал. Лори присоединилась к нему. И малыши тоже. Брайан

схватил Трента за одну руку, Лисса за другую. Они подняли его на ноги, и все четверо стояли и рассматривали дымящуюся дыру на месте подвала посреди развороченного газона. Люди начали выходить из домов, но дети Брэдбери не обращали на них внимания. Вернее сказать, дети Брэдбери просто не видели, что здесь есть еще кто-то.

— Трент, — восхищенным голосом произнес Брайан. — Наш дом улетел. — И добавил: — Увы.

— Увы, — согласился Трент.

— Может, там, куда он летит, есть люди, которые захотят знать о норманнах и саксах, — глубокомысленно заметила Лисса.

Трент и Лори обнялись, издавая какие-то воющие звуки — смесь ужаса и смеха, и тут хлынул дождь.

Мистер Слэттери, живший напротив, подошел к ним. Волос у него было немного, но те, что были, очень прочно приклеились к сверкающему черепу редкими клочками.

— Что случилось? — прокричал он сквозь непрекращавшийся рокот грома. — Что там случилось?

Трент отпустил сестру и взглянул на мистера Слэттери.

— Настоящее Космическое Приключение, — торжественно продекламировал он, и все четверо принялись хохотать пуще прежнего.

Мистер Слэттери испуганно, недоверчиво взглянул на дыру на месте подвала, решил, что разумная осторожность — основа доблести, и отступил на свой тротуар. Хотя лило как из ведра, он не пригласил детей Брэдбери к себе. И они не обратили на это внимания. Они сидели на краю тротуара — Трент и Лори посередине, а Брайан и Лисса — по бокам.

Лори нагнулась к Тренту и прошептала ему на ухо:

— Мы свободны.

— Более того, — добавил Трент. — *Она* свободна.

Затем он обнял всех — ему хватило длины рук, — и они сидели на тротуаре под проливным дождем, ожидая, когда их мать вернется к ним домой.

**МОЙ
ХОРОШЕНЬКИЙ
ПОНИ**

Старик сидел у дверей сарая, раскачиваясь и вдыхая аромат яблок; он боролся с искушением и искренне желал, чтобы ему не хотелось курить — не потому, что доктор запретил, а потому, что собственное сердце бешено колотилось. Он наблюдал, как этот тупоголовый сукин сын Осгуд быстро считает, прислонившись к дереву, а потом резко оборачивается, засекает Клайви и смеется, широко раскрыв рот, так что старику видно, что зубы у него уже начинают портиться; можно представить, как пахнет изо рта у этого мальчишки — словно в дальнем углу сырого погреба. Хотя этому паршивцу лет одиннадцать, не больше.

Старик наблюдал, как Осгуд хохочет своим прерывистым высоким смехом. Мальчишка так разошелся, что под конец ему пришлось согнуться, упершись руками в колени; другие дети вышли из своих укрытий посмотреть, в чем дело, а увидев его, тоже стали смеяться. Все они стояли на утреннем солнце и смеялись над его внуком, и старик забыл, как ему отчаянно хотелось курить. Теперь он хотел увидеть, заплачет ли Клайви. Вдруг оказалось, что эта тема интересует его больше, чем что-либо другое за последние несколько месяцев, включая мысли о быстро приближающейся смерти.

— Он попался! — нараспев выкрикивали дети. — Попался, попался, попался!

Клайв просто стоял, бесстрастный, как валун в поле, и ожидал, когда дразнилка кончится и игра продолжится — только жмуриться придется ему, зато смущение останется позади. Через некоторое время так и произошло. Затем

настал полдень, и мальчишки разошлись по домам. За обедом старик следил, сколько съест Клайви. Оказалось немного. Клайви только потыкал вилкой в картошку, поковырял кукурузу и горошек, а кусочки мяса скормил собаке. Старик с интересом наблюдал за всем этим, отвечая, когда к нему обращались, но вряд ли прислушиваясь к разговору. Он сосредоточился на мальчишке.

Когда доели пирог, ему опять захотелось того, чего ему было нельзя, и он сказал, что соснет немного, а на середине лестницы остановился, потому что сердце у него вдруг заело, как вентилятор, в котором застряла игральная карта, и так и стоял, опустив голову, ожидая, не в последний ли это раз (два уже было), и когда оказалось, что нет, поднялся в спальню, снял с себя все, кроме кальсон, и лег на свежую белую простыню. На его тощей груди отпечатался прямоугольный отсвет солнца, рассеченный на три части темными тенями от оконных переплетов. Он запрокинул руки за голову, закрыл глаза и прислушался. Через некоторое время ему послышалось, будто мальчик плачет в своей комнате внизу, и он подумал: «Надо этим заняться».

Он поспал часок, а проснувшись, увидел спящую рядом с ним жену в ночной рубашке; он забрал свою одежду, чтобы одеться в коридоре, прежде чем спуститься вниз.

Клайви сидел на крыльце и лениво бросал палку, которую собака моментально с большим энтузиазмом приносила назад. Собака (имени у нее не было — просто собака). похоже, искренне удивлялась.

Старик окликнул мальчика, позвав прогуляться в сад, и тот пошел за ним.

Старика звали Джордж Баннинг. Он был дедом мальчика, и именно от него Клайв Баннинг узнал, как важно в жизни иметь своего хорошенького пони. Обязательно нужно иметь пони, даже если у тебя аллергия к лошадям, иначе хоть заставь все комнаты будильниками, а на каждую руку навешай столько часов, что не сможешь ее поднять, — ты все равно не будешь знать, который час.

Урок (Джордж Баннинг никогда не давал советов, только уроки) состоялся в тот день, когда Клайва застукал этот кретин Олден Осгуд при игре в жмурки. Дед казался Клайву старше самого Господа Бога — наверняка ему было года семьдесят два. Баннинги жили в городке Трой, штат Нью-Йорк, который в то время только-только начал узнавать, что значит не быть деревней.

Урок состоялся в Западном саду.

Дедушка стоял без пиджака, весь запорошенный, но не поздним снегом, а ранним яблоневым цветом, под сильным теплым ветерком; на деде был комбинезон, а под ним рубашка с воротничком, некогда зеленая, но выцветшая до неопределенного цвета хаки после миллиона стирок, а под той еще хлопчатобумажная нижняя рубашка (разумеется, с подтяжками; в те времена подтяжек уже не носили, но такой человек, как Джордж Баннинг, сохранял им верность до конца), и эта рубашка была чистой, но цвет у нее был старой, выдержанной слоновой кости вместо первоначального белого, ибо девиз бабушки, постоянно ею повторяемый и вышитый на подушечке в гостинной (видимо, в расчете на те редкие случаи, когда эта достойная женщина там отсутствовала и не могла самолично изрекать заслуживающие запоминания афоризмы), был таким: «Носи ее и в чистоте храни — пока не в дырках, в грязь не оброни!» Яблоневые лепестки запутались в длинных, еще не совсем седых волосах старика, и мальчик подумал, как красив Деда в это саду.

Он заметил, как тот наблюдал за их играми утром. Наблюдал за ним. Деда сидел в кресле-качалке у входа в сарай. Один полоз скрипел каждый раз, когда дед раскачивался, а он сидел с книгой на коленях, сложив руки поверх нее и покачиваясь среди слабых запахов сена, яблок и сидра. Именно эта игра побудила деда преподавать Клайву Баннингу урок о времени, о том, какое оно текучее, и как человеку все время приходится бороться, чтобы удержать его; у этого пони хорошенькая внешность,

но злое сердце. За ним глаз да глаз нужен, за этим пони, а то, неровен час, перескочит через забор и скроется из виду, а ты потом гоняйся за ним с лассо, устанешь, как собака, даже если он не успеет ускакать далеко.

Дед начал урок с заявления, что Олден Осгуд — обманщик. Он должен был прижаться лицом к мертвому вязу ровно на минуту, то есть пока не досчитает до шестидесяти. Это обеспечивало Клайви (так деда всегда называл его, а он не возражал, хотя готов был набить морду любому мальчишке или взрослому, который назвал бы его так, — ведь ему уже исполнилось двенадцать) и другим ребятам честную возможность спрятаться. Клайви еще искал укрытие, когда Олден Осгуд досчитал до шестидесяти, обернулся и «поймал его», когда он в отчаянии пытался заползти за кучу беспорядочно наваленных яблочных ящиков у входа в давяльную, где мрачно высился пресс для сидра, словно орудие пыток.

— Это было нечестно, — сказал Деда. — Ты не жульничал, и правильно делал, потому что нормальный мужчина *никогда* не жульничает, и нормальный мальчишка тоже. А он поступил нечестно. Я могу это сказать сейчас, потому что там ты промолчал.

Яблочные лепестки, запутавшиеся в волосах старика. Один застрял в щели над кадыком и торчал там, словно алмаз, прекрасный просто потому, что некоторые вещи красивы сами по себе, и ничего тут не поделаешь, но сходный с мотыльком, ибо был недолговечен: несколько секунд — и он будет нетерпеливым щелчком сброшен на землю, где исчезнет среди своих сотоварищей.

Он сказал Деде, что Олден *действительно* досчитал до шестидесяти, как положено по правилам, не понимая даже, почему он защищает мальчишку, который в конце концов опозорил его тем, что даже не искал, а «поймал», не сходя с места. Олдену — который иногда, когда злился, царапался, как девчонка, — всего-то и требовалось обернуться, увидеть его, небрежно положить руку на мертвое дерево и возгласить мистическую и неопровержимую формулу: «Раз-два-три — Клайв, умри!»

Может, он только затем и защищал Олдена, чтобы не надо было поворачиваться и уходить из сада, чтобы можно было и дальше смотреть, как вихрь лепестков треплет седоватую шевелюру Деда, и восхищаться красотой алмаза, застрявшего в щели под горлом старика.

— Конечно, — согласился Деда. — Ясное дело, он досчитал до шестидесяти. Теперь смотри сюда, Клайви! И хорошенько запоминай!

В комбинезоне деда были настоящие карманы — целых пять, считая тот, что на животе, огромный, как сумка кенгуру, — но, кроме боковых карманов, были еще такие, которые только *выглядели* как карманы. На самом деле это были просто прорези, чтобы можно было просунуть руку и подтянуть брюки, надетые под комбинезон (в те времена появление без брюк под комбинезоном уже не вызывало скандала, а только смех — считалось, что у человека просто «не все дома»). У деда под комбинезоном были надеты обыкновенные синие джинсы — «еврейские штаны», как называли их все знакомые фермеры.

Он просунул руку в правую прорезь комбинезона, порывлся в правом кармане джинсов и наконец извлек тусклые серебряные карманные часы, которые вложил в руку мальчику. Тот не ожидал этого и, удивленный их тяжестью и живым тиканьем, выронил их на землю.

Он взглянул на деда расширенными от страха карими глазами.

— Ты не нарочно их уронил, — сказал Деда, — а если уронил, то они, может быть, и не остановились — они уже падали раньше, раз даже на них наступили в вонючей пивной в Ютике, но они не останавливались. А если все же остановились, то это уже твоя забота, а не моя, потому что часы теперь твои.

— Что? — Он хотел сказать что не понимает, но не договорил, решив, что все уже сказано.

— Я их отдаю тебе, — объяснил Деда. — Я всегда хотел, но будь я проклят, если напишу об этом в завещании. Налог обойдется больше, чем они стоят.

— Деда... я... Господи!

Дед смеялся, пока не раскашлялся. Он согнулся от кашля и хохота, и лицо его покраснело, как спелая слива. Радость и удивление смешались у Клайва с жалостью. Он вспомнил, что мама все время повторяла: нельзя утомлять дедушку, потому что он болен. Когда Клайв позавчера между прочим спросил, чем он болен, Джордж Баннинг ответил одним непонятным словом. Только ночью после разговора в саду, засыпая с зажатыми в руке карманными часами, Клайв понял, что сказанное Дедой слово «инфаркт» относилось не к какому-то зловредному микробу, а к сердцу. Доктор заставил его бросить курить и добавил, что если тот вздумает делать какую-то тяжелую работу, например, сгребать снег или копать в саду, то сыграет в ящик. Мальчик уже знал, что это значит.

— Ты не нарочно их уронил, а если уронил, то они, может быть, и не остановились, — сказал Деда, но мальчик был уже достаточно большим и знал, что когда-нибудь часы должны остановиться, что наступает день, когда часы, а также люди останавливаются.

Он стоял и ждал, что вот вдруг Деда остановится, но кашель пополам со смехом наконец прекратился, и старик выпрямился, утерев рукой соплю и небрежно сбросив ее.

— Ты ужасно забавный паренек, Клайви, — сказал он. — У меня шестнадцать внуков, и только два из них, по-моему, не стоят собачьего дерьма, и ты к ним не относишься, но ты единственный заставляешь меня смеяться так, что кишки выворачиваются.

— Я не хотел, чтобы у тебя кишки выворачивались, — возразил Клайв, и это вызвало у деда новый приступ смеха, который тот, правда, сумел остановить, прежде чем он перешел в кашель.

— Обмотай цепочку пару раз вокруг пальцев, если тебе так удобнее, — сказал Деда. — Если тебе будет удобно, ты, может быть, станешь слушать повнимательнее.

Он послушался деда, и действительно стало удобнее. Он взглянул на часы в своей ладони, зачарованный ощущением живого хода их механизма, игрой солнечного света на головке, секундной стрелкой, бегущей по малень-

кому кругу. Но пока что это были еще дедушкины часы — в этом он был твердо уверен. И пока он размышлял над этим, лепесток яблони упал на циферблат и, покотившись, слетел. Это произошло менее чем за секунду, но это изменило все. После этого лепестка все стало правдой. Это его часы, навсегда... или по крайней мере до тех пор, пока кто-то из них не остановится так, что нельзя уже будет починить и придется выбросить.

— Ладно, — сказал Деда. — Видишь, секундная стрелка ходит сама по себе?

— Да.

— Хорошо. Следи за ней. Когда она дойдет до самого верха, крикнешь мне: «Пошел». Понял, Галлахер?

Клайв кивнул и сосредоточенно уставился на часы с глубокой серьезностью математика, решающего ключевое уравнение. Он уже понял, что Деда хотел показать ему, и сообразил, что наглядное доказательство — просто формальность... но она все равно должна быть соблюдена. Это ритуал, все равно как нельзя уйти из церкви, пока священник не благословит прихожан, хотя все положенные гимны давно спеты и проповедь, слава Богу, окончена.

Когда секундная стрелка достигла двенадцати на своем отдельном маленьком циферблате («Моем, — восхищался он про себя, — это моя секундная стрелка на моих часах»), он закричал «Пошел!» во всю мочь своих легких, и дед принялся поспешно считать в бешеном темпе, словно аукционер, продающий сомнительный товар и спешащий избавиться от него по высокой цене, прежде чем изумленная публика придет в себя и не только осознает, что ее обманули, но и расвирепеет.

— Раз-два-три, чтыр-пят-шес, сем-восм-девт, дест-одинц, — напраспев барабанил Деда так, что шишковатые пятна на щеках и вздувшиеся вены на носу тряслись от возбуждения. Он закончил торжествующим хриплым криком: «Псят-девт-шссят!» При этих словах секундная стрелка карманных часов только проходила седьмое деление, то есть тридцать пять секунд.

— Сколько? — спросил Деда, отдуваясь и почесывая грудь.

Клайв ответил, глядя на деда с нескрываемым восхищением.

— Ну и быстро ты считаешь, Деда!

Дедушка сделал рукой, которой почесывался, небрежный жест — *отстань*, мол, но при этом улыбнулся.

— Я не считал и вполтину так быстро, как этот щенок Осгуд, — сказал он. — Только я услышал от этого паршивца «двадцать семь», как сразу следом он сказал вроде бы «сорок один». — Деда пристально рассматривал его своими темно-голубыми, цвета неба глубокой осени, глазами, столь не похожими на карие, как у жителей Средиземного моря, глаза Клайва. Он положил узловатую руку на плечо внука. Рука была скрючена ревматизмом, но мальчик ощущал еще исходящую от нее живую силу — словно ток продолжал течь в выключенной машине. — Запомни одну вещь, Клайви. Время не имеет ничего общего с тем, как быстро ты умеешь *считать*.

Клайв не спеша кивнул. Он не понял до конца, но, кажется, ухватил какой-то *краешек* понимания, будто краешек облака, медленно проплывающего над лугом.

Старик полез в нагрудный карман комбинезона и достал пачку сигарет «Кул» без фильтра. Значит, Деда не бросил курить насовсем, что бы там у него ни было с сердцем. Тем не менее мальчику показалось, что он резко сократил курение — пачка выглядела так, словно прошла немалый путь; она избежала судьбы множества пачек, которые открывают после завтрака, а в три часа они уже смятым шариком летят в канаву. Дедушка покопался и вытащил сигарету, такую же мятую, как и пачка, в которой она находилась. Он вставил ее в угол рта, затолкал пачку обратно в карман и достал спичку, которую зажег, ловко чиркнув о свой задубевший старческий ноготь. Клайв наблюдал за этим, разинув рот, как ребенок за фокусником, достающим из пустого кулака колоду карт. Зажигание о ноготь было всегда интересно, но самым

поразительным было то, что *спичка не погасла*. Несмотря на ветер, всегда сильный на этом пригорке, Деда поддерживал слабенькое пламя с изящной уверенностью. Он прикурил и *помахал спичкой*, чтобы погасить ее, словно никакого ветра и не было. Клайв внимательно присмотрелся к сигарете и не увидел никаких черных подпалин на белой бумаге. Значит, глаза его не обманули: Деда действительно прикурил от прямого пламени, будто от свечи в закрытом помещении. Это было волшебство в чистом виде.

Старик вынул сигарету из рта и зажал между большим и указательным пальцами; у него был такой вид, будто он собирается позвать собаку или остановить такси. Вместо этого он посплюнул пальцы и потерял ими головку спички. Мальчику не нужно было объяснять: единственной вещью, которой дед и его деревенские друзья боялись больше внезапных заморозков, был пожар. Дедушка выронил спичку и растер ее каблуком. Подняв голову, он увидел восхищенные глаза мальчика, однако неправильно понял, чем тот восхищен.

— Я знаю, что мне не положено, — сказал он, — и не собираюсь приказывать или даже просить тебя, чтобы ты врал. Если бабушка тебя спросит: «Этот старик курил?» — ты скажешь, что я курил. Мне не нужно, чтобы ребенок врал. — Он не улыбался, но выражение его хитровато прищуренных глаз делало Клайва участником дружеского, безвредного заговора. — Но вот если бабушка спросит меня, поминал ли ты всуе имя Господа, когда я отдал тебе эти часы, я посмотрю ей прямо в глаза и скажу: «Нет, мэм. Он поблагодарил, как положено, и это было все, что он сказал»

Теперь расхохотался Клайв, а дед осклабился, обнажив немногие уцелевшие зубы.

— Конечно, если она никого из нас не спросит, мы сами не скажем... правда, Клайви? Так будет честно?

— Да, — улыбнулся Клайв. Он не был хорошеньким мальчиком, и, когда вырос, никто не считал его писанным красавцем, но когда он улыбался, как сейчас, вполне

понимая риторические упражнения старика, то действительно был красив, и дедушка взъерошил ему волосы.

— Ты хороший мальчик, Клайви.

— Спасибо, сэр.

Старик погрузился в размышления, его сигарета сгорала с неестественной быстротой (табак был сухой, и, хотя затягивался он редко, жадный ветер с пригорка докуривал за него), и Клайв решил, что дедушка сказал уже все, что хотел. Он жалел об этом. Ему нравилось слушать речи Деда. То, что говорил Деда, по-прежнему поражало его, так как в этом всегда содержался смысл. Мама, папа, бабушка, дядя Дон — все они говорили то, что ему следовало принимать близко к сердцу, но в их словах редко был смысл. Например: красиво то, что красиво делается, — какой в этом смысл?

У него была сестра, Пэтти, на шесть лет старше. Ее он понимал, но всерьез не принимал, потому что большей частью она изрекала глупости. А еще она общалась с ним посредством щипков. Самые болезненные она называла «королевские щипки». Она грозила, что если он *расскажет* о королевских щипках, она его *убьет до смерти*. Пэтти часто говорила о людях, которых ей хочется убить до смерти; список ее потенциальных жертв мог соперничать с гангстерским синдикатом. Он вызывал смех... пока не помотришь на ее худое, мрачное лицо. Тогда пропадало всякое желание смеяться. У Клайва, по крайней мере. И ее следовало опасаться — она *говорила*, как дурочка, но на самом деле вовсе не была ею.

— Не хочю свиданий, — недавно объявила она за ужином: это было в то время, когда парни традиционно приглашали девушек на танцы в сельский клуб либо в школу. — Мне наплевать, если меня никто *никогда* не пригласит. — И с откровенным вызовом посмотрела на всех поверх своей тарелки с мясным рагу.

Клайв взглянул на спокойное лицо сестры, слегка расплывчатое в испарениях от горячего мяса, и вспомнил, что произошло два месяца назад, когда еще лежал снег. Он пробежал в коридоре босиком, так что она его не

слышала, и заглянул в ванную, потому что дверь была открыта — он понятия не имел, что злюка Пэтти там. То, что он увидел, заставило его остолбенеть. Если бы она хоть чуточку повернула голову влево, она бы его увидела.

Но она не повернула голову. Она была поглощена изучением собственного тела. Она стояла совсем голая, как девицы в захватанном донельзя журнальчике у Фокси Брэннигана, а у ее ног валялось купальное полотенце. Только она совсем не была похожа на тех девиц — Клайв это знал, и она знала тоже. По ее прыщавым щекам катились крупные слезы, одна за другой, но катились они совершенно беззвучно. Наконец, в Клайве проснулось чувство самосохранения, и он на цыпочках ушел и никогда ни слова не сказал об этом случае, особенно Пэтти. Он не знал, как она отнесется к тому что младший брат видел ее голую задницу, но прекрасно представлял, как она взбесится, узнав, что тот застал ее плачущей (хотя бы даже так беззвучно, как у нее получалось), — тут уже она точно убила бы его до смерти.

— По-моему, мальчишки все дурные и в основном вонючие, как передержанный сыр, — сказала она тем весенним вечером, отправляя в рот кусок мяса. — Если мальчишка пригласит меня на свидание, я буду смеяться.

— Со временем ты изменишь свои взгляды, малышка, — заметил папа, пережевывая мясо и не отрывая глаз от книги. Мама давно бросила попытки отучить его читать за столом.

— Нет, — отрезала Пэтти, и Клайв знал, что так и будет. Пэтти всегда говорила то, что имела в виду. Клайв это понимал, а родители нет. Он не был уверен, действительно ли она собирается убить его до смерти, если он расскажет о «королевских щипках», но рисковать не хотел. Если и не убьет, то найдет какой-нибудь ощутимый, но в то же время не оставляющий следов способ причинить ему боль, это уж точно. Кроме того, иногда «королевские щипки» вовсе и не были щипками; скорее, они походили на то, как Пэтти гладит своего пуделя-полукровку Брэнди, и он знал, что она делает это, потому что он плохо себя

ведет, но у него была тайна, которую он не собирался ей выдавать: эти другие «королевские щипки» — поглаживающие — на самом деле доставляли ему удовольствие.

Когда Деда открыл рот, Клайв решил, что сейчас он скажет: «Пора домой, Клайви», — но вместо этого тот предложил:

— Я собираюсь тебе кое-что рассказать, если хочешь послушать. Это недолго. Хочешь послушать, Клайви?

— Да, сэр!

— Правда хочешь? — смущенно переспросил дедушка.

— Да, сэр!

— Иногда я подумываю, не стоит ли забрать тебя у родителей, чтобы ты все время был здесь. Мне иногда кажется, что если ты будешь все время со мной, я буду жить вечно, что бы там ни вытворяло чертово сердце.

Он вынул сигарету, бросил ее на землю и принялся старательно затапывать сапогом, крутя каблуком во все стороны, а потом для надежности еще присыпал окурки землей, которую разворотил каблук. Когда он снова взглянул на Клайва, глаза его светились.

— Я давным-давно перестал давать советы, — сказал он. — Наверно, лет тридцать, а то и побольше. Я перестал, когда понял, что только дураки дают советы и только дураки их выполняют. Вот урок... уроки — это совсем другое дело. Умный человек время от времени даст урок, и умный человек — или ребенок — примет.

Клайв ничего не сказал, а только смотрел на дедушку с напряженным вниманием.

— Бывают три вида времени, — начал Деда, — и хотя все они бывают на самом деле, настоящий из них только один. Тебе захочется проверить, знаешь ли ты все эти виды и всегда ли ты сможешь их различить. Это понятно?

— Нет, сэр.

Дедушка кивнул:

— Если бы ты сказал «да, сэр», я бы отшлепал тебя по заднице и отвел домой.

Клайв уставился на жалкие остатки дедовой сигареты, покрывшись гордым румянцем.

— Когда человек еще мал, вроде тебя, время для него течет долго-долго. Вот, например, когда приходит май, ты думаешь, что школьные занятия никогда не закончатся, что середина июня никогда не настанет. Разве не так?

Клайв подумал о последних школьных днях, когда так клонит в сон в пропахшем мелом классе, и кивнул.

— А когда наконец *наступает* середина июня, учитель выдает вам табеля и отпускает домой, кажется что школа никогда не вернется. Разве не так?

Клайв подумал об этих замечательных днях и кивнул с такой силой, что чуть не свернул шею.

— Да, конечно же! Я хочу сказать, *сэр*.

Эти дни каникул. Все дни, что тянутся по необозримым равнинам июня и июля до почти невообразимых горизонтов августа. Столько дней, столько рассветов, столько полдников, когда запиваешь итальянский сэндвич с горчицей и сырым луком громадным стаканом молока, пока мама молча сидит в гостиной со своим будто бездонным стаканом вина и смотрит мыльную оперу по телевизору; столько бесконечных дней, когда пот, выступающий на голове, с иголок короткой стрижки стекает по щекам, пока играешь в догонялки, или в бродячих краснокожих, и во взятие флага; звуки велосипедных цепей, звенья которых тихонько пощелкивают от соприкосновения с хорошо смазанными зубчиками звездочки, запахи жимолости, и остывающего асфальта, и зеленой листвы, и скошенной травы, шлепанье бейсбольных бит, и менка карточек команд на переднем дворе у какого-нибудь мальчишки — серьезная, торжественная процедура, споры, советы; дней, когда с удивлением замечаешь, что твоя коротюсенькая тень вдруг выросла до размеров большого мальчика; столько бесконечных сумерек, когда пот исчезает, и на щеках остается лишь легкий запах, как у папы после бритья, а июльский вечер медленно клонится в тень, и крик: «Кла-а-а-айв! Ужинать!» кладет конец всем столь достойным занятиям; и этот крик, хотя и предвиденный, всегда оказывается таким же неожиданным, как тень, из полуденной ничтожной точки вырастающая к трем часам в солидную фигуру, бегущую рядом с тобой

по улице, — а если стать на цыпочки, к пяти часам тень мальчишки превратится в тень взрослого мужчины, хотя и необычайно худого; вечеров перед матовым экраном телевизора, под шуршание страниц тех книг, которые отец читал одну за другой (он никогда не уставал от них; слова, слова, слова, отец никогда не уставал от них, и Клайв хотел было спросить, как это получается, но не решился), а мать сразу встает и идет в кухню под беспокойным, рассерженным взглядом сестры и просто любопытным — его собственным; тихий плеск, когда мама доливает стакан, который у нее никогда не бывает пустым начиная с одиннадцати утра (а отец не отрывает глаз от книги, хотя Клайв подозревал, что он все слышит и все знает, в ответ на что Пэтти обозвала его глупым врунишкой и наградила таким королевским щипком, после которого весь день было больно — единственный раз, когда он осмелился сказать ей об этом); высокий звук от комаров, бьющихся о сетку, усиливающийся после захода солнца; приказ идти спать, такой нечестный и неизбежный, спорить с которым бесполезно; короткий поцелуй отца, пахнувший табаком, и более продолжительный поцелуй матери, отдающий вином, одновременно кислым и сладким; заявление сестры, что с чего-де она должна отправляться спать, когда папа ушел в таверну за углом пропустить пару кружек пива и посмотреть соревнования по реслингу, стоя там у стойки бара; ответ матери, что Пэтти нечего лезть не в свое дело, столь резкий по содержанию, но как-то успокаивающий своей предсказуемостью; сверканье светлячков в темноте; гудок автомобиля вдалеке, когда он уже вплывал в длинный темный канал сна; а потом следующий день, который казался точно таким же, но на деле был немного другим. Лето. Это было лето. И оно *не казалось* долгим — оно было долгим.

Дед, внимательно наблюдавший за ним, казалось, читал все это в карих глазах мальчика, знал все названия всех вещей, которые ребенок никогда не смог бы выговорить, потому что его голосовой аппарат не умел разговаривать языком сердца. Тут Деда кивнул, как бы подтверждая это предположение, и Клайв вдруг испугался, что тот все

испортит, сказав что-нибудь ласковое, утешительное и бессмысленное. Конечно, скажет он, я это все знаю, Клайви, — я когда-то сам был мальчишкой, ты же знаешь.

Но старик ничего не сказал, и Клайв понял, как глуп он был, допуская хоть на мгновение такую возможность. Более того, какой он вероотступник. Потому что это был Деда, а Деда *никогда* не произносил бессмысленного дерьма, как остальные взрослые. Вместо ласковых и утешительных интонаций он говорил с сухой суровостью судьи, выносящего смертный приговор.

— Все это меняется, — сказал он.

Клайв взглянул на него; он уже начинал кое-что понимать, но ему очень нравилось, как ветер треплет во все стороны седые волосы старика. Он подумал, что Деда выглядит так, как следовало бы выглядеть священнику, если бы тот действительно знал истину о Боге, а не просто догадывался.

— *Время* меняется? Ты уверен?

— Да. Когда дорастаешь до определенного возраста — лет до четырнадцати, наверно, когда две половинки рода человеческого совершают фатальную ошибку, открывая существование друг друга, время становится *настоящим*. Действительно *настоящим* временем. Оно не растянуто, как было раньше, и не сжато, как будет потом. Будет, конечно. Но большую часть твоей жизни занимает действительно *настоящее* время. Знаешь, что это такое, Клайви?

— Нет, сэр.

— Тогда запомни мой урок: действительно *настоящее* время — это твой хорошенький пони. Скажи: «Мой хорошенький пони».

Чувствуя себя дураком, размышляя, не разыгрывает ли его дедушка с какой-то целью («хочет выпустить из тебя козла», как говаривал дядя Дон), Клайв произнес то, что от него требовалось. Он ждал, что дедушка начнет смеяться, что он скажет: «Вот я и выпустил из тебя козла, Клайви!» Но Деда лишь рассеянно кивнул, и мальчик сразу ощутил под собой твердую почву.

— *Мой хорошенький пони.* Вот три слова, которые ты никогда не забудешь, если ты действительно такой умный, как мне кажется. Мой хорошенький пони. Вот что ты должен знать о времени.

Дедушка достал из кармана смятую пачку сигарет, некоторое время рассматривал ее, затем сунул обратно.

— Начиная с четырнадцати лет и, наверно, до шестидесяти идет время моего хорошенького пони. Бывает, что время растягивается, как в детстве, но теперь это нехорошо. Тогда ты готов продать душу за время маленького хорошенького пони, не говоря уже о сжатом времени. Если ты передашь бабушке то, что я тебе сейчас скажу, Клайви, она обзовет меня богохульником и неделю, а то и две не будет давать в постель бутылку с горячей водой.

Тем не менее рот дедушки искривился в горькой усмешке.

— Если я скажу это преподобному Чэдбенду, которого моя жена так обожает, он заведет свои старые сказки, что мы-де не умеем видеть сквозь темное стекло и что вообще пути Господни неисповедимы, но тебе я скажу то, что думаю, Клайви. По-моему, Бог — это зловредный старый сукин сын, который растягивает время для взрослых, только когда у них что-то сильно болит, например, поломаны ребра, или кишки разрезаны, или еще что-нибудь. Вот таков Бог — он делает так, что мальчишку, который насаживает мух на булавки, не отличишь от праведника, который так добр, что все птицы слетаются к нему. Я над этим долго размышлял в те долгие недели, когда на меня упал стог сена, и удивлялся, зачем Бог первым делом сотворил живых, мыслящих существ. Если Ему нужно было что-то для издевательства, почему бы Ему не сделать, например, можжевельные кусты и тем ограничиться? Так нет же — вот бедняга Джонни Бринкмайер, который так долго мучился раком костей, пока не помер в прошлом году...

Последнее Клайв едва ли расслышал, хотя позже, по дороге в город, вспомнил, что Джонни Бринкмайер, владелец того, что папа и мама называли бакалейным магазином, а дедушка и бабушка — по старинке лавкой, был

единственным, к кому Деда ходил в гости по вечерам... и единственным, кто приходил к Деду по вечерам. На долгом пути домой Клайв сообразил, что Джонни Бринкмайер, которого он смутно помнил как человека с огромной бородавкой на лбу, который на ходу почесывал в паху, видимо, был единственным настоящим другом Деда. То обстоятельство, что бабушка морщилась при упоминании Бринкмайера и часто жаловалась, как от него плохо пахло, лишь подтверждало предположение мальчика.

Сейчас, конечно, ничего подобного не могло прийти ему в голову, потому что Клайв, затаив дыхание, ждал, когда Бог покарает Деду. Конечно, за такое богохульство Он должен убить его на месте. Никто не может уйти безнаказанным после того, как обозвал Небесного Вседержителя зловредным старым сукиным сыном да еще предположил, что Создатель Всего Сущего ничуть не лучше противного третъяклашки, который насаживает мух на булавки.

Клайв нервно отступил назад от существа в комбине-зоне, которое перестало быть его дедушкой, а стало столбом, в который сейчас ударит молния. В любой момент может раздаться гром в безоблачном небе, Деда упадет замертво, а яблони вспыхнут, как факелы, что будет знаменовать вечное проклятие ему. Лепестки яблонь, летающие в воздухе, превратятся в нечто подобное черным уголькам, что вылетали из мусоросжигательной печи на задворках, где отец по воскресеньям уничтожал недельные залежи газет.

Ничего не происходило.

Клайв все ждал, его мрачная уверенность размывалась, а когда где-то рядом весело зачирикала малиновка (будто Деда сказал нечто, не более ужасное, чем «поцелуй меня в ногу»), он понял, что никакой молнии не будет. В тот момент, когда он осознал это, в жизни Клайва Баннинга произошла небольшая, но весьма существенная перемена. Оставшееся безнаказанным дедушкино богохульство не превратит его в преступника или в плохого мальчика, даже в «трудного ребенка» (этот термин только что вошел в моду). Но стрелка компаса веры чуть-чуть сдвинулась в

мозгу Клайва, и дальше он уже иначе слушал слова Деда. До этого он *слушал* старика. Теперь *внимал* ему.

— Время, когда тебе больно, кажется бесконечным, — говорил Деда. — Поверь мне, Клайв, — неделя болезни превращает самые долгие и самые лучшие каникулы в твоей жизни в обыкновенный уик-энд. Да что там — в одно-единственное субботнее утро! Как подумаю, что Джонни лежал семь месяцев с этой... этой *дрянью* внутри, которая выедала ему кишки... Господи, не надо такое говорить ребенку. Твоя бабушка права. У меня куриные мозги.

С минуту дедушка молча рассматривал свои сапоги. Наконец, поднял голову и покачал головой, но не мрачно, а с каким-то веселым облегчением.

— Это все ерунда, я сказал, что дам тебе урок, а вместо этого вою, как сумасшедшая собака. Знаешь, что такое сумасшедшая собака, Клайви?

Мальчик покачал головой.

— Ладно, об этом в другой раз. — Конечно, другого раза не будет, потому что в следующий раз, когда он увидит дедушку, тот будет в гробу, но Клайв сочтет это важной частью урока, который Деда должен был дать ему в тот день. То, что старик не знал, что дает урок, находясь в гробу, не делало его менее важным. — Старики как поезда на сортировочной станции, Клайви, — слишком много разных путей. Поэтому они пять раз крутятся вокруг чертова депо, пока выедут.

— Все в порядке, Деда.

— Я хочу сказать, что каждый раз, как дойду до сути, меня куда-то заносит.

— Знаю, но это тоже интересно.

Дедушка улыбнулся:

— Ну и артист же ты, Клайви!

Клайв улыбнулся в ответ, и мрачные воспоминания о Джонни Бринкмайере, видимо, покинули старика. Он заговорил более деловым тоном:

— Как бы там ни было, не обращай внимания на эту дрянь! То, что время растягивается, когда больно, — это

излишество со стороны Господа. Ты же знаешь, Клайви, как люди копят купоны фирмы «Рэлей» и обменивают их на что-нибудь, например, медный барометр или набор кухонных ножей?

Клайв кивнул.

— Вот и время, когда больно, — что-то похожее... только награду получаешь не настоящую, а вроде как *утешительную*, должен я тебе сказать. Главное то, что, когда становишься стариком, настоящее время — время моего хорошенького пони — делается *коротким* временем, сжимается. Это все равно что долгое, растянутое время в детстве — только наоборот.

— В другую сторону.

— Угу.

То, что время в старости идет быстро, ребенку трудно было усвоить, но он был достаточно умен, чтобы понять принцип. Он знал, что, если один конец пилы вверху, другой должен находиться внизу. То, о чем говорит Деда, думал он, по идее то же самое: равновесие и противодействие. «Ладно, есть такая точка зрения», — сказал бы отец Клайва.

Дедушка снова достал пачку «Кул» из набеюшного кармана и на этот раз старательно вытащил сигарету — не последнюю в пачке, но последнюю, которую выкурил при внуке. Он расправил пачку и сунул ее на место. Эту последнюю сигарету он закурил с той же изящной легкостью, что и предыдущую. Он не игнорировал ветер: он, казалось, вел себя *вопреки* ему.

— Когда это происходит, Деда?

— Не могу сказать точно, и вообще это происходит не сразу, — сказал дед, загасив спичку слюной, как и предшествующую. — Вползает постепенно, как кот, который гоняется за белкой. Пока не начинаешь замечать. А когда уже заметишь, оказывается, что это так же честно, как тот паршивец Осгуд считал, когда жмурился.

— Так *что* же происходит? Как ты замечаешь?

Дед сбил пепел с сигареты, не вынимая ее изо рта. Просто постукал по ней большим пальцем, как тихонько

постукивают по столу. У мальчика навсегда остался в памяти этот слабый звук.

— Наверно, каждый первый раз замечает по-своему, — сказал старик, — но у меня этот первый раз был в сорок с чем-то. Не помню точно, сколько мне было, но, могу спорить, помню, где... в аптеке Дэвиса. Знаешь, где это?

Клайв кивнул. Отец всегда водил их с сестрой туда есть мороженое, когда они приезжали к бабушке и дедушке. Отец называл это «тройной ваншокзем», потому что они заказывали неизменно каждый свое мороженое: отец ванильное, Пэтти шоколадное, а Клайв — земляничное. Отец сидел между ними и читал, пока они медленно смаковали холодные сладкие шарики. Пэтти правильно говорила, что можно украсть что угодно, пока отец читает, чем он в основном и занимался, но когда он откладывает книгу и осматривается по сторонам, лучше сидеть тише воды, ниже травы, а то схлопочешь.

— Вот я зашел туда, — начал Деда, уставившись на быстро проплывавшее в весеннем небе облако, похожее на играющего на трубе солдата, — взять бабушке лекарство от радикулита. Целую неделю лили дожди, и у нее ломило все кости. И я сразу заметил новую витрину. Нельзя было ее не заметить. Она занимала почти целый прилавок. Там были маски и вырезанные фигурки — черные коты, ведьмы на метле и всякое такое, а еще картонные тыквы на продажу. Их продавали в мешочках с резинкой. Смысл был в том, что ребенок вырежет тыкву из картона, а потом на целый день оставит мамашу в покое, пока будет ее раскрашивать и играть с ней. Потом ее можно повесить на дверь для украшения, а если семья слишком бедная, чтобы купить маску, или слишком бестолковая, чтобы пошить костюм из всяких тряпок, что есть под рукой, то можно приделать резинку к этой тыкве, и ребенок будет ее носить. Множество детей разгуливали по городу с этими бумажными мешками в руках, а на День Всех Святых они носили на лице эти картонные тыквы из аптеки Дэвиса, Клайви! И, конечно, там торговали кон-

фетами. Всегда был конфетный прилавок рядом со смесителем для содовой воды, ты понимаешь, где это...

Клайв улыбнулся. Он знал, где это.

— ...но не такой, как сейчас. Там были разные-разные дешевые конфеты. В форме бутылочек в вощенной бумаге, и драже, и бочечки, и лакричные тянучки. И я подумал, что у старика Дэвиса — тогда этим заведением действительно управлял мужик по фамилии Дэвис, его отец открыл аптеку где-то в 1910 году, — не все дома. Боже милостивый, думал я про себя, Фрэнк Дэвис завел осеннюю торговлю, когда проклятое лето еще не кончилось. Мне стукнуло в голову подойти к аптекарскому прилавку, где он стоял, и сказать ему про это, и тут мне внутренний голос, говорит: «Подожди-ка минутку, Джордж, — это у *тебя* не все дома». И он не ошибался, Клайви, потому что лета не было, и я это знал так же точно, как то, что мы тут стоим. Видишь, вот что я хочу, чтобы ты понял, — я *знал лучше*. Разве я уже не начал нанимать в городе сборщиков яблок и не заказал пятьсот бланков, чтобы везти яблоки через границу в Канаду? Разве я не положил глаз на этого типа по имени Тим Уорбертон, который приехал из Скенектади в поисках работы? Он с виду был честным парнем, и я подумывал сделать его бригадиром на время уборки. Разве я не собирался просить его об этом и разве он не *знал*, что я буду его просить, потому что сказал, что будет стричься там-то в такое-то время? Я и подумал про себя: «Господи, Джордж, не рановато ли ты ударяешься в старость? Да, старый Фрэнк малость преждевременно выставил конфеты для ноябрьского праздника, но *лето*? Оно давно прошло, черт побери». Я все прекрасно знал, но на какую-то секунду, Клайви, — а может, и на много секунд — мне *показалось*, что стоит лето или что *должно* быть лето, потому что было лето. Понимаешь, что я хочу сказать? Через недолгое время сентябрь вернулся на положенное место у меня в голове, но до того я чувствовал... понимаешь, я чувствовал... — Он насупился, потом нерешительно вымолвил слово, которое знал, но никогда не произнес бы в разговоре с другим фермером, чтобы не быть обвиненным

(хотя бы и молча) в напыщенности. — Я чувствовал уныние. Вот как можно про это сказать. Уныние. Вот как это было в первый раз.

Он взглянул на мальчика, который только встретился с ним взглядом, но даже не кивнул — так он был поглощен рассказом. Дедушка кивнул за обоих и снова сбил пепел с сигареты краешком большого пальца. Мальчику показалось, что Деда настолько углубился в свои мысли, что ветер выкурил почти всю сигарету вместо него.

— Это все равно как зайдешь в ванную просто побриться, глянешь в зеркало и увидишь у себя первые седые волосы. Понимаешь, Клайви?

— Да.

— Ну вот. А после того первого раза так стало случаться *каждый* праздник. Тебе кажется, что они слишком рано выставляют товар, иногда даже говоришь об этом, хотя всегда соблюдаешь осторожность, чтобы это звучало так, будто ты думаешь, что тергаши жадничают. Что что-то не так с *ними*, а не с *тобой*. Понятно?

— Да.

— Потому что, — продолжал дедушка, — жадный торгош — это люди понимают, некоторым даже нравится, хотя я лично к таким не принадлежу. Они говорят: «Такой-то ходит по лезвию ножа, а своего не упустит», — будто лезвие ножа — как у того мясника Рэдвака, который ходил вечно в крови и еще норовил обвесить — самое замечательное дело. Я так никогда не считал, но понять их могу. А вот сказать что-нибудь такое, чтобы все посчитали, будто у тебя вавка в голове, — это уже совсем другое дело. Стоит тебе произнести что-то вроде: «Ей-богу, у них будет фата, и мишура, и колокольный звон, не успеют даже заскирдовать сено», — кому бы ты это ни сказал — тот будет стоять на том, что это Евангельская истина, но ведь это не так, и если ты дашь себе труд почитать Евангелие, то там ничего подобного нет, Клайви, но они каждый год несут подобную чушь.

Потом со мной случилось еще кое-что. Это уже лет через пять, а то и семь. Думаю, мне уже было где-то около

пятидесяти — может, годом меньше, годом больше. Как бы там ни было, меня призвали быть присяжным. Нужно оно мне сто лет! — но я поехал. Староста привел меня к присяге, спросил, исполню ли я свой долг так, как велит мне Бог, а я сказал, что исполню, как будто я всю жизнь не исполнял всякий долг так, как велит мне Бог. Потом он взял ручку и спросил мой адрес, и я точно дал ему адрес. А потом спросил о возрасте, и я раскрыл рот и чуть не сказал : тридцать семь.

Деда запрокинул голову и засмеялся, глядя на облако, похожее на солдата с трубой. Это облако, труба в котором выросла до размеров тромбона, дошло уже почти до противоположного края горизонта.

— Почему тебе захотелось так сказать, Деда? — Клайв подумал, что до сих пор все было понятно, а здесь непролазный тупик.

— Я хотел это сказать, потому что это первое, что пришло мне в голову! Черт побери! Правда, я понял, что что-то не так, и осекся. Не думаю, что пристав или кто-то из судейских это заметил — они там все были, как сонные тетери, — а даже если бы они бодрствовали, как тот парень, которому только что врезали метлой по заднице, вряд ли кто-то из них придал бы этому значение. Ну вроде как игрок, который хочет хитро подать мяч и два раза набирает воздух, прежде чем ударить. Дерьмо это все! Спрашиваешь человека, сколько ему лет, — это не мячик кидать. Я себя чувствовал, как идиот. Какую-то секунду я просто не знал, сколько же мне лет, если не тридцать семь. Мне казалось, что может быть и семь, и семнадцать, и семьдесят семь. Потом я уж сообразил и сказал, что мне сорок восемь, или пятьдесят один или сколько там, черт побери. Но забыть свой возраст даже на секунду... *тьфу!*

Дедушка бросил сигарету, занес над ней каблук и начал обстоятельный ритуал убийства и похорон.

— Но это было только начало, Клайви, сынок, — продолжал он, и хотя говорил он с деланным ирландским акцентом, мальчик подумал: я *хотел* бы быть твоим сыном. Твоим, а не его. — Как бы там ни было, оно

вырывается на первой скорости, включает вторую, и пока ты сообразишь, время уже несется на самой высокой скорости, как машины на трассе, так что листья слетают с деревьев.

— Что ты хочешь сказать?

— Хуже всего то, как меняются времена года, — задумчиво, словно не расслышав внука, произнес старик. — Разные времена года нельзя различить. Будто мама больше не достает с чердака сапоги, перчатки и шарфы перед началом осенней грязи, и думаешь, что будешь *рад*, когда кончится грязное время, — а я, черт побери, всегда радовался, — но никакой радости нет, когда похоже, что грязь ушла, пока не вытащишь трактор из первой лужи, в которой он застрял. А потом похоже, что ты прохлопал лето, потому что вдруг видишь обнаженные тополя, в одной рубашке.

Дедушка взглянул на него, иронически подняв бровь, будто ожидая, что мальчик попросит объяснить, но Клайв улыбнулся, очень довольный, — он знал, что такое ночная рубашка, потому что его мать ничего другого не носила часов до пяти вечера, пока отец разъезжал, продавая пылесосы, кухонную посуду и страхуя кого-нибудь, если удавалось. Когда отец отправлялся в путь, мать начинала пить и так была этим поглощена, что забывала одеться до самого захода солнца. Иногда она уходила, оставив его на попечение Пэтти, как она говорила, навестить больную подругу. Однажды он спросил Пэтти: «Почему мамины подруги болеют, когда папы нет дома, ты не замечала?» Пэтти смеялась до слез и ответила: «Да, я заметила, я давно уже заметила».

То, что говорил Деда, напомнило ему, как в те дни, когда каникулы наконец начинали катиться под уклон, стремительно приближаясь к новому году, тополя каким-то образом менялись. Когда задувал ветер, их стволы приобретали точнехонько цвет лучшей маминой ночной рубашки — серебристый, удивительно грустный и привлекательный одновременно: цвет, означавший конец того, что ты считал вечным.

— Потом, — продолжал Деда, — начинается путаница в мозгах. Не очень страшная — не такая, как у старика Хейдена, что живет у шоссе, слава Богу, — но все равно паршивая вещь эта путаница. Ты не забываешь всякие вещи, это бы еще ничего. Нет, ты их помнишь, но ставишь не туда, куда нужно. Вот я был уверен, что сломал руку после того, как наш Билли убится на дороге в 1958 году. Тоже было паршивое дело. Я тогда поставил в тупик этого попа Чэдбенда. Билли шел за грузовиком, который вез гравий, и делал не больше тридцати километров в час, и вдруг камешек не больше циферблата этих часов, которые я тебе дал, упал с грузовика, ударился о дорогу, подскочил и разбил ветровое стекло нашего «форда». Осколки стекла попали Билли в глаза, и доктор говорил, что он бы ослеп на один или на оба глаза, если бы остался жив, но он не остался жив — он съехал с полотна и врезался в столб. Столб упал на машину, провода замкнуло, и Билли изжарился, как какой-нибудь убийца на электрическом стуле. А ведь самое плохое, что он сделал в жизни, — это прикинулся больным, чтобы не собирать фасоль, когда у нас еще был огород. Но я говорю, как я был уверен, что сломал чертову руку после того, — и всем клялся, что помню, как был на похоронах с рукой на перевязи! Саре пришлось показать мне, во-первых, семейную Библию и, во-вторых, страховые бумаги, чтобы я убедился, что она права: я сломал руку на целых два месяца раньше, и когда мы хоронили Билли, перевязи уже не было. Она обозвала меня старым дурнем, а я так обозлился, что чуть было ее не треснул, но я обозлился из-за *смущения*, и мне хватило ума понять это и оставить ее в покое. Она просто расстроилась, как и всегда, когда ей напоминают о Билле. Он у нее был любимчиком, вот как.

— Господи! — воскликнул Клайв.

Это *нелегко*; это вроде как приезжаешь в Нью-Йорк, а там на каждом углу стоят парни с наперстками и шариком и уверяют, что ты не знаешь, под каким наперстком шарк, а ты уверен, что знаешь, но они так быстро фокусничают, что ты всегда оказываешься в

проигрыше. Просто теряешь нить. И тут уж ничего не поделаешь.

Он вздохнул и осмотрелся кругом, будто пытаюсь вспомнить, где же они находятся. На его лице промелькнуло растерянное, беспомощное выражение, которое вызвало у мальчика почти безразличность и в то же время страх. Он не хотел такого ощущения, но ничего не мог с этим поделать. Будто Деда сорвал бинт и показал ребенку рану — симптом чего-то ужасного. Вроде проказы.

— Как будто весна началась на прошлой неделе, — сказал дедушка, — но цветки завтра облетят, если не перестанет ветер, а он, гад, никак не утихает. Нельзя удержать нить мыслей, когда все бежит с такой скоростью. Нельзя крикнуть: эй, подожди минутку-другую, пока я наведу порядок в голове! Никто не сможет этого сделать. Все равно как едешь в машине без водителя, если ты следишь за моими словами. Так что ты понял из всего этого, Клайви?

— Ну, — ответил мальчик, — в одном ты прав, Деда, — похоже, все это сотворил какой-то прибитый идиот.

Он не видел в своих словах ничего смешного, но Деда начал хохотать, пока его лицо снова не приобрело этот опасный пурпурный оттенок, — и ему пришлось не только опять согнуться и упереться руками в колени, но и ухватиться за шею внука, чтобы не упасть. Они оба свалились бы, если бы кашель и хрип старика не оборвались как раз в тот момент, когда мальчику показалось, что сейчас выступит кровь на этом брызжущем весельем лице.

— Ну и шутник же ты! — сказал Деда, наконец выпрямившись. — Вот весельчак!

— Деда? Ты в порядке? Может, нам...

— К черту, я в норме. У меня было два инфаркта за два года, и если я протяну еще два года, никто не удивится больше меня самого. Но это никакая не новость, внучек. Вот что я хочу сказать: молодой ты или старый, медленно или быстро идет время — ты сможешь пройти по прямой, если не забудешь об этом пони. Потому что когда считаешь и на каждый счет приговариваешь «мой хорошенький

пони», время остается просто временем. Делай это, и ты удержишься за его холку. Нельзя считать *все* время — Бог так не задумал. Я-то уйду в яму с цветами, и надо мной будет торчать хитрая рожа этого ублюдка Чэдбенда. Но ты должен запомнить, что *ты* не владеешь *временем*: *время* владеет *тобой*. Оно течет снаружи тебя с одинаковой скоростью каждую секунду каждого дня. Ему на тебя наплевать, но это неважно, если ты держишь за холку хорошенького пони. Если хорошенький пони с тобой, Клайви, ты различаешь, где хороший человек, а где сволочь, и не боишься всех Олденов Осгудов в мире.

Он нагнулся к Клайву Баннингу:

— Ты это понял?

— Нет, сэр.

— Знаю, что не понял. Ты это запомнишь?

— Да, сэр.

Деда Баннинг рассматривал его так долго, что мальчику сделалось неуютно. Наконец он кивнул:

— Да, наверно, запомнишь. Будь я проклят, если не так.

Внук ничего не сказал. Ему просто ничего не приходило в голову.

— Ты усвоил урок, — заявил Деда.

— Я не могу усвоить урок, если я ничего *не понял!* — закричал Клайв, охваченный таким сильным гневом, что даже вздрогнул. — *Я не понял!*

— Не надо *понимать*, — спокойно возразил старик. Он обнял мальчика за шею и привлек его к себе — обнял в последний раз: через месяц бабушка найдет его мертвым в постели. Просто проснулась и увидела рядом мертвого дедушку, а дедушкин пони перескочил через забор и ускакал в бескрайние горы.

Злое сердце, злое сердце. Он хорошенький, но сердце у него злое.

— Понимание и урок — это родственники, которые никогда не целуются друг с другом, — сказал Деда в тот день в яблоневом саду.

— Так что такое урок?

— Запоминание, — тихо пояснил старик. — Ты запомнишь этого пони?

— Да, сэр.

— Как он называется?

Мальчик задумался:

— Время... наверное.

— Правильно. А какого он цвета?

Тут мальчик думал дольше. Он разворачивал свое сознание, словно ириску в темноте.

— Не знаю, — наконец заявил он.

— И я не знаю, — признался старик, отпуская его. — Не думаю, что у него есть цвет, и не думаю, что в этом дело. А ты можешь догадаться, в чем дело?

— Да, сэр, — немедленно отозвался мальчик.

Его мысли, словно в лихорадке, ускорили свой бег, и глаза засверкали.

— В чем же?

— Он хорошенький, — с полной уверенностью произнес Клайв Баннинг.

— То-то же! — воскликнул он. — Клайви получил урок и от этого стал умнее, а я получил благословение... или что-то в этом роде. Хочешь яблочного пирога, внучек?

— Да, сэр!

— Так что же мы тут стоим? Пойдем его есть!

И они пошли.

И Клайв Баннинг никогда не забывал названия, которое означало время, и цвета, которого не было, и вида — не красивого и не уродливого... а всего лишь хорошенького. Не забывал его сути — зловредной, и не забывал того, что сказал Деда на обратном пути, тихо, так что мальчик еле расслышал на сильном ветру:

— *Лучше скакать на пони, чем не иметь никакого пони, каким бы лживым ни было его сердце.*

РОДЫ НА ДОМУ

Полагая, что настал конец света, Мэдди Пейс подумала, что у нее неплохо получается. *Очень* даже неплохо. Она считала, что справляется с Концом Всего Сущего лучше, чем кто бы то ни был на Земле. И была совершенно уверена, что справляется лучше любой беременной женщины в мире.

Справляется.

Мэдди Пейс — из всех людей.

Мэдди Пейс, которая иногда не могла уснуть, если после возвращения от преподобного отца Джонсона находила хоть пылинку под столом в гостиной. Мэдди Пейс, которая, будучи еще Мэдди Салливен, доводила до бешенства своего жениха Джека, когда застывала над меню, по полчаса обсуждая закуски.

— Мэдди, почему бы тебе не бросить монетку? — спросил он однажды, когда ему удалось сузить меню до выбора между тушеной телятиной и бараньей отбивной, а дальше двинуться никак не удавалось. — Я уже оприходовал пять бутылок этого чертова немецкого пива, и если ты не решишь сию минуту, под этим столом будет валяться пьяный рыбак, прежде чем какая-то еда появится на столе!

Она с растерянной улыбкой заказала тушеную телятину и всю обратную дорогу терзалась, не прогадала ли — вдруг баранья отбивная оказалась бы вкуснее, хотя и была чуть дороже.

Однако, когда Джек сделал ей предложение, никаких проблем не возникло — Мэдди приняла его быстро и с огромным облегчением. После смерти отца они с матерью жили бесцельной жизнью на острове Литтл-Толл у побережья Мэна.

— Если бы я не указывал этим бабам, куда сесть и за что взяться, — говорил Джордж Салливен в окружении своих дружков и бутылок в таверне Фагди или в задней комнате парикмахерской Праута, — не знаю, что бы они делали.

Когда отец умер от обширного инфаркта, Мэдди было девятнадцать, и она по вечерам сидела в городской библиотеке за сорок один с половиной доллар в неделю. Мать ухаживала за домом — тогда, когда Джордж напоминал ей (иногда хорошей затрещиной), что у нее есть дом, который требует ухода.

Когда их известили о его смерти, две женщины посмотрели друг на друга с молчаливым отчаянием; две пары глаз задавали один и тот же вопрос: *«Что же нам теперь делать?»*

Ни одна не знала, но обе очень сильно ощущали, что он был прав в своей оценке: они нуждались в нем.

Они были просто женщины и нуждались в том, чтобы он говорил не только что делать, но и как делать. Они об этом не говорили, чтобы не расстраивать себя, но так и было — они понятия не имели, что за чем должно следовать, и сама мысль о том, что они были пленницами ограниченных представлений Джорджа Салливена о жизни, никогда их не посещала. Они не были глупы, эти женщины — они были островными женщинами.

Проблемы с деньгами не было: Джордж истово верил в страховку, и когда он откинул копыта в перерыве финальной игры на кубок Лиги в Мачиасе, жене досталось больше ста тысяч долларов. А жизнь на острове была дешевой, если имеешь свой дом и работаешь в своем огороде, и знаешь, куда осенью девать овощи. *Проблема* заключалась в том, что не было стержня жизни. *Проблема* состояла в том, что стержень ушел из их жизни в тот момент, когда Джордж в своей майке команды «Амоко» упал вниз на девятнадцатую дорожку (успев, черт побери, набрать очки, необходимые его команде для победы). Без Джорджа их жизнь стала какой-то неясной, расплывчатой.

«Все равно что заблудиться в тумане, — иногда думала Мэдди, — только вместо того, чтобы высмат-

ривать дорогу, или дом, или хоть какой-нибудь ориентир вроде высвеченной молнией сосны, я ищу стержень. Если когда-нибудь найду, то можно будет прижаться плечом и опереться на него».

Наконец она нашла свой стержень: им оказался Джек Пейс. Говорят, женщины выходят за отцов, а сыновья женятся на матерях; вряд ли такое утверждение верно для всех случаев жизни, но у Мэдди было именно так. На ее отца подопечные взирали со страхом и обожанием. «Не шути с Джорджем Салливенем, дорогая, — говорили они. — Он тебе своротит нос, стоит тебе не так посмотреть».

У них в семье именно так и было. Он был деспотичен и временами скор на расправу, но зато он четко знал, чего хотел и ради чего работал — будь то пикапчик «форд», циркулярная пила или гектар земли Попа Кука, прилегавшей к их участку с юга. Говорили, что Джордж Салливен обзывал Попа Кука вонючим старым козлом, но запах от старика никак не менял того обстоятельства, что на этом гектаре осталось немало хорошего строевого леса. Поп этого не знал, потому что поселился там только в 1987 году, когда его всерьез схватил радикулит, а Джордж объявил всем на острове, что то, что старый козел Поп Кук чего-то не знает, его нисколько не волнует и, более того, он переломает руки и ноги всякому, будь то мужчина или женщина, кто просветит Попа на этот счет. Никто не решился, и со временем земля вместе со строевым лесом досталась Салливенам. Конечно, хороший лес свели за три года, но Джордж сказал, что это яйца выеденного не стоит: земля в конечном счете всегда окупается. Вот что говорил Джордж, и ему верили, верили в него, и они работали все втроем. Он говорил: подставь плечо под это чертово колесо и толкай его, падло, надо толкать, потому что само оно не пойдет. Именно это они и делали.

В те времена мать Мэдди держала лоток на дороге из Ист-Хед, и всегда находилась масса туристов, которые покупали выращенные ею овощи (выращенные, естественно, по указанию Джорджа), и хотя богатыми они не были никогда, но жили неплохо. Даже в те годы, когда

омары ловились плохо и им приходилось кое в чем себе отказывать, чтобы выплачивать банку очередной взнос за тот гектар Попа Кука, они не бедствовали.

У Джека Пейса характер был несколько помягче, чем мог себе позволить Джордж Салливен, но лишь несколько. Мэдди подозревала, что он прошел так называемое домашнее воспитание: то выкрутят руку, если вовремя не явился к ужину, то дадут в ухо или просто выпорют. В какой-то степени ей даже хотелось, чтобы он так же обращался и с ней. В женских журналах писали, что прошли времена, когда муж твердой рукой правил в доме, а мужчину, который избивает женщину, полагается сажать, даже если означенный мужчина приходится означенной женщине законным супругом. Мэдди иногда читала такого рода статьи в парикмахерской, но сомневалась, подозревают ли дамы, которые их сочиняют, о том, что существуют Внешние острова у побережья Мэна. Правда, с Литтл-Толла вышла одна писательница — некая Селина Сент-Джордж — но она писала преимущественно о политике и уже много лет не бывала на острове, не считая одного торжественного обеда в День Благодарения.

— Я не намерен всю жизнь ловить омаров, Мэдди, — сказал ей Джек за неделю до свадьбы, и она ему поверила. Год назад, когда он впервые пригласил ее погулять (она сказала «да» прежде, чем смогла об этом подумать, и покраснела до корней волос от своего такого откровенного бесстыдства), он бы произнес: *«Ни за что не стану всю жизнь ловить омаров»*. Небольшая разница... но для нее размером с целый мир. Он ездил в вечернюю школу трижды в неделю — туда и обратно на стареньком пароме «Принцесса островов». Он уставал, как собака, таская целый день сети, но безотказно отправлялся на занятия, успевая только смыть под душем крепкий запах омаров и рассола и пропустить коктейль и чашку крепкого кофе. Через некоторое время, убедившись, что он всерьез намерен учиться, Мэдди стала ему готовить горячий суп, чтобы он перекусил на пароме. Иначе ему пришлось бы есть

отвратительные сосиски, потому что в баре на «Принцессе» больше ничего не было.

Она вспомнила свои мучения с консервированными супами в магазине — их было так много! Может, он захочет томатный? Некоторые не любят томатный суп. Более того, есть люди, которые *ненавидят* томатный суп, даже если приготовить его на молоке, а не на воде. Овощной суп? Суп из индейки? Куриный? Она беспомощно обводила глазами полку по крайней мере десять минут, пока Шарлин Недо не спросила ее, не нужна ли ей помощь, — только Шарлин спросила ироническим тоном, и Мэдди догадалась, что завтра она все доложит подружкам в школе, и они станут хихикать в туалете, точно зная, какое у нее горе — бедная маленькая мышка Мэдди Салливен, она даже такую простую вещь, как суп, не может выбрать. Они все только дивились, как она смогла принять предложение Джека Пейса... но, конечно, никто из них не знал, что надо искать стержень, а коль уж нашел, кто-то тебе должен указывать, за что браться и куда тащить.

Мэдди ушла из магазина без супа и с ужасной головной болью.

Когда она набралась смелости и спросила Джека, какой суп он любит, тот сказал: «Куриный с лапшой. Тот, что в банках».

А может, он и другие какие-то супы любит?

Ответ был: нет, только куриный суп с лапшой — тот, что в банках. Вот тот суп, в котором нуждался Джек Пейс, вот и весь ответ (по крайней мере, на данный конкретный вопрос), который требовалось получить Мэдди. На следующий день легким шагом и с поющей душой она взошла по перекошенным деревянным ступенькам магазина и купила четыре банки куриного супа с лапшой, что стояли на полке. Когда Мэдди спросила Боба Недо, есть ли у него еще, тот ответил: да, черт возьми, еще целый *ящик* в подсобке.

Она купила весь ящик, так что тот настолько одурел, что самолично погрузил ей ящик в фургон и даже забыл спросить, зачем ей столько, — грубейшая ошибка, за

которую длинноногая жена и дочь потом пилили его целый вечер.

— Поверь этому и никогда не забывай, — сказал ей Джек в тот раз незадолго до обмена кольцами (она *поверила* и никогда не забывала). — Я хочу большего, чем ловить омаров. Мой старик говорит, что я кусок дерьма. Говорит, раз тянуть сети было хорошим делом для его старика, и для старика его старика, и дальше до Адама, значит, это и для меня хорошее дело. Но это *не то — не так*, вернее, и я хочу заняться чем-то получше. — Он встретился с ней взглядом, и взгляд этот был полон решимости, но в то же время и любви, веры и надежды. — Больше, чем рыбак — вот кем я хочу стать, и для тебя хочу большего, чем быть женой рыбака. У тебя будет дом на материке.

— Да, Джек.

— И я не хочу паршивый «шевроле». — Он глубоко вздохнул и взял ее за руки. — Я собираюсь иметь «олдсмоби́л». — Он заглянул ей в глаза, как бы проверяя, не смеется ли она над столь честолюбивыми мечтами. Конечно, у нее и в мыслях не было ничего подобного; она сказала «да, Джек» в третий или четвертый раз за этот вечер. Она повторяла это ему тысячи раз за тот год, который он ухаживал за ней, и искренне надеялась сказать еще миллион раз до того, как смерть разлучит их — лучше всего заберет их вместе. «*Да, Джек*»; были ли еще два слова в истории человечества, которые звучали бы так сладко, поставленные рядом?

— Больше, чем паршивый рыбак, что бы там мой старик ни думал и как бы он ни смеялся. — Последнее слово он произнес с невнятным северо-восточным акцентом: «*сменялся*». — Я собираюсь этого добиться, и знаешь, кто должен мне помочь?

— Да, — спокойно ответила Мэдди. — Я.

Он засмеялся:

— Много о себе думаешь, моя маленькая, — и обхватил ее руками.

И вот они поженились, как говорится в сказках, и для Мэдди эти первые несколько месяцев — месяцев, когда

все встречные приветствовали их веселым криком: «Вот идут новобрачные!» — действительно *были* сказкой. У нее был Джек, который служил прочной опорой, который помогал ей принимать решения, и это было замечательно. В этот первый год самым трудным выбором по хозяйству для нее оказался цвет штор в гостиной — их так *много* было в каталоге, а от матери нечего было ждать помощи. Мать Мэдди не в состоянии была выбрать даже сорт туалетной бумаги.

Во всех остальных отношениях это был год радости и прочности — радости любить Джека в уютной постели, когда зимний ветер свирепствовал над островом, скрипя, будто нож по разделочной доске, прочности от того, что Джек указывал ей, что им нужно и как это получить. Любить было прекрасно — так прекрасно, что иногда, когда она днем вспоминала об этом, у нее подкашивались колени и холодело в низу живота, — но еще замечательнее было то, как он все знал, и она все больше доверялась его интуиции. Так что некоторое время действительно жизнь напоминала сказку.

Потом Джек погиб, и жить стало туго. Впрочем, не одной Мэдди. Всем.

Незадолго до того, как мир впал в этот неопиcуемый кошмар, Мэдди обнаружила, что она, как говорила ее мать, «берема» — это короткое слово для Мэдди звучало так, будто кто-то прочищает носоглотку перед тем, как высморкаться. К тому времени они с Джеком поселились рядом с Палсиферами на острове Дженнесо, который жители, как местные, так и соседнего Литтл-Толла, называли просто «Дженни».

Она решила очередную мучительную проблему с интерьером дома, когда заметила, что у нее второй месяц ничего нет, и после четырех бессонных ночей созвонилась с доктором Макэлвином на материке. Она была довольна. Если бы она ждала, когда наступит третий срок, у Джека не было бы и одного месяца удовольствий, а она лишилась бы необъятного потока нежности, который он дождем изливал на нее.

Теперь, когда ей предстояло *справляться*, ее нерешительность выглядела смешной, но в глубине души она понимала, что визит к врачу требовал от нее немалого мужества. Лучше бы ее сильно тошнило по утрам — так было бы убедительнее; она страстно хотела, чтобы тошнота пробудила ее ото сна. Она договорилась с доктором на то время, когда Джек был на работе, но невозможно было проскользнуть на материк на пароме, оставшись незамеченной: слишком многие на обоих островах знали ее. Кто-то обязательно ляпнет Джеку, что вот на днях видел его жену на «Принцессе», а Джек захочет знать, в чем дело, и если у нее ничего нет, будет смотреть на нее как на последнюю дуру.

Но она не ошиблась: она действительно «берема» (противное слово — будто кто-то с сильным насморком прочищает носоглотку), и Джеку Пейсу оставалось ровно двадцать семь дней ожидания отцовства, когда сильная волна смыла его в воду и ударила о борт «Милой леди» — баркаса, который он унаследовал от дяди Майка. Джек умел плавать и выскочил на поверхность, как пробка, сокрушенно рассказывал ей Дейв Эймонс, но тут накатила вторая волна, накренив баркас прямо над ним, и, хотя Дейв не рассказывал, что было дальше, Мэдди была дочерью рыбака и сама все представляла: с глухим стуком лодка, носящая столь обманчивое имя, обрушила свой тяжелый борт на голову ее мужа, выломав из нее кости и волосы, и, наверное, ту часть мозга, которая подсказывала Джеку снова и снова повторять имя любимой во тьме ночи, когда он проникал в нее.

Одетый в меховой кожан с капюшоном, ватные штаны и сапоги, Джек Пейс камнем пошел ко дну. На маленьком кладбище на северной оконечности острова Дженни захоронили пустой гроб, и преподобный Джонсон (на Дженни и Литтл-Толле выбор религий был невелик: вы могли быть либо методистом, либо, если вас это не устраивало, грешником-методистом) провел над ним службу — дело на островах обычное. Процессия разошлась, и в двадцать два года Мэдди осталась вдовой с пирогом в духовке, и некому

было показать ей, где стержень, не говоря уже о том, как за него братья и куда тащить.

Сначала она хотела вернуться на Литтл-Толл, к маме, но год, прожитый с Джеком, дал ей какое-то видение мира, и она, зная, что мать беспомощна — в еще большей степени, чем она сама, сомневалась, правильно ли будет вернуться туда.

— Мэдди, — снова и снова повторял ей Джек (в миру он был мертв, но не внутри нее: там он оставался живым, насколько это было возможно для мертвеца... как она *тогда* полагала), — единственное, на что ты способна решиться — это ни на что не решиться.

И мама была не лучше. Они поговорили по телефону, и Мэдди ждала и надеялась, что мать хотя бы *прикажет* ей вернуться, но миссис Салливен не была способна ничего приказать никому старше десяти лет. «Может быть, тебе стоило бы вернуться сюда», — неопределенно обронила она, и Мэдди гадала, означает ли это *«пожалуйста, вернись»* или *«пожалуйста, не принимай всерьез то, что я сказала только для формы»*. Долгими, бессонными ночами она пыталась понять смысл этих слов и только еще больше запутывалась.

Потом началась катастрофа, и величайшей милостью Божьей оказалось то, что на Дженни было лишь одно крохотное кладбище (а на нем так много могил с пустыми гробами — то, что раньше вызывало у нее сожаление, сейчас выглядело огромным преимуществом). На Литтл-Толле кладбищ было два, и довольно крупных, так что ей показалось более безопасным оставаться на Дженни и ждать.

Она подождет и посмотрит, выживет мир или погибнет. Если выживет, она будет ждать ребенка.

И теперь после пассивного подчинения и смутных решений, которые проходили, как сон, через час-другой после пробуждения, она наконец *совладала*. Она знала, что это лишь следствие непрерывно обрушивавшихся на нее ударов, начиная от смерти мужа и кончая последней телепередачей, которую приняла спутниковая антенна у Палси-

феров: перепуганный паренек, назвавшийся репортером Си-Эн-Эн, сказал, что почти определенно президента Соединенных Штатов, его супругу, государственного секретаря, почтенного сенатора от Орегона и эмира Кувейта живьем съели зомби в восточном крыле Белого дома.

— Я хочу повторить это, — сказал новоявленный репортер, усеянный прыщами на лбу и подбородке, словно кровавыми язвами. Рот и щеки у него дергались, руки тряслись. — Я хочу повторить, что толпа трупов только что позавтракала президентом и его супругой и целой кучей больших шишек, которые собрались в Белом доме полакомиться лососинкой и вишневым пирогом. — Потом мальчишка разразился диким хохотом и отчаянно завопил: «*Вперед, Гарвард! Ура-ура!*» Наконец он исчез из кадра, и впервые на памяти Мэдди за столом ведущего новостей Си-Эн-Эн не оказалось никого. Она и семейство Палсиферов сидели в подавленном молчании, когда стол новостей исчез и появилась реклама пластинок группы «Товарняк» — они не продаются ни в одном магазине, можно заказать этот потрясающий альбом, если наберете номер телефона, который проходит бегущей строкой в нижней части экрана. Карандаш маленькой Чейн Палсифер оказался на столе рядом с Мэдди, и она, повинуясь непонятному инстинкту, схватила его и записала номер на клочке бумаги, прежде чем мистер Палсифер встал и без единого слова выключил телевизор.

Тогда Мэдди пожелала им доброй ночи и поблагодарила за телевизор.

— Ты уверена, что с тобой все в порядке, Мэдди? — в пятый раз за этот вечер спросила Кэнди Палсифер, а Мэдди в пятый раз ответила, что да, она *справляется*, и Кэнди сказала, что она это знает, но что комната наверху, где раньше жил Брайан, всегда к ее услугам, как только она захочет. Мэдди обняла Кэнди, поцеловала ее в щечку, отказалась с самыми вежливыми извинениями, какие могла придумать, и ее наконец отпустили. Она прошла на ветру километр до своего дома и, только очутившись в кухне, сообразила, что до сих пор держит бумажку с записанным

номером. Она набрала его, и никто не ответил. Ни один автоответчик не сообщил, что все линии заняты или что данный номер неисправен; никаких частых гудков, извещавших, что номер занят; ни щелчков, ни жужжания — ничего. Полное молчание. Вот тут Мэдди поняла, что настал конец света. Раз нельзя набрать номер и заказать пластинки группы «Товарняк», которые не продаются ни в одном магазине, раз впервые на ее памяти никого нет в студии новостей — это определенно означает конец света.

Она погладила свой округлившийся живот, стоя у телефона, который висел на стене кухни, и впервые произнесла, сама не понимая, что говорит:

— Рожать *придется* на дому. Но ничего страшного, если быть к этому готовой, детка. Надо только помнить, что иначе не выйдет. Только роды на дому.

Она ждала, когда появится страх, но он не приходил.

— Я могу прекрасно справляться с этим, — сказала она; теперь она расслышала свой голос и осталась довольна уверенными нотками в собственном голосе.

Ребенок. Когда появится ребенок, конец света кончится сам собой.

— Эдем, — сказала она и улыбнулась. Это была добрая улыбка, улыбка мадонны. Неважно, сколько гниющих мертвецов (и среди них, наверное, группа «Товарняк») шатаются сейчас по земле.

У нее будет ребенок, она родит на дому, и Эдем будет еще возможен.

Первые сообщения пришли из австралийского поселка на краю пустыни с запоминающимся названием Фигли-Мигли. Первый американский город, где видели ходячих мертвецов, назывался еще символичнее — Брехтон, штат Флорида. Первая статья появилась в любимом еженедельнике универсамов Америки — «Биде ньюс».

«МЕРТВЫЕ ВОССТАЮТ ИЗ МОГИЛ В МАЛЕНЬКОМ ГОРОДКЕ ВО ФЛОРИДЕ!» — аршинный заголовок.

Репортаж начинался с пересказа фильма «Ночь живых мертвецов», который Мэдди не видела, и заканчивался

упоминанием другого — «Любовь Макумбы», который она тоже не видела. Статья сопровождалась тремя снимками. Одним из них был кадр из «Ночи живых мертвецов», где кучка типов, похожих на беглецов из сумасшедшего дома, окружала ночью одинокую ферму. На другом, из «Любви Макумбы», изображалась блондинка в купальнике, прикрывавшем груди размером с тыкву на сельскохозяйственной выставке каждая. Блондинка в ужасе заламывала руки перед здоровенным негром в маске. Третий снимок, как утверждалось, был сделан в Брехтоне, штат Флорида. Это было смазанное, все в пятнах изображение лица неопределенного пола, стоявшего перед неоновой рекламой видеозала. В репортаже говорилось, что фигура была «завернута в остатки савана», но с тем же успехом это могло быть и грязной рубашкой.

Ничего особенного. «СНЕЖНЫЙ ЧЕЛОВЕК НАСИЛУЕТ МАЛЬЧИКА ИЗ ЦЕРКОВНОГО ХОРА» на прошлой неделе, мертвецы оживают на этой, гном-убийца на следующей.

Ничего особенного... пока они не стали появляться и в других местах. Пока по всем телеканалам не показали документальный фильм («Детей можно было бы попросить выйти», — мрачно заметил ведущий Том Брокау перед его показом) с чудовищами, у которых сквозь высохшую кожу проглядывали голые кости; с жертвами дорожных катастроф, снятыми так, что видны были изуродованные, обезображенные лица и расколотые черепа; с женщинами, пышные прически которых превратились в грязные улы, кишевшие червями и жуками, а лица казались то совершенно пустыми, то исполненными какого-то хищного, отвратительного разума. Ничего особенного... до первых снимков в журнале «Пипл», который продавали завернутым в пленку и с огромным ярлыком: «НЕ ДЛЯ ДЕТЕЙ».

Вот тогда это стало чем-то особенным.

Когда все увидели, как разлагающийся труп в грязных остатках роскошного костюма от братьев Брукс, в котором его похоронили, вгрызается в горло истошно вопящей

женщине в майке с надписью «СОБСТВЕННОСТЬ ХЬЮ-СТОНСКИХ НЕФТЯНИКОВ», то поняли, что дело очень серьезно.

Вот тогда раздались обвинения и бряцание оружием, и целых три недели мир был отвлечен от существ, покидающих свои могилы подобно бабочкам, вылетающим из кокона, зрелищем двух гигантских ядерных держав, неудержимо движущихся к столкновению.

Комментаторы телевидения коммунистического Китая заявили, что в Соединенных Штатах нет никаких зомби; это очевидная ложь с целью замаскировать непростительный акт химической войны против Китайской Народной Республики в более ужасной (и откровенной) форме, чем в свое время в Бхопале в Индии. Если мертвые товарищи, выходящие из могил, в течение десяти дней не умрут снова по-настоящему, то последует неотвратимое возмездие. Все дипломаты США были высланы из страны, а нескольких американских туристов толпа забила до смерти.

Президент (которого зомби вскоре самого скушают на голубой тарелочке) в ответ надулся, как чайник (на который стал очень похож, поскольку прибавил в весе не менее двадцати килограммов с тех пор, как его переизбрали на второй срок). Правительство США, объявил он американскому народу, располагает неопровержимыми доказательствами, что ходячие мертвецы в Китае освободились из могил сами по себе, и сколько бы ни утверждал Главный Панда, выпучив свои косые глаза, будто по его стране разгуливают более восьмидесяти тысяч трупов в поисках окончательной коллективизации, мы получили надежные свидетельства, что их не более сорока тысяч. Именно *китайцы* совершили акт — *возмутительный акт* — химической войны, вернув к жизни добропорядочных американцев таким образом, что им не остается питаться ничем другим, кроме живых добропорядочных американцев, и если эти американцы — некоторые из которых были добрыми демократами — не умрут снова по-настоящему в течение пяти дней, то красный Китай превратится в кучу дотлевающей золы.

Системы ПВО находились в повышенной готовности, когда некий британский астроном по имени Хэмфри Дагболт обнаружил спутник. Или космический корабль. Или существо. Или что бы там, черт побери, ни было. Дагболт был даже не профессиональным астрономом, а обыкновенным любителем с запада Англии — ничем особенным, можно сказать, и тем не менее он спас мир от обмена первыми ударами, если не от полномасштабной термоядерной войны. В любом случае неплохо для человека с искривленной носовой перегородкой и тяжелой формой псориаза.

Сначала казалось, что две столкнувшиеся нос к носу политические системы не хотят верить открытию Дагболта даже после того, как Королевская обсерватория подтвердила достоверность его фотографий и расчетов. В конце концов, однако, ракетные шахты закрылись и телескопы всего мира с неохотой нацелились на Звездного Червя.

Совместная американо-китайская космическая экспедиция для изучения незваного пришельца стартовала с космодрома Ланьчжоу менее чем через три недели после того, как первые фотографии появились в «Гардиан», и, естественно, всеобщий любимец — астроном-любитель находился на борту, несмотря на искривленную носовую перегородку и все прочее. Конечно, трудно было не пустить туда Дагболта — он стал всемирным героем, самым знаменитым британцем после Уинстона Черчилля. Когда репортер за день до старта спросил, не боится ли он, Дагболт разразился очаровательным смехом, совсем как у Роберта Морли, потерявший свой действительно выдающийся нос и воскликнул: «Да я окаменел, приятель! Прямо-таки окаменел!»

Как выяснилось, у него были все основания окаменеть. И это произошло.

Последние шестьдесят одну секунду передачи с борта «Сяопин-Трумэна» все три правительства сочли слишком ужасными для публикации, поэтому официального сообщения так и не появилось. Это, конечно, ничего не значило — около двадцати тысяч операторов сопровож-

дали полет, и, видимо, девятнадцать тысяч записали на пленку тот момент, когда корабль подвергся — ну, какое тут слово еще подобрать? — вторжению.

КИТАЙСКИЙ ГОЛОС. Черви! Кажется, огромное шаровое скопление...

АМЕРИКАНСКИЙ ГОЛОС. Боже! Берегись! Оно катится на нас!

ДАГБОЛТ. Имеет место какая-то форма проникновения. Правый иллюминатор....

КИТАЙСКИЙ ГОЛОС. Разбило! Разбило! Быстро в скафандры, товарищи!

(Неразборчивое бормотание.)

АМЕРИКАНСКИЙ ГОЛОС. Кажется, оно пожирает все на своем пути...

ЖЕНСКИЙ КИТАЙСКИЙ ГОЛОС (Чин Лин-сун). Ой, закройте, закройте глаза...

(Звук взрыва.)

ДАГБОЛТ. Произошла взрывная декомпрессия. Я вижу три — нет, четыре — трупа, и черви... всюду черви...

АМЕРИКАНСКИЙ ГОЛОС. Щиток! Щиток! Щито-о-к!
(Плач.)

КИТАЙСКИЙ ГОЛОС. Где моя мама? Боже мой, где моя мама?

(Вопли. Звук, похожий на то, как беззубый старик засасывает картофельное пюре.)

ДАГБОЛТ. В каюте полно червей — во всяком случае, это нечто похожее на червей — я хочу сказать, что, по всей видимости, это действительно черви — вероятно, они высадились с основного спутника — то, что мы приняли за... то есть я имею в виду — в каюте полно разобщенных частей тел. Эти космические черви, я полагаю, выделяют какую-то кислоту...

(В этом месте запущены маневровые ракетные двигатели; продолжительность горения 7,2 секунды. Возможно, это была попытка уйти от центрального объекта или, напротив, атаковать его. В любом случае ничего не вышло. Вполне вероятно, что сами камеры сгорания забились червями, и капитан Линь Ян — или вахтенный офицер —

счел, что в результате этого могут взорваться топливные баки. Потому и отключил.)

АМЕРИКАНСКИЙ ГОЛОС. О Господи, они мне за-
брались в голову, они жрут мои моз...

(Помехи.)

ДАГБОЛТ. Я полагаю, благоразумие диктует необходимость стратегического отступления в грузовой отсек на корме; весь экипаж погиб. Несомненно. Глубоко сожалею. Смелые ребята. Даже тот пузатый американец, что вечно ковырял в носу. Но в другом смысле я не считаю...

(Помехи.)

ДАГБОЛТ. ...видимо, все же погибли, потому что Чин Лин-сун — точнее, отделенная от туловища голова Чин Лин-сун — только что проплыла мимо меня, и глаза у нее были широко открыты и мигали. Она, вероятно, узнала меня, и... и...

(Помехи.)

ДАГБОЛТ. ...держат вас...

(Помехи.)

(Взрыв; помехи.)

ДАГБОЛТ. ...вокруг меня. Повторяю, все вокруг меня. Прямо кишат. Они... я хочу сказать, известно ли кому-нибудь, чтобы...

(Дагболт кричит и ругается, затем только кричит. Тот же звук чавкающего беззубого старика.)

(Связь обрывается.)

Через три секунды «Сяопин-Трумэн» взорвался. Атаку со стороны шаровидного объекта, прозванного Звездным Червем, в ходе недолгого и весьма прискорбного столкновения наблюдали с Земли не менее трехсот телескопов. Когда пошли последние шестьдесят одна секунда связи, корабль окружило нечто, определенно *похожее* на червей. К концу передачи сам корабль вообще не был виден — только копошащаяся масса прилепившихся к нему существ. Вскоре после последнего взрыва метеорологический спутник заснял плавающие обломки, некоторые из которых несомненно представляли собой скопления червеобразных

существ. Среди них легко определялась оторванная человеческая нога в китайском космическом скафандре.

В конце концов, все это уже не имело значения. Ученые и политические деятели обеих стран точно знали, где находится Звездный Червь: над расширяющейся дырой в озоновом слое Земли. Он что-то посылал оттуда, и отнюдь не поздравительные телеграммы.

Потом стали пускать ракеты. Звездный Червь легко уклонялся от них и возвращался в ту же точку над дырой.

По телевидению, которое принимала спутниковая антенна у Палсиферов, все чаще показывали восставших из гроба и разгуливающих мертвецов, но кое-что изменилось. Сначала зомби грызли только тех живых людей, которые подходили слишком близко, но за несколько недель до того, как на экране новейшего «сони» у Палсиферов ничего не стало видно, кроме белых полос, мертвецы сами начали приближаться к живым. Они, по всей видимости, решили, что им действительно нравится то, что они грызут.

Последнюю попытку уничтожить эту штуку предприняли США. Президент санкционировал попытку уничтожить Звездного Червя атакой ядерных мин с орбиты, преспокойно игнорируя свои прежние уверения, что Америка никогда не выводила и не будет выводить на орбиту оружие СОИ. На это никто не обратил внимания. Видимо, все слишком усердно молились за успех.

Идея была хорошая, но, к сожалению, неосуществимая. Ни одна из систем СОИ не сработала. Всего было двадцать четыре неудачных запуска.

Вот вам и новейшая технология.

А потом, после всех этих ударов судьбы на Земле и в небе, все свелось к одному маленькому кладбищу здесь, на Дженни. Но и это в общем-то Мэдди не касалось. Когда стало ясно, что настал конец цивилизации и что остров отрезан — к счастью, по мнению обитателей, — от остального мира, все старые понятия отпали без споров, но с неопровержимой силой. Теперь все знали, что должно

произойти; вопрос был только — когда. И надо было быть к этому готовыми.

Женщин ни во что не посвящали.

Расписание дежурств составил, естественно, Боб Дагтет. Само собой — ведь его выбирали муниципальным советником чуть ли не тысячу лет. На следующий день после гибели президента (мысль о том, что он с первой дамой страны теперь шатается по улицам Вашингтона, отгрызая людям руки и ноги, словно цыплячьи крылышки на пикнике, не высказывалась вслух: это было бы уж чересчур, несмотря на то, что этот подлец и его супруга-блондинка были демократами) Боб Дагтет созвал первое, вероятно, со времен гражданской войны собрание мужчин острова Дженни. Мэдди там не была, но кое-что слышала. Дейв Эймонс рассказал ей все, что ей нужно было знать.

— Вы все знаете положение, — начал Боб. Он весь пожелтел, словно от разлития желчи, и люди вспомнили, что из четырех его дочерей только одна оставалась на острове. Трое других жили в других местах... то есть на материке.

Но, черт побери, если уж на то пошло, у всех были родственники на материке.

— У нас тут на Дженни есть кладбище, — продолжал Боб, — и пока ничего не случилось, но это не значит, что и дальше ничего не случится. Ничего не случилось пока что во многих местах... но раз началось, то докатится чертовски скоро.

Послышался одобрителный гул среди мужчин, собравшихся в школьном спортзале — единственном помещении, способном вместить их всех. Их было всего около семидесяти — от Джонни Крейна, которому едва исполнилось восемнадцать, до дяди Боба, Фрэнка, которому было восемьдесят лет и у которого был стеклянный глаз и привычка жевать табак. Плевательницы в зале, естественно, не было, поэтому Фрэнк Дагтет пришел с майонезной баночкой и сплевывал жвачку туда. Он всегда так делал.

— Ближе к делу, Бобби, — сказал он. — Ты не на выборах, нечего терять время.

Снова одобрительный гул, и Боб Дагтет вспыхнул. Каким-то образом дяде всегда удавалось выставить его дурачком и бестолочью, и если было на свете что-то, что его злило еще больше, чем когда он выглядел дураком и бестолочью, так это когда его называли Бобби. Он же владел недвижимостью, черт побери! И материально *поддерживал* старого пердуна — покупал ему эту проклятую жвачку!

Но вслух он ничего этого не сказал: глаза, вернее, глаз старого Фрэнка был словно кремьень.

— Ладно, — примирительно произнес Боб. — Вот что. Мы будем дежурить, по двенадцать мужчин. Я через пару минут составлю расписание. Вахты по четыре часа.

— Я могу дежурить хоть двадцать четыре часа! — воскликнул Мэтт Арсена, и Дейви рассказывал Мэдди, что Боб после собрания заявил, что никакой паршивый пол-учатель пособия вроде Мэтта Арсена не осмелился бы так нагло вести себя на собрании солидных людей, если бы тот старик перед всем честным народом не назвал бы его, как пацана, Бобби, его, достойного мужчину, которому через три месяца стукнет пятьдесят.

— Может быть, да, а может, и нет, — отрезал Боб, — но нас еще много тепленьких, так что никто не должен спать на дежурстве.

— Я не собираюсь...

— Я не имею в виду *тебя*, — сказал Боб, но то, как он посмотрел на Мэтта Арсена, свидетельствовало, что он как раз его имел в виду. — Сядь и заткнись. Это не игрушки.

Мэтт Арсена снова раскрыл рот, затем обвел взглядом остальных, включая старого Фрэнка Даггета, и успокоился.

— У кого есть ружье, берите с собой, — продолжал Боб. Он почувствовал себя немного лучше, осадив Арсена. — Если, конечно, оно побольше, чем пистолет двадцать второго калибра.

— Я не знал, что в школе их полно, — сказал Кэл Партридж, и раздался одобрительный смех.

— Нет, но будет, — сказал Боб, — потому что всякий, у кого есть лишнее оружие больше двадцать второго калибра,

принесет его сюда. — Он взглянул на Джона Уэрли, директора школы. — Ты согласен держать их в своем кабинете?

Уэрли кивнул. Рядом с ним преподобный Джонсон нервно потирал руки.

— Черта с два, — возразил Оррин Кэмпбелл. — У меня жена и двое пацанов. Я что, оставлю их без защиты, когда банда трупов явится пообедать в День Благодарения, пока я на дежурстве?

— Если мы будем хорошо следить за кладбищем, никто не явится, — холодно отрезал Боб. — Кое у кого есть пистолеты. Нам они не нужны. Выясните, кто из женщин умеет стрелять, а кто нет, и раздайте им пистолеты. Мы их соберем в кучу.

— Пускай играют на фортепиано, — осклабился старый Фрэнк, и Боб улыбнулся. Это совсем другое дело.

— По ночам мы будем расставлять грузовики, чтобы они давали свет. — Он посмотрел на Сонни Дотсона, владельца единственной заправки на Дженни. В основном Сонни заправлял не автомобили — на острове ездить некуда, да и стоило горючее на материке на десять центов дешевле, — а рыбацкие баркасы и прогулочные катера в сезон. — Ты нас обеспечишь горючим, Сонни?

— А вы меня обеспечите наличными?

— Ты свою задницу спасешь, — отрезал Боб. — Когда все придет в норму, если это когда-нибудь случится, думаю, ты получишь, сколько причитается.

Сонни осмотрелся, но, не встретив поддержки, пожал плечами. Вид у него был мрачный, но, по правде говоря, он больше походил на растерянного, а не на обиженного человека, рассказывал Дейви на следующий день.

— У меня всего полторы тысячи литров, не больше, — промямлил он. — В основном солярка.

— На острове пять генераторов, — начал Берт Дорфман (когда говорил Берт, все прислушивались; как единственного еврея на острове, его считали немного не от мира сего и в то же время побаивались, будто оракула, работающего на полставки). — Они все работают на солярке. Я могу наладить свет, если надо будет.

Все зашептались. Раз Берт сказал, что сделает, значит, он сделает. Он был еврей-электрик, а на Внешних островах господствовала молчаливая, но твердая уверенность, что лучше евреев электриков нет.

— Мы осветим это кладбище, как вонючую сцену, — сказал Боб.

Встал Энди Кингсбери:

— По телеку говорили, что иногда, если попадешь им в голову, они остановятся, а иногда нет.

— У нас есть цепные пилы, — отрезал Боб, — так что, кто не остановится... мы сделаем так, чтобы он далеко не ушел.

Составили расписание, и на том все закончилось.

Прошло шесть дней и шесть ночей, и часовые, дежурившие вокруг небольшого кладбища на Дженни, начали чувствовать себя немного дурачками («Не знаю, то ли я дежурю, то ли лапу сосу», — сказал Оррин Кэмпбелл как-то днем, когда двенадцать мужчин у ворот кладбища играли в покер по маленькой), как вдруг это произошло... и когда это произошло, то произошло быстро.

Дейв рассказывал Мэдди, что он услышал звук, похожий на вой ветра в камине в бурную ночь, а потом камень над местом последнего упокоения Майкла Фурнье, который в семнадцать лет умер от лейкемии (жаль, конечно, он был у них единственным сыном, а они хорошие люди и все такое), упал. Потом из земли, раздвигая плотный грунт, высунулась костлявая рука с позеленевшим кольцом на пальце. При этом третий палец оторвался.

Земля затряслась, как (как живот беременной женщины, готовый освободиться от бремени, чуть не ляпнул Дейв, но вовремя опомнился), как большая волна, закатывающаяся в близкую бухту, а затем мальчик присел, только узнать его после двух лет в земле было никак невозможно. К тому, что оставалось от лица, прилипли кусочки дерева, рассказывал Дейви, а в спутанных волосах торчали обрывки синей материи.

— Это была обивка гроба, — пояснил Дейви, непрерывно теребя пальцы. — Это я точно знаю. — Он помолчал, затем добавил: — Слава Богу, отец Майка тогда не дежурил.

Мэдди кивнула.

Дежурившие мужчины, перепуганные настолько же, насколько возбужденные, открыли огонь по оживавшему телу бывшего чемпиона школы по шахматам и второго номера бейсбольной команды, изорвав его на клочки. Многие пули, выпущенные вслепую, отбили куски от мраморной плиты; счастье было, что стрелявшие сбились в тесную кучу, когда началось представление; если бы они разделились на две группы, как первоначально предполагал Боб Дагтет, они бы точно перебили друг друга. Как бы там ни было, никто из островитян не пострадал, хотя Бад Мичем на следующий день обнаружил довольно подозрительную дыру в рукаве своей рубашки.

— Может, это просто колючки черники, и все, — говорил он. — Знаете, ее полно в этом конце острова. — Никто не спорил, но черная кайма вокруг дырки навела его перепуганную жену на подозрение, что колючка была довольно крупного калибра.

Мальчик Фурнье упал, причем одни части его тела лежали неподвижно, а другие еще дергались... но к тому времени все кладбище заходило ходуном, словно там происходило землетрясение — но только там, нигде больше.

За час до сумерек *это* произошло.

Берт Дорфман приделал сирену к тракторному аккумулятору, и Боб Дагтет включил ее. Через двадцать минут почти все мужчины острова скопились у кладбища.

Как раз вовремя, добавил Дейв Эймонс, потому что некоторые мертвяки почти уже вырвались. Старый Дагтет, которого через два часа, когда возбуждение начнет спадать, схватит инфаркт, выстроил вновь прибывших так, чтобы они не перестреляли друг друга, и на протяжении десяти минут стоял такой грохот, словно в сражении при Булл-Ране. Под конец стоял такой густой пороховой дым, что некоторые чуть не задохнулись. Кислый запах блевотины перешибал пороховую гарь... он был острее и держался дольше.

И все же некоторые из них просочились, словно змеи с перешибленным хребтом, — в основном те, которые вылезли последними.

— Берт, — спросил Фрэнк Даггет. — У тебя есть цепные пилы?

— Есть, — сказал Берт, а затем издал долгий, жужжащий звук, словно цикада, прокладывая себе путь в густой листве. Он не мог оторвать взгляд от извивающихся трупов, перевернутых могильных камней, зияющих ям, из которых восстали мертвые. — В грузовике.

— Они заправлены? — На пергаментном, лысом черепе Фрэнка вздулись синие вены.

— Ага, — Берт закрыл рот рукой. — Извиняюсь.

— Вывернуть кишки — вот что тебе надо, — проворчал Фрэнк, — но пока что сходи за этими пилами. А ты ... ты... ты... ты...

Последнее «ты» относилось к его племяннику Бобу.

— Не могу, дядя Фрэнк, — слабо простонал Боб. Он осмотрелся и увидел, что пять или шесть его друзей и соседей лежат скорчившись в высокой траве. Они не умерли — они лишились чувств. У многих из них близкие встали из-под земли. Бак Харкнесс, лежавший под ясенем, только что палил так, что разнес на кусочки свою покойную жену; он потерял сознание, когда заметил, как ее разложившиеся, изъеденные червями мозги грязно-серой массой выплеснулись из черепа. — Не могу, не мо...

Рука Фрэнка, скрюченная артритом, но твердая, как камень, ударила его по лицу.

— Можешь и сделаешь это, дружок, — сказал он.

Боб пошел с остальными мужчинами.

Фрэнк Даггет проводил их угрюмым взглядом и потер подбородок, откуда пульсирующая боль начинала распространяться по всей левой руке до локтя. Он был стар, но не глуп и прекрасно понимал, что означает эта боль.

— Он сказал, что, похоже, сейчас отдаст концы, и при этом ударил себя в грудь, — продолжал Дейв, показывая на набухшие мышцы под левым соском.

Мэдди кивнула в знак понимания.

— Он сказал: «Если со мной что-то случится раньше, чем вся эта свара закончится, Дейви, ты с Оррином командуй, Бобби хороший парень, но, по-моему, он малость труханул... а бывает, знаешь ли, что если мужик даст слабину, это уже конец».

Мэдди снова кивнула, думая, как ей благодарить Господа — очень, очень благодарить — за то, что она не мужчина.

— И мы это сделали, — сказал Дейв. — Мы покончили с этим делом.

Мэдди еще раз кивнула, но теперь она должна была что-нибудь произнести, потому что Дейв сказал, что перестанет рассказывать, если она не может этого вынести; и он охотно перестал бы.

— Я могу это вынести, — тихо сказала она. — Ты даже не представляешь, сколько я могу вынести, Дейви. — Он бросил на нее любопытный взгляд, но Мэдди отвела глаза прежде, чем он успел рассмотреть в них какую-то тайну.

Дейв не знал эту тайну, потому что никто на Дженни не знал ее. Так Мэдди хотела и так собиралась ее хранить. Было время, когда она, ошеломленная обрушившимися на нее ударами, только притворялась, что *справляется*. А потом произошло кое-что, что заставило ее справляться. За четыре дня до того, как кладбище Дженни извергло своих покойников, Мэдди Пейс была поставлена перед простым выбором: справиться или умереть.

Она сидела в гостиной со стаканом земляничного вина, которое они с Джеком сделали в прошлом августе — теперь это время казалось немыслимо далеким, — и занималась до смешного банальным делом. Она вязала малышу приданое. Ботиночки. А что ей еще оставалось делать? Похоже на то, что мало кто в ближайшее время заглянет в магазинчик у пристани Элсуорт.

Что-то стукнуло в окно.

Летучая мышь, подумала она, подняв глаза. Однако спицы в ее руках замерли. Похоже, там, в ветреной мгле, дернулось что-то покрупнее. Керосиновая лампа давала слишком слабый свет, чтобы можно было рассмотреть.

Она привернула фитиль, и снова раздался стук. Рама задрожала. Вроде сухая замазка свалилась на подоконник. Джек собирался этой осенью заново остеклить все окна, вспомнила она, и подумала: *«Может, он за этим и пришел»*. Чушь, он ведь лежит на дне морском, но...

Она сидела насторожившись, с вязаньем на коленях. Маленький розовый ботиночек. Пару синеньких она уже связала. Вдруг ей показалось, что она слышит *очень много*. Ветер. Глухой шум прибоя на Крикет-Ледж. Дом тихонько постанывал, как старуха, поудобнее устраивающаяся в постели. Тиканье часов в коридоре.

— Джек? — задала она вопрос в тихую ночь, которая уже не была тихой. — Это ты, дорогой? — Тут окно гостиной раскрылось, и то, что вошло через него, был не Джек, а скелет, на котором болталось несколько обрывков мяса.

На шее у него по-прежнему висел компас. Он оброс бородой из водорослей.

Ворвавшийся вслед ветер взметнул шторы, а он споткнулся, встал на четвереньки и взглянул на нее черными глазами, в которых проросли мидии.

Он рычал. Открылся безгубый рот, и ощерились зубы. Он был голоден... но теперь куриный суп с лапшой его не удовлетворил бы. Даже тот, что в банках.

За заросшими ракушками отверстиями зашевелилось и поползло что-то серое, и она поняла, что видит то, что осталось от мозга Джека. Она застыла на месте, а он встал и двинулся к ней, оставляя на ковре бурый водянистый след. От него пахло солью и большими глубинами. Он вытянул руки, растопыривая пальцы. Зубы его механически сходились и расходились. Мэдди увидела на нем остатки черной в красную полоску рубашки, которую купила ему к прошлому Рождеству. Она стояла целое состояние, но он все повторял, какая она теплая, и вот как хорошо она сохранилась, пробыв столько времени под водой.

Холодная паутина костей — все, что осталось от его пальцев, — коснулась ее горла, и тут в животе зашевелился ребенок — впервые за все время, — и сковывавший

ее ужас, который она принимала за спокойствие, исчез, и она ткнула спицей в глаз этой твари.

С хриплым, захлебывающимся воплем, словно насос автопоилки, он отскочил, вцепившись в спицу, а недовязанный розовый ботиночек закачался перед провалом, где когда-то был нос. Из этого провала вылезла улитка и поползла по ботиночку, оставляя на нем илистый след.

Джек свалился на край стола, который она приобрела на распродаже после свадьбы — она не могла никак решиться, чуть с ума не сошла, пока Джек не заявил, что либо она берет стол для гостиной, либо он сам заплатит вдвое за этот чертов стол, а потом искрошит его на дрова, взяв в руки... *взяв в руки...*

Он свалился на пол, и его хрупкий скелет с сухим треском раскололся пополам. Правая рука вытащила из глазницы спицу, измазанную вытекшими остатками мозга, и отшвырнула в сторону. Верхняя часть скелета поползла к ней. Зубы размеренно клацали.

Она подумала, что он пытается ухмыльнуться, но тут ребенок забился снова, и она вспомнила, какой усталой и жалкой выглядела в тот день на распродаже у Мейбл Ханратти: *«Купи его, Мэдди, ради всего святого. Я устал! Я хочу обедать! Если ты не сдвинешься, я отдам старой карге вдвое больше и порублю этот стол на дрова своим...»*

Холодная, сырая рука схватила ее за лодыжку; грязные зубы изготовились кусать. Убить ее и ребенка. Она вырвалась, оставив ему шлепанец, который он изжевал и выплюнул.

Когда она вернулась из прихожей, он бесцельно полз в кухню — вернее, ползла верхняя половина, цепляя компасом за линолеум. Он поднял голову при виде ее, и, казалось, в этих черных глазницах возник какой-то дурацкий вопрос, и тогда она со свистом опустила топор, расщепив ему череп, как он собирался когда-то расщепить стол.

Голова разлетелась на части, мозги размазались по линолеуму, как перестоявшая овсяная каша, мозги, кишевшие улитками и желеобразными морскими червями, с вонью, какую издает взрывающаяся в жаркий полдень гнилушка.

Тем не менее руки еще стучали и царапали о линолеум, словно жуки.

Она рубила... рубила... рубила.

Наконец всякое движение прекратилось.

Резкая боль пронзила ее, и на мгновение она поддалась ужасной мысли: «*Выкидыш? Неужели у меня выкидыш?*» Но боль прошла, и ребенок завозился снова, на это раз сильнее, чем прежде.

Она вернулась в гостиную, держа в руке топор, от которого теперь несло требухой.

Каким-то образом ей удалось устоять на ногах.

— Джек, я так любила тебя, — сказала она, — но это не ты. — Она бросила топор, который разрубил его нижней половине пах, рассек ковер и глубоко врезался в толстую дубовую половицу.

Разделенные ноги трупа трепыхались минут пять, а затем начали успокаиваться. Наконец даже пальцы ног перестали дрожать.

Она кусок за куском снесла его в погреб, надев резиновые перчатки и заворачивая каждый кусок в теплоизоляционные прокладки, которые Джек хранил в сарае, а она не выбрасывала, — они заворачивали в эти прокладки садки в холодные дни, чтобы омары не погибли от холода.

Раз его отрубленная рука сомкнулась у нее на талии. Она стояла и ждала с бешено колотившимся сердцем, пока наконец хватка не ослабла. И это был конец. Конец *его*.

Под домом была неиспользуемая цистерна — Джек все собирался ее заполнить. Мэдди оттащила тяжелую бетонную крышку так, чтобы ее тень падала на земляной пол, будто создавая частичное солнечное затмение, и сбросила туда все куски трупа, прислушиваясь к глухим ударам о цемент. Покончив с этим, она вернула тяжелую крышку на место.

— Покойся в мире, — прошептала она, и тут внутренний голос напомнил, что ее муж покоится *в какой-то мере*, и тогда она заплакала, а плач перешел в истерические вопли, и она рвала на себе волосы и била себя в грудь, пока не появилась кровь, и она подумала: «*Я сошла с ума, вот что значит сойти с...*»

Но не успев додумать эту мысль, она упала в обморок, а обморок перешел в глубокий сон, и наутро она чувствовала себя нормально.

Однако об этом она никогда не расскажет. *Никогда.*

— Я могу это выдержать, — повторила она Дейву Эймонсу, прогоняя от себя эту картину: вязальная спица с незаконченным ботиночком на конце торчит из заиленной глазницы твари, которая когда-то была ее мужем и творцом ребёнка, которого она носит. — Правда.

И он рассказал ей, наверное, потому, что ему необходимо было поделиться с кем-то, чтобы не сойти с ума, но о самом страшном умолчал. Он рассказал, как они пилили тела, никак не хотевшие возвращаться в землю мертвых, но не стал рассказывать, что некоторые части тел продолжали дергаться — кисти без рук бесцельно цеплялись за что-нибудь, ступни, отделенные от ног, рыли исчерканную пулями землю, словно хотели убежать, — и что эти части пришлось облить соляркой и сжечь. Об этом Мэдди не надо было рассказывать. Она видела костер из окна.

Потом единственная на острове Дженнесо пожарная машина обрушила столб воды на догорающие головешки, хотя огонь вряд ли мог распространиться — резкий ветер относил искорки в море. Когда не осталось ничего, кроме вонючей, вязкой массы (и то она местами вздрагивала, будто сокращались невидимые мышцы), Мэтт Арсена завел свой старый трактор — лицо его над бульдозерной лопатой из никелированной стали и под козырьком строительной кепочки было белее творога — и сгреб всю адскую массу в воду.

Когда появилась луна, Фрэнк отозвал в сторонку Боба Даггета, Дейва Эймонса и Кэла Партриджа.

— Я знал, что она идет, и вот она пришла, — сказал он.

— О чем вы говорите, дядя? — спросил Боб.

— Мое сердце, — пояснил Фрэнк. — Чертов мотор останавливается.

— Ну, дядя Фрэнк...

— Что ты заладил: дядя Фрэнк, дядя Фрэнк, — прервал его старик. — Нет времени слушать, как ты играешь всякую ерунду на гармошке. Видел, все мои друзья так ушли. Конечно, не свадьба, но могло быть и хуже; я ведь и от рака мог загнуться.

— Но есть еще одно печальное дело, и вот что я должен сказать: когда я уйду туда, я хочу *остаться* там. Кэл, приставь это твое ружье мне к левому уху. Дейв, когда я подниму левую руку, приставишь мне ствол к подмышке. А ты свое, Бобби, сюда, повыше сердца. Я прочитаю молитву Господу, а когда скажу «аминь», вы трое нажмете курки одновременно.

— Дядя Фрэнк, — взмолился Боб.

— Я сказал — не надо об этом, — отрубил Фрэнк. — И не смей падать на меня в обморок, паршивый сопляк. Давай, приставь ствол вот сюда.

Боб подчинился.

Фрэнк взглянул на троих мужчин, лица у которых были такие же белые, как у Мэтта Арсена, когда он сгребал бульдозером тела мужчин и женщин, которых знал еще с тех пор, как бегал в коротких штанишках.

— Не смейте замотать это дело, ребята, — обратился Фрэнк ко всем трем, но особенно пристально глядя на племянника. — Если боитесь, что не сможете, то помните: я бы сделал это с любым из вас.

— Кончай это, — прохрипел Боб. — Я люблю тебя, дядя Фрэнк.

— Ты не такой, как твой отец, Бобби Дагтет, но я тебя тоже люблю, — спокойно произнес Фрэнк, а потом, вскрикнув от боли, поднял левую руку над головой и начал свою последнюю молитву. — Отче наш, иже еси на небеси — *Господи*, как больно! — да святится имя Твое — ой, *сукин сын!* — да приидет царствие Твое и ныне... как там дальше...

Поднятая левая рука Фрэнка отчаянно задергалась. Дейв Эймонс, приставив ружье под мышку старому греховоднику, следил за ним внимательно, как лесоруб приглядывается к большому дереву, которое может подвести

и упасть не в ту сторону. На сморщенном лице старика выступили крупные капли пота. Губы отошли от ровных, желтовато-белых вставных зубов, и до Дейва дошел запах зубной пасты «Полидент».

— Да придет царствие Твое, — заторопился старик. — И не введи нас во искушение, но уберегиотраспроклятогозлавовекивеков. АМИНЬ!

Все трое выстрелили одновременно, и Кэл Партридж и Боб Даггет упали в обморок, но Фрэнк никогда больше не вставал и не ходил.

Фрэнк Даггет *хотел* остаться мертвым, и он это сделал.

Коль Дейв начал рассказывать, ему пришлось продолжать дальше, и он проклинал себя за то, что начал. Он был прав: такие вещи не для ушей беременной женщины.

Но Мэдди поцеловала его и сказала, что он поступил чудесно и что Фрэнк Даггет тоже поступил чудесно. Дейв продолжал немного смущенно, будто его поцеловала в щеку женщина, которую он раньше не видел.

По сути дела он был прав.

Она следила за тем, как он спускается по грязной тропинке — одной из двух имевшихся на Дженни дорог — и сворачивает налево. Он слегка пошатывался в лунном свете, пошатывался от усталости, решила она, но и от потрясения тоже. Сердце ее раскрылось ему... им всем. Она хотела сказать Дейву, что любит его, и поцеловать по-настоящему, в губы, а не чмокнуть в щеку, но он мог неправильно понять это, хотя он и устал до чертиков, а она была на пятом месяце беременности.

Но она *действительно* любила его, любила их *всех*, потому что они прошли через муки ада, чтобы сделать этот крохотный клочок земли, затерянный в Атлантике, безопасным для нее.

И безопасным для ее ребенка.

— Я рожу на дому, — тихо произнесла она, когда Дейв скрылся из виду за темным силуэтом спутниковой антенны Палсиферов. Она подняла глаза к небу. — Я рожу на дому... и все пройдет благополучно.

ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ

Я поставил свою развалюху за квартал от дома Кинана, посидел малость в темноте, вынул ключ и вышел. Хлопнув дверью, я услышал, как осыпается ржавчина с днища. Надеюсь, это скоро закончится.

Пистолет в кобуре упирался мне в грудную клетку, как кулак. Это был «кольт» 45-го калибра, когда-то принадлежавший Барни, что доставляло мне немалое удовольствие. Он придавал всему этому сумасшедшему предприятию оттенок иронии. И даже справедливости. Дом Кинана — архитектурный уродец — наклонные стены, крутые крыши — раскинулся на огромном участке, обнесенном оградой. Ворота, как я и надеялся, были не заперты. Раньше я видел, что он звонит из гостиной кому-то, и безошибочная интуиция подсказала мне, что либо Джагтеру, либо Сержанту. Скорее всего, Сержанту. Ожидание закончено; этот вечер мой.

Я пошел по въездной дорожке, стараясь держаться поближе к кустам и прислушиваясь к любому звуку, пробивавшемуся сквозь завывание январского ветра. Никого нет. В пятницу вечером служанка Кинана веселится где-нибудь на танцульках. Дома никого, кроме этой сволочи Кинана. Он ждет Сержанта. Ждет — хотя еще не знает этого — меня.

Дверь гаража была открыта, и я проскользнул туда. Громадной тенью высилась «импала» Кинана. Я попробовал заднюю дверцу — машина была не заперта. Кинан не был рожден крутым парнем; он чересчур доверчив, подумал я. Я забрался в машину, уселся и принялся ждать.

Теперь сквозь вой ветра доносились звуки джаза, очень тихие, очень высокого класса. Видимо, Майлз Дэвис. Кинан слушал Майлза Дэвиса и держал стакан с джином в наманикюренной руке. Отлично.

Ждал я долго. Стрелки моих часов переползли с половины девятого на десять минут десятого. Было время, чтобы хорошенько подумать. Я думал в основном о Барни, и не потому, что мне так хотелось.

Я вспомнил, какой у него был вид, когда я нашел его в маленькой лодке, как он смотрел на меня и издавал бессмысленные, будто каркающие звуки. Он плыл в этой лодке двое суток и был похож на вареного омара. Черная кровь густо запеклась у него на животе, там, куда вошла пуля.

Он еще добрался до домика, но это было просто везение. Повезло, что я успел дотащить его туда, повезло, что некоторое время он мог еще говорить. Я заготовил кучу таблеток снотворного на случай, если он потеряет сознание. Не хотел, чтобы он мучился. Во всяком случае, без крайней надобности. Оказалось, такая надобность была. Он должен был рассказать свою историю, совершенно невероятную, и он успел рассказать почти все.

Когда он отдал концы, я вернулся к лодке и забрал его «кольт». Он был спрятан в потайном ящичке и завернут в водонепроницаемый мешочек. Потом я отвел лодку на глубину и затопил ее. Если бы я принялся сочинять ему эпитафию, я написал бы о том, что каждую минуту в мире рождается по сосунку. Большинство из них, спорю, вырастают клевыми парнями — как Барни. Вместо того я стал разыскивать тех типов, которые его уколошили. У меня ушло шесть месяцев, пока я вышел на Кинана и убедился, что Сержант к этому хотя бы как-то причастен, но я настырный, и вот я здесь.

В десять двадцать я заметил свет фар на въездной дорожке и распластался на полу «импалы». Приехавший остановился рядом с машиной Кинана. По звуку это был вроде старый «фольксваген». Слабенький движок заглох,

и я слышал, как Сержант тихо ругается, пытаясь выбраться из маленького автомобильчика. У входа загорелся свет, хлопнула дверь.

— Сержант! Ты опаздываешь! Пошли выпьем (голос Кинана).

— Неплохо бы виски (это уже Сержант).

Окно я открыл раньше. Теперь я выставил в него «кольт» Барни, удерживая рукоятку обеими руками.

— Стоять! — приказал я.

Сержант поднялся на две ступеньки. Кинан, гостеприимный хозяин, стоял наверху, чтобы дать гостю первому войти в дверь. Они оба представляли собой отличные мишени на фоне льющегося из дома света. Я не был уверен, что они различают меня во тьме, но пистолет им был виден хорошо. Большущий пистолет.

— Кто ты, черт побери? — спросил Кинан.

— Джерри Тарканян, — ответил я. — Если пошевелишься, я сделаю в тебе такую дырку, что можно будет через нее смотреть телевизор.

— Да ты, похоже, панк, — заметил Сержант. Тем не менее он стоял не двигаясь.

— Просто не двигайтесь. Больше вам ни о чем не надо беспокоиться. — Я открыл заднюю дверцу «импалы» и осторожно вышел. Сержант глядел на меня через плечо сверкающими глазками. Его рука тихонько ползла за лацкан двубортного пиджака образца 1943 года.

— Попрошу вас, — сказал я. — Убери-ка оттуда руку, жопа.

Сержант вытянул руки по швам.

— Спускайтесь с крыльца. Оба.

Они сошли вниз, и теперь, вне круга яркого света, я мог рассмотреть их лица. Кинан выглядел перепуганным, но у Сержанта было такое выражение, словно он слушает лекцию по искусству медитации и правилам ухода за мотоциклом одновременно. Скорее всего, он как раз и кокнул Барни.

— Лицом к стене и упереться в нее руками. Оба.

Кинан:

— Если вам нужны деньги...

Я засмеялся:

— Я только собирался предложить вам сделку насчет посуды, со скидкой, но ты видишь меня насквозь. Да, мне нужны деньги. Четыреста восемьдесят тысяч долларов. Те, что зарыты на маленьком острове возле Бар-Харбора, который называется Каприз-Кармен.

Кинан дернулся, как подстреленный, но на лице Сержанта не дрогнул ни один мускул, словно оно было залито бетоном. Он повернулся и уперся руками в стену. Кинан неохотно последовал его примеру. Его я обыскал первым и извлек дурацкую пукалку 32-го калибра с коротким стволом. Такое оружие можно приставить человеку ко лбу и все равно промахнуться. Я отшвырнул его назад и услышал, как он ударился в одну из машин. Сержанта было пуст — и я с облегчением отступил от него.

— Пошли в дом. Ты первым, потом Сержанта, потом я. Без глупостей, ладно?

Мы поднялись по ступенькам в кухню. Это стерильное сооружение из нержавеющей стали и кафеля словно вышло из утробы какого-то конвейера на Среднем Западе, — творение завзятых методистов, которые все похожи на идеального Дядю Сэма и пахнут табаком «черри блэнд». Сомневаюсь, что тут делают обычную вульгарную уборку: наверное, Кинан раз в неделю просто закрывает двери и включает потайные опрыскиватели.

Я провел их в столовую — еще одну отраду для глаз. Видимо, ее делал какой-то чокнутый дизайнер, свихнувшийся на Эрнесте Хемингуэе. Выложенный крупной плиткой камин размером с кабину грузового лифта, стол из тикового дерева, увенчанный головой лося, и тележка для бутылок, прилепившаяся под полкой, уставленной крупнокалиберными напитками. Стереосистема автоматически отключилась.

Я указал стволом на диван.

— Садитесь в разных концах.

Они сели: Кинан справа, Сержанта слева. Сержанта сидя казался еще крупнее. Из-под отросшей армейской стриж-

ки вился уродливый зигзагообразный шрам. Я прикинул, что весит он килограммов сто двадцать, и удивился, как это мужик таких габаритов, как Майк Тайсон, ездит в «фольксвагене».

Я взял стул, протянув его по ковру песочного цвета так, чтобы сесть на одинаковом расстоянии от обоих. Усевшись лицо к ним, я положил «кольт» на бедро. Кинан смотрел на него, как птичка на змею. Сержант, напротив, смотрел так, словно он змея, а я птичка.

— Ну и что дальше? — поинтересовался он.

— Поговорим о картах и деньгах, — предложил я.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — бросил Сержант. — Я знаю только, что маленьким детям нельзя играть с оружием.

— Как поживает капитан Макфарленд? — небрежно осведомился я.

На Сержанта это не произвело ни малейшего впечатления, но Кинан не выдержал.

— Он знает. Он знает! — затарахтел он, словно пулемет.

— Заткнись! — рявкнул на него Сержант. — Закрой варежку!

Кинан застонал. К такому повороту событий он явно не был готов. Я улыбнулся:

— Он прав, Сержант. Я знаю. Почти все.

— Кто вы?

— Ты меня не знаешь. Друг Барни.

— Какого-такого Барни? — равнодушно спросил Сержант. — Барни Стрейла, того, что все время стрелял глазами?

— Он не умер, Сержант. Не совсем умер.

Сержант медленно посмотрел на Кинана убийственным взглядом. Тот вздрогнул и раскрыл рот.

— Молчи! — приказал ему Сержант. — Ни слова, мать твою. А то я тебе сверну шею, как куренку.

Рот у Кинана захлопнулся.

Сержант перевел взгляд на меня:

— Что значит «почти все»?

— Все, кроме мелких деталей. Знаю про бронированную машину. Про остров. Про кэпа Макфарленда. И как вы с Кинаном и какой-то сволочью по фамилии Джагтер убили Барни. И про карту. Вот что я знаю.

— Он не то тебе рассказал, — возразил Сержант. — Он собирался перейти нам дорогу.

— Он не мог перейти дорогу, — сказал я. — Он был просто лох, который умел водить машину.

Сержант пожал плечами: это выглядело, как небольшое землетрясение.

— Ладно. Дурак ты есть и останешься дураком.

— Я знал, что Барни во что-то влез в прошлом марте. Не знал только, во что именно. А потом у него вдруг оказывается пушка. Вот эта самая. Как ты с ним связался, Сержант?

— Через знакомого, который с ним имел дело. Нам нужен был водитель, который знал бы восточное побережье штата Мэн и район Бар-Харбора. Мы с Кинаном пошли к нему и предложили. Ему понравилось.

— Я сидел с ним в Шэнке, — сказал я. — Мне он нравился. Такой парень не мог не нравиться. Он был дурак, но хороший парень. Ему нужен был наставник, а не сообщник.

— Джордж и Ленни, — хмыкнул Сержант.

— Я очень рад, что ты в тюрьме набирался эрудиции, миляга, — сказал я. — Мы подумывали взять банк в Льюистоне. Он не мог ждать, пока я закончу приготовления. Поэтому он теперь в земле.

— Боже мой, как грустно, — заметил Сержант. — Я весь плавлюсь, как свечка.

Я поднял пистолет и показал ему дуло, и на какое-то время он был птичкой, а дуло змеей.

— Еще одна острота — и я всажу тебе пулю в живот. Ты мне веришь?

Кончик его языка с удивительной быстротой высунулся из нижней губы и тут же скрылся. Он кивнул. Кинан застыл на месте. Похоже, он хотел рыгнуть, но не осмеливался.

— Он сказал мне, что дело пахнет хорошими бабками, — подытожил я. — Это все, что я мог из него вытянуть. Он отплыл третьего апреля. Через два дня четверо типов напали на банковскую машину возле Кармела. Все три охранника были убиты. В газетах писали, что налетчики прорвали два ограждения на «плимуте» 1978 года с форсированным двигателем. Именно такой был у Барни. Спорю, Кинан обещал ему столько, чтобы он мог купить что-то поновее и посильнее.

Я взглянул на него. Кинан был блее мела.

— Шестого мая я получил открытку со штампом Бар-Харбора, но это ничего не значит — почта с десятков мелких островов отправляется через этот городишко. Там по кольцу ходит почтовый катер. В открытке было: «Мама и семья в порядке, торговля идет нормально. Увидимся в июле». Подписано вторым именем Барни. Я снял домик на берегу, потому что Барни так хотел. Июль кончается, а Барни нет.

— Туго тебе пришлось тогда, сопляк? — полюбопытствовал Сержант. Видимо, он хотел убедиться, что я его не запутываю.

Я рассеянно взглянул на него.

— Он объявился в начале августа. Благодарю своего кореша Кинана, Сержант. Он забыл, что на лодке есть автоматическая помпа. Ты думал, по лодке достаточно ударить топором, чтобы она потонула, Кинан? Ты также считал, что и сам он умер. Я каждый день вывешивал желтую тряпку на мысе Френчмен-Пойнт. Ее было видно за много миль. Легко заметить. Все же ему повезло.

— Слишком повезло, — чуть не сплюнул Сержант.

— Я одно хочу знать — известно ли ему было перед делом, что банкноты новые и все номера переписаны? Что даже у частных менял на Багамах нельзя с ними показываться по крайней мере три-четыре года?

— Известно, — проворчал Сержант, и, как ни удивительно, я ему поверил. — Никто не собирался сразу сбывать добычу. Он тоже это знал, сопляк. Думаю, он

рассчитывал на то ваше дело в Льюистоне, но как бы там ни было, он знал, на что идет, и сказал, что его это устраивает. А почему бы и нет? Допустим, нам придется ждать десять лет, чтобы вернуться и поделить эти бабки. Что такое десять лет для такого сопливого сосунка, как Барни? Ему будет всего тридцать пять. А мне шестьдесят один.

— А как насчет капитана Макфарленда? О нем Барни тоже знал?

— Конечно. Кэп и устроил все это дело. Хороший человек. Профессионал. Умер от рака в прошлом году. Я ему многим обязан.

— Значит, вы вчетвером отправляетесь на остров Кэпа, — начал я. Крохотный островок под названием Каприз-Кармен. Кэп зарыл деньги и нарисовал карту.

— Это была идея Джаггера, — пояснил Сержант. — Мы не хотели делить сразу — слишком большое искушение. Но и не хотели оставлять все в одних руках. Кэп Макфарленд нам идеально подошел.

— Расскажи о карте.

— Так и думал, что до этого дойдет, — холодно улыбнулся Сержант.

— Не говори ему! — хрипло выкрикнул Кинан.

Сержант так посмотрел на него, что стальная колонна расплавилась бы:

— Заткнись. Я не могу ни врать, ни молчать в тряпочку благодаря тебе. Знаешь, на что я надеюсь, Кинан? Что ты не увидишь нового столетия.

— Ты записан в письме, — с отчаянием закричал Кинан. — Если со мной что-то случится, ты записан в письме!

— Кэп сделал хорошую карту, — произнес Сержант, не обращая внимания на Кинана. — У него был клевый чертежик. Он разрезал ее на четыре части. Каждому по четверти. Мы должны были соединиться четвертого июля через пять лет. И обсудить. Может, подождать еще пять лет, а может, сразу сложить четвертушки. Но возникли сложности.

— Да, — сказал я. — Думаю, их можно было решить только одним способом.

— Если тебе от этого лучше, то все сделал Кинан. Не знаю, что об этом знал Барни, но вот как было. Когда мы с Джаггером уплыли на катере Кэпа, Барни был жив и здоров.

— Врешь, скотина! — взвизгнул Кинан.

— У кого две четвертушки карты в сейфе? — осведомился Сержант. — У тебя, дорогой?

Он снова взглянул на меня.

— Пока что все было нормально. Половины карты еще недостаточно. И что мне сидеть тут и болтать, будто я предпочитал делить на четверых, а не на троих? Не думаю, что ты мне поверишь, даже если это правда. А потом звонит Кинан. Мол, надо поговорить. Я этого ожидал. Ты, видать, тоже.

Я кивнул. Кинана легче было найти, чем Сержанта, — он был рангом повыше. Сержанта я тоже мог бы выследить, но решил, что это не нужно. Воронье всегда слетается... особенно такие стервятники, как Кинан.

— Конечно, — продолжал Сержант, — он мне говорит, что не надо глупостей, что он застраховался, что я записан в письме «Вскрыть в случае моей смерти», которое у его адвоката. Он думал, что мы вдвоем сможем докопаться, где Кэп зарыл деньги, если сложим три из четырех частей карты.

— И поделите поровну, — уточнил я.

Сержант кивнул. Лицо Кинана напоминало луну, плавающую где-то в высоких слоях стратосферы ужаса.

— Где сейф? — спросил я у него.

Кинан молчал.

Я немного поиграл «кольтом». Это хорошая пушка. Мне она нравилась. Я взял пистолет двумя руками и прострелил Кинану руку чуть выше локтя. Сержант даже не пошевелился. Кинан упал на диван и скрутился калачиком, с диким воем держась за руку.

— Сейф, — повторил я.

Кинан по-прежнему выл.

— Теперь я прострелю тебе колено, — сказал я. — Лично я не пробовал, но слышал, что это ужасная боль.

— Репродукция, — прохрипел он. — Ван-Гог. Больше не стреляй в меня, ладно? — Он с заискивающей улыбкой взглянул на меня.

Я нацелил пистолет на Сержанта.

— Стань лицом к стене.

Сержант встал и повернулся к стене; руки у него слегка дрожали.

— Теперь ты, — сказал я Кинану. — Пойди открой сейф.

— Я истекаю кровью, — взмолился Кинан.

Я подошел к нему и потрепал дулом пистолета по щеке, оттягивая кожу.

— Теперь и ты истекаешь кровью, — подтвердил я. — Иди открой сейф, или будет еще больше крови.

Кинан встал, придерживая руку с громким хныканьем. Здоровой рукой он снял картину, за которой открылась серая дверца сейфа. Он испуганно посмотрел на меня и начал набирать цифры. Дважды он ошибся, и ему пришлось начинать все заново. С третьего раза сейф открылся. Там были какие-то документы и две пачки купюр. Он запустил туда руку, порылся и вынул два клочка бумаги сантиметров по восемь длиной.

Клянусь, я не собирался убивать его. Я намеревался связать его и оставить. Он был достаточно безвреден; служанка найдет его, когда вернется с танцев или куда там она поехала в своем маленьком «додже», а Кинан по крайней мере неделю не осмелится высунуть нос из дому. Но Сержант верно сказал. У него были две четвертушки. И на одной кровь.

Я снова выстрелил в него, теперь уже не в руку. Он свалился, как пустой мешок с бельем.

Сержант не шелохнулся:

— Я тебе ничего не сделал. Кинан прикончил твоего друга. Они оба были любители. Дурачье-любители.

Я не ответил. Я рассмотрел квадратики и сунул их в карман. Ни на одном из них не было крестика.

— Что теперь? — поинтересовался Сержант.

— Поедем к тебе.

— Почему ты думаешь, что моя четвертушка там?

— Не знаю. Телепатия, наверно. Тем более, если ее там нет, мы поедем туда, где она есть. Мне спешить некуда.

— У тебя на все найдется ответ, не так ли?

— Пойдем.

Мы вернулись в гараж. Я сел на заднее сиденье его «фольксвагена», подальше от него. Его габариты и габариты машины сыграли с ним злую шутку: ему потребовалось не менее пяти минут лишь для того, чтобы развернуться. Еще через две минуты мы оказались на шоссе.

Начинался снег, большие, рыхлые хлопья прилипали к ветровому стеклу и превращались в грязь, едва касаясь мостовой. Ехать было скользко, зато и движения особого не было.

Проехав с полчаса по шоссе №10, мы свернули на проселок. Еще через пятнадцать минут попали на какую-то разбитую тропу между рядами заснеженных сосен. Через две мили такого пути оказались на короткой, заваленной мусором въездной дорожке.

В узком круге света от фар «фольксвагена» я рассмотрел убогую хибару с ободранной крышей и полусвалившейся телевизионной антенной. В канаве левее стоял занесенный снегом старый «форд». Позади возле сарая навалена куча негодных покрышек. Прямо-таки убежище Эрнандо из фильма «Случай в пустыне».

— Добро пожаловать в Баллис-Ист, — сказал Сержант, заглушая двигатель.

— Если здесь ловушка, я убью тебя.

Он занимал почти все переднее сиденье крохотной машины.

— Я знаю, — ответил он.

— Выходи.

Сержант дошел до входной двери.

— Открой дверь, — сказал я. — И стой смирно.

Он открыл дверь и стал смирно. И я стал смирно. Мы простояли так минуты три, и ничего не случилось. Двига-

лась только жирная белка, которая выскочила на середину двора и обругала нас на языке грызунов.

— Ладно, — сказал я. — Пошли в дом.

Это оказалась самая настоящая свалка. Единственная шестидесятиваттная лампочка скупо освещала всю комнату, оставляя в углах густые тени, похожие на изголодавшихся летучих мышей. Всюду разбросаны газеты. На провисшей веревке сушилось белье. В углу стоял древний телевизор «Зенит». В другом углу — ржавая раковина и покосившаяся ванна на рахитичных ножках. Рядом стояло охотничье ружье. Пахло немытыми ногами, газами из кишечника и перцем.

— Клевая жизнь на лоне природы, — заметил Сержант. Я мог бы возразить, но не стал.

— Где твоя часть карты?

— В спальне.

— Пойдем туда.

— Подожди. — Он медленно повернулся; его бесстрастное лицо покраснело. — Я хочу, чтобы ты дал слово, что не убьешь меня, когда получишь это.

— Как ты проконтролируешь, что я сдержу слово?

— Хрен его знает. Все-таки надеюсь, что ты не просто за деньгами гоняешься. Если из-за Барни, если ты хотел свалить тяжесть с его могилы — ты ее свалил. Кинан его прикончил, и Кинана уже нет. Если тебе нужна карта — ладно. Может, обойдешься тремя четвертями, и ты прав — на моей стоит жирный крестик. Но ты ее не получишь, пока не пообещаешь, что я тоже кое-что получу — жизнь.

— Где гарантия, что ты не будешь преследовать меня?

— Буду, сынок, — тихо произнес Сержант.

Я засмеялся:

— Ладно. Давай адрес Джаггера, и я дам тебе обещание. И сдержу его.

Сержант медленно покачал головой:

— Лучше не заводишь с Джаггером, сынок. Джаггер тебя съест.

Перед этим я опустил «кольт». Теперь снова поднял его.

— Ладно. Он в Колмене, штат Массачусетс. В лыжном домике. Хватит с тебя?

— Да. Давай свою четвертушку, Сержант.

Сержант внимательно присмотрелся ко мне. Затем кивнул. Мы перешли в спальню.

То же очарование в колониальном стиле. Матрац на полу, весь в пятнах, завален книжками, на стенах фотографии женщин, на которых не было ничего, кроме многочисленных отпечатков пальцев.

Сержант не колебался. Он взял настольную лампу и отвинтил ее подставку. Его четвертушка карты, плотно скатанная, была внутри; он молча достал ее.

— Бросай сюда, — предложил я.

Сержант ухмыльнулся:

— Осторожный ты паренек, правда?

— Это окупается. Давай сюда, Сержант.

Он швырнул мне бумажку.

— Бог дал, Бог взял — прокомментировал он.

— Я сдержу свое обещание, — сказал я. — Считаю, что тебе повезло. Давай-ка в ту комнату.

Его глаза загорелись холодным светом:

— Что ты собираешься делать?

— Сделаю так, чтобы ты остался на месте. Шагай.

Мы двинулись в большую комнату. Сержант стоял под лампочкой без абажура, спиной ко мне, сгорбившись, так как дуло пистолета было направлено ему прямо в затылок. Я как раз собирался двинуть его рукояткой по голове, как вдруг погас свет.

В хижине сделалось темно, как в шахте.

Я отскочил вправо; Сержант исчез, как дуновение ветра. Я слышал только шуршание газет, когда свалился на пол. Потом молчание. Абсолютное.

Я подождал, пока глаза привыкнут к темноте, но когда это произошло, лучше не стало. Это место представляло собой мавзолей, в котором громоздились тысячи невидимых гробниц. И Сержант все их знал.

Я знал, что собой представляет Сержант; собрать о нем материал было нетрудно. Он когда-то был зеленым бере-

том во Вьетнаме, и с тех пор никого не интересовало его настоящее имя: Сержант да Сержант — здоровенный, крутой убийца.

Где-то во тьме он двигался в мою сторону. Он, конечно, знал это место как свои пять пальцев, потому что не слышалось ни звука — ни скрипа половиц, ни шарканья, ничего. Но я ощущал, что он все ближе и ближе, может, подкрадывается слева или справа, а может, сыграет фокус и окажется прямо передо мной.

Рукоять пистолета у меня в руке покрылась потом, и я едва удержался от зуда стрелять направо, налево. Я прекрасно сознавал, что три четверти пирога у меня в кармане. Мне некогда было размышлять, почему погас свет. Пока сквозь окно не ворвался свет мощного фонаря, беспорядочно прочесывая пол, пока не застыл на Сержанте, замершем на четвереньках в трех метрах левее меня. Глаза его в ярком конусе света сверкнули зеленым, как у кошки.

В правой руке он держал раскрытую опасную бритву, и я сразу вспомнил, как он запускал руку за лацкан пиджака в гараже Кинана.

Выхваченный лучом фонаря, Сержант произнес только одно слово:

— Джаггер?

Не знаю, кто среагировал первым. Со стороны луча раздался выстрел крупнокалиберного пистолета, а я дважды нажал на спуск «кольта» — чисто рефлекторно. Сержант ударился о стену с такой силой, что с него слетел ботинок.

Фонарь погас.

Я выстрелил по окну, но лишь разбил стекло. Я залег на полу, и мне пришло в голову, что не один я дожидался, когда жадность Кинана всплывет наружу. Джаггер дожидался тоже. И, хотя в машине у меня было еще двенадцать запасных обойм, сейчас в пистолете оставался всего один патрон.

«Лучше не заводись с Джаггером, сынок, — сказал Сержант, — Джаггер тебя съест».

Сейчас я прекрасно представлял себе комнату. Я встал на четвереньки и отбежал, перепрыгнув через раскинутые ноги Сержанта, в угол. Я уперся в ванну и заглянул в нее. На дне ванны лишь мусор, и дыра заткнута полустершейся пробкой. Я подождал. Никаких звуков, совершенно никаких.

Прошло минут пять. Они тянулись, как пять часов.

Потом снова вспыхнул свет, теперь уже в окне спальни. Я повернул голову туда, где он пробивался через дверь. Луч фонаря веером прошелся по спальне и исчез.

Снова тишина. Долгая, звучная тишина. На грязном дне фаянсовой ванны Сержанта я видел все. Кинан с его отчаянной жалкой ухмылкой. Барни с рваной дырой в животе, правее пупка. Сержант, замерший под лучом фонаря, профессионально держа лезвие бритвы между большим и указательным пальцами. Джаггер, темная тень без лица. И я. Пятая четверть.

Вдруг послышался голос, прямо за дверью. Тихий и вежливый, почти женский, но не изнеженный. Он звучал мрачно и неотвратно, словно из ада:

— Эй, красавчик!

Я молчал. Так просто он до меня не доберется.

Когда голос раздался снова, он был у окна.

— Я собираюсь прикончить тебя, красавчик. Я пришел убить их, но и с тобой разделаюсь.

Пауза — он переходит на новое место. В следующий раз голос слышится из окна прямо у меня над головой — рядом с ванной. Я весь похолодел. Если он сейчас включит фонарь...

— Пятое колесо ни к чему, — сказал Джаггер. — Извини.

Следующий его переход я и не заметил. Он снова был у входной двери.

— Моя четвертушка у меня с собой. Может быть хочешь взять ее?

Я едва справился с внезапным кашлем.

— Давай, забирай, красавчик, — издевался он. — Весь пирог. Иди и возьми.

Но мне это не требовалось, и он это знал. Козыри на руках у меня. Я мог найти клад. У Джагтера с одной четвертушкой шансов не было.

На этот раз молчание действительно затянулось. Пол-часа, час, вечность. У меня начало коченеть тело. Снаружи завывал ветер, и не было слышно ничего, кроме звука падающих снежинок. Было очень холодно. Пальцы у меня совершенно занемели.

Потом, примерно в половине второго, послышалась какая-то приглушенная возня. Я затаил дыхание. Джаггер каким-то образом проник внутрь. Он уже в середине комнаты...

Но тут я сообразил. Посмертное окоченение, ускоренное холодом, заставило тело Сержанта пошевелиться в последний раз, вот и все. У меня слегка отлегло от сердца.

В это время хлопнула дверь и вошел Джаггер, похожий на осыпанное белым снегом привидение, долговязый и неуклюжий. Я прицелился и выпустил пулю точно ему в висок. И тут до меня дошло, что я выстрелил в чучело без лица, одетое в какие-то рваные штаны и рубашку. Сделанная из мешка голова свалилась с метлы, на которой она держалась, на пол. И теперь Джаггер выстрелил в меня.

Он палил из полуавтоматического пистолета, и ванна загремела, словно тарелки ударной установки. Куски фаянса отлетали, рикошетом отскакивая от стен и попадая мне в лицо. На меня дождем сыпались щепки, а один раз упала горячая, но уже потерявшая убойную силу пуля.

Затем он пошел в наступление. Он хотел пристрелить меня в ванне, как рыбку в аквариуме. Я даже не мог поднять голову.

Спас меня Сержант. Джаггер споткнулся о вытянутую здоровенную ногу, упал, и пули попали в пол, а не в мою голову. Тогда я встал на колени. Я вообразил себя Роджером Клеменсом. Я обрушил «кольт» Барни на его голову.

Пистолет оглушил, но не остановил его. Пытаясь достать его, я перелез через край ванны, и Джаггер выпустил в меня две пули подряд.

Едва различимый силуэт отступил назад, чтобы прицелиться, одной рукой держась за ухо с той стороны, где я двинул его пистолетом. Первая пуля прострелила мне левую кисть, вторая оцарапала шею. Потом, как это ни невероятно, он снова споткнулся о ноги Сержанта и упал назад. Он снова поднял пистолет и выстрелил в крышу. Это был его последний шанс. Я выбил пистолет из его руки; послышался влажный, словно трещало сырое дерево, хруст ломающихся костей. От пинка в пах он отключился. Потом я пнул его в затылок, и его нога выбила на полу конвульсивную дробь. Он уже был практически мертв, но я пинал его бесконечно, пока он не превратился в кучу костей и клубничного варенья, и его ни по чему уже нельзя было опознать, даже по зубам. Пинал, пока ноги не перестали сгибаться, а их пальцы не утратили чувствительность.

Я вдруг заметил, что громко кричу и никто, кроме трюпов, меня не слышит.

Я отер рот и нагнулся над телом Джаггера.

Как оказалось, он врал, будто носит свою четвертушку карты с собой. Это меня не особенно удивило. Нет, извините, — совсем не удивило.

Моя старая таратайка оказалась там, где я ее оставил, за квартал от дома Кинана, но теперь она представляла собой просто снежный холм. «Фольксваген» Сержанта остался за километр позади. Я окоченел до мозга костей и только надеялся, чтобы работал обогрев. С трудом открыв дверь, я вздрогнул, когда садился. Царапина на шее уже затянулась, но кисть болела ужасно.

Со стартером пришлось долго возиться, но, наконец, двигатель завелся. Обогрев работал, а дворник смел почти весь снег со стекла перед местом водителя. Джаггер наврал, что четвертушка у него с собой, и в неприятязательной (скорее всего, угнанной) «хонде», на которой он

приехал, ее тоже не оказалось. Но адрес в его бумажнике был, и я решил, что, если мне действительно понадобится его четвертушка, то ее будет нетрудно найти. Хотя это совсем не обязательно: хватит и трех частей, тем более что часть Сержанта была помечена крестиком.

Я осторожно потянулся. Теперь мне долго придется быть осторожным. Сержант был прав в одном: Барни был дурачком. То, что он при этом был и моим другом, теперь не имело ни малейшего значения. Этот долг уплачен.

А мне теперь много чего следует опасаться.

**ДОМ,
КОТОРЫЙ
РАСТЕТ
НА ВАС**

Осень в Новой Англии; сквозь заросли амброзии и золотарника проглядывают там и сям крошечные голые участки неплодородной земли, ожидая снега, до которого еще четыре недели. Водостоки забиты листвой, небо приобрело постоянный серый оттенок, а кукурузные початки склонились ровными рядами, словно солдаты, умудрившиеся умереть стоя. Тыквы, разрушающиеся под действием мягкой гнили, свалены под навесами и от них пахнет, как у старух изо рта. В это время года не тепло и не холодно, воздух бледен, ветерок проносится над голыми полями под белесым небом, в котором стаи птиц в строю, по форме напоминающем армейские нашивки, летят на юг. Этот ветерок сдувает пыль с мягких плеч проселочных дорог, и клубы ее кружатся, будто танцующие дервиши, а он, подобно гребенке, причесывает сжатые поля и, принюхиваясь, пробивает себе путь через кладбища брошенных машин.

Дом Ньюолла в конце городской дороги 3 господствует над районом Касл-Рока, называемым Поворот. Трудно сказать что-нибудь хорошее об этом доме. Мрачный вид лишь отчасти можно объяснить тем, что он не покрашен. Лужайка перед домом — это масса сухих кочек, которые мороз вскоре превратит в еще более причудливые фигуры. Тонкий дымок поднимается от магазина Брауни у подножия холма. Когда-то Поворот считался важным районом Касл-Рока, но это было еще до корейской войны. Через дорогу от магазина Брауни на бывшей эстраде двое малышей гоняют красную пожарную машинку. Лица у них усталые и бесцветные, почти старческие. Ручки их как бы

режут воздух, когда они толкают машинку друг другу, прерываясь лишь затем, чтобы утереть вечно сопливые носы.

В магазине председательствует Харли Маккиссик, тучный и краснолицый, а старый Джон Клаттербак и Ленни Партридж сидят у камина, задрав ноги. Пол Корлисс склонился над прилавком. Магазин пропах застарелым устойчивым запахом, в котором смешались ароматы колбасы и липучки от мух, кофе и табака, пота и темно-коричневой кока-колы, чеснока, перца и шампуня, по виду напоминающего сперму и превращающего прическу в гипсовую скульптуру. В окне засиженная мухами реклама выставки блюд из бобов, состоявшейся в 1986 году, соседствует с другой, сообщающей о выступлении исполнителя музыки кантри Кена Корриво на окружной ярмарке 1984 года. С тех пор почти десять раз наступал летний зной, и теперь Кен Корриво (который уже лет пять ничего не поет, а торгует автомобилями в Чемберлене) смотрится выцветшим и пересушенным одновременно. У задней стены магазина прилепился здоровенный стеклянный холодильник, выписанный из Нью-Йорка в 1933 году, и над всем преобладает не сильный, но отчетливый запах кофе в зернах.

Старики наблюдают за детьми и тихо, бессвязно беседуют. Джон Клаттербак, внук которого Энди вот-вот сопьется до смерти, держит речь о городской свалке. «Свалка воняет, как старый бродяга в летний зной», — говорит он. Никто с этим не спорит — так и есть, но никто и не интересуется этой темой, потому что сейчас не лето, сейчас осень, и огромная печь, работающая на мазуте, наполняет помещение теплом. Здоровенный термометр над прилавком показывает двадцать восемь градусов. Над левой бровью у Клаттербака глубокая вмятина — память об автомобильной катастрофе, в которую он попал в 1963 году. Маленькие дети иногда просят потрогать ее. Старый Клат заработал кучу денег, споря с дачниками, которые не верили, что в этой вмятине может уместиться содержимое фужера для шампанского.

— Полсон, — невозмутимо произносит Харли Маккис-
сик.

Сидящий за печкой Ленни Партридж видит, как остав-
навливается старый «шевроле». Сбоку громадной клейкой
лентой прикреплен картонный щит. «ПЛЕТЕНАЯ МЕ-
БЕЛЬ — ГЭРИ ПОЛСОН — ПОКУПКА И ПРОДАЖА
АНТИКВАРИАТА» — написано на нем, и ниже стоит
номер телефона. Гэри Полсон медленно выходит из ма-
шины — старик в выцветших, обвисших на заду зеленых
брюках. Вцепившись в дверцу машины, он пытается до-
стать шишковатую палку, пока наконец она целиком не
вытягивается оттуда. Белая пластмассовая рукоятка от
детского велосипеда насажена на темный набалдашник
палки, подобно презервативу. Палка описывает маленькие
круги в пыли, пока Полсон осторожно продвигается от
машины к двери магазина.

Дети на эстраде приглядываются к нему, вслед за ним
бросают (похоже, испуганный) взгляд на покосившийся,
растрескавшийся дом Ньюолла, возвышающийся на вер-
шине. Затем возвращаются к своей пожарной машинке.

Джо Ньюолл купил недвижимость в Касл-Роке в 1904
году и владел ею до 1929 года, но деньги зарабатывал от
принадлежавшей ему лесопилки в близлежащем городке
Гейтс-Фоллс. Это был тощий мужчина чахоточного вида
с желтоватыми злыми глазами. Он откупил большой
незастроенный участок на Повороте — тогда это был
процветающий поселок с лесопилкой и мебельной фабри-
кой — у Первого Национального банка Оксфорда. Банк
отобрал его по закладной у Фила Бюдро при содействии
шерифа Никерсона Кэмпбелла. Фил Бюдро, которого
соседи любили, но считали дурачком, скрылся в Киттери
и следующие лет двенадцать зарабатывал починкой авто-
мобилей и мотоциклов. Потом уехал во Францию драться
с немцами, выпал из самолета во время разведывательного
полета (так утверждала молва) и разбился.

Участок Бюдро много лет пустовал, пока Джон Ньюолл
снял квартиру в Гейтс-Фоллсе и сколачивал себе состо-
яние. Он был больше известен свирепостью по отношению

к рабочим, чем мудрым управлением лесопилкой, которая была на грани разорения, когда он купил ее за бесценок в 1902 году. Рабочие прозвали его Джо-выгоняла: стоило человеку пропустить одну смену, как тот немедленно увольнял его, не принимая и даже не выслушивая никаких объяснений.

Он женился на Коре Леонард, племяннице Карла Стоу, в 1914 году. Великим достоинством этого брака — в глазах Джо Ньюолла, разумеется, — было то, что Кора являлась единственной здравствующей родственницей Карла и, несомненно, принесла бы за собой кое-что, когда Карл преставится (если Джо будет с ним в хороших отношениях, а он вовсе не намеревался портить отношения со стариком, который когда-то славился как Редкая Сволочь, но на закате дней сделался Довольно Терпимым). В районе были еще лесопилки, которые можно было бы дешево купить... был бы начальный капитал. Вскоре он у Джо появился: богатый дядюшка его жены умер через год после свадьбы.

Так что у брака, несомненно, достоинства были. У самой же Кору достоинств не было никаких. Эта женщина напоминала мешок с мукой — невероятно широкие бедра, невероятно толстый зад, зато грудь плоская, как у мальчика, и невероятно тонкая шея, на которой ее большая голова болталась, будто бледная головка подсолнуха. Щеки у нее свисали, как тесто, губы напоминали нарезанные ломти печенки. Огромные пятна проступали у нее под мышками даже зимой, и она всюду разносила терпкий запах пота.

Джо начал строить дом для жены на участке Бюдро в 1915 году, и год спустя он был почти готов. Он был выкрашен в белый цвет и насчитывал двенадцать комнат, пересекавшихся под самыми немыслимыми углами. Джо Ньюолла в Касл-Роке не любили — отчасти потому, что его бизнес был не в городе, отчасти потому, что его предшественник Фил Бюдро был таким замечательным парнем (хотя и дурачком, не переставали они напоминать друг другу, поскольку его приятность и глупость образо-

вывали неразрывное единство, и забывать этого никак нельзя), но прежде всего потому, что его проклятый дом строили приезжие рабочие. Не успели еще навесить водосточные трубы, как на покрашенной в белый цвет двери появилось слово из трех букв, написанное желтым мелком.

К 1930 году Джо Ньюолл стал богачом. Три его лесопилки в Гейтс-Фоллсе, на которых он хорошо заработал в мировую войну, в бешеном темпе гнали доски, обеспеченные заказами нарождающегося среднего класса. Он начал пристраивать к дому новое крыло. Большинство жителей поселка считали пристройку ненужной — в конце концов два крыла уже есть, и почти все сходились во мнении, что она ничего не добавляет к дому, кроме уродства, а он и так уродлив сверх всякой меры. Пристройка была на этаж выше главного здания и выходила глухой стеной на обрыв, поросший в те времена редкими соснами.

Новость о том, что их скоро будет не двое, а уже трое, просочилась из Гейтс-Фоллса; наиболее вероятным источником была Дорис Джинджеркрофт, медсестра доктора Робертсона. Выходит, пристройка была вроде как подарком. После шести лет счастливого брака и четырех лет жизни на Повороте (причем за все это время ее видели только издали, когда она шла по двору или изредка собирала цветы — крокусы, дикие розы, ожерелье королевы Анны, пажитник, ястребинку — в поле за домами) Кора Леонард Ньюолл понесла.

Она никогда не появлялась у Брауни. Кора делала покупки в магазине Китти Корнерс в Гейтс-Фоллсе каждый четверг после полудня.

В январе 1921 года Кора родила уродца без рук, но, как поговаривали, с пятью пальцами, торчащими из левой глазницы. Уродец умер через шесть часов после того, как беспорядочные сокращения матки вытолкнули его красное, пустое личико на белый свет. Семнадцать месяцев спустя, поздней весной 1922 года (в западном Мэне не бывает ранней весны — только поздняя, как и позднее лето, все остальное время — зима), Джо Ньюолл добавил купол к пристройке. Он по-прежнему делал покупки вне

города и не имел дела с магазином Билла Маккиссика по прозвищу Брауни. Он также ни разу не переступил порог методистской церкви на Повороте. Уродца, которого родила его жена, похоронили на участке Ньюоллов на кладбище в Гейтс-Фоллсе, а не на родине. На крохотном камне было высечено:

САРА ТЭМСОН ТАБИТА ФРАНСИН НЬЮОЛЛ

14 ЯНВАРЯ 1921

ГОСПОДИ, УПОКОЙ ЕЕ ДУШУ

Когда в магазине разговаривали о Джо Ньюолле, его жене и его доме, Харли, сын Брауни, который был еще недостаточно взрослым, чтобы бриться (но старость тем не менее уже вожделенно дремала внутри него), но вполне взрослым, чтобы сортировать овощи и торговать картошкой в ларьке у дороги, стоял и прислушивался. Больше всего говорили о доме: он был как бельмо на глазу и вызывал всеобщее отвращение. «Но он растет на вас», — иногда замечал Клейтон Клаттербак (отец Джона). И никто не возражал. Высказывание не имело ни малейшего смысла... и в то же время было неопровержимым фактом. Зайдя к Брауни, хотя бы затем, чтобы просто посмотреть на ягоды в сезон, вы рано или поздно устремляли взгляд на дом на холме, подобно тому, как флюгер неизменно поворачивается на северо-восток перед мартовским бураном. Рано или поздно вы обязательно смотрели на него, причем с течением времени для многих — рано. Потому что, как говаривал Клейт Клаттербак, дом Ньюолла рос на вас.

В 1924 году Кора упала с лестницы между куполом и пристройкой, сломав себе шею и позвоночник. По городу прошел слух (несомненно, зародившийся на дамской благотворительной распродаже), что она упала будучи совершенно голой. Ее похоронили рядом с бесформенным телом ее столь мало жившей дочери.

Джо Ньюолл — у которого, как все признавали, была доля еврейской крови, — по-прежнему загребал деньги лопатой. Он соорудил на холме два сарая и конюшню, соединив их с главным зданием еще одной пристройкой. Стройку закончили в 1927 году, и тогда стало ясно ее

назначение — Джо решил, видимо, стать благородным фермером. Он купил шестнадцать коров у какого-то типа из Микэник-Фоллса. Купил новенькую блестящую доильную машину у того же типа. «Она походит на металлического осьминога», — говорили те, кому удалось заглянуть в кузов грузовика, когда шофер остановился у Брауни выпить пивка, прежде чем въехать на гору.

Заведя коров и доильную машину, Джо нанял дурачка из Моттона ухаживать за своим приобретением. Как могла такая глупость прийти в голову этому лесопильщику, известному твердыми кулаками и трезвым умом, ставило в тупик каждого, кто задавался этим вопросом, единственным ответом на который, видимо, было: «крыша поехала», — но он это сделал, и коровы, конечно же, передохли.

Главный врач округа явился взглянуть на коров, и Джо показал ему заверенное заключение ветеринара (ветеринара из Гейтс-Фоллса, говорили люди потом, многозначительно поднимая брови) о том, что коровы умерли от бычьего менингита.

— Проще говоря, не повезло, — сказал Джо.

— Это шутка, надо полагать?

— Как хотите, так и понимайте, — отрезал Джо. — Тут все в порядке.

— Сделайте так, чтобы этот идиот заткнулся, — велел главный врач, глядя на дурачка, который стоял опершись о дверь коровника и рыдал. Слезы текли по его пухлым грязным щекам. То и дело он поворачивался и бился головой о стену, будто считал себя виноватым во всем.

— С ним тоже все в порядке.

— А по мне, так тут никакого порядка нет, — заявил главный врач округа, — когда шестнадцать коров лежат дохлые, задрав ноги кверху, как телеграфные столбы. Мне отсюда видно.

— Хорошо, — сказал Джо, — дальше вы не пройдете.

Главный врач округа швырнул бумагу от гейтс-фоллского ветеринара на землю и наступил на нее сапогом. Он взглянул на Джо Ньюолла, покраснев так, что вены на его лбу вздулись:

— Я хочу видеть этих коров. Одну я увезу, если понадобится.

— Нет.

— Весь мир вам не принадлежит, Ньюолл, — я возьму судебное постановление.

— Попробуйте.

Главный врач уехал. Джо наблюдал за ним. У коровника дурачок в заляпанном навозом комбинезоне, выпитом по почтовому каталогу, продолжал биться головой о стену и выть. Он оставался там весь этот августовский день, завывая во весь голос и задрав к желтому небу свое монголоидное лицо. «Выл, как теленок на луну», — говорил юный Гэри Полсон.

Главным врачом округа был Клем Апшоу из Сируа-Хилла. Он мог бы не лезть в это дело, когда с него немного сбили спесь, но Брауни Маккиссик, поддерживавший его на выборах (и поставивший немало бесплатного пива), требовал, чтобы он этого так не оставлял. Папаша Харли Маккиссика не то чтобы охотно лез в пасть льву, но хотел разобраться с Джо Ньюоллом относительно частной собственности. Он хотел, чтобы Джо хорошенько усвоил, что частная собственность — это великое дело, это истинно американское дело, но ведь она имеет отношение и к Касл-Року, а народ здесь по старинке считает, что общественное важнее, даже для богатеньких, которые делают пристройки к своим домам, как только им заблагорассудится. Вот Клем Апшоу и поехал в Лакери, где тогда был центр округа, и получил судебное предписание.

Пока он его получал, громадный фургон заехал в коровник, возле которого все еще плакал дурачок. И когда Клем Апшоу явился со своим предписанием, осталась только одна дохлая корова, которая уставилась на него своими черными глазами, к тому времени уже потускневшими и покрывшимися слоем мелкой соломы. Клем установил, что эта корова безусловно погибла от бычьего менингита, и с тем отбыл. Как только он скрылся за поворотом, уборщик падали забрал последнюю корову.

В 1928 году Джо начал очередную пристройку. Тут-то мужчины, собиравшиеся у Брауни, окончательно пришли к выводу, что он спятил. Хитрый-то хитрый, а спятил. Бенни Эллис утверждал, будто Джо вырезал глаз у своей дочери и держит его в колбе с «фафальдегидом» на кухонном столе вместе с ампутированными пальцами, которые высовывались из другой глазницы, когда ребенок родился. Бенни обожал читать романы ужасов, журналы, на обложках которых голых красавиц утаскивают гигантские муравьи, и тому подобную белиберду, и его рассказ о колбе Джека, несомненно, был навеян этим чтивом. В результате вскоре по всему Касл-Року — не только на Повороте — появились люди, утверждавшие, будто все, что говорит Бенни, истинная правда. Некоторые даже заявляли, что Джо хранит в своей колбе и менее приличные вещи.

Вторая пристройка была закончена в августе 1929 года; две ночи спустя по подъездной дорожке у дома пронесся, сотрясаясь, весь разбитый автомобиль с нарисованными огромными фосфоресцирующими глазами, и в новую пристройку был подброшен огромный, неимоверно вонючий дохлый скунс. Дохлятина ударилась в окно, оставив на стекле странную картину из кровавых пятен, напоминающую китайскую идеограмму.

В сентябре того же года огонь охватил чесальный цех главной лесопилки Ньюолла в Гейтс-Фоллсе, причинив ущерб на пятьдесят тысяч долларов. В октябре настал биржевой крах. В ноябре Джо Ньюолл повесился на балке в одной из незаконченных комнат — вероятно, будущей спальне — последней пристройки. Свежее дерево еще сильно пахло смолой. Его нашел Кливленд Торбатт, помощник управляющего в Гейтс-Фоллсе и партнер Джо (по слухам) по многим авантюрам на Уолл-стрит, которые теперь не стоили плевка туберкулезного спаниеля. Тело вынул из петли окружной следователь, которым оказался брат Клема Апшоу — Ноубл.

Джо похоронили рядом с женой и ребенком в последний день ноября. Это был солнечный светлый день, и единственным жителем Касл-Рока, присутствовавшим на

церемонии, оказался Элвин Кой, водитель катафалка. Элвин рассказывал, что среди присутствовавших была молодая стройная женщина в енотовой шубе и черной шляпе колоколом. Сидя у Брауни и хрустя огурцом, вынутым прямо из бочки, Элвин загадочно усмехался и клялся, что это, несомненно, джазовая певица. У нее не было никакого фамильного сходства с Корой Леонард Ньюолл, и во время молитвы она не закрывала глаза.

Гэри Полсон чрезвычайно медленно входит в магазин, тщательно закрывая за собой дверь.

— Добрый день, — нейтральным тоном произносит Харли Маккиссик.

— Ты, кажется, вчера крепко выдал кое-кому в Грейндже, — бурчит старый Клат, раскуривая трубку.

— Да, — отвечает Гэри. Ему восемьдесят четыре, и, как и многие, он помнит времена, когда жизнь на Повороте кипела — не то что теперь. Он потерял двух сыновей на двух войнах — еще до Вьетнама — и очень тяжело переживал. Третий, хороший парень, погиб в столкновении с лесовозом под Преск-Иль еще в 1973 году. Это старик перенес как-то легче, Бог знает почему. У Гэри иногда начинает течь слюна изо рта, и он чмокает, пытаясь втянуть ее обратно, пока она не стекла на подбородок. Он не понимает многого, что происходит вокруг, но знает, что старость — далеко не лучший способ провести последние годы жизни.

— Кофе? — спрашивает Харли.

— Нет, спасибо.

Ленни Партридж, который все еще никак не оправится после странной аварии в позапрошлом году, в которой сломал два ребра, убирает ноги, чтобы старший товарищ мог пройти и аккуратно опуститься в свое кресло в углу (Гэри сам сплел сиденье этого кресла в 1982 году). Полсон облизывает губы, втягивает обратно слюну и укладывает свои большие руки на изголовье кресла. Вид у него усталый и жалкий.

— Будет вшивый дождь, — сообщает он наконец. — У меня все ломит.

— Дерьмовая осень, — подтверждает Пол Корлисс.

Молчание. Тепло от печи заполняет магазин, который закроется, как только Харли умрет или даже раньше, если его младшая дочь уйдет из дому, заполняет помещение и ласкает кости стариков — старается, во всяком случае, доходит до грязных стекол, где приклеены старинные афиши, и вытекает во двор, где когда-то стояла бензоколонка, пока ее не перенесли в 1977 году. Дети этих стариков в основном перебрались в более удобные для жизни места. Магазин всерьез не торгует — обслуживает только местных да редких проезжих туристов, которым эти старики, сидящие у печки в теплых кальсонах даже в июле, кажутся призраками. Старый Клат всегда утверждал, что в эту часть Касл-Рока придут новые люди, но последнюю пару лет было еще хуже, чем раньше, — похоже, весь распроклятый город умирает.

— Кто строит новое крыло к этому чертовому дому Ньюолла? — спрашивает наконец Гэри.

Все оглядываются на него. На мгновение спичка, которой только что чиркнул Клат, таинственным образом вертикально висит над чубуком трубки, обгорающим дочерна. Сера на ее конце светлеет и сворачивается завитком. Наконец старому Клату удастся протолкнуть спичку внутрь, и он выпускает кольцо дыма.

— Новое крыло? — переспрашивает Харли.

— Угу.

Кольцо дыма из трубки старого Клата проплывает над печью и рассеивается, подобно тонкой рыбацкой сети. Ленни Партридж задирает подбородок кверху, так что у него вытягивается кадык, а затем медленно, с сухим треском проводит рукой по горлу.

— Никто, насколько мне известно, — говорит Харли; из его тона вытекает, что имеются в виду все, кто имеет хоть какое-нибудь значение, по крайней мере в этой части света.

— На это место не находилось покупателя с одна тысяча девятьсот двадцать девятого года, — уточняет старый Клат. Старый Клат имеет в виду продавцов — Южно-Мэнскую ткацкую компанию и Банк Южного

Мэна, но подразумевает нечто большее — больших шишек из Массачусетса. Ткацкая компания вступила во владение тремя лесопилками Джо и его домом на холме через год после его ухода из жизни, но что касается людей, собравшихся у печки в магазине Брауни, для них это название — просто дымовая завеса... то, что они называют Крючкотворством, говоря, например: «Она взяла на него исполнительный лист, и теперь он даже с детьми не может видаться из-за Крючкотворства». Эти люди ненавидят крючкотворство, которое вторгается в их жизнь и в жизнь их друзей, но в то же время восхищаются, как некоторым удастся поставить его себе на службу и с его помощью выколачивать все больше грязных денег.

Южно-Мэнская ткацкая компания, она же Банк Южного Мэна, она же Большие Шишки из Массачусетса, долго и успешно управляла лесопилками, которые Джо Ньюолл когда-то спас от гибели, но ей никак не удавалось избавиться от дома, волнующего стариков, которые проводят целые дни у Брауни. «Это вроде козявки, которую ты выковырял из носа и никак не стряхнешь с пальца, — как-то сказал Ленни Партридж, и все согласились. — Даже эти пройдохи-макаронники не справились».

Старый Клат и его внук Энди сейчас не в ладах; причиной тому послужило владение уродливым домом Джо Ньюолла... хотя были, конечно, и другие, более личные причины, лежащие не столь глубоко, как всегда бывает. Дело было после того, как дед и внук — оба овдовевшие — неплохо пообедали в городе у молодого Клата.

Молодой Энди, которого тогда еще не выгнали из городской полиции, пытался (довольно самонадеянно) объяснить деду, что Южно-Мэнская ткацкая компания уже много лет не имеет никакого отношения к выморочному наследству Ньюолла, что фактический владелец дома на Повороте — Банк Южного Мэна и что между этими двумя фирмами нет ничего общего. Старый Джон заявил Энди, что он дурак, если верит этому — всем известно, что и банк, и текстильная компания только вывески для Больших Шишек из Массачусетса и разли-

чаются только двумя словами. Они просто прикрывают огромной кучей бумаг то, что всем очевидно, пояснил старый Клат, — Крюкотворством, короче говоря.

Тут молодой Клат имел наглость расхохотаться. Старый Клат покраснел, швырнул салфетку в тарелку и встал на ноги. «Смейся, — сказал он. — Давай, смейся. Почему бы и нет? Единственное, что алкаш делает лучше, чем смеется над тем, чего не понимает, — это плачет непонятно отчего». Тут уж Энди рассвирепел и закричал, что пьет он из-за Мелиссы, а Джон спросил внука, сколько можно винить давно умершую жену в собственном пьянстве. Энди побелел от этих слов старика и велел ему убираться вон, что Джон и сделал, и с тех пор он к внуку ни ногой. И не собирается. Если отбросить из его слов ругательства, то останется: он не выносит самого вида Энди, который несется в ад на ручной тележке.

Как бы там ни было, ясно одно — дом на холме пустует уже одиннадцать лет, подолгу там никто не живет, а Банк Южного Мэна, видимо, утратил надежду продать его через местные фирмы по торговле недвижимостью.

— Последняя семья, которая его купила, приехала с севера штата Нью-Йорк, так? — спрашивает Пол Корлисс, а он заговаривает так редко, что все оборачиваются к нему. Даже Гэри.

— Да, сэр, — подтверждает Ленни. — Прекрасная парочка. Он собирался покрасить конюшню в красный цвет и сделать из нее антикварный магазин, не так ли?

— Ага, — бурчит старый Клат. — А потом их мальчишка взял ружье...

— Люди бывают такими беспечными, — вмешивается Харли.

— Он умер? — спросил Ленни. — Мальчик?

Все молчат. Похоже, никто не знает. Наконец, как бы через силу, берет слово Гэри.

— Нет, — говорит он. — Но ослеп. Они переехали в Оберн. А может, в Лидс.

— Они были хорошие люди, — продолжает Ленни. — Думаю, у них что то получилось бы. Но вцепились в этот

дом. Думали, их все дурачат насчет того, что дом приносит несчастье, потому что они приезжие. — Он задумчиво помолчал. — Может, сейчас они так не думают... где бы они ни были.

Старики молча думают о людях с севера штата Нью-Йорк, а может, о собственных органах чувств, которые все чаще их подводят. В топке печи пылает мазут. Где-то позади неугомонный осенний ветер тяжело хлопает ставней.

— Там строится новое крыло, точно вам говорю, — начинает Гэри. Он говорит тихо, но настойчиво, будто кто-то ему перечит. — Я видел, когда спускался по Ривер-роуд. Каркас уже почти готов. Чертова штука, наверное, метров тридцать в длину и метров десять в ширину. Раньше никогда не замечал. Бревна вроде кленовые. Где только люди берут такой отличный клен в наше время?

Никто не отвечает. Никто не знает.

Наконец, очень нерешительно, Пол Корлисс произносит:

— Может, ты говоришь о другом доме, Гэри? Может быть.

— Может быть, дерьмо, — говорит Гэри так же тихо, но с еще большей убежденностью. — Это дом Ньюолла, новое крыло дома Ньюолла, уже готов каркас, а если сомневаешься, выйди и посмотри.

Коль так, сказать нечего — ему верят. Однако ни Пол, ни кто-нибудь другой не бросается во двор, чтобы взглянуть, как к дому Ньюолла пристраивают новое крыло. Они считают, что дело это важное, а значит, можно не спешить. Время еще будет — Харли Маккиссик не раз говаривал, что если бы время было пиленным лесом, они бы все озолотились. Пол подходит к старинному автомату и берет стакан лимонада. Он дает Харли шестьдесят центов, и тот их приходует. Когда он закрывает кассовый аппарат, то обнаруживает, что атмосфера в магазине как-то изменилась. На обсуждение поставлены другие вопросы.

Ленни Партридж кашляет, моргает, прижимает руки к груди, где сломанные ребра так толком и не срослись, и спрашивает Гэри, когда будут хоронить Дану Роя.

— Завтра, — отвечает Гэри, — в Гореме. Там, где покойся его жена.

Люси Рой умерла в 1968 году; Дана, который до 1979 года работал электриком на гипсовом руднике в Гейтс-Фоллсе, скончался от рака кишечника позавчера. Он всю жизнь прожил в Касл-Роке и любил всем рассказывать, что всего трижды выезжал за пределы штата Мэн: раз к тете в Коннектикут, другой раз посмотреть игру «Бостон ред сокс» в Фенуэй-Парке («А они продули, сволочи», — неизменно добавлял он при этом) и еще раз — на съезд электриков в Портсмут, штат Нью-Хэмпшир. «Пустая трата времени, — всегда говорил он об этом съезде. — Только выпивка и бабы, а на баб и смотреть-то нечего, не говоря уж там про что другое». Он был своим в этой компании, и, узнав о его кончине, они испытывали сложную смесь горя и торжества.

— Из него вынули полтора метра кишок, — рассказывал Гэри остальным. — Ничего не дало. Там уже все — насквозь.

— Он знал Джо Ньюолла, — вдруг произносит Ленни. — Он ходил со своим папашей, когда тот проводил Джо электричество, — ему тогда было лет шесть—восемь. Помню, он говорил, что Джо как-то дал ему ириску, и он ее съел в отцовском грузовичке, когда ехал домой. Говорил, была кислая и какая-то не такая. Позже, когда снова запустили все лесопилки — уже в конце тридцатых, наверное, — он командовал, когда восстанавливали проводку. Помнишь, Харли?

— Угу.

Теперь, когда разговор от Даны Роя вернулся к Джо Ньюоллу, старики замолчали, собираясь с мыслями, чтобы рассказать анекдоты о том и о другом. Но тут рот открывает старый Клат. Он говорит удивительные вещи.

— А того скунса в пристройку подбросил старший брат Даны, Уилл. Я почти уверен.

— Уилл? — поднимает бровь Ленни. — Уилл Рой был слишком серьезным парнем для такого дела, я бы сказал.

Гэри Полсон вступает, очень тихим голосом:

— Да, это был Уилл.

Все поворачиваются к нему.

— Жена дала Дане ириску, когда он там был с отцом, — продолжает Гэри, — Кора, а не Джо. И Дане было не шесть и не восемь: скусна подбросили во времена Большого краха, а Кора тогда уже умерла. Нет, может, Дана что-то и помнил, но ему было никак не больше двух. Ириску ему дали примерно в 1916 году, потому что в 16-м Эдди Рой делал проводку. И больше он там не появлялся. Фрэнк — средний сын, он умер лет этак десять или двенадцать тому, — вот кому могло быть тогда шесть или восемь. Фрэнк видел, что сделала Кора с малышом, насколько я знаю, но тогда не сказал Уиллу. Это все неважно. Наконец Уилл решил что-то сделать. К тому времени женщина умерла, и он отомстил дому, который Джо построил для нее.

— Это меня не волнует, — сказал Харли, но в голосе его звучало восхищение. — Что она сделала с Даной? Вот что я хочу знать.

Гэри говорит спокойно, размеренно:

— Как-то вечером Фрэнк крепко поддал и рассказал мне, что женщина дала ему одной рукой ириску, а другой потрогала его за письку. Прямо на глазах у старшего мальчика.

— Не может быть! — восклицает старый Клат, уязвленный до глубины души.

Гэри только смотрит на него своими выцветшими пожелтевшими глазами и не говорит ни слова.

Опять тишина — только ветер и хлопающая ставня. Дети на эстраде куда-то исчезли со своей пожарной машинкой, а бесконечный день продолжается — свет, как на картинах Эндрю Уайета, белый, спокойный и исполненный идиотской многозначительности. Земля, отдав свои щедрые плоды, напрасно ожидает снега.

Гэри охотно рассказал бы им о палате Мемориальной больницы округа Камберленд, где лежал умирающий Дана Рой с ноздрями, опутанными черным шнуром; от него шел запах, как от разлагающейся на солнце рыбы. О холодном

синем кафеле и медсестрах с волосами под сеткой, в основном молодых, со стройными ногами, крепкими гру-
дями, понятия не имеющих о том, что 1923 год был такой
же реальностью, как боли в костях стариков. Он испыты-
вал потребность прочесть проповедь на тему о зловре-
дности времени и, может быть, зловре-дности некоторых мест
и объяснить, почему Касл-Рок стал похож на гнилой зуб,
который вот-вот выпадет. Больше всего ему хочется
рассказать о том, что Дана Рой издавал такие звуки,
словно его грудную клетку набили сеном и он пытался
дышать сквозь него, а выглядел так, будто уже начал
разлагаться. Но он ничего этого не рассказывает, потому
что не знает как, и только втягивает назад слюну и молчит.

— Никто особенно не любил Джо, — говорит старый
Клат... и вдруг к нему приходит озарение: — Но ведь он
рос на нас!

Никто ему не отвечает.

Девятнадцать дней спустя, за неделю до того, как
первый снег лег на бесплодную землю, Гэри Полсону
приснился удивительно сексуальный сон... скорее, правда,
не сон, а воспоминание.

14 августа 1923 года, проезжая мимо дома Ньюоллов в
отцовском грузовичке, тринадцатилетний Гэри Маргин
Полсон наблюдал, как Кора Леонард Ньюолл отходит от
почтового ящика в конце подъездной дорожки. В руке у нее
была газета. Увидев Гэри, она потянулась и свободной рукой
развязала пояс халата. Она не улыбалась. Огромное круглое
лицо никак не изменилось, когда она задрала рубашку,
обнажая перед ним свой пол, — впервые он увидел эту
тайну, которую столь оживленно обсуждали мальчишки
между собой. Не улыбаясь, а лишь мрачно поглядывая на
него, она покачала бедрами перед его изумленным лицом
как раз когда он проехал мимо нее. Тогда его рука упала
на колени, и впервые в жизни у него произошла эякуляция.

Первый оргазм. В последующие годы он занимался
любовью со многими женщинами, начиная с Салли Уэллетт
под Оловянным мостом в 1926 году, и всякий раз при
приближении оргазма — без единого исключения — он

видел перед глазами Кору Леонард Ньюолл: она стоит у почтового ящика под горячим серым небом и задирает рубашку, обнажая редкую поросль рыжеватых волос под кремовым сводом живота; видна вызывающая щель с красными губами, подцвечивающими то, что на самом деле очень тонко кораллово-(Кора)-розовое. Но не вид ее влагалища под этим каким-то неупорядоченным бугорком преследовал его все эти годы так, что любая женщина в момент свершения становилась Корой; точнее, не только это. Что всегда сводило его с ума от похоти всякий раз, когда он вспоминал (а занимаясь любовью, он вспоминал всегда), — это то, как она раскачивала перед ним бедра... раз, два, три. Это отсутствие всякого выражения на ее лице, бесстрастность столь глубокая, что, казалось, граничила с идиотизмом, как бы выражающая суть ничтожно малых познаний и возможностей подростка — липкая тьма, не более, крохотный рай, отцвечивающий Кора-ллово-розовым.

Вся его сексуальная жизнь определялась и направлялась этим эпизодом, но он никогда об этом не рассказывал, хотя после хорошей выпивки часто испытывал такое искушение. Он держал это в себе. И сейчас ему приснился именно этот эпизод, отчего он впервые за девять лет испытал эрекцию, как вдруг крохотный сосудик у него в мозгу лопнул, образовав тромб, который тихонько убил его, избавив от четырех недель или четырех месяцев паралича, гибких трубок на руках, катетров, бесшумных медсестер с сетками на волосах и крепкими высокими грудями. Он умер во сне, с гордо поднятым пенисом, и сон увял, как послесвечение от выключенного телевизора в темной комнате. Приятели были бы, наверное, поражены, если бы слышали последние слова, которые он выдал шепотом, но вполне разборчиво:

— Круглая, как луна!

На следующий день после того, как он упокоился в родной земле, к новому крылу дома Ньюолла начали пристраивать новый купол.

**ИЗВИНИТЕ,
ОШИБЛИСЬ
НОМЕРОМ**

Примечание автора. Сокращения в телесценариях просты и существуют, по мнению автора этих строк, исключительно для того, чтобы сочинители сценариев чувствовали себя «братьями по масонской ложе». В любом случае следует иметь в виду, что КП означает крупный план, ОКП — очень крупный план, ВНТ — внутренний, ВНШ — внешний план, ЗП — задний план, ТС — точка съемки. Многие из вас, видимо, знали это все и без меня, правда?

АКТ I

Введение изображения: рот Кэти Вайдерман (ОКП).

Она разговаривает по телефону. Красивый рот; через несколько секунд мы увидим, что и все остальное не менее красиво.

КЭТИ. Билл? О, он говорит, что не очень хорошо себя чувствует, но это у него всегда так в перерыве между книгами... не спит, любую головную боль принимает за первый признак опухоли мозга... Как примется за новую книгу, все как рукой снимет.

Звук, ЗП: телевизор. Камера откатывается назад.

Кэти сидит в телефонной выгородке на кухне, болтая со своей сестрой и лениво просматривая новые каталоги. Телефон у нее не совсем обычный: в нем две линии. Светящиеся клавиши показывают, какая линия занята. Сейчас светится только одна — у Кэти. Пока Кэти продолжает разговаривать, камера отъезжает от нее, проходится по кухне и через стрельчатый дверной проем захватывает часть комнаты.

КЭТИ (*голос слабее*). Да, я сегодня видела Дженни Чарлтон... да! Стала огромная, как дом!..

Голос исчезает. Телевизор слышится громче. В комнате трое детей: *Джефф*, восьми лет, *Конни*, десяти, и *Деннис*, тринадцати. На экране «Колесо фортуны», но они его не смотрят. Они увлечены страшно интересным делом: Спором, Что Будет Дальше.

ДЖЕФФ. Ну давай же! Это была его первая книга!

КОННИ. Первая денежная книга.

ДЕННИС (*с непререкаемой безапелляционностью старшего брата*). Мы будем смотреть «Привет» и «Крылья», как мы делаем каждую неделю, Джефф. («Поговори еще, и увидишь, как больно я могу тебе сделать», — написано у него на лице.)

ДЖЕФФ. Можно хотя бы записать это?

КОННИ. Мы запишем Си-Эн-Эн для мамы. Она сказала, что будет еще очень долго разговаривать с тетей Лоис.

ДЖЕФФ. Господи, как можно записывать Си-Эн-Эн? Она же *никогда* не кончается!

ДЕННИС. Это она и любит.

КОННИ. И не говори «Господи», Джеффи, — ты еще не дорос, чтобы говорить о Боге, кроме как в церкви.

ДЖЕФФ. Тогда не называй меня «Джеффи».

КОННИ. Джеффи, Джеффи, Джеффи.

Джефф встает, подходит к окну, выглядывает в темноту. Он обижен до глубины души. *Деннис* и *Конни* в лучших традициях старших братьев и сестер злорадно наблюдают за ним.

ДЕННИС. Бедный Джеффи.

КОННИ. Думаю, он сейчас покончит самоубийством.

ДЖЕФФ (*поворачиваясь к ним*). Это же была его первая книга! Неужели вам все равно?

КОННИ. Возьми ее завтра напрокат в «Видеостопе», если хочешь убедиться, какая это дрянь.

ДЖЕФФ. Маленьким не дают фильмы со значком «R», и ты это прекрасно знаешь.

КОННИ (*восторженно*). Заткнитесь, это Иванна! Я обожаю Иванну!

ДЖЕФФ. Денис...

ДЕННИС. Пойди попроси папу, чтобы он записал на видик у себя в кабинете, и не будь таким занудливым плаксой.

Джефф выходит из комнаты, на ходу показывая язык Иванне Уайт.

Камера следует за ним в кухню.

КЭТИ. ...так что когда он спросил меня, есть ли у Полли аллергия к стрептомицину, мне пришлось напомнить ему, что Полли в частной школе... Господи, Лоис, как я по ней скучаю...

ДЖЕФФ проходит к лестнице.

КЭТИ. Дети, нельзя ли потише?

ДЖЕФФ (*мрачно*). Сейчас будет потише. Вот.

Он поднимается по лестнице, слегка угнетенный. *Кэти* смотрит ему вслед с любовью и беспокойством.

КЭТИ. Опять разошлись. Полли умела держать их в узде, но теперь она в этой школе... Не знаю... может, послать ее в Болтон было не самой блестящей идеей. Иногда, когда она звонит домой, у нее такой несчастный голос...

ВНТ: БЕЛА ЛУГОШИ В РОЛИ ДРАКУЛЫ (КП).

Дракула стоит в дверях своего трансильванского замка. Кто-то пририсовал к его рту шарик, как в комиксе, со словами: «Слушайте! Мои дети ночи! Какую музыку они играют!» Это картинка, приклеенная к двери, но это становится заметно лишь когда *Джефф* открывает дверь и заходит к отцу в кабинет.

ВНТ: фотографии Кэти (КП).

Камера держит кадр, потом медленно смещается вправо. Проплывает другой снимок — Полли, дочери, которая в школе. Это красивая девушка лет шестнадцати. После Полли снимок Денниса... затем Конни... затем Джеффа.

Камера продолжает панорамировать и в то же время наезжает так, что мы видим Билла Вайдермана, мужчину лет сорока пяти. У него усталый вид. Он смотрит в текстовый процессор у себя на столе, но его

мыслительный кристалл, видимо, взял отгул, потому что экран пустой. На стенах развешаны обложки книг в рамках. Все они о таинственном. Одна называется «Поцелуй призрака».

Джефф тихонько заходит за спину папе. Ковер скрадывает его шаги. *Билл* вздыхает и выключает процессор. Тут же *Джефф* обхватывает руками плечи отца.

ДЖЕФФ. *Буга-буга!*

БИЛЛ. Привет, Джеффи.

Он поворачивается на стуле и смотрит на сына, который явно разочарован.

ДЖЕФФ. А почему ты не испугался?

БИЛЛ. Мое ремесло — пугать, а не пугаться. Я закален. Что-то не так?

ДЖЕФФ. Папа, можно я посмотрю первый час «Поцелуя призрака», а ты запишешь остальное? Деннис и Конни все гребут под себя.

Билл снова поворачивается и задумчиво смотрит на обложку книги.

БИЛЛ. Ты действительно хочешь посмотреть *это*, мальчик? Это довольно...

ДЖЕФФ. *Да-а-а!*

ВНТ: *Кэти в телефонной выгородке.*

В этом кадре за ее спиной хорошо просматривается лестница, ведущая в кабинет мужа.

КЭТИ. Я считаю, что *Джеффа* надо сводить к зубному врачу, но ты же знаешь *Билла*...

Звонок по второй линии. Вспыхивает вторая лампочка.

КЭТИ. Это вторая линия, *Билл* возьмет...

За ее спиной *Билл* и *Джефф* спускаются по лестнице.

БИЛЛ. Дорогая, где пустые видеокассеты? Не могу найти в кабинете, а...

КЭТИ (*Биллу*). Подожди!

КЭТИ (*Лоис*). Подожди секундочку у телефона, Ло.

Теперь мигают лампочки от обеих линий. Она нажимает верхнюю, где только что раздался звонок.

КЭТИ. Алло, резиденция Вайдермана.

Звук: *отчаянные рыдания.*

ПЛАЧУЩИЙ ГОЛОС (*фильтр*). Заберите... пожалуйста, заберите... 3-3-3...

КЭТИ. Полли? Это ты? В чем дело?

Звук: *рыдания*. Ужасные, душераздирающие.

ПЛАЧУЩИЙ ГОЛОС (*фильтр*). Пожалуйста... быстрее...

Звук: *рыдания*. Затем: *щелк!* — разъединилось.

КЭТИ. Полли, успокойся! Что бы там ни было...

Гудки в первой линии.

Джефф отправился в гостиную в надежде отыскать пустую кассету.

БИЛЛ. Что там такое?

Не глядя на мужа и не отвечая ему, Кэти нажимает нижнюю клавишу.

КЭТИ. Лоис? Слушай, я тебе перезвоню. Это была Полли, и она плакала. Нет... она бросила трубку. Да. Позвоню. Спасибо.

Вешает трубку.

БИЛЛ (*озабоченно*). Это была Полли?

КЭТИ. Она рыдала. Похоже, она хотела сказать: «Пожалуйста, заберите меня домой». Я знаю, что эта чертова школа доводит ее до бешенства. И как я позволила тебе уговорить меня...

Впопыхах роется на телефонном столике. Кataloги валяются на пол под ее стул.

КЭТИ. Конни, ты забрала мою записную книжку?

КОННИ (*голос из комнаты*). Нет, мама.

Билл вынимает потертую записную книжку из заднего кармана и листает ее.

БИЛЛ. У меня записано. Только...

КЭТИ. Знаю, чертов телефон в комнате всегда занят. Дай мне его.

БИЛЛ. Дорогая, успокойся.

КЭТИ. Успокоюсь, когда поговорю с ней. Ей шестнадцать лет, Билл. Шестнадцатилетние девочки склонны к депрессивным психозам. Иногда они даже... да дай же мне этот проклятый номер!

БИЛЛ. 617-555-8641.

Пока она набирает номер, *камера наезжает крупным планом.*

КЭТИ. Давай, давай... не будь занят... хоть в этот раз...

Звук: щелчки. Пауза. Затем... телефон начинает трезвонить.

КЭТИ (*закрыв глаза*). Слава тебе, Господи.

ГОЛОС (*фильтр*). Хартсхорн-Холл, говорит Фрида. Если тебе нужна Кристина-Королева Секса, то она еще в душе, Арни.

КЭТИ. Вы можете позвать к телефону Полли? Полли Вайдерман? Это Кейт Вайдерман. Ее мама.

ГОЛОС (*фильтр*). О, да! Извините. Я думала... подождите минуточку, миссис Вайдерман.

Звук: на другом конце отложили трубку.

ГОЛОС (*фильтр, очень слабо*) Полли? Пол... Тебя к телефону! Твоя мама!

ВНТ: *более широкая панорама телефонной выгородки, включая Билла.*

БИЛЛ. Ну?

КЭТИ. Пошли ее звать. Я надеюсь.

Входит Джефф с кассетой.

ДЖЕФФ. Я нашел кассету, па. Деннис ее спрятал. Как обычно.

БИЛЛ. Минуточку, Джефф. Пойди посмотри ящик.

ДЖЕФФ. Но...

БИЛЛ. Я не забуду. А теперь проваливай.

Джефф уходит.

КЭТИ. Иди же, иди, иди...

БИЛЛ. Успокойся, Кэти.

КЭТИ (*взрывается*). Если бы ты слышал ее, ты бы не требовал, чтобы я успокоилась! Это звучало...

ПОЛЛИ (*фильтр, голос веселый*). Привет, ма!

КЭТИ. Пол! Дорогая! С тобой все в порядке?

ПОЛЛИ (*возбужденным, довольным голосом*). В порядке? Биологию сдала отлично, французский на четверку, а Ронни Хансен пригласил меня на праздник сбора урожая. У меня все так замечательно, что, если сегодня

случится еще что-то хорошее, я, наверно, взорвусь, как дирижабль «Гинденбург».

КЭТИ. Ты мне сейчас не звонила плачущим голосом?

По лицу Кэти видно, что ответ ей уже известен.

ПОЛЛИ (фильтр). Боже упаси, нет, конечно!

КЭТИ. Я очень рада твоим зачетам и твоему свиданию, милая. Наверное, это был кто-то другой. Я потом тебе перезвоню, ладно?

ПОЛЛИ (фильтр). Ладно. Папе привет!

КЭТИ. Передам.

ВНТ: телефонная выгородка — более широкая панорама.

БИЛЛ. У нее нормально?

КЭТИ. Замечательно. Я могла бы поклясться, что то была Полли, но она сейчас на седьмом небе.

БИЛЛ. Значит, это был розыгрыш. Или кто-то так сильно плакал, что набрал не тот номер... «Через мерцающую завесу из слез», как говаривали мы, старые детективщики.

КЭТИ. Это не был розыгрыш, и номером не ошиблись! Это был кто-то из нашей семьи!

БИЛЛ. Дорогая, этого ты не можешь знать.

КЭТИ. Нет, говоришь? Если бы позвонил Джеффи весь в слезах, ты бы понял, что это он?

БИЛЛ (уязвленно). Да, наверное. Думаю, что понял бы.

Она не отвечает. Она лихорадочно нажимает клавиши на трубке.

БИЛЛ. Кому ты звонишь?

Она не отвечает.

Звук: два длинных звонка.

ПОЖИЛОЙ ЖЕНСКИЙ ГОЛОС (фильтр). Алло?

КЭТИ. Мама? Ты не... (пауза). Ты не звонила несколько минут назад?

ГОЛОС (фильтр). Нет, дорогая... А что такое?

КЭТИ. О, ты же знаешь эти телефоны. Я разговаривала с Лоис и упустила другой звонок.

ГОЛОС (фильтр). Ну, это была не я, Кейт, я сегодня видела замечательное платье в «Ла Бутик», и...

КЭТИ. Мы обсудим это позже, ладно, мама?

ГОЛОС (*фильтр*). Кейт, с тобой все в порядке?

КЭТИ. У меня... Мама, у меня, наверное, понос. Я должна бежать. Пока.

Она вешает трубку. Билл тем временем разгуливает по кухне, а потом раздражается громовым, словно ослиный рев, хохотом.

БИЛЛ. О Господи... понос... Я это поберегу для того случая, когда мне будет звонить мой агент... о, Кэти, это было так классно...

КЭТИ (*почти в истерике*). Это не смешно!

Билл перестает смеяться.

ВНТ: *гостиная.*

Джефф и Деннис боролись. Они прекращают возню. Все трое детей оборачиваются в сторону кухни

ВНТ: *телефонная выгородка, в ней Билл и Кэти.*

КЭТИ. Я же тебе говорю, звонил кто-то из нашей семьи, а ты не можешь понять. Я знаю этот голос.

БИЛЛ. Но если Полли в порядке и твоя мама в порядке...

КЭТИ (*уверенным тоном*). Это Дон.

БИЛЛ. Постой, дорогая, минуту назад ты была уверена, что Полли.

КЭТИ. Это должно быть Дон. Я говорила с Лоис и с мамой, значит, *остается* только Дон. Она самая младшая... Я могла принять ее за Полли... а она там на ферме, одна с ребенком!

БИЛЛ (*пораженный*). Как это одна?

КЭТИ. Джерри в Берлингтоне! Это Дон! *Что-то случилось с Дон!*

В кухню входит озабоченная Конни.

КОННИ. Ма? С тетей Дон все в порядке?

БИЛЛ. Насколько нам известно, да. Успокойся, маленькая. Не надо покупать неприятность до того, как она поступила в продажу.

Кэти набирает номер и прислушивается. Звук: «та-та-та» — занято. Кэти вешает трубку. Билл приподнял брови.

КЭТИ. Занято.

БИЛЛ. Кэти, ты уверена...

КЭТИ. Остается только она — значит, это она. Билл, я боюсь. Ты отвезешь меня туда?

Билл забирает у нее трубку.

БИЛЛ. Какой номер.

КЭТИ. 555-6169.

Билл набирает. Снова занято. Вешает трубку и набирает «0».

ОПЕРАТОР (*фильтр*). Оператор.

БИЛЛ. Я пытаюсь дозвониться своей золовке. Линия занята. Я подозреваю, что там могло что-то произойти. Прошу вмешаться в разговор, пожалуйста.

ВНТ: дверь в гостиную.

Все трое детей стоят молча, озабоченно.

ВНТ: телефонная выгородка, в ней Билл и Кэти.

ОПЕРАТОР (*фильтр*). Ваша фамилия, сэр?

БИЛЛ. Уильям Вайдерман. Мой номер...

ОПЕРАТОР (*фильтр*). Вы не тот Уильям Вайдерман, который написал «Заклятие паука»?

БИЛЛ. Да, это я. Если...

ОПЕРАТОР (*фильтр*). О Господи, как мне нравится эта ваша книга! Я люблю все ваши книги! Я...

БИЛЛ. Я вам чрезвычайно признателен. Однако в данный момент моя жена очень беспокоится о своей сестре. Если вы можете...

ОПЕРАТОР (*фильтр*). Да, я могу. Пожалуйста ваш номер телефона, мистер Вайдерман, для записи. (*Хихикает*). Обещаю вам не разглашать его.

БИЛЛ. 555-4408.

ОПЕРАТОР (*фильтр*). А номер вызываемого телефона?

БИЛЛ (*смотрит на Кэти*). Гм...

КЭТИ. 555-6169.

БИЛЛ. 555-6169.

ОПЕРАТОР (*фильтр*). Минуточку, мистер Вайдерман... «Ночь зверя» тоже сильная вещь, кстати сказать. Не кладите трубку.

Звук: частые гудки в телефоне.

КЭТИ. Она...

БИЛЛ. Да. Вот как раз...

ОПЕРАТОР (*фильтр*). Извините, мистер Вайдерман, но линия не занята. Там трубка не положена. Скажите, если я pošлю вам экземпляр «Заклятия паука»...

Билл вешает трубку.

КЭТИ. Почему ты повесил трубку?

БИЛЛ. Она не может вмешаться. Телефон не занят. Там не повешена трубка.

Они остолбенело смотрят друг на друга.

ВНШ: приземистая спортивная машина проезжает мимо камер. Ночь.

ВНТ: в машине Кэти и Билл.

Кэти встревожена. У Билла, сидящего за рулем, не очень спокойный вид.

КЭТИ. Билл, скажи мне, что с ней все в порядке.

БИЛЛ. С ней все в порядке.

КЭТИ. А теперь скажи, что ты думаешь на самом деле.

БИЛЛ. Джефф сегодня подкрался ко мне сзади и сделал добрую старую «буга-бугу». Он был ужасно разочарован, когда я не подскочил. Я сказал ему, что я закален. (*Пауза.*) Я соврал.

КЭТИ. Почему Джерри надо было переезжать в эту глушь, где его почти никогда и нет? А она там одна с крохотным ребенком? Почему?

БИЛЛ. Тс-с, Кэти. Мы почти приехали.

КЭТИ. Поезжай быстрее.

ВНШ: машина.

Она набирает ход. От колес идет дым.

ВНТ: гостиная в доме Вайдерманов. Телевизор еще включен, и дети сидят возле него, но возня прекратилась.

КОННИ. Деннис, как по-твоему, с тетей Дон все в порядке?

ДЕННИС (*представляя себе, что она обезглавлена маньяком*). Ну да. Конечно.

ВНТ: телефон, ТС из гостиной.

Телефонная трубка в гнезде на стене, лампочки не горят, телефон похож на змею, изготовившуюся к прыжку.

Камера замирает.

ВНШ: одинокий дом на ферме.

К нему ведет длинная дорожка. В гостиной горит свет. Дорожка высветлена фарами машины. Машина *Вайдерманов* подъезжает к гаражу и останавливается.

ВНТ: Билл и Кэти в машине.

КЭТИ. Я боюсь.

Билл нагибается, лезет под сиденье и достает пистолет.

БИЛЛ (торжественно). Буга-буга.

КЭТИ (ошеломленно). И давно это у тебя?

БИЛЛ. С прошлого года. Я не хотел пугать тебя или детей. У меня есть на него разрешение. Пошли.

ВНШ: Билл и Кэти.

Они выходят. *Кэти* остается у капота машины, а *Билл* подходит к гаражу и заглядывает туда.

БИЛЛ. Ее машина на месте.

Камера сопровождает их до входной двери. Теперь до нас доносится громкий звук телевизора. Билл нажимает на звонок. Звук слышен изнутри. Они ждут. *Кэти* нажимает на звонок. Никакого ответа. Она продолжает жать на кнопку, не отрывая пальца. *Билл* рассматривает замок. На нем глубокие царапины.

ВНШ: Билл и Кэти.

БИЛЛ (тихо). Замок взломан.

Кэти присматривается и всхлипывает. *Билл* толкает дверь. Она открывается. Звук телевизора становится громче.

БИЛЛ. Стань сзади меня. Будь готова бежать, если что-то случится. Господи, лучше бы я оставил тебя дома, Кейт.

Он вбегает. *Кэти* входит следом, напуганная, готовая расплакаться.

ВНТ: гостиная Дон и Джерри.

С этой точки мы видим только небольшую часть комнаты. Звук телевизора гораздо громче. *Билл* входит с

пистолетом в руке. Смотрит вправо... и вдруг резко расслабляется. Опускает пистолет.

КЭТИ (становится рядом с ним). Билл... что...

Он показывает рукой.

ВНТ: гостиная, полная панорама, ТС от Билла и Кэти.

Похоже, что здесь бушевал циклон... но не грабежом и убийством вызван этот беспорядок, а всего лишь полуторогодовалым ребенком. После тяжких трудов по переворачиванию гостиной вверх дном ребенок устал, и мама устала, и они вместе уснули на диване. Ребенок на коленях у Дон. На голове у нее наушники от портативного магнитофона. Повсюду разбросаны игрушки, в основном из наборов «Сезам-стрит» и «Школа». Ребенок расшвырял повсюду книги из шкафа. Одну из них он явно изжевал. Билл подбирает ее. Это «Поцелуй призрака».

БИЛЛ. Я встречал людей, которые говорили, что готовы съесть мои книги, но это же смешно (улыбается).

Кэти подходит к сестре, готовая упасть в обморок... но видит, что Дон просто очень устала, и расслабляется.

ВНТ: Дон и ребенок, ТС от Кэти.

Они крепко спят, у них безмятежные лица, как у Мадонны с ребенком у Рафаэля.

Панорама: магнитофон. Тихонько наигрывает Хьюи Льюиса с группой «Ньюс». Камера наезжает дальше: телефон на столе. Трубка снята с аппарата. Вернее, слегка сдвинута — настолько, чтобы отсоединиться от сети и пугать людей до смерти.

ВНТ: Кэти.

Она вздыхает, наклоняется и поправляет трубку. Затем нажимает клавишу «стоп» на магнитофоне.

ВНТ: Дон, Билл и Кэти.

Дон просыпается, когда смолкает музыка. Удивленно смотрит на Билла и Кэти.

ДОН (сонно). О-о... привет.

Она замечает, что на ней наушники, и снимает их.

БИЛЛ. Привет, Дон.

ДОН. Надо было позвонить, ребята. У меня такой раскардаш. (*Улыбается. Прямо вся светится*).

КЭТИ. Мы *пытались*. Телефонистка сказала Биллу, что трубка не положена. Я решила, что что-то не так. Как ты можешь спать под такой грохот?

ДОН. Хорошо усыпляет. (*Замечает изжеванную книгу в руках у Билла*). О Боже, извини, Билл! У Джастина режутся зубки, и...

БИЛЛ. Некоторые критики могут сказать, что он выбрал самую подходящую жвачку. Не хочу пугать тебя, красавица, но кто-то поработал над твоим замком отверткой или еще чем-то. Замок взломан.

ДОН. Да ничего подобного! Это Джерри на прошлой неделе. Я по ошибке заперла дверь снаружи, а он потерял свой ключ, а запасного над дверью не оказалось. Он чуть с ума не сошел, потому что ему надо было в туалет, и потому стал орудовать отверткой. Правда, у него ничего не вышло — замок крепкий. (*Пауза.*) Пока я искала ключ, он уже сходил в кустах.

БИЛЛ. Если он не взломан, то каким образом я открыл дверь и вошел?

ДОН (*виноватым тоном*). Ну... иногда я забываю запереться.

КЭТИ. Ты мне не звонила вечером, Дон?

ДОН. Боже упаси, нет! Я *никому* не звонила! Мне было не до того — я гонялась за Джестином! Ему страшно хотелось съесть порошок для белья! Потом он уснул, а я присела здесь и хотела послушать музыку, пока не начнут показывать по телеку твой фильм, Билл, и уснула...

При упоминании фильма *Билл* вздрагивает и смотрит на книгу. Потом на часы.

БИЛЛ. Я обещал Джеффу записать его. Поехали, Кэти, мы еще успеем вернуться.

КЭТИ. Минуточку. (*Поднимает трубку и набирает номер*).

ДОН. Послушай, Билл, разве Джеффи можно смотреть такое?

БИЛЛ. Фильм адаптирован. Самые кровавые сцены вырезали.

ДОН (удивленно, но добродушно). О-о. Это хорошо.

ВНТ: *Кэти (КП).*

ДЕННИС (фильтр). Алло?

КЭТИ. Думаю, тебе интересно будет узнать, что у тети Дон все в порядке.

ДЕННИС (фильтр). О! Клево. Спасибо, ма.

ВНТ: *телефонная выгородка, в ней Деннис и другие.*

ДЕННИС (на его лице огромное облегчение). Тетя Дон в порядке.

ВНТ: *машина, в ней Билл и Кэти.* Некоторое время едут молча.

КЭТИ. Ты меня считаешь истеричной дурой, да?

БИЛЛ (искренне удивлен). Да нет, я и сам испугался.

КЭТИ. Ты уверен, что не спятил?

БИЛЛ. Я испытал слишком большое облегчение. (*Смеется.*) Она, конечно, растереха, твоя Дон, но я все равно ее люблю.

КЭТИ (*наклоняется и целует его*). Я люблю тебя. Ты замечательный.

БИЛЛ. Я пугатель?

КЭТИ. Меня не проведешь, дорогой.

ВНШ: *машина. Проезжает мимо камеры, наплыв.*

ВНТ: *Джефф в кровати.*

В его комнате темно. Он укрылся с головой.

ДЖЕФФ. *Обещаешь записать остальное?*

Камера отъезжает: виден Билл, сидящий на краю кровати.

БИЛЛ. Обещаю.

ДЖЕФФ. Мне больше всего нравится сцена, где мертвый парень отрывает голову панку на мотоцикле.

БИЛЛ. Ну...они повырезали все кровавые сцены.

ДЖЕФФ. Что, па?

БИЛЛ. Ничего. Я люблю тебя, Джеффи.

ДЖЕФФ. И я тебя люблю. И Рэмбо.

Джефф держит игрушечного дракона явно невоинственного вида. Билл целует дракона, потом Джеффа.

БИЛЛ. Спокойной ночи!

ДЖЕФФ. Спокойной ночи! Хорошо, что у тети Дон все в порядке.

БИЛЛ (*уже у двери*). Конечно, хорошо.

Выходит.

ВНТ: *гостиная (КП)*.

Парень, у которого такой вид, словно он погиб в дорожной катастрофе недели за две до съемок (а потом его выдерживали на сильной жаре), шатаясь, выходит из укрытия. *Камера отъезжает*, показывая Билла, который нажимает на видеомagneитофоне клавишу «пауза».

КЭТИ (*голос*). Буга-буга.

Билл растерянно оглядывается. *Камера отъезжает дальше*, показывая Кэти в завлекательной ночной рубашке.

БИЛЛ. Сама такая. Я упустил секунд сорок после перерыва. Ходил поцеловать Рэмбо.

КЭТИ. Ты правда не злишься на меня, Билл?

Он подходит и целует ее.

БИЛЛ. Ни капельки.

КЭТИ. Просто, клянусь, это был кто-то из моих. Понимаешь, что я имею в виду? Из моих?

БИЛЛ. Да.

КЭТИ. До сих пор слышу эти рыдания. Такие горькие... прямо сердце разрывается.

БИЛЛ. Кейт, тебе никогда не казалось, что ты кого-то узнаешь на улице, а когда окликнешь, это оказывается совершенно незнакомый человек?

КЭТИ. Да, раз было. В Сиэтле. В магазине мне показалось, что это моя подруга по общежитию. Я... в общем, понятно, о чем ты говоришь.

БИЛЛ. Конечно. Бывают и звуковые совпадения, не только зрительные.

КЭТИ. *Но своих-то узнаешь*. По крайней мере, я так считала до сегодняшнего вечера.

Она прижимается щекой к его плечу с озабоченным видом.

КЭТИ. Я была так уверена, что это Полли...

БИЛЛ. Потому что ты беспокоилась, как она приживается в этой новой школе... но судя по тому, что она тебе говорила, она там устроилась весьма неплохо. Правда?

КЭТИ. Да... думаю, что да.

БИЛЛ. Забудь об этом, дорогая.

КЭТИ (*пристально смотрит на него*). Мне не очень нравится твой усталый вид. Поторопись-ка, дорогой.

БИЛЛ. Постараюсь.

КЭТИ. Ты идешь спать?

БИЛЛ. Как только закончу запись для Джеффа.

КЭТИ (*весело*). Билл, эту машину сотворили японские инженеры, которые абсолютно все продумали. Она отключится сама.

БИЛЛ. Да, но я очень давно смотрел этот фильм и...

КЭТИ. Ладно. Наслаждайся. Думаю, я не засну сразу. (*Пауза.*) Мне есть о чем подумать.

БИЛЛ (*улыбаясь*). Правда?

КЭТИ. Правда.

Она уходит, Билл смотрит вслед на ее обнаженные ноги, затем Кэти оборачивается в дверях, вспомнив о чем-то.

КЭТИ. Если будут показывать то место, где панку отрывают голову...

БИЛЛ (*виновато*). Я это отредактирую.

КЭТИ. Спокойной ночи! И еще раз спасибо. За все.

Она уходит. Билл сидит в кресле.

ВНТ: экран телевизора (КП).

Парочка целуется в машине. Вдруг мертвец рывком распахивает правую дверцу. НАПЛЫВ.

ВНТ: Кэти в кровати. Темно. Она спит. Затем медленно пробуждается...

КЭТИ (*сонно*). Эй, большой парень...

Она ощупывает кровать, но его сторона пуста, одеяло не тронут. Она садится.

ВНТ: будильник на ночном столике, ТС от Кэти. Он показывает 2.03 ночи. Затем вспыхивают цифры 2.04.

ВНТ: Кэти.

Теперь она совсем проснулась. И озабочена. Она встает, одевает халат и выходит из спальни.

ВНТ: экран телевизора (КП). На пустом экране «снег».

КЭТИ (голос, приближается). Билл? Дорогой? С тобой все в порядке? Билл? Би...

ВНТ: Кэти в кабинете Билла. Она застыла, глаза расширены от ужаса. ВНТ: Билл в своем кресле. Голова склонилась набок, глаза закрыты, рука на груди, под отворотом рубашки. Дон спала — Билл не спит.

ВНШ: гроб опускают в могилу.

СВЯЩЕННИК (голос). И так, мы предаем бранные останки Уильяма Вайдермана земле, да упокоится его душа в мире. «Не предавайтесь унынию, братья»...

ВНШ: край могилы. Здесь все Вайдерманы. Кэти и Полли в одинаковых черных платьях и вуалях. Конни в черной юбке и белой блузке. Деннис и Джефф в черных костюмах. Джефф плачет. Для утешения он держит под мышкой своего Дракона Рэмбо.

Камера наезжает на Кэти. По ее щекам медленно текут слезы. Она наклоняется и берет пригоршню земли. Бросает ее в могилу.

КЭТИ. Я люблю тебя, большой парень.

ВНШ: Джефф. Он плачет. Заглядывает в яму. Поверх гроба набросаны комья земли. НАПЛЫВ.

ВНШ: убранный могила. Могильщик поправляет последний венок.

МОГИЛЬЩИК. Моя жена говорит, что хотела бы, чтобы вы успели написать еще пару вещей до вашего инфаркта, мистер. (Пауза.) Я и сам люблю вестерны.

Могильщик уходит, насвистывая.

НАПЛЫВ.

ВНШ: Церковь днем. Титры: «ПЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ». Играют свадебный марш. Повзрослевшая сияющая Полли проходит под ливнем риса, которым ее осыпают. Она в свадебном платье, рядом с ней жених.

Гости выстроились по обе стороны прохода и бросают рис. За женихом и невестой идут родственники. Среди них

Кэти, Деннис, Конни и Джефф... все на пять лет старше. Рядом с *Кэти* другой мужчина. Это *Хэнк*. За прошедшее время *Кэти* тоже нашла мужа. *Полли* оборачивается и видит мать.

ПОЛЛИ. Спасибо, мама.

КЭТИ (*плачет*). О доченька, я тебя поздравляю.

Они обнимаются. Затем *Полли* отстраняется и смотрит на *Хэнка*. Напряженное молчание, после чего *Полли* обнимает *Хэнка*.

ПОЛЛИ. И вам спасибо, *Хэнк*. Извините, что я так по-свински себя вела...

ХЭНК (*добродушно*). Ты никогда не была свиньей, Полли. У девушки отец бывает только один.

КОННИ. Бросай! Бросай!

Помедлив, *Полли* бросает свой букет.

ВНШ: букет (*КП*) медленно падает. Несколько раз переворачивается в воздухе. НАПЛЫВ.

ВНТ: кабинет, *Кэти* в нем, вечер. Картины на стене те же, но вместо компьютера огромная лампа освещает стопку синек. Вместо книжных обложек фотографии зданий. Видимо, тех, что сначала возникли в воображении *Хэнка*.

Кэти, грустно задумавшись, смотрит на стол.

ХЭНК (*голос*). Пойдем в постель, *Кэти*?

Она оборачивается.

Камера отъезжает, показывая *Хэнка*. Он в халате поверх пижамы. Она подходит к нему и с улыбкой обнимает. В волосах у нее можно заметить проблески седины: ее хорошенький пони немало проскакал после смерти *Билла*.

КЭТИ. Немного позже. Женщина не каждый день выдает свою первую дочь замуж, знаешь ли.

ХЭНК. Знаю.

Камера следует за ними, пока они перемещаются из рабочей зоны кабинета в более интимную. Там все, как в добрые старые времена, — кофейный столик, стереомагнитофон, телевизор, кушетка и старое кресло *Билла*. Она рассматривает все это.

ХЭНК. Ты все еще тоскуешь по нему, правда?

КЭТИ. В некоторые дни сильнее, чем обычно. Ты не знал, а Полли забыла.

ХЭНК (мягко). Что забыла, малышка?

КЭТИ. Полли вышла замуж в пятую годовщину смерти Билла.

ХЭНК (обнимает ее). Пойдем в постель, почему ты не хочешь?

КЭТИ. Немного позже.

ХЭНК. Ладно. Может, я еще не усну.

КЭТИ. Есть над чем подумать, да?

ХЭНК. Возможно.

КЭТИ. Замечательно.

Он целует ее, затем уходит, прикрыв за собой дверь. Кэти садится в старое кресло Билла. Рядом, на кофейном столике, пульт выносного управления телевизором и параллельный телефон. Кэти смотрит на выключенный экран телевизора; камера наезжает на ее лицо. По нему скатывается одинокая слезинка, сверкающая будто сапфир.

КЭТИ. Я действительно все еще тоскую по тебе, большой парень. Очень и очень тоскую. Каждый день. И знаешь что? Мне больно.

Слезинка падает. Она берет пульт и включает телевизор.

ВНТ: телевизор, ТС от Кэти.

Кончается реклама ножей «Гинсу», сменяясь эмблемой «ФИЛЬМЫ РЕТРО».

ДИКТОР (голос). По 63-му каналу в четверг вечером повтор известного фильма... «Поцелуй призрака».

Эмблема наплывом сменяется кадром: парень, у которого такой вид, будто он погиб недели две назад в автомобильной катастрофе, а потом его выдерживали на сильной жаре, выходит из того же укрытия.

ВНТ: Кэти.

Крайне поражена — просто напугана. Она нажимает кнопку «Выкл». Телевизор гаснет.

На лице Кэти отражается шквал эмоций. Она пытается побороть его, но напоминание о фильме — это лишь

капля по сравнению с тем, что уже произошло с ней в один из самых насыщенных дней ее жизни. Плотину прорвало, и она начинает рыдать... страшными, леденящими душу всхлипами. Она тянется к пульту, намереваясь включить телевизор и сваливает телефон на пол.

Звук: короткие гудки в трубке.

Ее залитое слезами лицо вдруг каменеет при взгляде на телефон. Что-то происходит у нее в мозгу что-то овладело ей... идея? Предчувствие? Трудно сказать. Наверное, это не имеет значения.

ВНТ: телефон, ТС от Кэти.

Камера надвигается до ОКП... надвигается, пока дырочки в лежащей на полу трубке не вырастают до размеров бездонных провалов.

Звук коротких гудков в трубке становится оглушительным.

Камера въезжает в темноту... мы слышим:

БИЛЛ (голос). Куда вы звоните? Кто вам нужен? С кем вы хотите разговаривать так поздно?

ВНТ: Кэти.

Теперь на ее лице странное, словно загипнотизированное, выражение. Она наклоняется, поднимает телефон и начинает набирать номер, явно наудачу.

Звук: звонит телефон.

Выражение лица *Кэти* по-прежнему сомнамбулическое. Оно остается таким, пока трубку не снимают, и она слышит сама себя на другом конце.

КЭТИ (голос, фильтр). Алло, резиденция Вайдермана.

Кэти — сегодняшняя *Кэти* с сединой в волосах — продолжает рыдать, но на ее лице теперь выражение какой-то отчаянной надежды. Где-то в подсознании она понимает, что глубина ее горя сделала возможным телефонное путешествие во времени. Она пытается говорить, выдавливая из себя слова.

КЭТИ (рыдая). Заберите... пожалуйста, заберите... п-п... п...

ВНТ: Кэти в телефонной выгородке (повтор).

Это пять лет назад. Билл стоит рядом с озадаченным видом. Джефф уходит в комнату в поисках пустой кассеты.

КЭТИ. Полли? В чем дело?

ВНТ: Кэти в кабинете.

КЭТИ (рыдая). Пожалуйста... быстро...

Звук: щелчок в разъединенной связи.

КЭТИ (отчаянно кричит). Заберите его в больницу! Если хотите, чтобы он остался жив, заберите его в больницу! У него скоро случится инфаркт! Он...

Звук: длинные гудки.

Медленно, очень медленно, Кэти вешает трубку. Затем, минуту спустя, берет снова. Она громко разговаривает сама с собой. Возможно, даже не слышит собственных слов.

КЭТИ. Я набрала старый номер. Я набрала...

Быстрый монтаж: ВНТ: Билл в телефонной выгородке, Кэти стоит рядом. Он только что забрал трубку у Кэти и разговаривает с оператором.

Оператор (фильтр, хихикает). Обещаю вам не разглашать его.

БИЛЛ. 555...

Быстрый монтаж: ВНТ: Кэти в старом кресле Билла (КП).

КЭТИ (заканчивает). ...4408.

ВНТ: телефон (КП).

Кэти дрожащим пальцем нажимает клавиши: 555-4408.

ВНТ: Кэти в старом кресле Билла (КП).

Она закрывает глаза, когда телефон звонит. На лице у нее смесь отчаянного ужаса и надежды. Если бы еще один шанс передать столь важную информацию, написано на лице... хотя бы один шанс.

КЭТИ (тихо). Пожалуйста... пожалуйста...

ГОЛОС С МАГНИТНОЙ ЛЕНТЫ (фильтр). Вы набрали несуществующий номер. Пожалуйста, повесьте трубку и наберите снова. Если вам нужна помощь...

Кэти вешает трубку. Слезы льются по щекам. Камера отъезжает назад и захватывает телефон.

ВНТ: телефонная выгородка, в ней Кэти и Билл (повтор).

БИЛЛ. Значит, это был розыгрыш. Или кто-то так сильно плакал, что набрал не тот номер... «Через мерцающую завесу из слез», как говаривали мы, старые детективщики.

КЭТИ. Это был не розыгрыш, и номером не ошиблись! Это был кто-то из нашей семьи!

ВНТ: Кэти (сегодняшняя) в кабинете Билла.

КЭТИ. Да. Кто-то из моей семьи. Кто-то очень близкий. (Пауза.) Это была я.

Она вдруг отшвыривает телефон на другой конец комнаты. Затем начинает *снова рыдать* и закрывает руками лицо. *Камера фиксируется* на ней некоторое время.

ВНТ: телефон.

Он лежит на ковре, одновременно бессильный и в то же время какой-то зловещий. *Камера наезжает на ОКП* — дырочки в трубке снова становятся похожими на глубокие темные провалы. *Камера фиксируется* на них, затем УГАСАЕТ ДО ПОЛНОЙ ЧЕРНОТЫ.

КАРНИЗ

— Ну же, — повторил Кресснер. — Загляните в сумку.

Мы находились в его фешенебельной квартире под самой крышей небоскреба, на сорок третьем этаже. Весь пол в комнате был устлан мягким рыжим с подпалинами ковром. В центре комнаты — между шезлонгом, в котором сидел Кресснер, и обитой настоящей кожей тахтой, на которой не было никого, — лежала обычная коричневая сумка, с какими ходят по магазинам.

— Если это взятка, то забудьте об этом, — сказал я. — Я люблю ее.

— Это действительно деньги, но не взятка. Ну же, взгляните. — Он курил турецкую сигарету в мундштуке из оникса. Работал кондиционер, и я слышал лишь слабый запах табачного дыма. На Кресснере был шелковый халат с вышитым драконом. Спокойный взгляд из-под очков был взглядом весьма неглупого человека. Выглядел он именно тем, кем и являлся на самом деле: махровым сукиным сыном, считающим себя пупом земли, отъявленным негодяем, богатство которого вполне можно было бы исчислять каратами, сотнями каратов. Я любил его жену, а она любила меня. Я знал, что рано или поздно обязательно дождусь от него каких-нибудь неприятностей, и вот я их дождался. Не знал я еще только одного — какими они будут.

Я подошел к сумке и перевернул ее. На ковер высыпалась груда денежных пачек. Я поднял одну из них и пересчитал — по десять двадцатидолларовых купюр в каждой.

— Двадцать тысяч долларов, — сказал он и затянулся своей сигаретой.

Я поднялся с корточек.

— Ну и что?

— Это для вас.

— Я не возьму их.

— И жена в придачу.

Я промолчал. Марсия предупреждала меня о коварстве этого человека. «Он как кот, — сказала она. — Старый подлый кот. И попытается сделать из тебя мышку. Будь готов к этому».

— Так вы, значит, профессиональный теннисист, — сказал он. — Мне кажется, что я еще ни разу в жизни не видел своими глазами настоящего профессионального теннисиста.

— Вы хотите сказать, что ваши агенты даже ни разу не сфотографировали меня?

— О, конечно! — он небрежно отмахнулся своим мундштуком. — Я имел в виду совсем не это. У меня есть даже целый фильм о том, как вы с Марсией побывали в отеле Бэйсайд. Камера снимала из-за специального зеркала. Но все это, согласитесь, совсем не то, по сравнению с натурой.

— Вам виднее.

«Он будет постоянно менять тактику, — вспомнила слова Марсии. — Таким образом он постарается вынудить тебя перейти к обороне. И вот ты уже ждешь удара с одной стороны, а он неожиданно наносит его тебе совсем не оттуда. Как можно меньше слов, Стэн. И помни о том, что я люблю тебя».

— Я пригласил вас, мистер Норрис, для того, чтобы немножко поболтать с вами как мужчина с женщиной — просто приятная непринужденная беседа двух цивилизованных людей, один из которых увел жену у другого.

Я хотел было что-то ответить ему, но потом решил не делать этого.

— Вам понравилось в Сан-Квентине? — спросил Креснер, лениво попыхивая сигаретой.

— Не особенно.

— Три года, кажется? По обвинению в краже со взломом, если не ошибаюсь.

— Марсия знает, — сказал я и сразу же пожалел об этом. Начиналось именно то, от чего так предостерегала меня Марсия — он навязывал мне свою игру. Он вынуждает меня давать ему простые высокие мячи и успешно гасит их.

— Я позволил себе отогнать вашу машину, — сказал он, мельком глянув в окно в дальнем конце комнаты. Впрочем, окна как такового не было: вся стена — сплошное окно. Посредине — сдвижная дверь, тоже стеклянная. За ней — крохотный балкончик. За балкончиком — бездна. Что-то в этой двери показалось мне странным, я только не мог понять, что.

— Великолепное здание, — сказал Кресснер. — Прекрасная охрана, автономная телесеть и все такое прочее. Когда я узнал, что вы уже в вестибюле, я отдал распоряжение по телефону. Мой человек завел вашу машину и отогнал ее с нашей стоянки на общественную в нескольких кварталах отсюда. — Он взглянул на модернистские настенные часы в виде солнца, что висели над тахтой. Они показывали 8:05. — В 8:20 тот же человек позвонит из телефона-автомата в полицию по поводу вашей машины. Уже не позднее 8:30 полиция обнаружит в ее багажнике обычное запасное колесо, ну а в его камере — шесть унций героина. Поверьте, мистер Норрис, они очень захотят увидеться с вами после этого.

Все-таки попался. Как ни пытался все предусмотреть, а все одно — в результате оказался несмышленым мальчишкой, которого перехитрил взрослый дяденька.

— Все именно так и произойдет, уж будьте уверены. Если я не перезвоню своему человеку и не скажу ему, чтобы он забыл о предыдущем звонке.

— Все, что от меня требуется — это сообщить вам, где Марсия, — подсказал я. — Не выйдет Кресснер. Я не знаю. Мы с ней специально так договорились именно для вас.

— Вынужден огорчить вас, дорогой мистер Норрис, — мои люди следуют за ней по пятам и не упускают ее из вида ни на секунду.

— Не думаю. Мы оторвались от них в аэропорту.

Кресснер вздохнул, вынул дотлевающую сигарету из мундштука и бросил ее в хромированную пепельницу со сдвижной крышкой. Никакой суеты — каждое движение спокойно и отработано. И к окурку, и к Стэну Норрису этот человек относился с равным пренебрежением.

— Вообще-то вы правы, — сказал он. — Старый как мир фокус — зашел в туалет и исчез. Мои люди были вне себя. Попасться на такую немудреную уловку! Я думаю, что именно из-за ее примитивности они даже и не приняли ее в расчет и совершенно не ожидали этого от вас.

Я молчал. После того, как Марсия улизнала в аэропорту от агентов Кресснера, она села на автобусный экспресс и отправилась обратно в город до автовокзала. Таков был наш план. У нее было при себе двести долларов — все мои последние сбережения. За двести долларов можно доехать на междугороднем автобусе в любую точку страны.

— Вы всегда такой необщительный? — спросил Кресснер с неподдельным интересом.

— Марсия посоветовала.

Его голос сразу же стал заметно жестче:

— Ну тогда я уже представляю себе, как, оказавшись в полиции, вы будете мужественно стоять на своем до последнего. Это вам, к сожалению, не поможет. А когда вы в следующий раз увидите, может быть, мою жену — это уже будет маленькая скрюченная старушка в кресле-качалке. Об этом вы не подумали? Насколько я понимаю, за хранение шести унций героина вы можете оказаться за решеткой на сорок лет.

— Этим вы Марсию не вернете.

Он тонко улыбнулся.

— В этом-то все и дело. Хотите, я обрисую вам ситуацию? Вы и моя жена полюбили друг друга. У вас начался роман... если можно назвать романом несколько жалких ночных свиданий в дешевых мотелях. В конце концов жена ушла от меня. Однако я заполучил вас. И вы оказались, что называется, в тисках. Я правильно изложил суть дела?

— Теперь я понимаю, почему она от вас устала, — сказал я.

К моему удивлению, он запрокинул голову и громко расхохотался.

— А знаете, вы мне даже нравитесь, мистер Норрис. Вы простоваты, вы даже вульгарны, вы просто плебей, но чувствуется, что у вас есть сердце. И Марсия говорила мне об этом. Я, вообще-то говоря, сомневался — она довольно слабо разбирается в людях и в тонкостях их характеров. Но в вас есть действительно какая-то... искорка. Почему я все это и затеял. Марсия наверняка рассказывала вам, что я очень люблю заключать пари.

— Да.

Теперь я вдруг понял, чем смутила меня дверь в центре стеклянной стены. На балконе не было никаких столиков или шезлонгов. И действительно, вряд ли кому-нибудь пришло бы в голову устроить чаепитие посреди зимы на открытом балконе сорок третьего этажа. Ветрозащитный экран с двери зачем-то снят. Зачем бы это могло понадобиться Кресснеру?

— Я не в восторге от своей жены, — произнес Кресснер, аккуратно вставляя в мундштук следующую сигарету. — Можно даже сказать, что я ее просто недолюбливаю. В этом нет никакого секрета, да она и сама наверняка говорила вам об этом. И я уверен, что человеку с вашим... опытом должно быть хорошо известно о том, что от хорошей жизни замужние женщины не прыгают в стог сена к заурядному профи из местного теннисного клуба по мановению его ракетки. По-моему, Марсия, эта зазнайка, это ничтожество, эта вечно хнычущая зануда и кривляка, эта инфантильная размазня и сплошное убожество, эта...

— Достаточно, — прервал его я.

Он холодно улыбнулся.

— Ах, извините. Я, видите-ли, все время забываю, что мы говорим о вашей возлюбленной. Между прочим, уже 8:16. Нервничаете?

Я пожал плечами

— Стойко держимся до самого конца и не сдаемся! — издевательски промурлыкал он и прикурил новую сигарету. — Ну да все равно... Вас, может быть, удивляет,

почему, если я так не люблю Марсию, я не хочу отпустить ее просто-напросто на все четы...

— Нет, не удивляет.

— Ну тогда, может быть, вам интересно, поче...

— Нет, не интересно.

Теперь он смотрел на меня уже откровенно недружелюбно.

— Не удивляет, потому что вы махровый эгоцентрист, хапуга и сукин сын. Только у таких, как вы, никто и никогда не может отнять ничего вашего. Даже если это вам больше не нужно.

Он побагровел, потом вдруг рассмеялся.

— Один ноль в вашу пользу, мистер Норрис. Очень хорошо...

Я снова пожал плечами

— Я хочу предложить вам пари, — продолжая улыбаться, сказал он. — Выиграете — получите деньги, женщину и свободу. Проиграете — распрощаетесь с жизнью.

Я непроизвольно взглянул на часы. Они показывали 8:19.

— Олл райт, — сказал я. А что мне еще оставалось? По крайней мере, выиграю какое-то время. Время, за которое я, может быть, придумаю, как мне вырваться отсюда — с деньгами или без.

Кресснер снял трубку со стоявшего рядом с ним телефона и набрал номер.

— Тони? Действуй по плану номер два. Да.

— Что значит «план номер два»? — спросил я.

— Это значит, что через пятнадцать минут я перезвоню Тони и он заберет... кое-какое противозаконное вещество из багажника вашей машины, после чего подгонит ее обратно сюда. Если же я не перезвоню — он свяжется с полицией в соответствии с первым планом.

— Недоверчивый вы, однако, человек.

— Ну подумайте сами, мистер Норрис. На ковре между нами лежат двадцать тысяч долларов. В этом городе запросто могут убить и за двадцать центов.

— В чем заключается спор?

Кресснер поморщился:

— Пари, мистер Норрис, пари. Джентльмены заключают пари. А спорит всякое отребье.

— Как вам будет угодно.

— Прекрасно. Вы, я заметил, посматривали на мой балкон.

— Да, я обратил внимание на то, что с двери снят ветрозащитный экран.

— Верно. Я снял его сегодня утром. Итак, мое предложение заключается в следующем: вы проходите вокруг всего этого здания по карнизу, выступающему из стены немного ниже уровня нашего этажа. Если вам удастся это сделать — вы выиграли.

— Вы сумасшедший.

— Напротив. За десять лет, что я живу здесь, я предлагал это пари шесть раз шести разным людям. Трое из них, как и вы, были профессиональными спортсменами — популярный защитник, который больше прославился выступлениями в телерекламе, чем своей довольно заурядной игрой, бейсболист, а также довольно известный жокей с баснословными заработками и не менее баснословными алиментами. Остальные трое — попроще. Разные профессии, но два общих момента — денежные затруднения и неплохие физические данные. — Он в задумчивости затянулся и, выпустив дым, продолжил: — Пять раз мое предложение решительно отвергали и лишь один раз оно было принято. Условия — двадцать тысяч долларов против шести месяцев работы на меня. Я выиграл. Парень глянул вниз с балкона и чуть не потерял сознание. — Кресснер презрительно улыбнулся. — Он сказал, что все внизу кажется таким крошечным... Это его и сломало.

— Почему вы считаете, что...

Он прервал меня досадливым жестом руки.

— Не нервнируйте меня, мистер Норрис. Мне это начинает надоедать. Я считаю, что вы согласитесь, потому что у вас нет выбора. Или, может быть, вы хотите угодить на сорок лет в Сан-Квентин? Я тоже думаю, что не хотите, — намного лучше принять мое пари, что вы и вынуждены сделать. В качестве легкой приправы к свободе, которую

вы, может быть, выиграете — деньги и моя жена. Я человек великодушный.

— Где гарантия, что вы не обманете меня? Может быть, я и сделаю то, что вы хотите, а вы тем временем все равно позвоните Тони и прикажете ему в любом случае связаться с полицией.

Он вздохнул.

— У вас мания преследования, мистер Норрис. Я не люблю свою жену. Моя тонкая натура страдает от ее присутствия. Двадцать тысяч долларов для меня не деньги. Я каждую неделю плачу в четыре раза больше своим людям в полиции. А что же касается пари... — глаза у него заблестели, — то на такое дело никаких денег не жалко.

Я раздумывал, он не торопил меня с ответом. Он, я думаю, прекрасно знал, что хороший товар в рекламе не нуждается. Кто был для него я? Средней руки игрок, которого в тридцать шесть лет уже собирались было попросить из клуба, если бы не Марсия, оказавшая на них какое-то легкое давление. Кроме тенниса, я ничего не умел, да и не так-то просто куда-нибудь устроиться, даже сторожем, когда за плечами у тебя судимость. Да и дело-то пустяковое — так, детские шалости, но это не интересует ни одного работодателя.

Ничего не скажешь, забавная история: по уши влюбился в Марсию Кресснер, а она — точно так же в меня. Пару раз, что называется, сыграли утром в теннис. Везет вам, Стэн Норрис... Жил себе жил тридцать шесть лет холостяком в свое удовольствие, и на тебе — втрескался в жену короля подпольного мира.

Этот старый кот, развалившийся в шезлонге и дымящий дорогой турецкой сигаретой, разнюхал, надо думать, многое. Если не все. Я могу принять пари и даже выиграть — но все равно у меня нет никакой гарантии, что он не оставит меня с носом, а откажусь — часам к десяти точно окажусь за решеткой. И на свободу выйду только в будущем тысячелетии.

— Я хочу задать вам один вопрос, — сказал я.

— Слушаю вас, мистер Норрис.

— Ответьте, глядя мне прямо в глаза: вы не имеете обыкновения жульничать?

Он пристально посмотрел на меня и тихо ответил:

— Я никогда не жульничаю, мистер Норрис.

— Ол райт.

А что мне еще оставалось? Выбирать не приходилось.

Он лучезарно улыбнулся и поднялся со своего шезлонга.

— Ну и прекрасно! Вот это разговор! Давайте подойдем к балконной двери, мистер Норрис.

Мы подошли. У него было лицо человека, которые сотни раз рисовал себе эту картину в воображении и сейчас, когда она стала реальностью, наслаждается ею в полной мере.

— Ширина карниза двенадцать с половиной сантиметров, — произнес он мечтательно. — Я сам измерял. Я даже сам стоял на нем — держась за перила, разумеется. Видите чугунное ограждение? Когда вы опуститесь на руках — оно окажется вам по грудь. Когда ограждение кончится — держаться, сами понимаете, будет не за что. Придется двигаться очень осторожно, дюйм за дюймом, стараясь не потерять равновесия. Вдруг мой взгляд приковал один предмет за оконным стеклом... и я почувствовал, что кровь стынет у меня в жилах. Это был указатель скорости ветра. Небоскреб находится рядом с озером, а квартира Кресснера — под самой его крышей, открытой всем ветрам, поскольку все соседние здания намного ниже. Этот ледяной ветер будет сечь мое тело ножами! Стрелка ветрометра устойчиво стояла на отметке в десять метров в секунду, но при первом же порыве она наверняка подскочит до двадцати пяти, прежде чем снова опустится до прежней отметки.

— Я вижу, вас заинтересовал ветромер, — обрадовался Кресснер. — Вообще-то с этой стороны дует не так сильно — преобладающий ветер с противоположной стороны и там он, обычно, посильнее. Но утро сегодня, кстати, довольно тихое. В это время тут иногда такой ветрище поднимается — до восьмидесяти пяти забрасыва-

ет... Чувствуешь даже, как здание немного покачивается. Как на корабле. Но сейчас довольно спокойно, тем более для этого времени года. Даже тепло, видите?

Следуя взглядом за его пальцем, я разглядел световое табло на небоскребе слева, где размещался банк. Шесть градусов тепла. На таком ветру ощущения будут как при минус шести.

— У вас есть что-нибудь потеплее? — спросил я. На мне был легкий пиджак.

— К сожалению, нет.

Электронное табло на здании банка переключилось на время — 8:32.

— Вы бы поторопились, мистер Норрис, а то я должен дать команду Тони, чтобы он переключался на план номер Три. Он хороший мальчик, но очень импульсивный и ему не всегда хватает выдержки. Вы понимаете, что я имею в виду?

Я понимал. Уж куда понятнее?

Я подумал о Марсии, о том, что мы с ней вырвемся из щупальцев Кресснера, имея при себе вполне приличные для начала какого-нибудь дела деньги, и, толкнув сдвижную стеклянную дверь, шагнул на балкон. Было холодно и сыро; ветер тут же взъерошил волосы и бросил их на глаза.

— Желаю вам приятно провести время, — раздался за спиной голос Кресснера, но мне было уже не до него. Я подошел к перилам, но вниз смотреть не стал. Пока. Я начал глубоко вдыхать воздух.

Это не какое-нибудь там упражнение, а что-то вроде самогипноза. С каждым вдохом-выдохом голова очищается от посторонних мыслей, и вот ты уже думаешь только об одном — о предстоящей игре. Вдох-выдох — и я забыл о деньгах. Вдох-выдох — и я забыл о Кресснере. С Марсией оказалось потруднее — она стояла у меня перед глазами и просила не делать глупостей, не играть с Кресснером по его правилам, потому что если даже он не жульничает, он, как всегда, наверняка подстраховался. Я ее не слушал. Не до этого мне было. Это не то пари, когда в случае проигрыша покупаешь несколько кружек пи-

ва, — тут ты разлетишься мелкими брызгами на целый квартал в одну и в другую сторону Дикмэн-стрит.

Когда я посчитал, что уже достаточно овладел собой, я глянул вниз.

Отвесная стена напомнила гладкую поверхность меловой скалы и заканчивалась очень и очень далеко внизу. Машины на стоянке выглядели меньше пятидолларовых миниатюрных моделей-копий. Машины же, двигавшиеся по проезжей части, представляли собой лишь крошечные точки света. Если сорваться отсюда, то успеешь не только осознать, что с тобой происходит, но и увидеть, как все стремительнее и стремительнее надвигается на тебя земля и ветер раздувает одежду. И еще хватит времени на долгий-долгий крик. А когда наконец грохнешься об асфальт, звук раздастся такой, как будто раскололся перезрелый арбуз.

Неудивительно, что у того парня душа в пятки ушла. Ему, правда, грозили всего какие-то шесть месяцев. Передо мной же разворачивалась перспектива в мрачную клеточку и без Марсии на сорок лет...

Я посмотрел на карниз. Двенадцать с половиной сантиметров... А на вид — никак не больше пяти. Хорошо хоть, что здание довольно новое — карниз, по крайней мере, не рухнет.

Может быть.

Я перелез через перила и осторожно опустил на руках, пока не почувствовал карниз ногами. Каблуки висели в воздухе. Пол балкона приходился мне на уровне груди, сквозь ажурный орнамент решетки просматривалась шикарная квартира Кресснера. Сам он, покуривая, стоял по ту сторону порога и наблюдал за мной так же, наверное, как наблюдает какой-нибудь ученый за поведением подопытной морской свинки после только что сделанной инъекции.

— Звоните, — сказал я держась за решетку.

— Что?

— Звоните Тони. Я не сдвинусь с места, пока вы не сделаете этого.

Он вернулся в комнату — она выглядела такой восхитительно-теплой, безопасной и уютной — и поднял трубку. И что же? Из-за ветра я все равно не мог ничего слышать. Это могло быть просто обманное движение. Он положил трубку и вернулся обратно.

— Исполнено, мистер Норрис.

— Так-то лучше.

— Счастливого пути, мистер Норрис. До скорого свидания... если оно состоится.

Хватит болтовни. Пора начинать. Я позволил себе в последний раз подумать о Марсии, о ее светло-каштановых волосах, больших серых глазах и прекрасном теле, а затем как бы отключился. Вниз я тоже больше не смотрел. Ведь от одного взгляда туда запросто могли и руки и ноги отняться. А можно и просто замерзнуть и потерять равновесие или даже сознание потерять от страха. Сейчас главное — мысленно видеть карниз, отключиться абсолютно от всего и думать только о движениях ногами, только о них и о том, чтобы не потерять равновесие.

Я двинулся вправо, держась, пока возможно, за решетку. Мне быстро стало ясно, что придется предельно напрячь сухожилия ног, которые я развил теннисом. С учетом того, что пятки у меня свисают с карниза, именно сухожилиям и придется держать весь мой вес.

Я добрался до конца балкона и на какое-то мгновение подумал, что не смогу оторваться от спасительных перил. Я заставил себя сделать это. Двенадцать с половиной сантиметров — это же не так и мало. Если бы до земли было сантиметров тридцать, а не сто двадцать метров, ты бы обежал по карнизу это здание за какие-нибудь четыре минуты, сказал я себе. Вот и считай, что так оно и есть.

Легко сказать. Если оступишься с тридцатисантиметровой высоты, то чертыхнешься и попробуешь еще раз. Здесь же второго случая не представится.

Я сделал шаг правой ногой, подтянул левую и... отпустил перила. Я распластал руки по стене, прижимаясь ладонями к ее шершавой каменной поверхности. Я оглаживал ее. Я был готов поцеловать ее.

Порыв ветра заставил меня покачнуться, воротник пиджака хлестнул по лицу. Сердце подпрыгнуло и застряло где-то в горле, где и оставалось до тех пор, пока ветер не успокоился. Если ветер ударит как следует — меня просто снесет с этого насеста, и я отправлюсь в свой последний полет. А ведь с противоположной стороны ветер будет посильнее...

Я повернул голову влево, прижимаясь щекой к стене. Кресснер внимательно наблюдал за мной, перегнувшись через перила.

— Отдыхаете? — дружелюбно поинтересовался он.

На нем был теплый полушубок из коричневой верблюжьей шерсти.

— Вы, кажется, сказали, что у вас нет ничего теплого, — заметил я.

— Соврал, — спокойно ответил он. — Частенько, знаете-ли, приходится врать.

— Как это понимать?

— А никак... никак это не надо понимать. А может быть, и надо. Нервишки-то шалят, а, мистер Норрис? Не советую вам долго задерживаться на месте. Лодыжки устанут. А стоит им расслабиться...

Он вынул из кармана яблоко, откусил от него и небрежным движением выбросил его за балкон. Долго не было слышно ничего. И вдруг раздался едва слышный омерзительный хлопок. Кресснер усмехнулся.

Он совершенно выбил меня из колеи и сразу паника вонзила мне в мозг свои стальные клыки. Меня чуть не захлестнула волна ужаса. Я отвернулся от Кресснера и начал делать глубокие вдохи, стараясь немедленно справиться с возникающей паникой. Световое табло на здании банка показывало 8:46. И рядом — **ДЕЛАЙТЕ ВАШИ ВКЛАДЫ НА ВЗАИМОВЫГОДНЫХ УСЛОВИЯХ!**

Когда на табло зажглись цифры 8:49, я почувствовал, что самообладание вернулось ко мне снова. По всей видимости, Кресснер решил, что я примерз к стене, потому что едва я стал переставлять ноги, продвигаясь к

углу здания, сзади слышались издевательские аплодисменты.

Давал знать себя холод. Ветер, пройдясь по озерной глади, словно по точильному камню, превратился в немислимую острую косу, которая своим увлажненным лезвием полосовала мою кожу. Мой легкий пиджак, вздуваясь на спине, совершенно не препятствовал этой пытке. Стараясь не замечать холода, я медленно и неуклонно продвигался вперед. Если и можно проделать этот путь, то только так — медленно, со всеми предосторожностями. Малейшее необдуманное или поспешное движение — и я погиб.

Когда я добрался до угла, банковские часы показывали 8:52. Задача казалась вполне выполнимой — карниз опоясывал здание четким прямоугольником — вот только, если верить правой руке, за углом меня подстерегал встречный ветер. Один неверный наклон — и я отправлюсь в долгий полет.

Я все ждал, что ветер утихнет, но так и не дождался. «Не иначе, — подумал я, — он просто сговорился с Кресснером». Своими невидимыми пятернями он хлестал меня наотмаш, давал тычки, забирался под одежду. Особенно сильный его порыв заставил меня покачнуться. «Так можно простоять до бесконечности», — подумал я.

Улучив момент, когда стихия немного унялась, я завел правую ногу за угол и, постаравшись врать в стены обеими руками, совершил поворот. Сразу два воздушных потока обрушились на меня с разных сторон, выбивая из равновесия. «Ну вот Кресснер и выиграл пари», — подумал я обреченно. Но мне удалось устоять, и я успел продвинуться еще на один шаг и вжаться в стену. Только после этого я выдохнул, чувствуя, как пересохло в горле.

Тут-то и раздался над самым моим ухом оглушительный хлопок.

Я сильно вздрогнул всем телом и еле-еле устоял на ногах, едва не оторвавшись от стены. Руки, потеряв опору и стараясь вернуть равновесие, описывали в воздухе невообразимые зигзаги. Задень я тогда одной из них по

стене — точно бы не устоял. Но вот прошла целая вечность и закон равновесия позволил мне все-таки снова прижаться к стене, вместо того, чтобы отправить меня в полет протяженностью в сорок три этажа.

Мое судорожное дыхание вырывалось из легких со сдавленным свистом. В ногах появилась предательская слабость, мышцы гудели, как высоковольтные провода. Никогда еще я не ощущал столь остро близость смерти. Я уже чувствовал спиной дыхание старухи с косой.

Я вывернул шею и увидел примерно в метре с небольшим над собой Кресснера, который высунулся из окна спальни. Улыбаясь, он держал в правой руке дымящуюся новогоднюю хлопушку.

— Проверка на устойчивость, — объяснил он.

Я не стал тратить силы на диалог. Да и не перекричать бы мне снова возникшее завывание ветра и бешеный стук собственного сердца. Я поспешил продвинуться на пять-шесть футов в сторону от окна — на случай, если ему вдруг придет в голову высунуться по пояс и дружески хлопнуть меня по плечу. Затем я остановился, закрыл глаза и подышал полной грудью, пока снова не пришел в норму.

Эта сторона здания была короче. Справа от меня возвышались самые высокие небоскребы города. Слева внизу темным пятном лежало озеро, по которому перемещались отдельные крошечные точки света. В ушах стоял вой и стоны ветра.

Встречный ветер на втором повороте оказался менее коварным и я обогнул угол без особых хлопот. И тут меня кто-то укусил.

Я дернулся и судорожно глотнул воздух. Страх потерять равновесие вынудил меня изо всех сил прижаться к стене. Снова кто-то укусил меня. Нет, не укусил... клюнул. Я опустил взгляд.

На карнизе стоял голубь и смотрел на меня блестящими ненавидящими глазами.

Мы, жители городов, привыкли к голубям, как привыкли к таксистам, которые не могут разменять вам десяти-

долларовую бумажку. Городские голуби тяжелы на подъем и уступают дорогу крайне неохотно, считая облюбованные ими тротуары своей собственностью. Их визитные карточки мы частенько обнаруживаем на капотах наших машин. Но что нам за дело! Да, порой они нас раздражают, но владения-то все равно наши, а они в них — чужаки.

Здесь были его владения, и я был почти беспомощен, а он, похоже, это понимал. Он опять клюнул меня в перетруженную лодыжку, и всю правую ногу тотчас пронзила боль.

— Убирайся! — прорычал я. — Убирайся отсюда!

В ответ он только снова клюнул меня, теперь уже сильнее. Он, очевидно, давал мне понять, что я вторгся на его территорию. И действительно, карниз в этом месте был покрыт птичьим пометом — старым и свежим.

Вдруг я услышал над головой тихий писк.

Я как мог задрал голову и в ту же секунду чуть не отпрянул от клюва, метившего мне прямо в лицо. Это была голубка, защищавшая своих птенцов. Слава Богу, мне повезло — гнездо находилось под самой крышей, и она не могла дотянуться до моей головы, не оставив своих детенышей, иначе я мог бы стать первым, наверное, жителем этого города, погибшим по вине безобидной, казалось бы, голубки.

Зато ее супруг клюнул меня так, что пошла кровь. Я почувствовал это совершенно отчетливо. Я двинулся вперед в надежде спугнуть голубя. Бесплезно. Эти голуби не боятся ничего — городские уж во всяком случае точно. Если они с лентой ковыляют прочь при виде грузовика, то какую угрозу может представлять для них человек, беспомощно вжавшийся в стену на карнизе небоскреба в ста с лишним метрах от земли?

Я все же медленно перемещался вперед, голубь столь же настойчиво пяtilся и совершенно не собирался оставить меня в покое. Он пристально глядел мне в лицо своими блестящими глазками и опускал их только для того, чтобы вонзить в мою лодыжку свой острый клюв. Боль становилась все нестерпимее и нестерпимее — птица

клевала теперь живое мясо и... ела его, отщипывая с каждым разом по маленькому кусочку.

Я вяло отпихнул его правой, терзаемой им ногой. Рассчитывать на большее не приходилось. Голубь встре-пенулся и снова перешел в атаку, я же — чуть не сорвался вниз.

Еще один удар клювом, еще, еще... Новый порыв холодного ветра заставил меня балансировать на грани падения: я цеплялся подушечками пальцев за каменную стену, я обнимал ее, я прижимался к ней щекой. Дыхание было тяжелым и сбивчивым.

Думай Кресснер хоть десять лет — вряд ли он придумал бы пытку страшнее этой. Ну, клюнули тебя разок — не велика беда, ну еще пару раз — тоже терпимо. Но эта чертова птица клюнула меня, наверное, раз шестьдесят, прежде чем я добрался до чугунной решетки с противоположной стороны здания.

Добраться до нее было все равно, что до райских врат. Мои пальцы любовно обвились вокруг холодных концов ограждения и ничто, казалось, не заставит их оторваться от них.

Удар клювом.

Голубь безмозгло таращился на меня с некоторым даже самодовольством. Он был уверен в моей беспомощности и собственной безнаказанности. Так смотрел Кресснер, выставляя меня на балкон с противоположной стороны здания.

Вцепившись понадежнее в чугунное ограждение, я изловчился и что было силы наподдал голубю ногой. Вот уж бальзам на раны — он заклохотал, точно курица, и с шумом поднялся в воздух. Несколько сизых перьев опустились на карниз, другие плавными кругами пошли на снижение, постепенно исчезая из вида.

Я перелез, едва живой, через ограждение и рухнул на балкон. Несмотря на холод я обливался потом. Не знаю, как долго я пролежал, собираясь с силами, — световое табло на здании банка осталось по ту сторону, а часов на мне не было.

Боясь, как бы не свело мышцы на пострадавшей ноге, я сел и осторожно приспустил носок. Искромсанная правая лодыжка кровоточила. А впрочем ничего серьезного. Как бы то ни было, при первой же возможности (если таковая представится) рану надо будет обработать. Эти голуби могут быть разносчиками любой заразы. Я подумал, не перевязать ли мне ногу прямо сейчас, но решил пока отложить эту затею. Еще, не дай Бог, наступлю на распутившуюся повязку. Успею еще. Скоро я смогу купить бинтов на двадцать тысяч долларов.

Я поднялся и с тоской посмотрел на темные окна роскошной квартиры по эту сторону здания. Голо, пусто, безжизненно. На балконной двери — плотный ветрозащитный экран. Наверно, я мог бы влезть в эту квартиру, но это значило бы проиграть пари. А ставка была больше, чем деньги.

Хватит оттягивать неизбежное — я перелез через перила и ступил на карниз. Голубь, не досчитавшийся нескольких перьев, смерил меня убийственным взглядом. Он стоял теперь под гнездом своей подруги — там, где карниз был украшен пометом особенно щедро. «Вряд-ли он станет досаждать мне теперь, — подумал я, — тем более видя, что я удаляюсь».

Удаляюсь — слишком сильно сказано. Оторваться от этого балкона оказалось потруднее, чем от балкона Креснера. Разумом я понимал, что никуда не денешься, что я должен это сделать, но тело и особенно ступни криком кричали, что покидать такую надежную гавань — безумие. И все же я ее покинул — я шел на зов Марсии, взывавший ко мне из темноты.

Я добрался до следующего угла, обогнул его и медленно, не отрывая подошв от карниза, двинулся вдоль короткой стены. Сейчас, когда цель была уже так близка, я испытывал почти неуправляемое желание ускорить шаг и побыстрее покончить с этим. Но это было бы равносильно самоубийству, и я заставил себя не торопиться.

Встречный ветер на четвертом повороте едва не опрокинул меня, и если я все-таки сумел обогнуть угол, то,

скорее за счет везения, нежели за счет сноровки. Прижавшись к стене, я перевел дух. И вдруг я понял: я сделаю это, я выиграю пари. Руки превратились в свежемороженые обрубки, лодыжки (особенно правая, истерзанная голубем) горели огнем, пот застилал глаза, но я понял — я сделаю это. Вот он, теплый желтый свет, льющийся из квартиры Кресснера, до него уже меньше половины длины стены. Вдали, подобно транспаранту «С ВОЗВРАЩЕНИЕМ В РОДНЫЕ КРАЯ!», горело табло на здании банка: 10:48. А казалось, я прожил целую жизнь на этом карнизе шириной в двенадцать с половиной сантиметров.

И пусть только Кресснер попробует сжальничать. Желание дойти побыстрее пропало. Я даже позволил себе помедлить. На банковских часах было 11:09, когда моя правая, а затем и левая рука легли на чугунные перила балкона. Я подтянулся, перевалился через ограждение, с невыразимым облегчением рухнув на пол... и ощутил виском стальной холодок дула пистолета.

Я поднял глаза и увидел над собой головореза с такой рожей, что будь на моем месте часы Биг Бена — они остановились бы как вкопанные. Он ухмылялся.

— Отлично! — послышался изнутри голос Кресснера. — Я аплодирую вам, мистер Норрис, — и он вальяжно захлопал в ладоши. — Давайте его сюда, Тони.

Тони поднял меня рывком и так резко поставил на ослабевшие ноги, что они подогнулись. Я успел привалиться к косяку балконной двери.

Кресснер стоял у камина и потягивал бренди из бокала величиной с небольшой аквариум. Пачки банкнот были уложены обратно в сумку, по-прежнему стоящую посреди рыжего с подпалинами ковра.

Я поймал свое отражение в зеркале напротив. Волосы всклочены, лицо бледное, щеки горят, глаза как у безумца.

Все это я увидел лишь мельком, потому что в следующую секунду я уже летел через всю комнату. Я упал, опрокинув на себя шезлонг и чувствуя, что теряю сознание.

Когда голова моя немного прояснилась, я приподнялся и выдал из себя:

— Грязное жулье. Вы все рассчитали заранее.

— Конечно рассчитал, — ответил Кресснер и аккуратно поставил бокал с бренди на камин. — Но я не жульничаю, мистер Норрис. На самом деле не жульничаю. Тони здесь только для того, чтобы вы не выкинули чего-нибудь... этакое. — С отвратительным самодовольным смешком он слегка надавил себе пальцами на кадык. — Да и к тому же я просто совершенно не привык падать лапками кверху.

И действительно, с одного взгляда на этого мерзавца сразу ясно — уж он то привык падать только на лапки. Вылитый кот, не успевший снять с морды перья канарейки. Мне стало страшно — страшнее, чем на карнизе, и я заставил себя подняться на ноги.

— Вы что-то подстроили, — еле выговорил я, с трудом подбирая слова. — Вы что-то такое подстроили.

— Вовсе нет. Машина ваша очищена от героина. Сама машина снова перегнана на нашу стоянку. Вот деньги. Берите их — и вы свободны.

— Очень хорошо, — сказал я.

Тони стоял у стеклянной балконной двери. Его зверская физиономия вызывала ассоциацию с жутковатыми масками из тыкв, остающимися от Дня всех святых. В руке он держал пистолет 45-го калибра. Я подошел к сумке, поднял ее и нетвердыми шагами направился к выходу, в любую секунду ожидая выстрела в спину. Но когда я открыл дверь, я вдруг понял, как тогда на карнизе после четвертого поворота: я сделаю это.

Лениво-насмешливый голос Кресснера остановил меня на пороге:

— Уж не думаете ли вы всерьез, что кто-то мог клонуть на тот дешевый трюк с туалетом?

Я так и застыл с сумкой в руке, потом медленно повернулся:

— Что это значит?

— Я сказал вам, что никогда не жульничаю, и это правда. Вы, мистер Норрис, выиграли три вещи: деньги, свободу и мою жену. Первые две вы получили. За третьей можете заехать в окружной морг.

Я вытаращился на него и оцепенел, не в силах вымолвить ни слова, как будто меня чем-то оглушили.

— Не думали же вы всерьез, что я так вот возьму и отдам ее вам? — спросил он сочувственно. — Конечно, нет. Как это вообще в голову вам могло прийти? Деньги — да. Свободу — да. Марсию — нет. Но, как видите, никакого жульничества. Когда вы ее похороните...

Нет, я не тронул его. Пока. Это было впереди. Я шел прямо на Тони, взиравшего на меня с легким удивлением, и тут Кресснер сказал скучающим голосом:

— Можешь его застрелить.

Я швырнул сумку с деньгами. Удар получился сильным и пришелся точно в руку, державшую пистолет. Я ведь, когда двигался по карнизу, не напрягал руки и кисти, а они у теннисистов развиты отменно. Пуля угодила в ковер и на какой-то миг я оказался хозяином положения.

Самым выразительным в облике Тони была его страхолюдная рожа. Я вырвал у него пистолет и хрястнул рукоятью по переносице. Он осел — прямо как нокаутированный Рондо Хэттон.

Кресснер был уже почти в дверях, когда я выстрелил поверх его плеча.

— Стоять или я уложу вас на месте!

Долго раздумывать он не стал, а когда обернулся, улыбочка пресыщенного туриста успела несколько поблекнуть. Еще больше она поблекла, когда он увидел Тони — распростертого на полу и захлебывающегося собственной кровью.

— Она жива, — поспешно сказал Кресснер. — Это я так, просто пошутил, чтобы немного потешить собственное самолюбие, — добавил он с жалкой заискивающей улыбкой.

— Совсем уже меня за недоумка держите? — выжал я из себя. Голос стал каким-то бесцветным, мертвым. Да и каким же еще должен был он у меня быть? Марсия была моей жизнью, а этот выродок разделался с ней как какой-нибудь мясник разделяется с куском мяса.

Кресснер указал дрожащим пальцем на рассыпавшиеся в ногах Тони пачки банкнот.

— Это, — бормотал он, — это не деньги. Я дам вам сто... нет, пятьсот тысяч. Может, миллион, а? Миллион долларов в швейцарском банке? Или, если хотите...

— Предлагаю вам спор, — медленно произнес я.

Он перевел взгляд с пистолета на мое лицо.

— С-с-с...

— Да-да, спор, — повторил я. — Именно спор, а не пари. Самый что ни на есть обычный спор. Готов поспорить, что вы не обогнете это здание по карнизу.

Он побелел как полотно. Сейчас, подумал я, хлопнется в обморок.

— Вы... — прошептал он.

— Вот мои условия, — сказал я все тем же мертвенным голосом. — Сумеете пройти — вы свободны. Ну как?

— Нет... — просипел он. Глаза у него округлились от ужаса.

— О кей, — я наставил на него пистолет.

— Нет! — воскликнул он, умоляюще простирая руки. — Нет! Не надо! Я... хорошо, — облизнул он губы.

Я сделал ему знак пистолетом, и он направился впереди меня к балкону.

— Вы дрожите, — сказал я. — Это мешает вам.

— Два миллиона, — казалось, он так и будет теперь сипеть. — Два миллиона чистыми.

— Нет, — сказал я. — Ни два, ни десять. Но если сумеете пройти, я вас отпущу. Можете не сомневаться.

Спустя минуту он стоял на карнизе. Он был ниже меня ростом и из-за обреза балконного пола выглядели его широко распахнутые глаза, в которых были страх и мольба, да еще побелевшие пальцы, вцепившиеся в балконную решетку, точно в тюремную.

— Ради Бога, — просипел он. — Все, что угодно.

— Вы теряете время, — сказал я. — Лодыжки быстро устают.

Но он так и не двинулся с места, пока я не приставил к его лбу дуло пистолета. Он застонал и начал медленно перемещаться вправо. Я взглянул на банковские часы — они показывали 11:29.

Не верилось, что он сможет дойти хотя бы до первого поворота. Он все больше стоял без движения, а если двигался, то как-то дергано, с раскачкой. Полы его халата трепало ветром.

В 12:01, почти сорок минут назад, он завернул за угол. Там его подстерегал встречный ветер. Я напряг слух, ожидая услышать постепенно удаляющийся крик, но так и не услышал. Может, ветер стих. Я вспомнил, как, идя по карнизу, я подумал о том, что ветер находился с ним в сговоре. А может, ему просто повезло. Может, он лежит сейчас на противоположном балконе, его колотит крупной дрожью и он не может найти в себе сил чтобы двинуться дальше.

Хотя вообще-то он должен, наверное, понимать, что стоит мне проникнуть в соседнюю квартиру и застукать его на балконе — я пристрелю его как собаку. Кстати, о той стороне здания — интересно, как ему понравился тот голубь?

Не крик ли там слышался? Не понял. Это мог быть и ветер. Неважно. Банковские часы показывали 12:44. Подожду еще немного и надо будет проникнуть в соседнюю квартиру проверить балкон, а пока я сижу здесь, на балконе Кресснера и держу в руке пистолет Тони 45-го калибра. Вдруг произойдет невероятное и Кресснер появится из-за последнего поворота в своем развевающемся халате.

Он сказал, что никогда не жульничает.

Но он обманул меня...

С о д е р ж а н и е

Способный ученик	7
Сезон дождей	91
Люди десятого часа	117
Крауч-энд	177
Дом на Мейпл-стрит	211
Мой хорошенький пони	251
Роды на дому	281
Пятая четверть	313
Дом, который растет на вас	333
Извините, ошиблись номером	353
Карниз	377

Литературно-художественное издание

Стивен Кинг

СПОСОБНЫЙ УЧЕНИК

Выпуск 28

Сдано в набор 13.02.95. Подписано в печать 14.04.95 г.
Формат 60×88 1/16. Гарнитура Таймс. Бумага книжно-журнальная.
Объем 25 п.л. Печать офсетная. Тираж 10 000 экз.

Издательство Сигма, Львов, а/я 25

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Львовской книжной фабрике "АТЛАС"
290005, г. Львов, ул. Зеленая, 20

СТИВЕН КИНГ

В этом выпуске Стивен Кинг
предстает как мастер короткого рассказа.
В сборнике представлен весь спектр
произведений Стивена Кинга в этом
жанре: от новелл в стиле horror
до реалистических и даже
фантастических рассказов.